

А. О. ЗАСЛАВСКИЙ и В. А. КАНТОРОВИЧ
ХРОНИКА
ФЕВРАЛЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
ТОМ
I
ИЗД-ВО „БЫЛОЕ"
ПЕТРОГРАД
1924

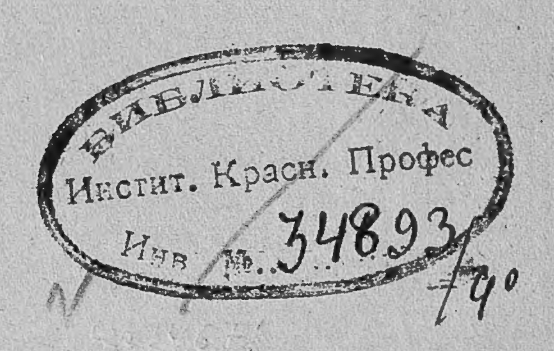
Д. О. Заславский и Вл. А. Канторович.

ХРОНИКА ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

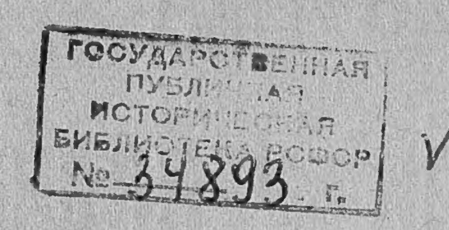
Том первый

1917 г.

Февраль — Май

Издательство «БЫЛОЕ»
ПЕТРОГРАД
1924

Государственная
учебно-практическая
школа-типография
имени тов. Алексеева
Красная, 1.

Петрооблит № 3872. Напечатано 4000 экз.

Предисловие.

Февральская революция 1917 года была крупнейшим событием в истории России. Она довершила дело, начатое несколько десятилетий тому назад, к которому постепенно подготовлялось русское общество. Начало ее следует искать в движениях российской интеллигенции, стремившейся к объединению с народом, в деятельности народовольцев и землевольцев, которые шли в народ и стремились пробудить в нем сознание необходимости борьбы.

Эти разрозненные движения и стремления, не имевшие прочных корней в толще народной жизни, были только в конце 1890-х или в начале 1900-х годов подхвачены массами рабочих, которые и начали борьбу на почве своих экономических нужд и требований. С другой стороны, в движение всё в более широких размерах втягивались крестьянские массы, для которых каждый год жизни приносил всё новые тяготы, и жизнь которых становилась всё сложнее и труднее. Под мертвящим покровом царского правительства увеличивалось крестьянское безземелье, при чем крестьянство в этот период времени не находило себе выхода, и положение масс не облегчалось реформами или возможностью приобрести от помещиков известное количество земли.

Накануне 1905 года движение крестьян уже было очень сильным, при чем оно носило по преимуществу стихийные формы и имело в виду дать землю крестьянству.

Революция 1905 года в начале была сильна тем, что до известного периода времени правительству не удавалось нарушить контакта между рабочими и крестьянами, как не удавалось выдвинуть такой силы, которая обычно разбивала все предшествующие революции. До поры до времени правительству не удавалось привлечь на свою сторону крестьянство и благодаря этому в его распоряжении не было возможности подавить эту революцию. Глухое брожение, которое существовало в деревне, передавалось в войска, в результате чего они не могли быть достаточно сильной опорой правительства. Правительство понимало, что можно положиться только на некоторые, умело подобранные и обработанные воинские части, которые являлись вполне надежными, но их было слишком мало.

С течением революции правительству, однако, удалось добиться того, что крестьянство в своей массе стало возлагать надежды на будущую Государственную Думу, которая должна была дать землю путем мирных перего-

воров с правительством и помещиками. Эта иллюзия вызвала отказ крестьянства от активной борьбы с правительством. Крестьянская, по преимуществу, армия присоединилась к правительству, в результате чего революция 1905 года оказалась подавленной.

После этого наступила глухая ночь правительственной реакции, при которой правительство старалось взять обратно всё то, что оно должно было уступить во время революционных дней. Ликвидация первой и второй Государственной Думы и изменение избирательного закона — всё это было логическим последствием примирения части крестьянства с правительством и его отхода от совместной борьбы с рабочими.

Правительство попыталось частично удовлетворить основные требования крестьянства, предоставляя ему часть земли путем выкупа через дворянский и крестьянский банки. Однако, пресловутая реформа Столыпина — выделение крестьян-кулаков на хутора и отруба, не могла удовлетворить основных требований крестьянской массы. Она могла лишь временно отсрочить движение, пока крестьянство разбиралось в деталях этой реформы, пока оно при помощи столыпинских приемов пыталось разрешить основной и главный вопрос своего быта путем увеличения и урегулирования своего землепользования и устройства своей жизни на новых началах. Вся эта столыпинская реформа была построена на попытке обмануть крестьянство, и тем самым обмануть целый класс общества. Между тем класса обмануть нельзя, и он всегда найдет путь к удовлетворению основных своих нужд. Уже накануне мировой империалистической войны начал восстанавливаться известный контакт между революционным движением рабочих и требованиями крестьянских масс.

Приблизительно до 1912 года, давал себя чувствовать общий упадок революционного движения, общая реакция и усталость от чрезвычайно сильных ударов, нанесенных рабочему движению в 1907 — 1908 и последующих годах. Уже в 1912 году массы просыпаются для новой революционной борьбы и делают попытку стряхнуть с себя апатию, навеянную разгромом революции. 1912 — 1913 года были временем массовых рабочих забастовок, которые шли под лозунгами экономической борьбы, в силу специфических условий России, чрезвычайно быстро превращавшихся в борьбу политическую. Достаточно было рабочему классу проснуться, чтобы он вспомнил сейчас о всех тех орудиях и средствах борьбы, которые были в его распоряжении в славные дни 1905 года. В 1912 — 1913 году мы уже были свидетелями того, как снова возродились чисто политические выступления, охватывавшие сотни тысяч рабочих, и массовые политические демонстрации, которые проходили под старыми лозунгами борьбы с самодержавием. В памятные июньские дни 1914 года установилась уже преемственная связь массовых рабочих забастовок и демонстраций с событиями 1905 года.

Однако, все эти революционные события, которые назревали с чрезвычайной быстротой и приближение которых становилось всё более ясным для всех тогдашних деятелей, были смяты начавшейся войной.

Война имела двоякого рода последствия: с одной стороны она уничтожила революционные рабочие организации, существовавшие в это время;

а с другой стороны породила оборончество, даже среди части русских рабочих, не говоря уже о народнической, а частично также и социал-демократической интеллигенции, где оно стало почти общим поветрием. Это обстоятельство наложило яркий отпечаток на все последующие события. Известная часть рабочих шла за меньшевиками и народниками, которые к тому же сохранили часть своих центров, вокруг которых могли группироваться и через которые могли сноситься с зарубежными своими вождями. Между тем как революционное крыло соц.-демократии было этого лишено. Дело в том, что в ноябре месяце 1914 года была арестована большевистская конференция, на которой присутствовали представители рабочих в Государственной Думе („пятерка" и тов. Каменев), вследствие чего была на время порвана живая связь между заграничным центральным комитетом большевистской организации и рабочими России.

Кроме этого, вся легальная печать буржуазного типа, выходившая в это время, на все лады толковала о необходимости защищать отечество, о великих завоевательных и освободительных задачах российской армии и т. д. Если даже и появлялась какая-либо меньшевистско-эсеровская газета легального типа, то и она в качестве первого условия выдвигала борьбу с немцами и необходимость победы. Таким образом, всё освещение событий, имевших место во время войны, носило чрезвычайно односторонний характер. В России только социал-патриотизм имел возможность проявляться легально. Революционные идеалы распространились только путем подпольной нелегальной прессы, листков и брошюр, которые и не могли иметь особенно широкого распространения.

В то же время все удары правительственной реакции были направлены в первую очередь на „пораженцев"-большевиков, которых обвиняли в сношениях с немецким штабом, в шпионстве и во всяких других преступлениях, и которых старательно излавливали все правительственные органы.

Совершенно понятно, что в таких условиях революционные лозунги борьбы против войны и превращения ее из империалистической бойни в гражданскую борьбу не могли получить особенно широкого распространения среди рабочих, а иногда даже были чужды рабочей массе, которая в значительной части, особенно в 1914 и 1915 году, была заражена патриотизмом и шовинизмом. Однако, в известный период времени правительство получило предостережение. Этим предостережением были выборы в военно-промышленные комитеты, вокруг которых произошла схватка между двумя течениями социалистической мысли. Большевики против всех остальных социалистов отстаивали мысль о необходимости бойкота комитетов, между тем как все остальные социалистические партии — эс-эры, меньшевики, народники и пр. — считали необходимым принять участие в работе комитетов. В конечном итоге, при мобилизации всех сил правительства, патриотической прессы, меньшевиков и эс-эров, победа оказалась на стороне социал-патриотов, и рабочие были вовлечены на путь социал-шовинизма. Борьба вокруг военно-промышленных комитетов была чрезвычайно показательной, свидетельствуя о том, что в значительной части рабочих лозунги патриотизма и социал-шовинизма оказались изжитыми.

Это предостережение правительственные органы использовали для нового разгрома большевистских организаций, в результате чего большинство революционно-настроенных рабочих было изъято с фабрик и заводов, брошено в окопы, где оно погибло или затонуло в серой крестьянской массе, или же было сослано в отдаленные местности Сибири. Следствием этого было несомненное ослабление революционных организаций, стоявших на точке зрения большевизма и активной борьбы с войной, и относительное усиление социал-патриотических организаций.

Несмотря, однако, на эти обстоятельства, как будто бы благоприятствовавшие правительству, шла внутренняя работа объективных факторов, которые усиливали недовольство и брожение и шаг за шагом подготовляли почву для революции. Часть рабочих понимала, что революция необходима для того, чтобы положить конец империалистической бойне, но до известного времени это было меньшинство, а большинство населения смотрело на революцию, как на возможность довести войну до победного конца. Официальное представительство меньшевиков и народников в Государственной Думе стояло на той же точке зрения, совпадавшей и с точкой зрения российского либерализма. Критика этих элементов сводилась к тому, что самодержавное правительство не может справиться с теми задачами, какие история поставила перед ним, и не может довести войны до победного конца. Его обвиняли только в неосторожности и в том, что оно дало себя втянуть в войну, не будучи к ней подготовленным. Более сильные мотивы не пускались в ход, так как никому из социал-патриотических представителей не приходило в голову обвинять правительство в том, что оно вызвало и вело империалистическую войну.

Жизнь, однако, шла, минуя этих официальных вождей, и постепенно создавалось настроение среди рабочих и армии, в корне враждебное войне и стремившееся положить ей конец. Объективные факторы усиливали это движение. Город и деревня нищали, голод усиливался с каждым днем, деревня разорялась благодаря тому, что самые молодые и крепкие производственные ее силы были вырываемы из деревни в течение нескольких лет.

В такой обстановке и произошла февральская революция 1917 года. Различные элементы и слои населения вносили в нее различное содержание. В то время как наиболее сознательные рабочие и солдаты рассматривали революцию, как возможность положить конец империалистической войне и как возможность вырваться из ада бойни,— в это самое время либералы, а частично также и оборонцы, смотрели на революцию, как на средство успешно продолжать войну.

„Хроника февральской революции“, написанная двумя видными представителями меньшевизма — гражд. Канторовичем и Заславским, далеко не в полной степени учитывает эти основные факторы. Авторы не дают анализа движущих сил революции, а ограничиваются только перечнем событий, которые развертывались в бурные февральские — апрельские дни 1917 года. Отсутствие этого анализа извращает и в известной степени перспективы этих дней. Упуская из виду этот анализ, „Хроника февральской революции“ является только сводкой событий и фактов, которые происходили в это время

и которые в значительной степени могли уже стереться в памяти современников революции, не говоря уже о будущих поколениях.

Пусть бы даже анализ авторов и грешил известной односторонностью, тем не менее он всё же дал бы ключ к пониманию событий, которые приводятся в „Хронике“. Между тем мы не находим анализа позиций той или другой группы по отношению к войне и к тем вопросам, которые выдвигались благодаря войне.

Война поставила перед массами и перед руководителями политики целый ряд чрезвычайно важных вопросов, на которые необходимо было дать ответ. В первую очередь это был вопрос о продолжении войны, необходимости, а в то же время и невозможности до известного периода выбраться из цепких ее объятий. Для неискушенных в политике солдат и рабочих получалась чрезвычайно трудная задача. Революция проходила под лозунгами прекращения войны, а между тем на другой же день после ее встал вопрос о необходимости сохранить и отстоять завоевания революции от немецкого империализма. На этой почве рождается „революционное оборончество“, на почве которого и стояли представители большинства в Исполнительном Комитете.

Идеи революционного оборончества они постепенно сумели привить массам, особенно солдатам. Представители фронта на многочисленных съездах и собраниях подчеркивали необходимость продолжения войны до победного конца в согласии с Антантой, чем они лили воду на мельницы Милюкова и других идеологов российского империализма. Между тем, уже тогда существовал второй подход к этому вопросу — подход революционных большевиков, которые постепенно формулировали свои планы и предположения, как выйти из империалистической войны и каким образом нанести ей смертельные удары. Правда, в начале революции далеко не все вожди большевиков были в революционных рядах; многие в то время, когда складывалась идеология „революционного оборончества“, не вернулись еще из ссылки или из эмиграции, многие не выкристаллизовали еще своих революционных взглядов, но тем не менее идеалы революционного большевизма постепенно складывались. Программа действий прежде всего должна была отвечать запросам рабочих и крестьян. Надо было преодолеть инерцию взглядов, провести сложную и трудную работу среди рабочих и крестьян для того, чтобы изжить дурман патриотической фразы.

Это был длительный процесс отвоевания большинства в Исполнительном Комитете, Совете, среди солдатских масс, которые необходимо было привлечь на свою сторону. Последнее было особенно трудным, так как интеллигенция и работники, выдвинувшиеся в войсках, по преимуществу были настроены ультра-патриотически; они то и окрасили в известные цвета деятельность солдатских комитетов первого периода российской революции. Это работа по революционизированию рабочих и крестьянских масс и по преодолению патриотическоро дурмана находит чрезвычайно мало места в „Хронике февральской революции“. Авторы ее придают гораздо больше значения выступления Милюкова деятельности Некрасова или Шингарева в том или другом министерстве, чем вопросу о том, как, какими средствами и какими

путями большевистская и революционная идеология проникала в массы. Между тем, с точки зрения судеб российской революции, гораздо более важным является выяснение этого вопроса, чем самые детальные разъяснения позиции кого-либо из лидеров кадетской партии.

В этом отношении авторы платят дань идеологии меньшевистской партии. Не даром же всегда меньшевики приписывали особенно крупное значение позиции либеральной буржуазии, считая ее одной из движущих сил революции. В силу этого, когда революция, действительно, произошла, было обращено специальное внимание так называемой революционной демократии на позицию кадетов, Гучкова и других, при чем мечтали о том, чтобы подтолкнуть их влево. Следуя традициям своей партии, авторы „Хроники“ стараются особенно детально выяснить позицию Временного Правительства и либеральных кругов, оставляя в тени такие важные проблемы, как настроение крестьянства, изменение во взглядах рабочих и солдат.

Одним из чрезвычайно важных вопросов, который подчеркнут в „Хронике“ с надлежащей выпуклостью, является вопрос о попытке внести раскол в ряды рабочих и крестьян, посеять между ними рознь и противопоставить их друг другу. Это была знаменитая попытка натравить солдат против рабочих указанием на то, что в то время, как солдаты несут сплошную службу и ведут постоянную борьбу, рабочие стремятся отвоевать улучшение своего материального быта, сокращение рабочего дня до 8 часов и т. д. Возможно, что это был один из наиболее опасных моментов февральской революции, когда пытались двинуть крестьянскую массу против рабочих, раздавить рабочее движение в столице и тем самым вытравить из революции все элементы социального характера, поскольку они стали намечаться. Если бы удалось осуществить этот замысел, то тогда революция ограничилась бы только тем, что от власти были бы отброшены реакционные элементы, и у кормила правительства встала бы буржуазия, как это и имело место непосредственно после февральских дней. Однако, эта попытка не удалась, и таким образом была предотвращена крупнейшая опасность, которая угрожала рабочим и революции.

Даже события эти затушевываются перечнем и описанием важнейших происшествий тогдашнего времени. Возможно, что это имеет свое основание. *Авторы задавались целью не столько дать анализ революционных сил и отношений, сколько перечень и описание отдельных событий.*

Правда, это описание выиграло бы во многом, если бы дать разбор их и выяснить их значение для будущих революционных отношений. Между тем, при подходе авторов к этому вопросу, более важные события, имеющие исключительное значение для грядущей революции и для ее развития, тонут среди мелких фактов, имеющих сравнительно небольшое значение, вроде, напр., торжественной встречи Брешко-Брешковской и проч.

Таковы важнейшие недостатки, которые можно отметить в „Хронике февральской революции“. Они имеют принципиальное значение и продиктованы отчасти идеологией авторов. Параллельно с этим имеется целый ряд мелких дефектов, которые являются как бы их дополнением и развитием. Так, напр., в первой же главе имеется указание на то, что перед

февральской революцией ее никто не ожидал, что речи Скобелева и Керенского, грозивших революцией, были лишь академическими угрозами, так как всех захлестывало чувство апатии. Это утверждение неверно, так как и объективные предпосылки давали себя чувствовать всё с бóльшей силой, а с другой стороны настроение рабочих масс было всё более твердым и решительным. Люди, смотревшие более трезво на события, должны были ожидать того, что даже самый ничтожный повод может привести к тому, что они выльются в известный момент в массовое революционное движение; это должны были понимать в равной степени представители думской оппозиции, которые не могли предаваться накануне революции особенно серьезной апатии.

С другой стороны, и самое изображение событий, хотя бы первого соприкосновения между армией и революционным народом, тоже не совсем верно. Уже тогда давало себя чувствовать определенное сочувствие со стороны казаков и солдат к революционной улице, между тем как авторы говорят о „неопределенном" сочувствии. Точно также и факт митингов на улицах не являлся особенно подозрительным, так как чувствовалось, что это вырывается революционная стихия, с которой старое правительство уже не может справиться. Отчасти также не верно утверждение о том, что революция до известного момента не могла найти своего центра, вокруг которого могла бы сорганизоваться. Этот центр начал создаваться в виде Совета Рабочих Депутатов, для которого путь был, в известном смысле, проложен событиями и традициями 1905 года, когда существовал революционный Совет Депутатов, как центр движения. Этот центр создался и в февральские дни 1917 года, при чем это обстоятельство великолепно учла цензовая буржуазия из Государственной Думы, постаравшаяся, по возможности, скорее превратиться в организующий центр и, в известном смысле, противопоставить себя организовывающимся рабочим. Тем не менее, правы авторы, указывая на то, что цензовая часть Думы долго колебалась и опасалась грядущих последствий, так как она далеко еще не верила в возможность быстрой победы революции. В этот момент более правые элементы стушевались, и на место их выдвинулись кадеты, которые в правой части Таврического дворца стали чувствовать себя всё в бóльшей и бóльшей степени правительством.

Несмотря на эти дефекты, в „Хронике" можно найти массу интересного материала, который свидетельствует о тогдашнем настроении и о постепенном усилении революции. Не поднимаясь выше уровня своей партии, авторы всё же достаточно объективны для того, чтобы критиковать деятельность своей же собственной партии. Так, они говорят откровенно о том, что революция захватила „совершенно врасплох" представителей и политических деятелей социалистов, разумея в данном случае меньшевиков, которые и не могли повести по определенному революционному руслу массы. Они сознавали свое бессилие, раздробленность и сами боялись неорганизованного стихийного Совета Рабочих Депутатов, которым не владели.

В известном смысле, эта же боязнь характеризовала деятелей большинства Исполнительного Комитета не только в первые дни революции, но и в даль-

нейшем. Во всё время своей деятельности они также опасались рабочей и солдатской стихии, которой они никогда полностью и не владели. Такая неуверенность в войсках порождала заигрывание с ними со стороны верхов Исполнительного Комитета. Он поддавался часто гипнозу военных комитетов, которые, однако, очень быстро разошлись с настроениями солдатской массы и были как бы внешним придатком к ней.

Может быть, наиболее крупными являются ошибки авторов, допущенные по отношению к большевистской организации. Так, например, совершенно неправильно утверждение о том, что Малиновский был членом Ц. К. большевистской организации в момент его разоблачения. На деле он отошел совершенно от организации и партийной работы еще задолго до войны, в то время когда он совершенно неожиданно для всех сложил свои думские полномочия и бежал за границу. Его политическая карьера кончилась в этот момент. Не менее подозрительным лицом в рядах большевистской организации был Мирон Черномазов, который, однако, оказался отодвинутым от революционной работы еще в 1916 г., когда косвенные улики против него накопились уже в большом количестве. Газетные разоблачения, которые довершили дело выяснения шпионской роли отдельных работников подполья, не могли причинить такого существенного ущерба, каким было разоблачение в свое время Азефа. Дело в том, что эс-эры в своей деятельности обращали особое внимание на боевую организацию, которая должна была заменить всё, а большевистская организация ориентировалась, главным образом, на организацию масс, что, разумеется, преодолевало самую злостную деятельность провокаторов.

Подобных фактов, характеризующих известные промахи и ошибки авторов „Хроники февральской революции", можно было бы привести и больше. Они не дооценивают значения политической работы, которая проводилась шаг за шагом большевистской организацией, взрывающей основы власти Временного Правительства и разрушающей гипноз революционного оборончества и Исполнительного Комитета первого периода революции. Тем не менее, „Хроника февральской революции" имеет целый ряд достоинств, которых упускать из виду нельзя.

Мы можем ее рассматривать, как свидетельство друзей Временного Правительства и идеологов Исполнительного Комитета тогдашнего созыва. Они готовы оправдать многие шаги и поступки обеих этих организаций, а между тем, тщательно собирая факты и события тогдашнего времени, они составляют обвинительный акт и против Временного Правительства, и против Исполнительного Комитета. В данном случае подтверждается мысль о том, что факты вещь упрямая, и истолковать их тенденциозно и по своему не представляется возможным. В данном случае факты как раз говорят за то, что Временное Правительство старалось затянуть войну, причем кадетская и буржуазная часть его, иногда робко, а иногда и очень смело, старалась представить дело таким образом, что война должна оправдать завоевательные империалистические цели, которые ставила перед собою российская буржуазия. В то же самое время большинство Исполнительного Комитета в этом серьезном вопросе не умело наметить твердой и достаточно определенной линии пове-

дения, колебалось, занималось бесконечными прениями, и, в конечном итоге, всё в бо́льшей степени отрывалось от масс, взгляды которых складывались по другому. В то время как Временное Правительство задерживало разрешение наиболее важных вопросов, Исполнительный Комитет покрывал своим авторитетом эту деятельность Временного Правительства. Такие важные вопросы, как вопросы земли или социальные проблемы, разрешались совершенно стихийно.

„Хроника февральской революции“, давая перечень важнейших событий тогдашнего времени в период февральской революции до создания первого коалиционного правительства, является обвинительным актом и против Вр. Правительства, и против, так называемой, революционой демократии, которая не умела нащупать пульса жизни и давать ответ на те вопросы, которые волновали массы рабочих, крестьян и солдат. Отношения Временного Правительства к этим наиболее важным вопросам было совершенно понятно и логично, так как это правительство, вынесенное на гребне революции, являлось чисто буржуазным правительством. Естественно, оно другой позиции занять не могло. Исполнительный Комитет и его руководящее большинство неоднократно заявляли о своей верности социалистическим взглядам. Когда же пришло время осуществить эти взгляды на деле, они колебались и не предпринимали ни одного шага, какой мог бы быть учтен массами, как стремление Исполнительного Комитета, провести в жизнь заветные мечты и желания, которыми жили массы рабочих и крестьян.

„Хроника февральской революции“ дает яркую картину бессилия „революционной демократии“, которая каждым своим шагом и мероприятием отрывалась от пролетарских и крестьянских масс. С другой стороны, здесь же находим подтверждение того, что тактика большевистской организации к октябрю месяцу оказалась правильной. Организация прислушивалась к голосу масс, умела предвидеть события, оценить наиболее важное в требованиях этих масс, оформить их, и, таким образом, пришла к власти, создав до этого теснейший фронт рабочих и крестьян, так как именно это давало силы февральской революции; сюда были направлены первые удары контр-революции, стремившейся разъединить рабочих и крестьян.

Пусть в некоторых местах „Хроники“ авторы ее в слишком большой степени отдают дань идеологии своей партии, не дооценивают многих событий, а другим придают чрезмерное значение, но, несмотря на эти недостатки, всё же их работа является ценной и нужной.

Революция мчится с такой головокружительной быстротой, что события, имевшие место 2 — 3 года тому назад, уже в значительной степени забываются, а тем более события марта — апреля 1917 года. После них пришли великие бои российского пролетариата за его освобождение, началась гражданская война со всеми красочными и яркими ее эпизодами, которые заставляли забыть о событиях, имевших место во время и непосредственно после февральской революции. Авторы „Хроники“ заставляют вернуться к ним, критически снова оценить их. Они имеют значение не только историческое, но и актуальное, являясь оправданием той тактики, которой придерживается коммунистическая партия.

Дело будущего историка исправить, с материалом в руках, те ошибки, которые были сделаны авторами. Целый ряд книг, посвященных истории революции, речи виднейших вождей коммунистической партии частично восполняют уже этот недостаток, давая анализ действующих сил революции. Авторы поставили перед собой задачу—дать только перечень важнейших событий, и с этой задачей они справились с такой долей объективности, какая оказывается возможной для современиков бурно мчащейся революции.

Во всяком случае в „Хронике“ гораздо больше объективности, чем хотя бы в записках Суханова, „истории“ Милюкова, Краснова и др., пытавшихся дать оценку событиям начала российской революции.

Это обстоятельство позволяет утверждать, что „Хроника февральской революции“ даст богатый материал, необходимый как для будущих историков, так и для современных деятелей. И те и другие найдут в ней достаточно богатый и хорошо систематизированный фактический материал, характеризующий первые шаги революции, закончившей целую эпоху в жизни России.

Р. Арский.

Предисловие авторов.

Всё то, что написано до сих пор о февральской революции, представляет собой публицистический или мемуарный материал. Активные участники революции, ее герои и неудачники, спешат оправдать себя в глазах будущего историка и представить свои показания, которые далеко не все правдивы и беспристрастны. В изложении таких „свидетелей“ факты переплетаются с оценкой, а иногда просто без следа ускользают. Живая нить событий прерывается самозащитой или обвинением противника. Кто читал „Историю второй русской революции“ Милюкова или „Очерки русской смуты“ Деникина, тот поймет, как мало истории и как много апологии в такого рода исторических работах.

А между тем ощущается необходимость дать последовательный и строго проверенный рассказ о главных событиях февральской революции. Историческая перспектива уже извращается, время стирает грани отдельных периодов; забываются факты, выцветают характеристики действующих лиц и быстро укореняются измышления и легенды. Необходимо еще по свежим следам запечатлеть минувшую эпоху. Подрастает новое поколение, знающее только по наслышке о февральском периоде революции.

Предлагаемая читателям работа представляет собой попытку дать фактический остов будущей истории. Авторы остановились на февральской революции, как этапе, до известной степени законченном; он кристаллизовался и потому поддается объективному описанию.

С самого начала мы поставили себе ряд ограничений. Хотя это неизбежно должно было повлечь за собой несовершенства работы и уменьшить ее значение, но авторы отдавали себе отчет и в скромности средств, и своих способностей, и сознательно сузили пределы исследования. Прежде всего книга основана на тех исторических материалах, какие могли быть в нашем распоряжении на пятом году революции и в нынешних условиях литературной работы. Эти материалы далеко не полны; архивы революционных учреждений либо не сохранились, либо не разобраны. О многих событиях дошли лишь обрывки сведений, и для восстановления общей картины приходилось уже производить мозаичную работу. Главные участники еще не поделились своими воспоминаниями и показаниями о важнейших моментах. Многое остается непонятным и неясным, хотя и включено авторами, как звенья в общую цепь. Основным источником служила периодическая печать, сведения которой корректировались путем сопоставления разных органов и появившейся уже мемуарной литературы (Милюков, Родзянко, Суханов, Деникин, Набоков

В. Д., Набоков К. Д., Перец, Лукомский, Мстиславский, Краснов, Станкевич, Шляпников, Ломоносов, Шкловский и др.). Многообразие явлений революционной эпохи, необъятный материал, успевший уже накопиться, побудили авторов ограничиться изложением главных событий, опуская детали и отдельные эпизоды. Кроме того, всё внимание было устремлено на описание политического процесса. Отсутствует социальный и экономический анализ движущих сил революции, который вывел бы авторов за пределы поставленной работы и видоизменил бы самый характер ее. Рассказ о годах, предшествовавших революции, и в особенности о годах войны, безмерно усложнил бы нашу задачу, ограниченную местом и временем. Поэтому, изложение начинается прямо с „февральских дней“. По тем же причинам в самых общих чертах затронуты крестьянское и рабочее движение и национальный вопрос.

Размеры нашей работы и состояние материалов не позволили включить в нее изложение революционных событий по всей России. Мы вынуждены были ограничиться Петроградом и, отчасти, Москвой. Для характеристики политического процесса революции отсутствие провинции решающего значения не имело, ибо февральская революция, особенно в первые месяцы, носила резко выраженный отпечаток столицы Петрограда. Здесь родилась власть, здесь разыгрались все акты революционного действия, здесь обозначились все главные моменты революционных кризисов и переломов.

Останавливаясь бегло на характеристиках некоторых действующих лиц, мы в этом томе преимущественно ограничивались деятелями Временного правительства, считая затронутый нами период (февраль—май) наиболее показательным для деятелей либерально-буржуазной власти. Главные персонажи советского крыла найдут свое освещение во втором томе, который должен отразить влияния „революционной демократии“.

Поставив с самого начала целью своей дать строго фактический остов истории, мы не могли избежать освещения событий и характеров. Авторы этой книги — сами свидетели и участники февральской революции. Нам не чужды ее стремления и порывы, надежды и иллюзии, успехи и неудачи, победы и поражения. Мы современники... И при всем старании сохранить в простой передаче всю возможную объективность, мы, естественно, не могли отрешиться от непосредственного восприятия современников. Бесстрастный читатель и искатель сухого материала, быть может, отнесет такую „непосредственность“ к недостаткам, но недостаток этот коренится в двойственной природе самой работы.

Написанию книги предшествовала продолжительная работа по систематизации сырого материала. Мы приносим благодарность Музею Революции в лице П. Е. Щеголева и М. Б. Каплана и сотрудникам его Д. С. Махлину, Н. С. Платоновой и С. И. Чухман, разделившим работу с авторами.

Соответственно ходу революции и главным ее этапам, работа наша распадается на три части:

1. Временное Правительство—(февраль—май).
2. Коалиционное Правительство (май—июль).
3. Распад буржуазной власти и падение ее (июль—октябрь).

Петроград, август 1922 г.

Печатание книги, законченной в рукописи в августе 1922 г., чрезмерно затянулось. За это время опубликованы новые материалы,— статьи, документы, воспоминания. Вышли книги, посвященные февральскому периоду революции. Общей картины событий, нами нарисованной, эти новые данные не изменяют. Пользуясь ими, можно заполнить некоторые пробелы нашей „Хроники“ и уточнить отдельные моменты.

Существенной оговорки требует первая глава нашей книги. „Февральские дни“ являются до сих пор наименее освещенным местом революционной истории. События разыгрывались на улицах, газеты не выходили. Герои этих дней — рабочая масса, толпа, солдаты; вожаки — почти сплошь неведомы; документов и печатных произведений очень мало; показания свидетелей и участников этих событий по необходимости крайне субъективны. Отсюда распространенное представление о полной стихийности движения февральских дней, об отсутствии всякого руководства всеобщей забастовкой, уличными манифестациями, вооруженными выступлениями.

В журнале „Пролетарская Революция“ (1923 г., № 1 (13) опубликован чрезвычайно интересный и богатый материал, дающий возможность судить о работе большевистской нелегальной организации (Петербургского комитета партии или пе-ка) в февральские и предшествующие февралю дни. Можно восстановить в общих чертах картину движения, нараставшего на петроградских заводах; можно проследить связь между рабочими митингами и манифестациями и организационной работой нелегального комитета. Известны теперь имена некоторых большевистских агитаторов. Это вносит существенную поправку в обычную картину полной стихийности движения первых дней революции.

Но эти же материалы убедительно говорят о том, что не было и не могло быть планомерного руководства движением, и что нельзя приписать начало революции, первый ее толчок сознательной организационной инициативе. А. Шляпников в своей книге „Семнадцатый год“ приписывает начало стачечного движения (23 февраля) призыву праздновать „международный женский день“. Действительно, первый день революции совпал с „женским днем“, но празднование его растворилось и бесследно потонуло в неожиданно вспыхнувшем стачечном движении. Вот что рассказывает в своих интересных воспоминаниях рабочий завода „Эриксон“ В. Каюров, видный работник нелегальной большевистской организации („Пролет. Револ.“ № 1 (13).

„... Чувствовалась гроза,— но во что она выльется — никто не мог определить.

„Сильно повышенное настроение масс заставило районный комитет принять решение о прекращении агитации за прямой вызов на забастовки и пр., а *сосредоточить* внимание, главным образом, на поддержание дисциплины и выдержки в *грядущих выступлениях.*

„Накануне „женского дня“, в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин; охарактиризовал значение „женского дня“, женского движения вообще; тут же пришлось указать на текущий момент вообще и, главным образом, призывать воздерживаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета...

„Но каково же было мое удивление и возмущение, когда на другой день 23 февраля, на экстренном совещании из пяти лиц, в коридоре завода (Эриксона), товарищ Никифор Ильин, сообщил о забастовке на некоторых текстильных фабриках и о приходе делегаток-работниц с заявлением о поддержке нами металлистов.

„Я был крайне возмущен поведением забастовавших: с одной стороны,— явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем— сам только что ночью призывал работниц к выдержке и дисциплине, и вдруг забастовка. Казалось нет цели и повода, если не считать особенно увеличившиеся очереди за хлебом,—которые, в сущности, и явились толчком забастовке. Но факт налицо — приходится считаться...“

Д. Заславский.
В. Канторович.

Последние листы книги были уже в наборе, когда серьезно заболел Владимир Абрамович Канторович. В тяжких страданиях, лежа в постели, он еще держал корректуру, но дожить до выхода в свет книги, в которую он вложил много труда и внимания, ему не удалось. 29 октября 1923 г. Вл. Абр. Канторович скончался. Ему было всего 37 лет, и литературная его жизнь только начинала расцветать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Февральские дни.

1. 23—25 февраля (ст. ст.). Забастовки и манифестации. — Войска на улицах. — Митинг на Знаменской площ. — Убийство пристава Крылова. — В правительственных и общественных кругах. — Собрание в городской думе. — 2. Воскресенье 26 февраля. — Стрельба на Невском проспекте. — Выступление роты Павловского полка. — Телеграммы Родзянко царю. — Роспуск государственной думы. — 3. Понедельник 27 февраля. — Восстание волынцев. — Присоединение других частей. — Сражение на Литейном пр. — Освобождение заключенных. — В штабе ген. Хабалова. — Переговоры со ставкой. — Победы революции. — В государственной думе. — Временный комитет. — Совещание с Михаилом Александровичем. — Образование совета рабочих депутатов. — Военная комиссия госуд. думы. — 4. Вторник 28 февраля. — Манифестация перед государственной думой. — Революционная оборона Петрограда. — Отъезд царя из ставки. — Блуждания царского поезда. — Переговоры с Родзянко. — Движение генерала Иванова на Петроград. — Отречение Николая II от престола. — 5. Образование временного правительства. — В Таврическом дворце. Родзянко, Милюков, Керенский. — 6. Деятельность временного комитета и исполнительного комитета с. р. д. — Переговоры об образовании временного правительства.— 7. Заседание совета р. д. 2 марта. — Речь Милюкова в Екатерининском зале. — Вопрос о монархии. — Отказ Михаила Александровича от престола. — 8. Отношения между солдатами и офицерами. — Приказ № 1.

1.

Царь уехал в Могилев в ставку 22-го февраля. Ничто, казалось, не предвещало грозы. Правда, на заводах происходило брожение, а собиравшаяся в хвостах у лавок толпа проявляла озлобленное настроение, но в этом ничего не было необычного. Поверхность политической жизни была гладка и ровна. В государственной думе тянулись прения по продовольственному вопросу. Скобелев и Керенский грозили грядущей революцией, но это были академические угрозы, и в речах ораторов гневное бессилие боролось с захлестывающей апатией. Газеты, придавленные военной цензурой, были безжизненны и пусты.

Стояли сильные морозы. Железнодорожное движение едва начинало восстанавливаться после перерыва, вызванного сильными снежными заносами. Тишина и спокойствие царили, казалось, по всей необъятной российской равнине, покрытой сугробами снега. Затишье было и на всем фронте, и в полузасыпанных снегом окопах вяло протекала будничная фронтовая жизнь. Сводки отмечали только перестрелки на отдельных участках и деятельность разведчиков.

И правительство и оппозиционные политические круги знали, что спокойствие это ничего общего не имеет с благополучием. В государственной думе министр Риттих говорил открыто о надвинувшемся продовольственном

крахе. В армии и тыл и фронт разъедались усталостью, недоверием, дезертирством. Монарх и двор утратили всякое к себе уважение даже в правых монархических кругах. Но выхода не было; и внешнее спокойствие, общая неподвижность давали возможность сохранять существующее положение. Тишина всех обманывала. Никто ей не доверял, и все оставались неподвижны.

В четверг 23 февраля с утра в Петрограде начались забастовки на заводах и сразу же приняли характер уличных народных волнений. Они возникли стихийно, сначала на заводах Выборгской стороны, вследствие того, что очередям у лавок не хватило хлеба. По официальным сведениям в первый день, в четверг, бастовало до 90 тысяч человек; во второй день, в пятницу 24-го—до 200 т.; в субботу 25-го—свыше 240 тысяч. Так росла забастовка, превращаясь во всеобщую, охватывая все кварталы, останавливая всюду жизнь. В субботу окончательно прекратилось движение трамваев, не вышли газеты (за исключением „Земщины", „Света", „Правительственного Вестника").

Полиция производила аресты, искала нелегальный центр движения, но аресты носили случайный характер; случайными были и руководители толпы на улицах, и ораторы. Охранное отделение склонно было видеть вдохновителей движения в уцелевших остатках рабочей группы центрального военно-промышленного комитета. Оснований для этого в действительности не было. Часть петербургской большевистской организации была арестована в первые же дни движения.

Бастующие рабочие отправлялись толпой снимать рабочих других заводов. Сопротивления не было. На некоторых заводах, работавших на оборону, стояли караульные солдатские части. Они держали себя пассивно, и на заводах не было ни столкновений между солдатами и рабочими, ни насилий над рабочими.

Кое-где устраивались перед уходом с заводов митинги. Никаких определенных требований, ни экономических, ни политических не предъявлялось. Ораторы говорили о дороговизне, о правительстве. Полицейские донесения упоминают и о речах против войны. Большинство рабочих расходилось в различные стороны, часть направлялась с окраин к центру. К ним присоединялись любопытные, подростки, женщины из очередей у лавок.

Толпа шла с криками „дайте хлеба!" На окраинах в первый день были только разбиты окна в нескольких булочных; в следующие дни бывали и разгромы лавок.

Инициатором движения была Выборгская сторона. На ней забастовали первые крупные заводы, здесь были первые крупные манифестации. Всюду на окраинах толпа останавливала вагоны трамвая и отнимала у вагоновожатых рукоятки. Были случаи выбития стекол в вагонах. На Сампсониевском проспекте был опрокинут вагон, что дало в городе повод к разговорам о баррикадах.

С первых же минут движение приняло активный характер и переросло формы простой забастовки. И в четверг, и в пятницу, и в субботу толпы рабочих стремились с окраин пройти на Невский проспект. Полиция заграждала пути на мостах. В некоторых пунктах стояли солдатские заставы. Но манифестанты легко прорывали цепи, и на Невском у Садовой, у Казанского собора, на Знаменской площади происходили летучие манифестации и митинги. Со второго дня в толпе появились красные флаги, слышались крики: „Долой войну! Дайте хлеба! Долой самодержавие!". Рабочие пели революционную марсельезу. На Обуховском заводе рабочие вышли на улицу в количестве 14 тысяч человек с красным знаменем, на котором была надпись: „Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика!"

Несмотря на эти отдельные возгласы и знамена, трудно назвать боевым революционным общее настроение толпы с первых дней. Наряду с рабочими и учащейся молодежью, в толпе много было элементов чисто обывательских, много женщин, обозленных отсутствием хлеба и выстаиванием в очередях, много подростков, увлеченных простым озорством. В первые дни толпа не обнаруживала ни способности, ни охоты к стойкому сопротивлению полиции, и в некоторых местах одному энергичному околоточному надзирателю с двумя-тремя городовыми удавалось, даже без применения оружия, разгонять толпу.

Но это были отдельные случаи, более многочисленные в первый день, более редкие во второй день. Хотя полиция и готовилась к подавлению беспорядков, вспыхнувшая забастовка захватила ее врасплох. Действия ее по общему правилу не отличаются ни единством, ни энергией. Движение началось сразу во всех частях города, оно охватило сотни тысяч народа, и наличный состав полиции оказался недостаточным, чтобы всюду, где собирались значительные манифестации, противопоставить им внушительную силу. Если у правительства и был план жестоким пулеметным расстрелом подавить массовое движение, умышленно дав ему развиться до широких размеров, то низшие чины полиции не проявили требуемой от них исполнительности и самоотверженности. В общем полиция проявила слабость.

Тем более возбуждали толпу отдельные случаи жестокой расправы. Еще в четверг толпа была настроена сравнительно миролюбиво. Разгоняемая в одних местах, она собиралась в других. Но в пятницу и субботу дошло до кровавых столкновений. На Петроградской стороне, на Васильевском острове, на Суворовском просп., на Лиговке городовые обнажали шашки, стреляли из револьверов. Толпа отвечала камнями, тяжелыми осколками льда, револьверными выстрелами. Были избиты и получили тяжелые раны четыре полицейских офицера; было убито несколько человек из толпы. На третий день разоружение полиции стало стихийным лозунгом толпы, и на Выборгской стороне начался разгром полицейских участков. Забастовка и манифестации начали переходить в вооруженное восстание, когда обнаружилось, что толпа имеет дело только со слабым сопротивлением полиции, а войска держатся пассивно.

Действиями полиции в первый день распоряжался градоначальник Балк. Но при получении известий об избиении толпой чинов полиции „охрана

*

порядка и спокойствия в столице“ перешла, по приказу генерала Хабалова, командующего петроградским военным округом, к военным властям. Начальником охраны был назначен полковник Павленко, расположившийся в градоначальстве. Всеми действиями распоряжался сам Хабалов. Министр внутренних дел Протопопов проявлял живой интерес к делу подавления „беспорядков“, бывал в градоначальстве, давал свои указания.

Первые два дня полицейский аппарат действовал исправно. От приставов поступали регулярно донесения, и градоначальство было действительно руководящим центром. Исправно действовало и охранное отделение, где специальные чиновники, со слов агентов, вели хронику событий. Но уже на третий день полицейский аппарат стал давать перебои. Донесения становятся реже. С того момента, как обнаруживается ненадежность войск и полиция чувствует свою изолированность, она начинает разбегаться. В субботу к вечеру градоначальство теряет связь с Выборгской стороной и перестает получать оттуда сведения. И высшие и низшие чины полиции оставляют там посты, и толпа беспрепятственно громит помещения участков. Все свои усилия правительство направляет на удержание за собой центра города.

Власть повторила роковую ошибку всех властей предреволюционного времени. Она не уловила момента, когда народное волнение переходит в революцию, в восстание. Правительство проявило легкомыслие и беспечность. Положение не казалось ему серьезным. Генерал Хабалов надеялся, что ему удастся подавить движение без особого кровопролития, что страсти улягутся как-то сами собой. Военным властям неприятна была мысль о кровавом усмирении в столице во время войны; было намерение пустить в ход оружие лишь в крайнем случае. Правительству казалось, что волнения вызваны исключительно продовольственным кризисом, и поэтому можно успокоить народ мерами продовольственного же характера. Быть может, вводило в заблуждение сравнительно благодушное (в первые дни) настроение толпы, обывательский ее состав, приветствия по адресу армии, отсутствие ярко выраженных революционных лозунгов, эмблем, возгласов.

В пятницу появилось первое объявление генерала Хабалова. Оно объясняло отсутствие хлеба в некоторых лавках тем, что население без достаточных оснований закупает хлеб в запас на сухари. Между тем хлеба и муки в Петрограде достаточно, и непрерывно идет подвоз муки. О беспорядках в объявлении не упоминалось. В субботу появилось на стенах новое объявление генерала Хабалова. Оно предупреждало рабочих, что будут призваны в войска все новобранцы досрочных призывов 1917, 1918 и 1919 годов, если со вторника 28 февраля не возобновятся работы на заводах. Конечно, и это объявление не могло иметь ни малейшего успеха; оно должно было, напротив, только еще усилить раздражение рабочих. Но и в этом объявлении не было угроз по адресу толпы на улицах и не упоминалось о манифестациях.

С того момента, как охрана города перешла к военным властям, на первый план при подавлении „беспорядков“ должны были выступить войска. С пятницы 24-го расположенные в Петрограде воинские части высылаются в наряды по городу. Главная задача по рассеянию манифестантов была

возложена на части 1-го и 4-го донского казачьего полка. Полусотни и патрули казаков находились в разных районах города, в центре и на окраинах. В центре города, на улицах, прилегающих к Невскому просп. службу несли части Волынского, Литовского, Преображенского, Павловского, Кексгольмского полков; на Васильевском острове—Финляндский полк; на Выборгской стороне, у Литейного моста, на Сампсониевском просп.—части Московского полка. В субботу, когда выяснилась ненадежность казачьих полков, были вызваны из Красного Села, Павловска и других мест части расположенных там кавалерийских полков.

Войска не получили решительных указаний. В первом своем телеграфном донесении наштаверху ген. Алексееву генерал Хабалов указывает, что „оружие войсками не употреблялось". О ненадежности солдат нет ни слова в этой телеграмме. От войск не требовали стрельбы по толпе, и войска не расположены были стрелять.

Никакой предварительной агитации в войсках не было. Но это были все запасные части, пополненные, в значительной мере, из среды столичного пролетариата, с командным составом тоже в большинстве из запаса. На улице солдаты держали себя пассивно, соблюдая однако воинскую дисциплину, не вмешиваясь в народное движение. Большинство просто бездействовало. Подчиняясь требованиям полицейских чинов, они вяло оттесняли публику или вяло заграждали ей путь. Бесполезная и бессмысленная, утомительная на морозе служба раздражала и настраивала враждебно против полиции. Сочувствие, хотя и очень неопределенное, было на стороне публики. Отдельные солдаты это и выражали, вступали в разговоры с публикой и ругали полицию. В особенности независимо держали себя казаки, только формально подчинявшиеся распоряжениям полицейских чинов, а местами отказывавшиеся выполнять их.

Создалось прочное убеждение у народа, толпившегося на улицах, что войска с ним, что стрелять они ни в каком случае не будут, что полиции они не союзники, а враги. И уверенность сразу сообщилась действиям толпы. Она была настроена в общем миролюбиво, приветствовала войска, с шутками раздавалась перед наезжающими казаками и смыкалась снова за ними. На Знаменской площади открылся непрерывный митинг, где выступали неизвестные ораторы. Это было странно, непривычно, и создавалось представление, что тут готовится грандиозная провокация и что эта идиллия предвещает кровавую расправу. Умеренным политическим кругам и части правительства эта картина народа, братавшегося с войсками, внушала острую тревогу. Они чувствовали бессилие власти, изолированность и беспомощность полиции, ненадежность армии. Высшая военная власть, штаб, засевший в градоначальстве, был однако уверен в своей победе, не придавал столь серьезного значения манифестациям и был убежден, что справится с народным волнением. Эта уверенность передавалась и руководящим правительственным кругам.

В субботу, 25-го, произошло событие, весть о котором мгновенно облетела весь город и произвела сильнейшее впечатление. Полицейский пристав Крылов во главе отряда донских казаков врезался со стороны Гончарной

улицы в многотысячную толпу, стоявшую вокруг ораторов на Знаменской площади. Он вырвал красный флаг и повернул было обратно. Казаки за ним не последовали и его не поддержали. Толпа стащила его с лошади, нанесла ему удары его же шашкой. Его подняли мертвым, толпа разбежалась. Обстоятельства смерти его не были точно известны. Невыясненным осталось, кто нанес ему первый удар. Но в городе сейчас же распространился слух о том, что Крылова убили казаки. Эту версию поддерживала и полиция. На совещании у ген. Хабалова казачьи офицеры категорически ее отрицали. Во всяком случае, в народе и войсках создалось убеждение, что казаки открыто выступили против полиции. Это придало серьезный оборот событиям. Власть решила убрать казаков. Их заперли в казармах, а затем старались удалить из города.

И это событие не поколебало уверенности высших военных и гражданских чинов в победе над народом. Телеграммы, посланные генералом Хабаловым и Протопоповым в ставку, составлены в успокоительном тоне. О ненадежности войск, о поведении казаков нет ни слова. Убийству Крылова, избиению других полицейских чинов придается вид частичных эпизодов. Выражается уверенность в том, что порядок будет восстановлен. У генерала Алексеева и у царя, которому докладывались эти телеграммы, должно было создаться впечатление, что ничего в сущности угрожающего нет, что происходят крупные беспорядки, но что власти действуют успешно и обладают всеми средствами для подавления этих беспорядков. Менее всего могла прийти в голову мысль при чтении этих телеграмм, что власть уже бессильна, армия ненадежна, и беспорядки перешли в революцию. Кроме того, движение оставалось чисто петербургским, в Москве было спокойно, а в Могилеве и на фронте был привычный, установившийся порядок, и не было ни малейших намеков, что дисциплина пошатнулась.

В заседании совета министров 24 февраля вопрос о народных волнениях не возникал. Для правительства это было еще скорее полицейский, чем политический вопрос. Однако, продовольственное положение внушало тревогу. Нужно было принять какие-то меры, чтобы успокоить народ, и часть министров склонялась к тому, чтобы передать продовольственное дело органам местного самоуправления. В общественных кругах, среди депутатов государственной думы царила полная растерянность. Более левые круги боялись, что власть умышленно бездействует, чтобы вызвать крупные массовые волнения и затем, жестоким усмирением, в крови утопить всякую возможность сопротивления. Пугала эта непонятная стихийность движения, никем не руководимого; вместе с тем являлась надежда, что под напором этого движения правительство пойдет наконец на уступки, уберет Протопопова, согласится, быть может, на правительство из среды прогрессивного блока. В правых кругах государственной думы бессилие власти внушало острую тревогу: тут боялись беспорядков, анархии, революции. В государственной думе, после заседания совета старейшин, Родзянко был уполномочен посетить министров и требовать от них решительных мер, которые внесли бы успокоение, и в первую очередь удаления Протопопова. Родзянко посетил военного министра Беляева, Риттиха, был у председателя совета министров Голицына.

Ему удалось добиться того, что вечером 24 февраля в Мариинском дворце состоялось совещание о продовольственном деле, а на требование удалить Протопопова Голицын ответил указанием на папку, где лежал подписанный царем, но не датированный указ о роспуске государственной думы. На совещании присутствовали, кроме министров и других представителей высшей бюрократии, председатели гос. совета и госуд. думы и петроградский городской голова. Было решено передать продовольственное дело в Петрограде городскому голове. Соответственно этому и на совещании у ген. Хабалова в градоначальстве было принято решение привлечь к распределению хлеба городские попечительства. Это было небольшим отступлением от усвоенного твердого курса, и решение шло в разрез с линией, которую неотступно вел Протопопов. На следующий день тревога, смущение, растерянность в общественных кругах еще больше увеличились. Демократические элементы волновались, чувствуя необходимость что-то сделать. Среди передовой социалистической части рабочих уже бродила мысль о создании нелегальных советов рабочих депутатов по заводам. Но партийные организации были раздроблены, бессильны и не поспевали за бурно подымающимся народным движением. Общественные деятели, близкие к депутатам-социалистам, сделали попытку сойтись на квартире Н. Д. Соколова—и не сошлись. Заходили друг к другу, встречались у М. Горького, толклись в редакциях, передавали слухи, один другого диковиннее, и ничего не делали. Настроение становилось все более возбужденным у одних, все более тревожным—у других. Родзянко в этот день звонил вел. князю Михаилу Александровичу в Гатчину, прося его приехать в Петроград. Забеспокоились и в Царском Селе, откуда была послана в ставку царю тревожная телеграмма царицы Александры Федоровны: „Совсем нехорошо в городе“.

Вечером состоялись: совещание кооператоров в помещении общества оптовых закупов, собрание в центральном военно-промышленном комитете и заседание городской думы. Сюда, в городскую думу, явились члены государственной думы Шингарев, Керенский, Чхеидзе, Скобелев. Было много публики, пришедшей прямо с улицы, возбужденной событиями. Обсуждению подлежало решение передать городу продовольственное дело, но заседание превратилось в политический митинг. В страстных речах ораторы требовали удаления правительства. Во время прений стало известно, что полиция окружила помещение центрального военно-промышленного комитета и арестовала часть собравшейся там публики. Шингарев звонил премьер-министру Голицыну, который сказал, что ему ничего об аресте неизвестно. Общественные деятели и левые депутаты думали, что правительство колеблется, готово итти на уступки. Действительно, в вечернем заседании совета министров был поднят вопрос о необходимости выхода в отставку Протопопова. Протопопов со своей стороны настаивал на необходимости распустить государственную думу. Большинство министров не соглашалось с ним; вопрос остался открытым.

Около 9 ч. вечера в генеральном штабе была получена из ставки по прямому проводу телеграмма: „Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай“. Телеграмма произвела сильное впечатление на Хабалова и его

штаб. Решено было пустить в ход оружие, командному составу были отданы боевые приказы.

Поздно ночью в градоначальство приехал Протопопов. Он выслушал доклады, произнес речь, в которой выражал уверенность в победе, и распорядился выразить в приказе благодарность полиции.

2.

В предыдущие три дня волнения начинались с забастовок на заводах на окраинах. Собираясь на заводах, рабочие выходили на улицу, направлялись частью к центру. 26-го было воскрссенье. Рабочие на заводы не вышли; большинство оставалось дома. Утро прошло поэтому сравнительно спокойно, и на улицах было меньше, чем обычно, народа. Более возбужденно настроены были войска, которые чувствовали или знали, что намерения власти изменились, и предстоит, возможно, стрельба по народу. В некоторых частях офицеры говорили об этом солдатам, и были случаи, когда офицеры давали понять солдатам, что они могут стрелять вверх.

Власть решила дать генеральный бой. Царь требовал „завтра же", т.-е. в один день, прекратить волнения. Войска были стянуты к центру города и заняли все улицы, ведущие к Невскому. На окраинах было значительно меньше войск и почти совсем отсутствовала полиция. Там ходили только военные патрули, которые нейтрально относились к толпе и в некоторых случаях давали разоружать себя. В этот день среди толпы уже появились отдельные фигуры, вооруженные винтовками.

К трем часам толпа стала накапливаться на улицах, ведущих к Невскому, и прорвалась в нескольких местах: у Садовой, Казанского собора, на Знаменскую площадь. Народ был настроен миролюбиво; не верили в возможность стрельбы; думали, что, как и вчера и позавчера, будет братанье с войсками, полиция будет для вида разгонять толпу, и так будет тянуться, пока не стемнеет, и народ не начнет расходиться сам собой. На Знаменской площади открылся митинг, и слушавшая ораторов толпа не обращала внимания на призывы офицеров разойтись.

И неожиданным, невероятным, ужасным показалось, когда, после предупреждения рожком на Знаменской площ. и без всякого предупреждения на углу Садовой, началась ружейная пальба по улице, по площади, по всему Невскому проспекту, по Лиговке; сначала пальба залпами, потом беспорядочная, одиночная. Толпа бросилась бежать, Невский опустел. Всем казалось сначала, что это холостые выстрелы, что публику только пугают, но на улице и на тротуарах лежали убитые и раненые, виднелась кровь, слышались стоны. Испуг сменился озлоблением. Толпа кое-где пыталась собраться вновь, раздавались отдельные ответные выстрелы. Но новая и беспощадная стрельба, — уже не по толпе, а по отдельным, часто случайным пешеходам, пытавшимся перебежать улицу, выйти из подъездов, — окончательно разогнала народ. Город опустел, словно вымер. Наступило глухое молчание, только иногда слышались отдельные выстрелы.

Правительству могло казаться, что оно победило. Город был в его власти, улицы пусты. Войска повиновались, и единственный случай нарушения воинской дисциплины подтверждал общее впечатление покорности всего гарнизона. Одна часть Павловского полка, посланная в наряд на Литейную ул., дошла до Екатерининского канала и отказалась итти дальше. Уговор не подействовал. Когда против павловцев были высланы части Преображенского и Кексгольмского полков, полиция и кавалерийская часть, павловцы залегли и открыли было пальбу вверх, почти не причинившую никому вреда. Не видя поддержки, они быстро пали духом, решили сдаться и без сопротивления дали себя обезоружить солдатам Преображенского и Кексгольмского полков. Павловцев — их было человек полтораста — отвели в казармы: здесь они выдали по требованию власти зачинщиков в числе 19 человек, которых немедленно перевели в Петропавловскую крепость для предания военно-полевому суду. Таким образом, единственный случай прямого отказа войск стрелять в народ окончился торжеством власти; правда, при перестрелке был легко ранен командир полка.

Все другие части войск оказались „верными“ правительству. Конечно, большинство солдат стреляли в воздух. Однако, достаточно было и таких, которые, повинуясь приказу, стреляли в народ. И Протопопов только преувеличивал, но не лгал, когда в телеграмме в ставку сообщал, что „войска действовали ревностно,“ что порядок восстановлен, и есть основания думать, что в понедельник рабочие станут на работу. В таком же победном тоне составлена была реляция в ставку генерала Хабалова.

Победа на улицах Петрограда изменила настроение власти. Казалось, что с движением покончено. „Твердый курс“ и с ним Протопопов восторжествовали. Было взято назадо решение передать продовольственное дело городу. Напротив, все распределение хлеба и выпечка муки сосредоточены в руках назначенного Протопоповым по соглашению с Хабаловым заведующего продовольственным делом в Империи Е. Ковалевского. На совещании министров у премьера Голицына решено было распустить государственную думу.

Между тем, в думских кругах тревога не только не уменьшилась, а приняла панические размеры. Под впечатлением стрельбы на улицах и слухов о выступлении Павловского полка Родзянко отправил царю телеграмму: „Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца“.

Копии этой телеграммы были посланы командующим фронтами с просьбой поддержать обращение Родзянки перед царем. Брусилов ответил: „Вашу телеграмму получил. Свой долг перед царем и родиной исполнил“. Рузский ответил еще более уклончиво: „Телеграмму получил. По ее содержанию исполнил телеграммой государю“. Телеграммы других командующих были задержаны и в Петроград не переданы.

Царь имел в своих руках телеграммы Хабалова и Протопопова. Не удивительно, что он не придал никакого значения истерическим возгласам Родзянки.

Председатель государственной думы тщетно звонил в этот день и стучался к министрам и сановникам. В государственной думе царила чрезвычайная растерянность. Вернувшись к себе домой в 11 ч. веч., Родзянко нашел на столе указ о роспуске государственной думы (приложение 1).

3.

Поле сражения осталось за правительством, но борьба еще не была окончена. Фактически правительство владело только центром города, куда были стянуты войска. Предстояло завоевывать окраины, где разбежалась полиция, и принудить рабочих стать на работы. Войска должны были на утро снова выслать отряды с боевыми патронами. Офицеры не отлучались ночью из казарм.

Петроград притаился. В казармах ночью не спали. Знали, что предстоит утром. Солдаты во всех полках были до крайности угнетены и подавлены тем, что их заставили стрелять и что полицию переодели в солдатские мундиры. Отдельные рядовые и офицеры говорили в кружках, между собой, что стрелять не будут. В учебной команде Волынского полка, которая накануне была на Знаменской площади и стреляла, унтер-офицер Кирпичников со взводными сговорился о том, чтобы утром не отвечать на приветствие ротного командира и отказаться стрелять. Что делать дальше, они не знали и об этом не загадывали. Солдаты сочувственно их поддержали.

В седьмом часу утра пришедший в казарму начальник учебной команды Лашкевич и младший офицер при криках „ура" были убиты ружейными выстрелами. Восставшие волынцы разобрали цейхгауз и с боевыми патронами, стреляя в воздух, направились к соседним казармам Преображенского и Литовского полков на Кирочной ул. После некоторого колебания эти полки присоединились. Здесь был убит командир полка. Кое-как построившись, продолжая стрелять в воздух, вся масса солдат по Кирочной направилась на Литейный пр. с ближайшей целью поднять на восстание солдат Московского полка, расположенного за Литейным мостом. По пути присоединялись другие части, силой был взят арсенал, где убит генерал Матусов. К солдатам присоединялись рабочие. Находившиеся на Литейном воинские части сопротивления не оказали. Одни остались нейтральными, другие примкнули.

Весть о восстании солдат мгновенно облетела город. Улицы, примыкавшие к Литейному району, были запружены толпой, кричавшей „ура", вооружавшейся чем попало. У офицеров отнимали оружие, останавливали автомобили. Солдаты и толпа ворвались в здание судебных установлений. Караул дома предварительного заключения разбежался, и на свободу вышли все заключенные, политические и уголовные. И тут же здание суда и тюрьмы было подожжено. К небу поднялся столб дыма и пламени, и такие же

столбы потянулись и с других сторон: пылали поджигаемые толпой полицейские участки.

Восставшие солдаты направились к Литейному мосту и остановились перед ним в нерешительности. За ним стояли пулеметы, прикрываемые учебной командой Московского полка. Некоторое время шла перестрелка, падали убитые и раненые. Прапорщик Астахов бросился вперед в атаку и увлек за собой солдат. Пулемет смолк. Отстреливались еще офицеры из офицерского собрания, но солдаты Московского полка уже выбегали навстречу с криками „ура". Часть восставших вернулась на Литейный, часть пошла освобождать заключенных в Выборгской тюрьме.

Генерал Хабалов с утра находился в градоначальстве. Известие о восстании волынцев, о присоединении преображенцев и литовцев, убийстве офицеров подействовало ошеломляюще. Точных сведений не было, связь с районом была утрачена. Для усмирения восставших был отправлен под начальством полковника Кутепова отряд из 6 рот, 15 пулеметов и $1^1/_2$ эскадрона. Отряд дошел до Литейного и дальше не мог продвинуться. Солдаты смешались с толпой; в градоначальство никто не вернулся. Получились сведения, что баталионы Преображенского и Павловского полков, расположенные по Миллионной ул., отказываются выступить против мятежников, а собрались на площади Зимнего дворца вместе с своими офицерами. Намерения их были непонятны. Офицеры выжидали, обсуждали, что им делать, и старались держать солдат подальше от народа. Солдаты волновались, но не доверяли офицерам.

Приказания Хабалова не выполнялись. Начальником всех войск был назначен генерал Занкевич; предполагалось пустить в ход артиллерию; объявлено было осадное положение. Совет министров, растерявшийся до последней степени, постановил удалить Протопопова и, в то же время, провозгласить осадное положение. Приказы были напечатаны, типография еще действовала, но расклеивать их было уж некому и негде. Хабалов тщетно вызывал различные части, давал приказы военным училищам. Ему не повиновались. Занкевич пытался перейти в наступление с остатком войск, еще оставшихся в градоначальстве, но отказался от своего намерения, убедившись в их ненадежности. Военный и полицейский штаб пришел в полное уныние. Сопротивление казалось бесполезным. В распоряжении Хабалова оставалась лишь часть города, примыкающая к Зимнему дворцу, градоначальству, адмиралтейству. Были выставлены караулы и пулеметы. Толпа держалась в отдалении, никто не нападал.

Присутствие духа не покидало только военного министра Беляева, Хабалова, Занкевича. Шли разговоры по прямому проводу со ставкой, Царским Селом, другими окрестными городами. На вызванные оттуда войска надежда была слаба. Но из ставки пришло известие, что в Петроград направляются с фронта верные части. В ставке после телеграмм Беляева считали положение серьезным,—нисколько однако не трагическим. На телеграмму Голицына о необходимости смены состава правительства царь ответил отказом. Стало известно, что командование войсками, направленными на Петроград, вручено генералу Иванову и что царь выезжает в Царское Село. Беляев,

Хабалов и его штаб решили держаться до прихода подкреплений с фронта. Весь день сидели они в градоначальстве, потом перешли в адмиралтейство, оттуда уже ночью в Зимний дворец. Сношения со ставкой не прекращались. На запрос генерала Иванова, в состоянии ли правительство держаться дальше и какие у него воинские рессурсы, Беляев отвечал, что правительства нет, а у горсти оставшихся солдат нет снарядов. Всю ночь ожидали осажденные нападения,—но его не было. У восставших не было решимости взять атакой горсть людей, которые ждали нападения, чтобы немедленно сдаться, и, не дождавшись его, сами на утро разошлись. Часть полицейского штаба осталась в адмиралтействе в ожидании ареста. Их арестовали и отвезли в государственную думу.

Революция победила без сопротивления. К четырем часам 27 февраля весь город, за исключением адмиралтейства, Зимнего дворца и Петропавловской крепости, находился во власти восставших. Воинские части либо присоединялись, выходили на улицу, либо оставались нейтральны. Пытались стрелять только полицейские засады. Их было немного, с ними жестоко расправлялись, но молва преувеличила их число и помещала их чуть ли не в каждом доме.

По всему городу трещала ружейная перестрелка, пылали полицейские участки, мчались переполненные солдатами, рабочими, студентами грузовые и легковые автомобили. Шла погоня за полицейскими, за офицерами. В толпе, возбужденной стрельбой, криками, передавались слухи о том, что власть уже перешла к государственной думе. Единого руководящего центра еще не было, но уже разбрасывались прокламации за подписью „Организующийся совет рабочих депутатов". Они призывали создать немедленно революционную власть и указывали на Финляндский вокзал, как на сборный пункт (приложение 2).

С утра вокруг государственной думы, как и в самой государственной думе, было пусто. Приходили взволнованные и перепуганные депутаты, делившиеся новостями и слухами. Совещались лидеры фракций. Солдаты и толпа были на Литейном, оттуда доносились выстрелы. Неизвестно было в точности, что происходит. Керенский требовал, чтобы собралась немедленно государственная дума. Но октябристы, правые и кадеты не решались нарушить указ о роспуске. Родзянко пытался по телефону снестись с министрами, с Михаилом Александровичем, послал в отчаянии вторую телеграмму в ставку „Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии". Телеграмма имела тот же успех, что и первая [1]).

Власти не было. Положение становилось всё более критическим. На частном совещании решено было образовать временный комитет государственной думы исключительно в целях поддержания сношений с властями и учреждениями. Керенский предлагал думе взять власть, но днем лидеры про-

---

[1]) Текст первой и второй телеграммы был опубликован в „Известиях" комитета журналистов. Проф. В. Н. Сторожев в статье „Февральская революция в 1917 г." („Научные известия" 1922 г. Сборник первый) приводит на основании архивных материалов иной текст этих телеграмм. Смысл их тот же.

грессивного блока с Милюковым во главе об этом еще не думали. Была надежда на компромисс со старой властью, была вера в эту власть. Революция, напротив, никакого доверия к себе не внушала.

Первые народные волны, хлынувшие в Таврический дворец и вскоре его затопившие, наводили страх на умеренных депутатов. Возбужденные солдаты, приезжавшие на автомобилях и что-то кричавшие, рабочие и студенты в фантастическом вооружении, революционный энтузиазм толпы, сразу уничтожившие парадную и чинную торжественность Таврического дворца,— всё это говорило лойяльным депутатам не о революции, а о бунте, солдатском мятеже. Левые и социалистические депутаты были возбуждены и захвачены подъемом; к ним приходили, их звали; Керенский стал сразу хозяином Таврического дворца и лично поставил первый революционный караул. Но стихийность и неорганизованность революции внушала и им тревогу. Солдаты без офицеров превращались в нестройную массу, теряли воинский облик и явно неспособны были к длительному сопротивлению регулярным войскам. Между тем, положение вещей никому не было известно, и ходили слухи о верных войсках у Зимнего дворца, о направляющихся к Петрограду частях. Был неизбежный хаос первых часов революции.

Но пока члены государственной думы колебались, события навязывали Таврическому дворцу руководящую роль. Воинские части и толпы со всех сторон направлялись сюда. У Керенского, Скобелева, Чхеидзе требовали директив. Приводили арестованных,—одним из первых б. министра юстиции Щегловитова. Свозили оружие, пулеметы, съестные припасы. В городе стало известно об организации думского комитета. Народ в тонкостях не разбирался, и все поняли так, что государственная дума, распущенная царем, решила не расходиться и взяла власть в свои руки. Революция нашла центр. Это сразу придало ей устойчивость и обеспечило сочувствие умеренных кругов.

В качестве представителя временного комитета Родзянко присутствовал на совещании министров вместе с Михаилом Александровичем на квартире Голицына. Была сделана попытка спасти ценой уступок династию и старый порядок. Решено было, что старый совет министров уйдет в отставку. Михаилу Александровичу предлагали взять на себя диктатуру. Он колебался. Телеграфировали в ставку,—пришел отрицательный ответ. Царь ни на что не соглашался до своего приезда. Компромисс с существующей властью становился невозможным, потому что власть не существовала. Между тем в Таврическом дворце нарождалась новая власть, еще неопределенная и бесформенная, пугающая лидеров думского большинства и таящая вместе с тем политический соблазн. Стихией надо было овладеть, иначе она могла выдохнуться в порыве и погибнуть от неорганизованности. Революция отталкивала и соблазняла.

А покуда кадетские лидеры колебались, рядом создавался тут же в Таврическом дворце другой центр. Освобожденные из тюрем политические заключенные, среди них представители рабочей группы военно-промышленного комитета, Б. О. Богданов, К. А. Гвоздев, партийные работники, социалисты, литераторы и общественные деятели, собравшиеся в государственной

думе, сразу взялись за организацию совета рабочих депутатов. Идея была популярна. Стоило бросить призыв от имени временного исполнительного комитета, и уже вечером, в 9 ч., собралось, в помещении бюджетной фракции первое собрание совета рабочих депутатов. Председательствовал Чхеидзе. Речи были беспорядочны, сумбурны. Но был принят ряд решений практического характера, избран исполнительный комитет, куда вошли Керенский, Скобелев, Чхеидзе (президиум), Гвоздев, Гриневич-Шехтер, Панков, Соколов (секретарь), Александрович-Дмитриевский, Беленин-Шляпников, Павлович-Красиков, Петров-Залуцкий, Стеклов-Нахамкес, Суханов-Гиммер, Шатров-Соколовский. К этим избранным присоединились позже представители партий: соц.-дем. больш.—Молотов-Скрябин, Сталин-Джугашвили, соц.-дем. меньш.—Богданов и Батурский-Цейтлин, соц.-дем. бундовцы—Эрлих и Рафес (замененный вскоре Либером), трудовики—Брамсон и Чайковский (заменен Станкевичем), с.-р. Русанов и Зензинов, нар. социал.—Пешехонов и Чарнолусский, соц.-дем. междурайонный комитет—Юренев, латышская соц.-дем.—Стучка и Козловский.

Совет рабочих депутатов на первом собрании своем не ставил перед собою ни в прямом, ни в косвенном виде вопроса о власти. Его не подымали и большевики. Непосредственная организационная работа поглощала всё внимание, но чувствовалось само собой, что власть в широком смысле слова должны взять другие, и их дело заниматься „политикой", вступать в те или иные отношения с царем, с военным командованием. И также чувствовалось само собой, что в непосредственных событиях революции хозяйское слово принадлежит совету рабочих депутатов. Ему должны подчиняться рабочие и солдаты. Таврический дворец сразу, с первой же минуты, разделился на две половины. На правой в нерешительности, в подавленном состоянии духа находились кадеты, октябристы, временный комитет. Они были номинальными носителями власти, которой сами боялись. Наиболее активные из них по натуре, хотя и правые по взглядам, требовали решительных действий. На левой половине—уже распоряжались властно именем совета рабочих депутатов разные лица. Керенский соединял обе половины. Его имя значило в эти дни еще больше, чем громкие имена учреждений. К нему приводили арестованных сановников, он отдавал приказания солдатам, вокруг него создавался штаб.

Вечером в Таврический дворец позвонили из офицерского собрания Преображенского полка. В полном составе Преображенский полк, с офицерами во главе, направлялся в государственную думу. Это положило конец колебаниям Милюкова. Временный думский комитет в организованной воинской части нашел свою поддержку и решил взять власть в свои руки. За Преображенским полком последовали другие. Юнкера артиллерийского училища привезли свои орудия и поставили их у ворот государственной думы.

Временный думский комитет назначил полковника Энгельгардта, члена государственной думы, комендантом. Образовалась под его председательством военная комиссия, которая немедленно занялась вопросом об организации обороны города. В нее входили и представители совета рабочих депутатов, —Мстиславский, Филипповский и др. На вокзалах стояла рево-

люционная охрана; небольшие отряды наблюдали за адмиралтейством. Военная комиссия отдала было приказ взять адмиралтейство и Зимний дворец силой. Но разрозненные, лишенные командного состава части боялись пулеметов, расставленных там. Таврический дворец охранялся преображенцами и двумя орудиями артиллерийского училища. В действительности, он был беззащитен.

4.

Утром 28 февраля выяснилось, что революция в городе победила окончательно. После сдачи адмиралтейства и Петропавловской крепости сопротивляться было некому. С этого момента революция внешне превращается в парад. Одна за другой приходят к Таврическому дворцу воинские части, в полном строю, с офицерами и оркестрами музыки и заявляют о преданности своей новому строю. Почти все министры были арестованы; те, которые скрылись, сами являлись в этот и на следующий день и отдавали себя в распоряжение думского комитета. 1-го марта в государственную думу явился великий князь Кирилл Владимирович во главе гвардейского экипажа. Пришли царские конвойцы. Городская дума, общественные организации заявляли о признании нового порядка. С того момента, как государственная дума решилась дать свое имя перевороту, он приобрел государственный характер в глазах умеренных кругов, он стал благонадежен, несмотря на продолжающиеся эксцессы. Накануне преобладала растерянность, боязнь. Теперь она сменилась общим восторженным настроением. Все стали революционерами.

Части, вызванные Хабаловым из окрестных городов, приходили и прямо с вокзала направлялись в государственную думу. Стало известно о присоединении Кронштадта, Шлиссельбурга, Царского села, где на сторону революции перешел и гарнизон и дворцовый караул. В госуд. думе непрерывно получались сообщения о новых победах революции. Телеграфировал адмирал Непенин о присоединении Балтийского флота.

Думский комитет входил во вкус власти. Родзянко, Милюков, Караулов и другие близкие им члены государственной думы выступали с речами перед воинскими частями. Солдаты их приветствовали восторженнно. Их имена не были так популярны, как имя Керенского, но велико было обаяние в эти дни государственной думы.

Послы союзных держав, ошеломленные в первую минуту переворотом, испуганные возможностью военного краха на восточном фронте, успокоились несколько, когда увидели, что движением овладели патриотические круги общества. Недоверие к старому режиму было так велико и в дипломатических сферах, что и тут поверили в возможность усиления военной мощи России при новой прогрессивной власти. Послы союзных держав немедленно вступили в деловые отношения с временным комитетом государственной думы.

Временный комитет назначил комиссаров во все министерства, всё членов государственной думы, преимущественно из кадетской партии. Назна-

ченный комиссаром в министерство путей сообщения Бубликов разослал по всем линиям железных дорог телеграмму о происшедшем перевороте. Из этой телеграммы Россия узнала о революции.

28 февраля революция победила в Петрограде, и эта победа была так неожиданна, что никому не верилось в завершение всего дела, а казалось, что еще должно быть какое-то сопротивление со стороны старого режима. Подозрительность и недоверие еще не прошли, и солдаты и рабочие не выпускали из рук винтовок. Ораторы в госуд. думе и на уличных митингах начинали речи свои с того, что опасность еще не миновала, и надо быть готовыми к отпору. Ходили слухи о многочисленных полицейских засадах на чердаках высоких зданий, на колокольнях, и день 28 февраля прошел в панической, беспорядочной стрельбе по улицам, в массовых обысках домов, в бестолковых арестах людей, показавшихся почему-либо подозрительными. Происходили расправы и самосуды над полицейскими. Ружейная перестрелка вблизи Таврического дворца породила однажды величайшую панику в самом дворце. Кто-то крикнул „казаки", и все бросились бежать.

Известно было, что царь решил двинуть на Петроград войска с фронта. Ходили слухи об отряде генерала Иванова. Военная комиссия готовилась оказать сопротивление. Руководство в ней перешло к Гучкову, вокруг которого сгруппировались некоторые генералы. Гучков не выступал на митингах, не говорил. Но он проявил энергичную деятельность, объезжал казармы, проверял охрану. В одну из ночных его поездок 1 марта по вокзалам его автомобиль был обстрелен, и ехавший с ним кн. Вяземский был ранен [1].

Охрана Петрограда была вынесена уже за пределы города. Восставшие гарнизоны соседних городков занимали станции и готовились оказать в случае нужды сопротивление. Военная комиссия следила за движением поездов с фронта. Был отдан приказ не пропускать царского поезда в Царское Село и направить его прямо в Петроград. Железнодорожный персонал и телеграфисты ревностно оказывали содействие. Общий подъем и энтузиазм заменяли на первых порах единство руководства. Не сговариваясь, все действовали по одному общему плану. Именем государственной думы и совета рабочих депутатов революция распространялась из Петрограда, подчиняя себе всех на пути, побеждая всякую возможность сопротивления.

Революция победила, но в Петрограде еще не знали этого и с тревогой готовились к столкновению с военными силами царя.

Никому, и меньше всего царю, не приходило в голову, что старый вековой строй так бессилен, беспомощен. Когда царь уезжал из Могилева, окружающие беспокоились не за его участь, а за участь Петрограда. В ставке не сомневались, что Иванову удастся без особого труда подавить движение. Однако, и Алексеев, и другие генералы, и сам Иванов полагали, что наряду с усмирением должны последовать и уступки со стороны правительства. Мысль генералов не шла дальше личных перемен в составе кабинета министров.

---

[1]) По другим сведениям кн. Вяземский был убит шальной пулей на Дворцовой площади.

Царь дал генералу Иванову неопределенное обещание каких-то реформ. Затем они оба выехали из ставки по направлению к Петрограду: царь ночью через Оршу, Смоленск, Вязьму; генерал Иванов на рассвете, собрав эшелон георгиевских кавалеров,—через Витебск, Дно. Оба должны были встретиться в Царском Селе. Оттуда предполагалось вести наступление на Петроград различных воинских частей, снятых с фронта. Поезда царя (впереди шел свитский) следовали без задержек. На станциях встречали губернские и уездные власти. Не было ничего, что внушало бы острую тревогу, и из Вязьмы царь послал в Царское Село телеграмму, в которой писал: „Великолепная погода. Надеюсь, чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войск послано с фронта. Любящий нежно Ники“. В это время Петроград уже был во власти революции.

Только вечером 28 февраля в Лихославле дошли до царя вести, поразившие, как громом, свиту. Из телеграммы Беляева узнали о положении дел, об образовании нового правительства с Родзянко во главе. Была передана и телеграмма Бубликова. Царю советовали повернуть из Бологого на Псков и действовать против Петрограда, опираясь на фронт генерала Рузского. Царь следовал однако в прежнем направлении по Николаевской дороге, пока в М. Вишере не узнал, что дальше ехать опасно,—в Любани стоят революционные войска.

В 3 часа ночи царские поезда свернули на Псков, свита нервничала. Царь был спокоен, но колебался. Он готов был теперь вступить в переговоры с Родзянко и с удовлетворением узнал о готовности Родзянко выехать для встречи на ст. Дно. Встреча не состоялась. Сначала совет рабочих депутатов не дал согласия на поездку Родзянко к царю, затем отклонил эту поездку и временный комитет государственной думы. Не дождавшись Родзянко, царь выехал из Дно в Псков, куда и прибыл вечером. Известия, приходившие из Петрограда, носили всё более безотрадный характер. Генерал Рузский, как и генерал Алексеев, настойчиво советовали итти на уступки. Об этом же телеграфировал царю и генерал Мрозовский, командующий московским военным округом. В Москве уже образовался 1-го марта общественный комитет, и генерал Мрозовский был фактически безвластен.

Ближайшие к царю свитские генералы, Воейков, адмирал Нилов, барон Фредерикс, настаивали, напротив, на репрессиях и уверяли, что генерал Иванов справится и расправится с мятежниками.

Генерал Иванов 1-го марта был уже в Вырице. Вызванные с фронта войска однако не стягивались к указанному сроку. Телеграф действовал с перебоями. Железнодорожные служащие и рабочие повиновались только под угрозой расстрела и чинили всяческие препятствия, портили паровозы, заводили в тупики поезда. Иванову удалось всё же проехать в Царское Село, свидеться с царицей. Положение стало выясняться и для него. Генерал Алексеев, поддерживавший сношения с Родзянко, прислал Иванову телеграмму, в которой сообщал о том, что в Петрограде полный порядок, новое правительство проникнуто монархическими тенденциями и „ждет с нетерпением приезда его величества“, чтобы изложить ему пожелание народа.

Генерал Иванов вернулся в Вырицу, не желая ввязываться в бой с подходившими к Царскому Селу бронированными автомобилями. Здесь он получил телеграмму от царя из Пскова. Царь предлагал до его приезда никаких решений не принимать.

Эта телеграмма была помечена часом ночи. В это время шли переговоры по прямому проводу между генералом Рузским и Родзянко. Царь всё еще надеялся на его приезд, но упадок чувствовался и в настроении царя, и в оппозиции свитских генералов. Дело было проиграно. И когда ночью царь узнал от Рузского, что Родзянко не приедет, уступки запоздали, и от него требуют отречения, он сейчас же покорно согласился.

Днем 2-го марта стали поступать к царю через ген. Алексеева телеграммы командующих фронтами. Николай Николаевич, Брусилов и Эверт почтительно, но настойчиво предлагали царю согласиться на отречение от престола в пользу наследника. К ним присоединился и Алексеев. Генерал Сахаров в телеграмме из Ясс назвал государственную думу „разбойной кучкой людей“ и в ее выступлении видел „предательство“, но всё же и он, „учтя создавшуюся безвыходность положения“, советовал царю принять предложение Родзянки и Рузского. В этот день Николай II записал в своем дневнике: „Кругом измена, и трусость, и обман“.

Генерал Алексеев прислал по прямому проводу в Псков составленный в ставке текст манифеста об отречении от престола в пользу сына при регенте Михаиле Александровиче. Этот текст и был предъявлен 2-го марта Гучкову и Шульгину, приехавшим из Петрограда в качестве уполномоченных от временного комитета государственной думы.

Встреча Николая II с депутатами госуд. думы была знаменательна. Судьбе угодно было, чтобы первый и самый жестокий удар монарху был нанесен руками убежденных монархистов. Гучков и Шульгин опубликовали в газетах свою беседу с царем. Они умолчали однако о том, что царя они пугали ростом крайних революционных элементов, для борьбы с которыми и необходимо отречение непопулярного монарха от престола. Шульгин заявил: „Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва“ (см. проф. В. Н. Сторожев, „Февральская революция, 1917 г.“. (Сборник „Научные Известия 1922 г.).

Царь заявил Шульгину и Гучкову, что ему больно расстаться с сыном, и он решил отказаться от престола в пользу Михаила Александровича. Гучков и Шульгин не были подготовлены к такому решению, не имели полномочий принимать его. Привычная лойяльность мешала им возражать. В грандиозной катастрофе это казалось несущественной деталью; они не взвесили политических последствий этой перемены, ускорившей конец династии. Поздно вечером манифест был подписан. Делегаты вернулись в Петроград, царь выехал в ставку. Там он оставался до 8-го марта. По свидетельству Деникина в его „Очерках русской смуты“, царь по прибытии в ставку заявил генералу Алексееву, что он передумал и решил передать престол Алексею. Телеграмму об этом он вручил Алексееву для отправки в Петроград. Алексеев оставил ее у себя. Точно также генерал Алексеев—на этот раз по приказу Гучкова из Петрограда—задержал приказ, в котором царь прощался с войсками.

Генерал Иванов оставался в Вырице еще день. Кругом него наростало враждебное ему настроение. Из Петрограда угрожали ему открытием военных действий против него, если он не прекратит арестов железнодорожников. Наконец, от генерала Корнилова, назначенного командующим петроградским военным округом, он получил приказание отправить георгиевских кавалеров обратно на фронт. Сам он уехал в Киев, где был вскоре арестован и привезен в Петроград.

Так окончилась единственная попытка военной силой отстоять упавший трон. По свидетельству ген. Деникина лишь два генерала — генерал Келлер и Хан Нахичеванский — предложили бывшему царю свои услуги для борьбы с революцией.

5.

Первого марта жизнь в Петрограде начинает входить в русло, — не старое, правда, а новое. Город как бы переходит на мирное положение. Трамваи еще не ходят, магазины закрыты, и необычный вид сохраняется. Но уже меньше бешено мчащихся автомобилей с вооруженными рабочими, студентами и солдатами, умолкла ружейная стрельба, безопасно стало ходить по улицам, кончилась эпидемия массовых обысков. Тревожное и воинственное настроение прежних дней сменилось праздничным. Опасность миновала, и в ближайшее время контр-революция не грозит. У власти стали популярные политические деятели, объявлена полная свобода, сбылись заветные мечты, жизнь стала похожа на волшебную сказку. Первые эти дни были днями общего опьянения, энтузиазма, детской и наивной радости.

Всюду происходили митинги, собирались кучками и толковали люди. Политические разногласия еще не успели наметиться, и общее настроение толпы было удовлетворенное и мирное. Происходило паломничество к государственной думе, которой прощали теперь все ее грехи. Тянулись депутации от воинских частей, учебных заведений, обществ и учреждений.

Шла лихорадочная организационная работа. Создавалась милиция из студентов в центре города, из рабочих — на окраинах. Возникали районные советы рабочих депутатов и комиссариаты. Отсутствие единого руководства и заранее выработанного плана восполнялось общим подъемом, энтузиазмом революционно-деловым настроением, сознанием необходимости практических действий. Конечно, было много путаницы, хаоса, столкновений, эксцессов. Распоряжались одновременно десятки властей, одни более, другие менее самозванные. Было много случаев ареста ни в чем неповинных лиц, были и расправы над городовыми и шпионами. Освобожденные из тюрем уголовные ограбили несколько квартир, проникнув туда под видом солдат. Слухи об этом, чрезвычайно преувеличенные, порождали подчас тревогу в Таврическом дворце. По проверке в большинстве случаев они оказывались ложными.

Печати почти не было. „Известия“, выпущенные комитетом журналистов, и „Известия Совета Рабочих Депутатов“ давали скудную количественно,—зато яркую, почти фантастическую хронику. Публика допол-

няла сказочную действительность еще более сказочными слухами. Родились и прочно держались легенды о восстании в Берлине, о крушении царского поезда, об его блуждании вперед и назад между Псковом и Дном.

Настроение цельного энтузиазма держалось недолго. Оно осложнилось вскоре тревогой, вызванной обострением отношений между офицерами и солдатами, толками о трениях между временным комитетом государственной думы и советом рабочих депутатов, разговорами о начинающемся двоевластии.

В момент своего образования временный комитет государственной думы далек был от мысли о захвате власти. Свои задачи он в печати ограничивал „водворением порядка в Петрограде" и „сношениями с различными учреждениями и лицами". Выбор его был поручен совету старейшин государственной думы и составлен он был на тех же началах, что и совет старейшин: в него вошли представители всех главных партий (кроме крайних правых) — М. В. Родзянко, В. В. Шульгин (националист), В. Н. Львов („центр"), И. Н. Дмитрюков (октябрист), С. И. Шидловский (октябрист), М. А. Караулов, А. И. Коновалов (прогрессист), В. А. Ржевский (прогрессист), П. Н. Милюков (к.-д.), Н. В. Некрасов (к.-д.), А. Ф. Керенский (трудовик), Н. С. Чхеидзе (с.-д.). Таким образом, во временном комитете наиболее многочисленным было представительство октябристов, кадетов было всего двое, левых — в сущности один, А. Ф. Керенский, так как участие Н. С. Чхеидзе, по его собственным словам, было только номинальным.

В этом своем виде временный комитет существовал до 2-го марта, до образования временного правительства. Подхваченный могучим революционным валом, временный комитет в целом бессильно барахтался на гребне его. Октябристское ядро решительно не подходило к создавшейся обстановке и стушевалось с самого начала. Хозяином положения стал Милюков с того момента, когда было решено, что можно и надо взять власть. Первое выпущенное временным комитетом воззвание говорит только о соблюдении порядка. Оно призывает граждан щадить учреждения, здания, сооружения, не допускать убийств и грабежей. Второе воззвание, выпущенное в два часа ночи на 28 февраля, говорит уже о том, что временный комитет берет на себя „трудную задачу создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием" (приложения 3 и 4).

Воззвания подписаны Михаилом Родзянко, как председателем государственной думы. Эти первые дни он играет еще почетную роль представителя революции, избравшей Таврический дворец местом своего штаба. Он нужен еще в той мере, в какой сохраняются последние нити, связывающие Петроград с царем, с ставкой. Его вызывают к прямому проводу, его посылают для переговоров с царем. Но последние нити обрываются, в два дня революция от самодержавия переходит к демократической республике, и Родзянко постепенно делается ненужным, лишним. Он играет скорее декоративную роль. Имя его популярно в офицерских кругах, и он произносит речи перед полками, являющимися в порядке, с командным составом в Таврический дворец. Он говорит только об одном, о сохранении порядка, дисциплины, о соблюдении прежних порядков в строю. Овации кружат и ему голову, но он со страхом и тоской видит, как революционная стихия, глубоко ненавистная

ему, овладевает Таврическим дворцом. Его решимость дать свое имя перевороту примирила умеренные круги, поверившие, что Родзянко действительно председатель временного комитета и хозяин Таврического дворца. Но сам Родзянко чувствовал, что не он уже хозяин в Таврическом дворце. Там распоряжался властно Керенский и в силу входил совет рабочих депутатов. Родзянко не смел даже помочь своим личным друзьям, бывшим сановникам, попавшим теперь под арест. А руководство всей политикой думских кругов перешло к кадетам, то-есть почти единолично к Милюкову. Роль октябристов, как партии, была сыграна окончательно, хотя они этого еще не подозревали. Гучков и Шульгин деятельно работали, надеясь спасти монархию.

Политические ноты отчетливо выделяются в первых же речах и выступлениях Милюкова. Говоря перед воинскими частями, приходящими в государственную думу, в речи своей перед солдатами запасного пехотного полка на Охте, он не касается острых вопросов о войне, о форме власти. Но он со всей силой подчеркивает, что власть должна быть едина, и это—власть временного комитета государственной думы. Он не упоминает ни разу о совете рабочих депутатов, но речи его направлены против совета рабочих депутатов, претендующего тоже на какую-то власть. В противоположность Родзянке Милюков твердо и определенно говорит о необходимости борьбы со старой властью, борьбы с оружием в руках. Но в речах его нет ни слова „революция“, ни внешней торжественности, ни энтузиазма. Они деловиты и просты. Революционным пафосом и экстазом расцвечены речи Керенского. Он был любимцем и героем революционной толпы уже в эти первые дни. В речах его мало политической содержательности, но революционный порыв и был главным содержанием этих первых дней. Он клялся сам в верности свободе и приводил к торжественной клятве других. Он принимал арестованных министров, распоряжался караулами, успевал одновременно бывать и на левой и на правой половине Таврического дворца. Не ему принадлежала руководящая политическая роль, но достаточно было одного дня революции, чтобы создалась прочная уверенность в думских кругах, что без Керенского образование власти невозможно.

Временный комитет дал петроградской революции всероссийский характер. Всем высшим военным властям Родзянко 28 февраля разослал две телеграммы. В них твердо и уверенно, с соблюдением вместе с тем старых форм обращения, сообщалось, что прежний состав совета министров устранен, и вся правительственная власть перешла к временному комитету государственной думы. Армия приглашалась „сохранить полное спокойствие... и так же стойко и мужественно, как доселе... продолжать дело защиты своей родины“. От имени временного комитета Родзянко уверял, „что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено“ (приложение 5).

Эти телеграммы должны были создать, и действительно, создали такое впечатление, что инициатива и главная роль в перевороте принадлежит государственной думе, и в ее руках находится подлинная власть. Это сразу примирило с революцией умеренных и даже правых людей. Казалось, что

по существу ничего не изменилось, остались прежние задачи войны и управления, ушло только всем ненавистное правительство, и ослабел невыносимый гнет политической реакции.

Однако, члены временного комитета, и прежде всего сам Родзянко, превосходно чувствовали, что это не так, и полнота власти принадлежит совсем не им. Она в действительности никому не принадлежала в отдельности, а сразу — целому ряду учреждений и лиц, распоряжавшихся одновременно. В Таврическом дворце и в Петрограде она принадлежала больше всего группе, действовавшей от имени совета рабочих депутатов. Один эпизод свидетельствовал об этом весьма выразительно. Первого марта утром после переговоров со ставкой и Рузским решено было во временном комитете, что Родзянко выедет в Бологое или в Дно для переговоров с царем об отречении. Исполнительный комитет об этих переговорах не был информирован. Поглощенный непосредственной организационной работой в городе, он как-то не интересовался вопросом о форме власти, о царе, династии. Предполагалось, что вопросы этого рода входят естественно в компетенцию временного комитета. Однако, вопрос о царе встал пред исполнительным комитетом совершенно случайно: железнодорожники на вокзале отказались дать Родзянко поезд, и из правой половины Таврического дворца пришла на левую делегация с просьбой разрешить Родзянко поезд. Наспех обсудили и отказали, и только под сильнейшим давлением Керенского пересмотрели вопрос и дали согласие. Вместо Родзянко поехали Гучков и Шульгин.

Таких эпизодов, но более мелких, было множество. Члены временного комитета чувствовали свое бессилие и даже переоценивали его. Точно также исполнительный комитет совета рабочих депутатов переоценивал силу и влияние временного комитета. Подозрительность и тревога росли с каждым часом, и в то время, как в России власти требовали под угрозой репрессии подчинения новому правительству, которому никто и не сопротивлялся, глава этого правительства не на шутку боялся, что его арестуют, и, выезжая в город, требовал, чтобы в автомобиль с ним садился и член совета рабочих депутатов.

Опасения эти были преувеличены. Они становились все менее основательны по мере того, как революция теряла свой первоначальный бурный характер: улица теряла власть, управление начинало концентрироваться в Таврическом дворце. Но октябристы, создавшие временный комитет, действительно были в первые же два дня отстранены от власти, и Милюков, бывший 27-го только суфлером Родзянко, 28-го — негласным вождем, уже 1-го марта без всякой жалости расставался с Родзянко.

6.

Временный комитет успел создать некоторую свою внутреннюю организацию, назначил комиссаров во все министерства почти исключительно из числа членов государственой думы кадетов и левых октябристов. Этим как бы предрешался будущий состав правительства, и совет рабочих депутатов

против этого не возражал. Профессор военно-медиц. академии Юревич был назначен петроградским градоначальником; сотрудник „Речи“ полковник Перетц—комендантом Таврического дворца. Комиссары ничем не проявили себя, если не считать Бубликова, развившего энергичную деятельность в министерстве путей сообщения. Прочие старались сохранить министерства и восстановить текущее делопроизводство. Это не стоило особого труда. Несколько приказов об упорядочении делопроизводства арестов и обысков, бесцветные заявления и речи—вот всё, что осталось от административной деятельности временного комитета. Он ни в малейшей степени не был способен играть роль временной власти. Тем более настоятельным и безотлагательным становился вопрос об организации более прочного и авторитетного правительства. Рядом с бессильным, нерешительным и робким временным комитетом подымался исполнительный комитет совета рабочих депутатов, не претендующий формально на власть и всё же властный.

Если революция захватила врасплох руководящую группу государственной думы, то к вопросу об организации правительства она была более подготовлена. Ядро будущего кабинета намечалось еще до переворота, в период, когда прогрессивный блок мог думать о назначении царской волей ответственного министерства. Князь Г. Е. Львов уж и тогда предназначался для роли министра-председателя. Была распространена неосновательная легенда об удивительных его организаторских способностях. Намечались портфели и для других министров. Главные роли были расписаны между лидерами прогрессивного блока. Революция внесла сильные перемены: пал удельный вес правых и октябристов, совершенно непредвиденно выросло значение левых. Надо было дать ответственный портфель Керенскому. Идея коалиции впервые зародилась в думских кадетских кругах. В первоначальном проекте кабинета фигурировали Керенский, как министр юстиции, Чхеидзе, как министр труда. Но Чхеидзе отказался; отказался с другой стороны и Шульгин, которому прочили какой-то портфель. Керенский с помощью Некрасова ввел Терещенко. Революция создала возможность назначить Гучкова военным министром. Так образовалось первое правительство, отразившее в себе и старый строй и еще неоформившиеся начатки нового, сохранившее в себе преемственность государственной думы, которой в жизни уже не было, потому что она отошла в прошлое вместе с царем. В правительстве этом, претендовавшем на единство власти, не было единодушия и цельности, не было своего устойчивого центра.

Правительство формировалось в лихорадочной сутолоке правой половины Таврического дворца. Люди, не спавшие трое суток подряд, потерявшие голос от бесчисленных речей, в перерывах между выступлением на митинге и поездкой в воинскую часть, набрасывали на клочках проекты состава министерства. Кто должен был однако провозгласить это министерство, дать ему жизнь и власть, облечь его верховными прерогативами? Формально это была государственная дума или ее временный комитет. Но у них не было внутренней смелости и решимости сделать это. Боязливо оглядываясь на совет рабочих депутатов, они ждали его согласия и санкции. Было ясно, что без поддержки рабочих и солдат Петрограда власть существовать не

может. Эта поддержка была нужна, и кадеты искали ее. Когда исполнительный комитет совета рабочих депутатов предложил начать переговоры об организации власти, временный комитет с готовностью пошел навстречу.

На третий день после своего возникновения, первого марта утром, исполнительный комитет совета рабочих депутатов поставил перед собою вопрос об организации центральной власти. Раньше не было ни времени, ни возможности на нем сосредоточиться. Дни и ночи были поглощены кипучей организационной работой. Исполнительный комитет завален был массой текущих дел, приемом делегаций от военных частей, улаживанием конфликтов между офицерами и солдатами. Членов исполнительного комитета, в особенности депутатов государственной думы, поминутно отрывали для выступлений на митингах, для поездок в воинские части. Совет рабочих депутатов был в эти дни и главным штабом революции, и центром для решений текущих муниципальных, железнодорожных, продовольственных дел. Исполнительный комитет от вопроса о разрешении выхода в свет газет переходил непосредственно к вопросу о грозящей контр-революционной опасности в одном из военных училищ, и тут же возникал вопрос о поездке Родзянко к царю и вопрос о возобновлении трамвайного движения. Такой же внешней беспорядочностью отличались и заседания совета рабочих депутатов. Порядок выбора депутатов не был строго установлен; для проверки мандатов не было времени. Представителей присылали и мелкие мастерские, и мелкие воинские части, и отдельные учебные заведения, и на второй уже день совет превратился в огромное и шумное собрание, в беспорядочную сходку, которая ничего не могла обсуждать, а только возбужденно слушала и возбужденно аплодировала ораторам. Речи в этой аудитории естественно принимали митинговый характер. В особенности примитивны были выступления ораторов-солдат. У всей массы, сочувственно аплодирующей наиболее радикальным и ярким речам, было естественное тяготение к авторитетным вождям. Исполнительный комитет пользовался доверием, потому что это был исполнительный комитет, хотя члены его мало кому были известны. Зато во главе его стояли Чхеидзе, Скобелев и Керенский, а их имена, в особенности имя Керенского, были популярны.

От имени совета рабочих депутатов были выпущены воззвания, приняты практические решения. Воззвания призывали рабочих и солдат к особой революционной бдительности, к соблюдению правил военного строя при стрельбе на улицах, к организации всех революционных сил вокруг совета рабочих депутатов. Эти воззвания не упоминали ни о войне, ни о республике, ни о социализме. Они носят революционно-демократический характер, и речь в них идет о „народном правлении“ и об учредительном собрании (приложение 6). Некоторые из решений носили характер тактических директив штаба, продиктованных больше революционной доктриной, чем реальной обстановкой. Такова целая программа захвата государственного банка и организации революционных финансовых институтов. В этом не было нужды, потому что никакого сопротивления со стороны старой власти не было, и не было попыток отказать в финансах новому правительству. Совет рабочих депутатов назна-

чил комиссаров для организации районных советов, постановил возобновить железнодорожное и трамвайное движение, разрешил после вынужденного перерыва выход газет (только тех, кто не угрожает революционному движению), каждой с особого разрешения. Одним из первых же шагов совета рабочих депутатов было издание „Известий Совета Рабочих Депутатов“. Для их печатания была В. Бонч-Бруевичем „явочным порядком“ взята типография „Копейка“. В редакционную коллегию входил Суханов, Базаров, Авилов, Стеклов, группа литераторов из журнала „Летопись“, позже составившая редакцию газеты „Новая Жизнь“. Для обсуждения редакционных статей не было времени; директив от исполнительного комитета редакция не получала. Фактически редактировал первые номера Авилов, близкий к большевикам. Кроме него статьи писал Базаров, печатал свои басни Демьян Бедный.

Исполнительный комитет проявил несравненно большую энергию, чем думский временный комитет. Его представители и агенты, его многочисленные добровольцы-сотрудники и уполномоченные были всюду и распоряжались властно на улицах, на вокзалах, в казармах. За ним были рабочие, солдаты, молодежь. К его воззваниям прислушивались как к приказам. Временный думский комитет и не подумал о том, чтобы организовать с первого же дня свою газету. Выходили лишь бюллетени „Известия“ комитета журналистов при государственной думе. Они давали хронику, более полную и богатую, чем в „Известиях Совета“, но несколько тенденциозную. Деятельность и роль совета рабочих депутатов находила в ней лишь слабое отражение. Никаких статей „Известия“ комитета журналистов не печатали, и только по речам Милюкова можно было судить, что круги, близкие к временному думскому комитету, встревожены популярностью совета рабочих депутатов и его притязаниями на власть.

В действительности, совет рабочих депутатов, вернее, исполнительный комитет его, на власть не притязал. Правительственные учреждения, министерства, государственный банк, главный штаб—все переходили в прямое подчинение временному комитету; в его распоряжении был телеграф, железные дороги; он вел переговоры с царем, с Михаилом Александровичем; с ним сносились послы союзных держав. Молчаливо, без всякого предварительного уговора совет рабочих депут. отдавал важнейшие права и функции правительственной власти думскому временному комитету. За ним же молчаливо признавалось право образовать временное правительство. И всё же ясно было, что без санкции и поддержки совета рабочих депутатов образование прочной власти невозможно.

Исполнительному комитету лучше, чем кому-либо другому, было известно, что он образовать правительства не может. Это предлагали сделать большевики, но и в их предложении не было настойчивости. Группа, назвавшая себя исполнительным комитетом на основании декоративного избрания в первом случайном по составу заседании совета рабочих депутатов, представляла пеструю и случайную смесь. Не случайно было избрание Чхеидзе, Керенского, Скобелева. Им, как депутатам-социалистам, естественно было стать и руководителями демократии после революции. Не случайным было и присутствие

в исполнительном комитете и двух-трех политических партийных деятелей, работавших нелегально и до революции. Но случай ввел в состав исполнительного комитета группу литераторов—Стеклова, Суханова, случай ввел представителей солдат, никому неизвестных. Партийных организаций почти не было, они были разгромлены. Революция захватила врасплох политических деятелей социалистов, поставила их перед вопросом о власти, о котором они не думали. Оказавшись носителями власти, они в то же время сознавали свое бессилие, раздробленность и сами боялись неорганизованного стихийного совета рабочих депутатов, которым не владели.

Мысль работала по инерции в прежнем направлении. И кадетам казалось, что революция призвана осуществить план и мечту прогрессивного блока—конституционную монархию, ведущую прежнюю внешнюю политику. А большинству социалистов казалось, что революция призвана осуществить демократическую республику с буржуазным правительством и с левой социалистической оппозицией, не приемлющей ни участия в войне, ни участия во власти.

Но жизнь сразу осложнила схему, и исполнительному комитету пришлось обсудить вопрос о своем участии в первом правительстве революции. Этому было посвящено утреннее и вечернее заседание первого марта.

Вопрос о том, кому брать на себя образование власти, разногласий почти не вызвал. Большевики (Залуцкий, Молотов) не встретили поддержки. Их первый манифест за подписью центрального комитета призывал к выборам в революционное временное правительство (приложение 7). Однако, о совете рабочих депутатов в манифесте не упоминалось. Если не считать указаний на то, что революционное правительство должно немедленно призвать пролетариат воюющих стран к прекращению войны, то и этот манифест не отличался от обычных воззваний и прокламаций до-революционного и довоенного времени.

Подавляющее большинство исполнительного комитета стояло на том, что власть должны организовать буржуазные партии, в первую очередь кадеты. Это—их дело. Предполагалось, что у них есть организация, люди, силы, опыт. Демократия в лице совета рабочих депутатов могла либо разделить власть с ними, либо ограничиться только поддержкой, либо, наконец, сохранить полную самостоятельность независимой оппозиции. К создавшемуся положению, когда еще не было никакого правительства, прикладывали испробованные образцы западно-европейского парламентаризма.

Привычные представления спутывал Керенский. Он должен был войти в кабинет,—это понимали самые непримиримые противники коалиции. Кабинет без Керенского сразу лишился бы значительной доли популярности. Было известно, что с Керенским ведутся переговоры, что предложены портфели ему и Чхеидзе. Те из членов исполнительного комитета, которые стояли за коалицию, советовали Керенскому принять предложение. Но и те, кто видел в коалиции, даже только в поддержке правительства, ведущего войну, измену программе Циммервальда, не могли решиться на прямой уход Керенского от власти, которая фактически уже была в его руках. Чтобы спасти и положение и свою позицию, они предлагали Керенскому явно неприемлемый

для него выход—вступление в кабинет не с одобрения и согласия совета рабочих депутатов, а как частному лицу, по своей инициативе и на свою личную ответственность.

Прения носили страстный и возбужденный характер. Не считая большевиков наметились две группы. Меньшинство, составившееся из части социал-демократов меньшевиков, соц.-рев., бундовцев, народных социалистов, стояли за коалиционное министерство. Большинство, руководимое Сухановым и Стекловым, к которым примкнул и Чхеидзе, высказывалось резко против участия социалистов во власти. Большевики их поддержали. В основе разногласий лежал вопрос об отношении к войне. Оборонцы не боялись того, что социалисты, входя в министерство, берут на себя и ответственность за войну. Циммервальдисты не могли допустить и мысли об этом, хотя им далека была мысль о социалистической революции, и они не все были проникнуты духом воинственности против буржуазного правительства. Напротив, они готовы были оказать ему поддержку, лишь бы не делить с ним формальную ответственность. Прочности и уверенности, впрочем, не было в позициях спорящих сторон. Были такие, которые колебались и в течение дня изменяли свое решение. В то время как Суханов выступал застрельщиком циммервальдизма и склонил на свою сторону большинство исполнительного комитета, в „Известиях“ появилась 2 марта написанная Базаровым редакционная статья (без подписи) о необходимости образования коалиционного министерства. Статья эта вызвала немалое смущение. В исполнительном комитете коалиционность была отвергнута 13 голосами против 7, но меньшинство не считало своего дела проигранным и оставило за собой право отстаивать свою точку зрения на общем собрании совета рабочих депутатов, которому предстояло санкционировать решение исполнительного комитета.

Совет рабочих депутатов должен был собраться утром второго марта. Исполнительный комитет хотел предложить на утверждение его те условия, какие должно было принять для признания своего временное правительство. Определение этих условий не вызвало особых разногласий в исполнительном комитете. Предполагалось, что разрешение основных политических и социальных вопросов (земля крестьянам, 8-часовой рабочий день, демократическая республика) есть дело учредительного собрания, созываемого в самый короткий срок. Ему же принадлежит и решение вопроса о войне и мире. Временное правительство должно лишь обеспечить демократии пользование полной политической свободой. Для этого, помимо немедленного осуществления гражданских свобод для гражданского населения, исполнительный комитет требовал распространения их и на армию, невывода петроградского гарнизона из Петрограда, уничтожения полиции и замены ее милицией, немедленной организации демократических выборов в органы местного самоуправления. Исполнительный комитет, вырабатывая эти условия, хотел сделать их приемлемыми для Милюкова. Поэтому сознательно устранялись самые острые вопросы и особенно вопрос о войне и внешней политике. Исполнительный комитет знал, что члены думского комитета ведут переговоры с царем и с Михаилом Александровичем, что ими предрешен вопрос о конституционной

монархии. Между тем идея республики становилась популярной. „Известия Совета“ только в неопределенной форме писали о вреде всякого компромисса со старой властью и не решались выступить открыто с требованием республики. О ней говорит манифест центрального комитета большевиков, но ее обходит молчанием прокламация организационного комитета р.с.-д.р.п. (меньшевиков) (приложение 8). Первого марта, до отречения царя, эта идея казалась еще слишком радикальной. Исполнительный комитет решил не предъявлять требования провозгласить республику, но решил вместе с тем, что и временное правительство не должно устанавливать до учредительного собрания форму правления. В первом часу ночи в помещении временного комитета состоялась встреча членов временного комитета с представителями исполнительного комитета. Их было четверо: Чхеидзе, Стеклов, Соколов, Суханов. Временный комитет присутствовал почти в полном составе. Руководящую роль в прениях играл Милюков. Главные разногласия вызвал вопрос о правах солдат и о монархии. Среди членов временного комитета не было единодушия. Некоторые правые члены государственной думы, среди них В. Н. Львов, будущий обер-прокурор синода, проявили меньшую непримиримость в отстаивании монархии, чем Милюков. После долгих споров делегация исполнительного комитета согласилась уступить по вопросу о монархии, то-есть сняла свое требование оставить открытым вопрос о форме правления. Она согласилась также составить декларацию о поддержке временного правительства, с осуждением анархии и преследования офицеров. Эта декларация должна была появиться одновременно с объявлением временного комитета о составе правительства и на том же листе.

На рассвете участники совещания разошлись. Проект декларации совета рабочих депутатов был составлен Сухановым, Стекловым и Милюковым, Милюкову принадлежит последний абзац.

7.

Совету рабочих депутатов предстояло утвердить это соглашение и решить вопрос об участии социалистов в правительстве. Заседания ждали с нетерпением и волнением. В городе уже распространились слухи о конфликте между советом рабочих депутатов и думским комитетом, о двоевластии, борьбе за власть. Утром второго марта зал бюджетной комиссии государственной думы, где собирался совет рабочих депутатов, был переполнен рабочими и солдатами. С напряженным вниманием был прослушан доклад Стеклова. С его слов выходило, что одержана была большая победа над буржуазией, которая долго не хотела сдаваться, что уступки были необходимы, но они незначительны и что, в сущности, никакой поддержки правительству не обещано, и серьезные обязательства не даны. После доклада, дипломатического и уклончивого по своему стилю, развернулись прения, обнаружившие сразу, что революционные настроения прочно владеют аудиторией. Речи ораторов большевиков (Молотов, Юренев), выступавших резко против всяких „сделок“ с правительством, имели шумный успех. Большевиков поддерживали и некоторые

меньшевики—циммервальдисты (Ерманский). Однако, выступая против соглашения с временным правительством, большевики и их сторонники не призывали к образованию своего правительства, к захвату власти. При таком радикальном настроении собрания сторонникам коалиции приходилось защищать уж не свою позицию и говорить не об участии социалистов в правительстве, а защищать позицию большинства исполнительного комитета и говорить об опасности раскола в революции, о необходимости соглашения с буржуазией и поддержки правительства. В общем ораторы (Иванович, Заславский, Канторович, Дюбуа) защищали положения вышедшего накануне манифеста организационного комитета р. с.-д. р. п. об опасности для пролетариата оказаться в изолированном положении на первых же порах буржуазной революции. О коалиции в речах почти не упоминалось.

И тем не менее этот вопрос был поставлен и разрешен вопреки воле исполнительного комитета. Это сделал Керенский. Резолюция исполнительного комитета делала невозможным его участие в правительстве. Он мог аппеллировать к совету рабочих депутатов и сделал это в форме, нарушающей обычные представления о голосовании резолюций. После доклада Стеклова, появившись где-то сзади, он встал на стол и потребовал слова вне очереди. Имя его производило магическое действие. Бледный, волнующийся, он заявил, что ему только что сделано предложение вступить в правительство. В его руках сановники, он не решается их выпустить, и поэтому он дал согласие стать министром. Он республиканец, он готов умереть... Патетические фразы, полубессвязные, но сказанные с сильным подъемом, с непривычным для впечатлительной аудитории мелодраматическим эффектом дали тот результат, которого ожидал Керенский. Собрание устроило ему восторженную овацию, согласилось на вхождение его в состав правительства, выразило ему доверие. Отдельные протестующие голоса потонули в буре аплодисментов и приветственных криков. Исполнительный комитет не смел возражать. Резолюция его осталась в силе, и всё же, нарушая ее, Керенский с ведома и согласия совета рабочих депутатов, без формальных возражений со стороны исполнительного комитета вошел в состав правительства, будучи в то же время товарищем председателя совета рабочих депутатов.

Совет рабочих депутатов плохо разбирался в положении вещей. Он сочувственно аплодировал речам ораторов большевиков и почти единогласно (против 15 человек) принял предложение исполнительного комитета и утвердил те условия, которые были выработаны по соглашению с думским временным комитетом. Заседание окончилось в седьмом часу вечера, но еще до конца его Милюков объявил на митинге в Екатерининском зале, что соглашение достигнуто, и правительство образовано.

Эта первая министерская речь Милюкова послужила поводом и к первому же правительственному кризису, который прошел незамеченным только потому, что продолжался всего два или три часа и поглощен был другими, более важными событиями.

Милюков говорил перед разношерстной толпой Таврического дворца, где были и рядовые рабочие, солдаты, обыватели, восторженно относившиеся

ко всем чудесным явлениям революционных дней; были и более сознательные и политически испытанные слушатели; были, наконец, и люди, настроенные враждебно к кадетам и склонные видеть во всех их действиях предательство и измену. Толпа восторженно встретила слова Милюкова об отречении царя, о низложении „старого деспота", аплодировала, когда Милюков говорил о необходимости организованно вести борьбу. Сочувственно были приняты слова об организации правительственной власти. Милюков говорил очень искусно, избегая острых вопросов, и вначале не давал повода к неудовольствию со стороны противников. Критические замечания в толпе и некоторый ропот начались, когда Милюков стал перечислять имена новых министров. Имя Керенского было встречено бурными аплодисментами. Терещенко и Коновалов вызвали недоумение, Гучков — сдержанное молчание. Быть может, Милюкову и удалось бы закончить благополучно первую свою речь, если бы не возник вопрос о династии и монархии. Но этот вопрос был поставлен слушателями, и надо было дать на него ответ. Об отречении царя было известно, и идея республики за несколько часов сделала огромное завоевание. Милюков ответил прямо и твердо, что престол перейдет к Алексею с Михаилом Александровичем, как регентом. Негодующие крики прервали его, и с большим трудом удалось успокоить взволнованную аудиторию. Милюков начинал говорить, его снова прерывали. Он не отказался от своих слов. Упоминанием об учредительном собрании, о соглашении с советом рабочих депутатов ему удалось вернуть себе расположение аудитории. Его проводили бурными аплодисментами. Однако эффект министерского дебюта был испорчен, и после речи Милюкова зал Таврического дворца долго походил на встревоженный улей. Вопрос, которому еще вчера исполнительный комитет не придавал особого значения, приобрел первостепенную важность. И всюду шли споры о республике и монархии, и уже толковали о предательстве со стороны правительства.

Члены думского комитета, и без того запуганные и растерявшиеся, были встревожены приемом, оказанным Милюкову. В воинских частях еще не улеглось возбуждение против офицеров, происходили эксцессы, число которых молва безмерно преувеличила. Малейший толчек грозил массовыми убийствами на манер тех, какие произошли в Балтийском флоте. И легко представить себе, какое впечатление произвела на думский комитет делегация офицеров, потребовавшая во имя спасения офицеров, чтобы немедленно опровергнуты были слова Милюкова о династии и монархии. Эти слова, ставшие сейчас же известными в городе, вызвали крайнее возбуждение в некоторых воинских частях.

Думский комитет немедленно сдал свою позицию и, вопреки истине, официально объявил, что слова Милюкова представляют личное его мнение. Тем самым эта позиция лишилась почвы под собою. В страхе перед революцией большинство думского комитета, и при том правая его часть, готова была пожертвовать Алексеем и Михаилом, как пожертвовала она Николаем. Милюков однако твердо стоял на своем. Для него конституционная монархия была основным догматом политической системы, и в защите монархии он был более непримирим, чем вчерашние поклонники само-

державия. И редактируя, — уже после памятного своего дебюта, — вместе с Сухановым декларацию совета рабочих депутатов и объявление об образовании временного правительства, он упорно отстаивал право правительства провозгласить конституционную монархию.

В типографии „Известий Совета“ набиралась уже в это время резкая статья против Милюкова за его выступление в Екатерининском зале и статья в защиту республики. И нет сомнения, что на другой же день новому правительству пришлось бы столкнуться с бурным недовольством возбужденных рабочих и солдат, и трудно сказать, каков был бы исход этого столкновения. Но события предупредили возможность такого столкновения. Удар позиции Милюкова был нанесен с другой стороны.

Утром третьего марта вернулись в Петроград из Пскова Гучков и Шульгин, и стало известно, что отпала кандидатура Алексея на престол. Положение изменилось. Если трудно было отстаивать права прямого наследника, то еще труднее стало защищать права Михаила Александровича. Монархия сама упраздняла себя. Позиция республиканцев приобретала непреодолимую силу. Керенский в составе нового правительства решительно вел борьбу за республику. Большинство министров колебалось и боялось вступить с первых же шагов в прямую борьбу с оппозицией.

Неизвестно было, как отнесется к предложенному ему престолу Михаил Александрович. Рано утром состоялось заседание правительства. Страстные прения ни к чему не привели. Решено было, что на совещании у Михаила Александровича обе стороны изложат свои соображения и предоставят Михаилу Александровичу выбор решения. В 12 ч. дня состоялось это совещание на Миллионной ул., во дворце князя.

Кроме министров, были некоторые члены временного думского комитета, в том числе Родзянко. Стороны вопреки уговору не один, а два раза обменялись полемическими репликами. Михаил Александрович молча выслушал спорящих, затем вышел в соседнюю комнату и пригласил к себе Родзянко. Вскоре он заявил ожидавшим ответа министрам, что принятием короны он не желает дать повод к междоусобиям, а потому отрекается от престола. Керенский воскликнул: „Вы благородный человек“. Милюков ничего не сказал, но вслед затем заявил своим коллегам, что выходит из состава правительства. Винаверу было поручено уговорить его вернуться, и через несколько часов, к вечеру того же дня, Милюков был уже снова министром. Публика об этом внутреннем кризисе правительства не узнала.

Редакция манифеста Михаила Александровича была поручена Набокову и барону Нольде. До опубликования его задержали опубликование манифеста Николая об отречении. В этом манифесте бывший царь предлагает своему преемнику „править делами в полном и ненарушимом единении с представителями народа“... на тех началах, „кои ими будут установлены“. В отказе от власти Михаила эта мысль выражена более отчетливо и резко. Михаил Александрович заявляет, что учредительному собранию надлежит „установить образ правления и новые основные законы государства российского“, и что только с согласия демократического

учредительного собрания он, Михаил Александрович, может „воспринять верховную власть" (приложение 9, 10).

Третьего марта в „Известиях Совета" были опубликованы рядом состав временного правительства и декларация исполнительного комитета совета рабочих депутатов. Первый документ озаглавлен „От Временного правительства" и подписан М. Родзянко и министрами. В тексте сказано, что первый общественный кабинет назначен временным комитетом гос. думы. Затем в виде оснований, которыми будет руководиться кабинет в своей деятельности, перечислены все пункты соглашения с советом рабочих депутатов: 1) полная амнистия, 2) все гражданские свободы, для военных—„в пределах, допускаемых военно-техническими условиями", 3) отмена всех вероисповедных и национальных ограничений, 4) немедленная подготовка созыва учредительного собрания, 5) замена полиции милицией, 6) демократические выборы в органы местного самоуправления, 7) неразоружение и невывод из Петрограда его гарнизона, 8) при сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы—устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами. Кроме перечисленных пунктов правительство обещало (таково было дополнительное требование совета рабочих депутатов) не пользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления реформ (приложение 11).

Декларация исполнительного комитета состоит из трех абзацов. Первый говорит о том, что правительство образовано умеренными общественными слоями, что реформы, им объявленные, „должны приветствоваться широкими демократическими кругами". Новому правительству обещана поддержка демократии „в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью". Это было первое официальное выражение знаменитой впоследствии формулы „постольку-поскольку".

Второй абзац призывает к энергичной борьбе с анархией. Третий (написанный Милюковым) выступает в защиту офицерства, требует терпимого отношения к нему и забвения прежних несущественных проступков со стороны офицеров против демократии (приложение 12).

Четвертого марта были официально распубликованы манифесты об отречении Николая и об отказе Михаила.

Ближайший путь перед правительством был расчищен. Устранены те главные препятствия, которые грозили с первого же дня сорвать мирное течение революции и осложнить ее преждевременными кризисами. Безболезненно ликвидирована монархия, достигнуто соглашение с демократией.

С четвертого марта напряжение общества сразу ослабевает. После острой тревоги, порожденной слухами о борьбе за власть, о растущей анархии, о возможном срыве революции, общество успокаивается. Восстанавливается постепенно обычная жизнь. Конечно, спокойствие это чисто внешнее и непрочное. Рождаются в новых условиях и новые явления, непривычные, странные, непонятные, внушающие одним крайний восторг, другим крайнюю тревогу. Выбитая из прежнего русла жизнь ищет нового.

Это относится в особенности к армии. Солдат был героем революционных дней. Он вышел из казарм со знаменем восстания и, конечно, не мог просто вернуться в казармы и занять там прежнее свое место. Это сознают и те, кто хотел бы, чтобы революция закончилась сменой правящих верхов. Война придает особую остроту вопросу об армии, о положении солдата, и вокруг этого вопроса с первых же дней завязывается серьезная борьба.

8.

Восстание солдат в Петрограде началось с убийства офицеров. В испуге командный состав некоторых полков разбежался и вернулся в свои части лишь позже, когда революция приняла организованный характер, и началось присоединение к ней целых частей с генералами и офицерами во главе. Тем не менее трещина в отношениях между солдатами и офицерами осталась, и обе стороны всё больше ее углубляли. Восстание было нарушением воинской дисциплины, и восставшие боялись наказания и мести. В первый день они видели в офицерах врагов своих и всюду на улицах разоружали офицеров. Это продолжалось и в следующие дни, хотя командный состав заявил о своем подчинении государственной думе. Осталось у солдат недоверие даже к наиболее близким им командирам, боязнь, что они захотят вернуть утраченное положение. Офицеры в большинстве своем не могли забыть пережитых ими минут страха, оскорблений, внезапной потери авторитета. Только небольшая часть офицеров могла открыто и свободно примкнуть к революции. Большинство сочувствовало политическим реформам, ненавидело опозоривший себя двор, но в революции, захватившей казарму, видело неминуемый развал армии и военное поражение.

Прямое преследование офицеров прекратилось уже первого марта. Офицеры могли без опасений показываться на улицах. Но тревога и волнение в частях улеглись не скоро. Первого марта распространился среди солдат слух, будто-бы офицеры отбирают оружие у солдат. Создалось тревожное настроение, которое улеглось лишь после выпущенного в свет приказа председателя военной комиссии полковника Энгельгардта. В приказе сообщалось, что слухи были проверены в полках и оказались ложными. Слухи такого рода возникали непрерывно, и в полки выезжали члены государственной думы, особенно левые, стараясь примирить солдат и офицеров.

Временный думский комитет, его военная комиссия, исполнительный комитет совета рабочих депутатов принимали различные меры, чтобы вернуть офицеров в свои части и восстановить их положение. Были выпущены воззвания и к солдатам и к офицерам, в собрании армии и флота состоялся многотысячный митинг офицеров. В своей резолюции они предали проклятью старый строй, напоминали солдатам о вместе пролитой в окопах солдатской и офицерской крови и призывали к дружной работе. „К величайшему нашему прискорбию,—говорится в воззвании офицеров к солдатам,— как среди солдат, так и среди офицеров были предатели народного дела, и от их предательской руки пало много жертв среди честных борцов за

свободу." Воззвание заканчивается словами о совместном объединении „для окончательной победы над врагом как на фронте, так и внутри России".

Благодаря воззваниям, речам и прямому посредничеству членов государственной думы вражда к офицерам не зашла так далеко, как в Кронштадте, в Балтийском флоте. Но под покровом внешнего примирения продолжался раскол в армии.

Солдаты группировались вокруг совета рабочих депутатов, который со второго марта стал называться советом рабочих и солдатских депутатов. В своих приказах исполнительный комитет обращался к солдатам в тоне и стиле командного штаба: „Солдаты, везде поддерживайте порядок. Сами идите стройными маршевыми командами или цепями, соблюдая всё воинское дело в битве с врагом... Солдаты, в опасных местах не забывайте посылать разведчиков, держите между постами и отрядами связь и охранение..." На половине совета рабочих депутатов представители-солдаты получали указания, находили знакомых. В хаосе и сутолоке первых дней революции создавалась живая связь между воинскими частями и советом.

Командный состав, примкнувший к революции, естественно тяготел к думскому комитету и его военной комиссии. Когда руководство ею перешло к Гучкову, военная комиссия наполнилась генералами, полковниками и вскоре приняла внешний вид штаба, недоступного для солдат. Этот штаб был настроен весьма предупредительно к солдатам, даже заискивающе, но не было живой и прочной связи между правым и левым крылом Таврического дворца, чувствовалось недоверие, переходящее быстро в подозрительность. Слухи и толки о двоевластии здесь отражались в толках о заговорах, замышляемых против совета рабочих депутатов. В агитационных речах справа говорили об анархии, раздуваемой социалистами, слева—о контр-революционном гнезде, засевшем в военной комиссии.

Ясно было, что прежняя дисциплина и прежний внутренний воинский строй подорваны окончательно, и восстановление их безнадежно. Старая казарма не вмещалась в провозглашенные теперь формы полной политической свободы. Временное правительство распространило эту свободу и на военных, ограничив ее „военно-техническими условиями". Это было общее положение. Надо было немедленно выработать определенные правила, которые точно указали бы и солдату и офицеру его новые права и обязанности. Временный думский комитет и тут проявил бессилие, нерешительность, неумение и неспособность руководить событиями.

Инициативу взял на себя совет рабочих депутатов,—вернее, сами же солдаты. Исполнительный комитет был завален текущими организационными делами, общее собрание совета рабочих депутатов представляло из себя митинг. Но представители солдат настоятельно требовали определенных указаний и сами же взялись за их составление.

Первого марта, в то время, как исполнительный комитет был занят вопросом об отношении своем к организующемуся временному правительству, в соседнем помещении шло шумное и беспорядочное собрание солдатских представителей. Председательствовал Н. Д. Соколов. Видных и ответственных деятелей исполнительного комитета не было. Вниманием солдат

больше других владел „товарищ Максим“—С. А. Кливанский. Собрание находилось под впечатлением слухов о начинающемся разоружении солдат, об угрожающем поведении офицеров, группирующихся вокруг военной комиссии государственой думы. И ораторы и слушатели были возбуждены и настроены решительно. По предложению Кливанского были намечены следующие меры: 1) „Немедленно предложить товарищам солдатам не выдавать оружия никому. 2) Предложить тов. солдатам немедленно избрать представителей в совет солдатских и рабочих депутатов по одному на каждую роту. 3) Предложить тов. солдатам подчиняться при своих политических выступлениях только совету р. и с. д. 4) Предложить тов. солдатам, подчиняясь во фронте офицерам, вместе с тем считать их вне фронта равноправными гражданами“. Эти намеченные меры были приняты. К ним собрание присоединило и свои: выбор ротных и батальонных комитетов, которые заведывали бы всем внутренним распорядком полков; подчинение военной комиссии лишь до той поры, пока ее распоряжения не расходятся с постановлениями совета рабочих депутатов, и др. Для редактирования этих мер и для составления воззвания была избрана комиссия, которая тут же и занялась делами. Руководил комиссией Соколов, но руководства в сущности никакого не было. Воззванию придали внешний вид приказа. Его сочиняли несколько человек по указаниям собрания, где выходили на трибуну никому неизвестные солдаты, вносили предложения, одно другого радикальнее, и уходили при шумных аплодисментах. Ошибкою было бы искать индивидуального автора этого произведения, получившего историческую известность под именем „приказа № 1“. Его составила солдатская безличная масса, приведенная в крайнее возбуждение. Члены исполнительного комитета познакомились с ним впервые, когда он на другой день, второго марта, появился в „Известиях Совета“ (№ 3). Приказ обращается ко всем частям петроградского гарнизона, составлен в обычной форме воинских приказов, заканчивается словами: „настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках“... и т. д. Подписан петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Уж по одной этой форме этот приказ не мог оставить ни малейшего сомнения у солдат, что совет есть государственная власть, призванная приказывать не только гражданам, но и военным.

Приказ состоит из восьми пунктов. Первые три говорят о выборах ротных, батальонных и пр. комитетов, причем функции этих комитетов, их права, состав не указаны; о выборах представителей в совет рабочих депутатов и о подчинении во всех политических выступлениях совету. Пункт четвертый предписывает подчинение приказам военной комиссии государственной думы за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям совета р. и с. д. Наиболее значительными являются пункты 5 и 6.

„П. 5. „Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и **ни в коем случае не выдаваться офицерам** (подчеркнуто в подлиннике) даже по их требованиям.

П. 6. В строю и в отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и

строя в своей политической, обще-гражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане".

Далее, приказ № 1 отменял вставание во фронт, отдание чести вне службы, титулование офицеров благородиями и превосходительствами, запрещал обращение на „ты" и вообще грубое обращение, устанавливая в этом отношении контроль комитетов над офицерами (приложение 13).

„Приказ № 1" не вводил выборности командного состава, не предоставлял комитетам командных прав. Он требовал соблюдения на службе и в строю строжайшей воинской дисциплины. Авторы приказа были убеждены, что можно совместить воинскую дисциплину и воинскую организацию с тем внутренним строем, который они вводили единым росчерком пера. Во многом,— и в частности в распространении всех гражданских и политических прав на солдат,—они не шли много дальше временного правительства и генералов из военной комиссии государственной думы. Но уж одна властность приказа, исходящего от совета рабочих депутатов, и создание выборных комитетов с неопределенными полномочиями, способна была разбить существующую воинскую организацию. Офицер переставал быть командиром; он превращался в лучшем случае в инструктора.

Известно, какое впечатление произвел на офицеров и на умеренные круги „приказ № 1". В первые дни, впрочем, ему не приписывали такого значения, как это было впоследствии. В сознании победы, одержанной так легко над старой властью и накануне перехода всей власти к умеренным кругам, общественные деятели склонны были многое относить к неизбежным эксцессам первых дней,—эксцессам, с которыми легко будет справиться.

В день своего появления „приказ № 1" внушил тревогу преимущественно возможностью непосредственных последствий—усилением вражды к офицерам. Страсти еще не остыли. Накануне только был выпущен и ходил по рукам листок за подписью соц.-дем. большевиков и „междурайонцев". Исполнительный комитет часть этих листков конфисковал. Чхеидзе на публичном митинге назвал его „провокаторским", оговорившись впоследствии в печати, что этот его эпитет относится к другому листку,— какому, неизвестно. Настроение было таково, что Н. Д. Соколов, которому предложено было написать проект декларации совета рабочих депутатов об организации власти, сочинил произведение, охарактеризованное не только Милюковым, но и Сухановым, как призыв „бить офицеров".

Слухи и толки, возбужденные речи, листки, похожие на „провокаторские", приказ № 1—всё это сваливалось в кучу и преподносилось как растущая анархия. Члены исполнительного комитета, узнавшие из газеты об этом приказе, отреклись от него при первом же запросе со стороны временного правительства. Отменить его нельзя было. Действие его пытались ослабить разъяснением, что он относится к Петрограду. Это не достигло цели. Переданный по телеграфу приказ № 1 стал известен всей действующей армии.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые дни революции в России.

Переворот в Москве. — Петроградская губ. — Сохранение порядка старыми властями и признание временного правительства: Киев, Уфа, Самара, Ростов н/Д., Полтава, Тифлис, Екатеринослав. — Колебания в признании временного правительства: Харьков, Рязань, Одесса, Новочеркасск, Сибирь, Витебск. — Сопротивление старой власти: Пенза, Тверь, Царицын, Орел.— Черносотенная агитация.

В Петрограде народ на митингах и на улицах решал, быть или не быть в России монархии, в Петрограде уничтожались с лихорадочной поспешностью эмблемы старого строя, а на всем протяжении провинциальной России попрежнему царила глухая тишина, сохранялся полицейский покой. В Москву доходили всё же известия и слухи; до губернских городов и слухи не успели дойти. Снежными заносами прервано было к тому же во многих местах железнодорожное сообщение.

В Москве знали, что в Петрограде начались забастовки. Московские газеты напечатали приказы генерала Хабалова, сообщили о заседании городской думы 27 февраля и о совещании в Мариинском дворце. Известно было, что не вышли газеты. Ничего больше не пропустила военная цензура. Но действовал телефон, и редакции газет получили хронику, напечатанную в „Известиях“ комитета журналистов. В рукописных листках сенсационные известия мгновенно распространились по городу и вызвали общее и радостное возбуждение. Городская дума стала центром, куда стекался со всех сторон народ. Власти во главе с генералом Мрозовским, командующим московским военным округом, на запрос городского головы Челнокова отвечали растерянным отрицанием переворота. Порядок не нарушался. Стянутые на площадь войска держались миролюбиво и не мешали митингам и манифестациям у думы. Совещание у генерала Мрозовского признало комитет из представителей общественных организаций, образовавшийся в думе, а 1-го марта телеграммой Родзянко Челноков был назначен комиссаром временного комитета государственной думы. Мрозовскому Родзянко предложил признать новую власть. Мрозовский не препятствовал, но и не подчинился официально и был арестован. Переворот совершился безболезненно. Совет рабочих депутатов, организованный уже 28-го, занял позицию более решительную и воинственную, чем петроградский. Но на первых порах это выразилось только в более энергичной формулировке политических резолюций.

Из провинциальных городов первыми узнали о перевороте соседние с Петроградом. В Царском Селе, Ораниенбауме, Петергофе старая власть

смещена была воинскими частями, — почти всюду безболезненно, без пролития крови. Исключение составляет Кронштадт, примеру которого потом последовали и другие города Балтийского побережья.

Кронштадтские события излагаются ниже в главе „Революция в армии".

Вся губернская и уездная Россия узнала о перевороте из телеграмм Бубликова и Родзянко. В различных городах власть по иному отнеслась к революции. Ошеломленные событиями, в крайней растерянности, некоторые губернаторы сразу устранились и передали власть в городе общественным организациям. Воинские части немедленно переходили на сторону народа, командный состав не пытался оказывать сопротивление. Порядок не нарушался. Новая общественная власть по примеру Петрограда производила аресты высших губернских чиновников, распускала полицию и жандармерию, организовывала милицию. Так было в Нижнем-Новгороде, Пензе, Костроме, Казани, Курске (здесь губернатор бежал), Ярославле, Царицыне, Иваново-Вознесенске, Владимире. В этих городах с первого же дня начиналась новая жизнь. По улицам ходили торжественные манифестации, столкновений почти не было, радостное возбуждение ничем не нарушалось. Переворот сразу и полностью вошел в жизнь.

В других городах власти, получив телеграмму Родзянко, не пытались скрыть их от населения, но и не усмотрели в них необходимости немедленно сложить свои полномочия и передать управление общественным организациям. Имя Родзянко внушало повидимому уверенность, что административный строй может остаться неизмененным в основах, изменится лишь политика власти. Конечно, власти и здесь растерялись и не знали, что им делать. Однако, они остались на своих местах и пытались, как умели, провести революцию сверху. Петроград им никаких указаний не давал. Они считали своим долгом прежде всего сохранить порядок, и это было тем легче сделать, что не было серьезных попыток его нарушить. Так было, например, в Киеве. Первые телеграммы, полученные 28 февраля, цензура задержала. Но уже 1 марта телеграмма об образовании новой власти была передана газетам, и в то же время к командующему военным округом были приглашены редакторы газет. Их просили содействовать порядку. Военная цензура не прекращала своей деятельности и в следующие дни. Телеграммы петерб. телеграфного агентства приходили беспрепятственно, но газеты должны были сохранять сдержанность в передаче местных сообщений и в оценке событий. Губернатор издал приказ о подчинении временному правительству и о соблюдении порядка. Прокурор приступил к освобождению с разбором политических заключенных и освобождал только числящихся за судебными властями. Полиция вся осталась на местах, и на собрании полицейских полицеймейстер призывал к подчинению новой власти и строгой охране порядка. Черносотенные организации и круги, ошеломленные событиями, ничем себя не проявляли, но и не были ликвидированы. Население было радостно возбуждено, устраивало манифестации, но выжидало, как далее разрешится это мирное сожительство свалившегося с неба республиканского строя с монархическими властями.

В Уфе губернатор 1 марта издал объявление о перемене власти, на следующий день образовался комитет общественных организаций для конт

роля над местными властями, которые все остались на местах. В Самаре организован был комитет безопасности, и ему с разрешения губернатора подчинена была полиция. В Ростове н/Д градоначальник и войсковой атаман явились на совещание с общественными деятелями и официально признали новую власть. Они были оставлены на своих постах. В Полтаве губернатор на собрании городской думы сообщил о происшедшем перевороте, при его участии был избран комитет для поддержания порядка, он же телеграфировал во все уезды о новом правительстве и о необходимости спокойно продолжать работу.

Быть может, в Тифлисе наиболее ярко выразилось единение общественных кругов со старой властью. Там в дни революции находился наместник Кавказа и командующий кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич. Власть не скрывала происшедшего. Волнений в войсках не было. Революция сразу облеклась в форму военного парада. На митингах с речами выступали генералы. Николай Николаевич заявил корреспондентам газет, что он не допустит никакого „контр-движения", и что будут смещены все чиновники, не признающие новой власти. Жандармское управление было упразднено, но полиция осталась на своих местах. На приеме у Николая Николаевича городской голова и представители партии меньшевиков Жордания и Рамишвили получили заверения наместника в полной его лойяльности. Со своей стороны Николай Николаевич просил представителей общественности содействовать ему в сохранении порядка. Доверие к власти было так велико, что совещание гласных признало излишним образование общественного комитета с функциями правительственного органа.

Рекорд лойяльности побит, повидимому, Екатеринославом. Там губернатор издал такое постановление: „Предписываю всем чинам и лицам повиноваться всем распоряжениям нового правительства. Всякие выступления против нового правительства будут всемерно преследоваться и караться по всей строгости". Приказ аналогичного содержания был издан и начальником губернского жандармского управления, которое, надо думать, собиралось охранять революцию от посягательств на нее не только справа, но и слева.

Эта идиллия продолжалась, конечно, всего несколько дней. Но конец ей положило не население, а приказ из Петрограда об упразднении губернаторов.

В целом ряде городов местная власть не сразу и лишь после колебаний признала временное правительство. В Харькове военная цензура еще 2 марта запрещала печатать всякие известия из Петрограда. „Южный Край" всё же напечатал телеграмму об образовании временного правительства и был за это оштрафован на 3.000 руб. Губернатор не разрешал сначала собрания гласных. Оно всё же состоялось и постановило освободить политических заключенных. Прокурор, однако, отказался освободить отбывающих наказание по приговору суда. Перед зданием городской думы собирались митинги, полиция заявила о признании временного правительства, но только 4 марта городской комитет вступил в управление городом. Губернатор был арестован. В Рязани 1-го марта по распоряжению губернатора была взята подписка с редактора „Рязанской Жизни" ничего не печатать о событиях. Население жило слухами и терпеливо выжидало. Второго марта в городе получены были „Известия" московского совета рабочих депутатов. Скрывать истину

было невозможно, и всё же губернатор запрещал печатать официальные телеграммы, а газета не нашла в себе мужества напечатать их без разрешения. Через несколько дней губернатор, вице-губернатор и жандармские чины были арестованы. В Одессе газеты только 3 марта могли оповестить население о происшедшем, и то цензура разрешила напечатать только некоторые телеграммы ПТА. Полный отчет о петроградских событиях появился в газетах 5 марта после отмены военной цензуры. Власть не допускала никаких выступлений. Население боялось погрома, к которому готовились черносотенные организации. По представлению общественного комитета генерал-губернатор Эбелов устранил от должности полицеймейстера Скалона. В Новочеркасске уже объявлено было о происшедшей перемене, а еще 4 марта ходили по улицам патрули солдат и казаков и в участках сидели в полном составе наряды городовых. Учебные занятия и работы не прерывались. Войсковой атаман издал приказ о подчинении новой власти, а городское самоуправление—призыв к населению: „Не нужно ни уличных выступлений, ни манифестаций, чтобы сплотиться вокруг нового правительства". В Минусинске власти три дня задерживали телеграмму об образовании временного правительства. То же было и в Иркутске, и в Петрозаводске, и в других городах. В Витебске третьего марта впервые появились в местных газетах глухие намеки на петроградские события. Обращение Родзянко к крестьянам о подвозе хлеба для армии было напечатано в искаженном виде. Еще 4-го марта распоряжалась в городе старая власть, и вокзалы охранялись жандармами и полицией. Так было и в других городах, прилегающих к фронту.

Были таким образом попытки задержать революцию, скрывая известия о ней; попытки обезвредить ее, придав ей официально-благонамеренный вид, поставив ее под охрану старой власти. Не было попыток оказать ей открытое сопротивление. Отречение царя и отказ Михаила от престола, образование власти из умеренных кругов сразу лишили контр-революцию почвы. И для России переворот совершился действительно бескровно. В подавляющем большинстве городов ликование народа, общий энтузиазм ничем не были омрачены. Население получило свободу, как дар. Только Петроград пережил революцию, для России она пришла сверху.

В отдельных местах происходили волнения, были даже небольшие погромы. В Пензе во время манифестации солдаты убили бригадного генерала. В Твери бил убит губернатор Бюнтинг. В городе разгромлены были винные склады, разграблен старинный дворец. К вечеру порядок был восстановлен. Небольшие волнения имели место в Царицыне,—там полицейские сыщики оказали вооруженное сопротивление. В Орле на вокзале произошла стычка между офицерами и жандармами. После перестрелки жандармы бежали.

Отмечено несколько случаев черносотенной агитации со стороны православного духовенства. В Екатеринбурге епископ Серафим в соборе назвал исполнительный комитет государственной думы „шайкой бунтарей". В Царицыне местным исполн. комитетом арестован был священник Горохов, произнесший в церкви речь с призывами к восстанию против нового строя. Погромы, не принявшие широких размеров, происходили в некоторых местах на Украине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Революция в армии.

Когда фронт узнал о перевороте. — Предреволюционные настроения солдат и офицеров. —Роль окопной интеллигенции. — Ходоки и делегаты. — Вопросы, волновавшие армию. — Стихийное влечение к миру. — Различие между тыловым и фронтовым настроением. — Солдатские „требования". — Эксцессы в тылу: флотская эпопея.—Кронштадт, Свеаборг, Гельсингфорс. — Смещение военачальников. — Выборные комитеты: их роль, функции и значение. — Перерождение солдатской психологии. — Армия — народ.

Не сразу и не одновременно фронт узнал о происшедшем перевороте. Сеть штабных квартир и полковых канцелярий была не менее густа, чем колючая проволока, опутывавшая окопы. Некоторые участки фронта узнали об отречении Николая II только 17 марта. Так свидетельствовали впоследствии об этом многочисленные ходоки и делегаты, которых действующая армия направляла в Петроград.

Для солдатской массы происшедшее было неожиданным, сначала даже мало-понятным явлением. Серая, однообразная окопная жизнь, скованная дисциплиной и тупой безнадежностью, не предвещала никаких перемен. Связь с тылом у солдат была очень слабая. Газетные сведения были недоступны, частные — скудны и за пределы домашнего обихода не выходили. Фронт изо дня в день жил мелочами боевой обстановки; нервно оживал к моменту наступления или отхода и пассивно замирал в долгие месяцы неподвижности. Недовольство солдат дремало. Неудачи кампании, необеспеченность армии, плохое ее снабжение боевыми материалами глухо приписывалось предательству верхов, высшего начальства. Это и было, пожалуй, единственной темой солдатских пересудов. В таком условном смысле сознание солдат революционизировалось.

В офицерской среде толки принимали более определенный характер. Речи думской оппозиции, проникавшие на фронт, встречали живой отклик офицерства. Правительство теряло доверие, династия — авторитет. Распутинская эпопея вызывала всеобщее возмущение. Германское влияние при дворе казалось многим бесспорным. У всех складывалось убеждение, что армию выдают головой и что при существующем строе власти довести войну до благополучного конца невозможно. Ген. Деникин в своих „Очерках русской смуты" подробно характеризует настроение в то время кадрового офицерства, даже гвардейского, рвавшего вековечные традиции верноподданнической преданности. Разговоры о перевороте были распространены. Старый режим фатально разрушал все живые ткани. Психологическая почва для революции была подготовлена...

Естественно, что первые известия о происшедшем перевороте встречались с удовлетворением. Свержение правительства, арест крупных сановников старого режима, даже лишение свободы царской семьи — всё это воспринималось, как справедливое наказание за тяжкое преступление против народа и армии.

Разобраться в происшедшем солдат самостоятельно не мог. Его инстинктивно потянуло к новой власти, но усвоить социальный и политический смысл переворота было ему не по силам. На помощь пришла окопная интеллигенция: низшее офицерство, прапорщики запаса, вольноопределяющиеся, врачи. Первоначальный тон в армии был дан именно этой интеллигенцией. Она первая заявила о своей приверженности новому строю, чем сразу возвысила себя в глазах солдатской массы; она же наложила отпечаток умеренности и лойяльности на все выступления фронтовых частей в первые дни.

Действующая армия своеобразно могла осуществить революционный переворот. В городах и уездах, в тылу революцию *делали*, и она проходила на глазах у населения: смещались старые власти, возникали новые; одних освобождали из тюрем, других арестовывали; кипела уличная жизнь, словом, создавался новый быт, который быстро просвещал и образовывал людей. Фронт не испытывал влияния революции, пока не появился приказ № 1 [1]).

С того момента, как приступили к образованию выборных солдатских комитетов, как только солдаты услышали „приказ“ революционной власти, зашевелился и начал проявлять себя многомиллионный окопный народ... Впервые появилось непреодолимое желание связаться теснее с революционным центром, узнать всю правду непосредственно из первоисточника; в связи с этим первые по времени революционные требования солдат содержат „отрешение от должностей тех главнокомандующих армиями, кои препятствуют распространению сведений о революции, а также допуск делегатов на фронт“... Попытки высшего командования пресечь прямую связь действующей армии с советом рабочих и солдатских депутатов несомненно делались, но кончались неудачей. Быстро побежали с тыловых центров ручейки устной и печатной агитации, принявшие скоро размеры непреодолимой волны. Встречным потоком с фронта понеслись бесчисленные делегации и депутации разных воинских частей, которые буквально затопили исполнительный комитет петроградского совета. Обычно они срывались с передовых позиций небольшими группами в 5—6 человек, имея в своей среде обязательно одного-двух офицеров. Каждое слово, которое им удавалось услышать из уст авторитетного лица, записывалось главой делегации. Многие из них привозили длинный свиток вопросов разнообразнейшего содержания. Разъяснения должны были служить материалом для информации на фронте [2]).

Интерес вызывали главным образом следующие вопросы: 1) взаимоотношение между временным правительством и советом, 2) 8-ми часовой рабочий день и призводительность работы тыла на оборону, 3) земля,

---

[1]) Деникин в своих воспоминаниях приписывает первое разлагающее влияние на дисциплину в армии приказу Гучкова от 5 марта, изменившему устав внутренней службы (см. „Очерки русской смуты“, т. 1, стр. 62 и сл.).

[2]) Одной из первых была фронтовая делегация от моторно-понтонного баталиона, вручившая между прочим Родзянко заявление с требованием „довести войну до конца“.

4) контр-революция, 5) война. Ко всем этим вопросам отношение солдат было не академическое, а нетерпеливо-страстное, напряженное и деловое. Обветренные, опаленные боевым огнем лица делегатов испытующе спрашивали и с тревогой ждали удовлетворительного ответа, чтобы отнести его в окопы. Солдаты, приезжавшие в столицу, сразу постигли трагизм двоевластия, который давал себя чувствовать с первых дней. Это противоречие тревожило делегатов. Они метались от Львова к Чхеидзе, от одной власти к другой; питали природную близость и естественное доверие к последней, но всё же признавали факт и право существования первой; не делали выбора, не вникали в политические тонкости, но понимали из успокоительных слов лиц, дававших объяснение (главным образом, сотрудников так называемого Иногороднего Отдела), что тревога их имеет достаточные основания.

Многие вообще плохо разбирались в конструкции власти. Так, например, одно из первых „окопных" обращений от 7 марта называет совет „национальным правительством".

Им важно было знать, закрепит ли тыл своим политическим единством воинское единство фронта. Во всех речах, устных и письменных приветствиях, наказах и резолюциях, которые тогда доставлялись в Петроград фронтовыми депутациями, преобладала одна мысль: тыл должен итти на те же жертвы, что и армия. Под этим углом зрения рассматривался и 8-ми часовой рабочий день, к которому большинство армейцев относилось отрицательно, учитывая сокращение производительности фабрик и заводов, работающих на оборону. „Работайте, не покладая рук, все 24 часа, как мы работаем здесь, но не под крышами и не в тепле, а под снегом, дождем и ветром. Если вы разговариваете о 8-ми часовом рабочем дне, то мы о нем тем более в праве мечтать"... Приведенные слова обращения 8-го сибирского стрелкового полка, в общем, были типичны для всех солдатских воззваний того времени. Делегаты не ограничивались только словами; они посещали главные заводы, чтобы лично убедиться, насколько интенсивно работает тыл. Под этим недоверием скрывалось и ранее существовавшее недоброжелательство к „учетникам"-рабочим, избравшим по мнению солдат „благую часть" — работу у станков. Крестьянская армия впервые тогда выражала свое недовольство городом. Этому социальному антагонизму суждено было сыграть первенствующую роль во всей истории русской революции.

Вопрос о земле ставился еще глухо и связывался со скорейшим созывом учредительного собрания, которое, конечно, „вырешит" земельную нужду. Под контр-революцией, главным образом, понималась судьба царя и его приспешников и вытекавшая отсюда опасность монархических происков. Но ответы советских деятелей вносили ясность и успокоение; фронт уделял этому вопросу сравнительно мало внимания. Зато центральное место занимал вопрос о войне. В этом отношении приходится различать настроение армейских частей фронта и тыловых гарнизонов. При выраженной готовности первых продолжать войну, чему вначале особенно содействовала окопная интеллигенция, нельзя было в то же время скрыть всё растущей у солдат надежды на скорое окончание кампании. Эту надежду заронила в сердца революция. Была даже выработана элементарная схема, которая весьма

удобно укладывалась в сознании солдат: восстание германского народа против Вильгельма, единственной помехи на пути к заключению справедливого мира. Революции русской при этом приписывалось магическое влияние. „Дорогие товарищи,—гласит одно из многочисленных обращений фронта,— постараемся ускорить победу над врагом, но наверное не успеем первый удар ему нанести, как германский народ потребует от своего кайзера такую же свободу“... Надежды на близкое окончание войны еще не вытеснили решимости добиваться победы с оружием в руках. Наоборот, в революции, фронт почерпнул бодрость и уверенность. Воинский задор уживался с неистребимой верой в близость мира. Временный комитет Двинского фронта призывает солдат бороться до свержения Вильгельма, торжественно при этом заявляя: „клянемся костьми лечь за каждую пядь свободной родины“... Это настроение, и без того распространенное, поддерживалось по всякому поводу руководящими статьями „Известий“. Так в связи с прокламацией, разбрасываемой немцами над русскими окопами, „Известия“ в № 14 писали: „кстати мы скажем, что немецкому народу давным-давно пора бы низвергнуть недавнего друга Николая II — императора Вильгельма II, и мы ждем и надеемся, что революционный пролетариат Германии вместе со всеми другими демократическими слоями германского народа последует нашему примеру и вскоре стряхнет с себя ненавистное иго Гогенцоллернов“... Наступление русской армии, всякая активность фронта комментировались и обосновывались, как средство ускорить революцию в Германии, т.-е. заключить мир. Обращение к народам всего мира, о котором речь будет ниже, распространенное в окопах, укрепило впоследствии этот взгляд. Психологически такое настроение армейской толщи было неотвратимо. Оно таило в себе столько соблазна для людей, уставших ждать конца, столько оптимизма, навеянного революционным переворотом, что появлением его в разных углах бесконечного русского фронта приходится считать естественным и закономерным.

Наивно приписывать это стихийное влечение к миру, которое вырвалось вместе, или вернее, благодаря, революции наружу, партийной пропаганде; ошибочно связывать это явление солдатской психологии с деятельностью комитетов. Причины были органического характера и коренились не в том или ином влиянии, а в природе революционного перерождения солдатских масс. Если высшее офицерство примкнуло к революции, рассчитывая обрести в ней победу, то солдатские низы связывали с революцией надежду на мир. Этот „мирный“ аккорд звучал во всех обращениях с фронта. Он пока не доминировал, но и не замирал. И тяготение солдат к петроградскому совету, главным образом, определялось смутным предчувствием его инициативной роли в борьбе за мир.

Тыловые гарнизоны более активно выражали свое патриотическое воодушевление. Лозунги „война до победы“, „война до конца“ родились в тылу, особенно в Петрограде. В дни революционного подъема казачий полк, расквартированный в Петрограде, выступил с лозунгом: „искупаем коней наших в крови германской!“ Этот дикий девиз не вызвал, однако, тени возмущения в солдатской среде. Большое влияние имело требование

совета о невыводе из столицы революционных частей. Петроградские войска — пионеры революции, очень скоро почувствовали привилегированность своего положения и долго не хотели добровольно с ним расстаться. Это состояние порождало безответственность и, несомненно, влекло за собой деморализацию. Воинственный пафос искусственно раздувался. Тыловые гарнизоны были втянуты в политику и создавали „общественное мнение“; они действительно подвергались обработке партий и воспринимали войну без той болезненной непосредственности, с какой относился фронт. Воинственная фразеология первого периода революции была поэтому им более свойственна. Зато они же первые усвоили крайние выводы пораженчества. Делегации с фронта относились враждебно к этой тыловой привилегированности, к „фразерству“ и требовали регулярной отправки маршевых рот. Тыл говорил о войне и делал революцию. Фронт говорил о революции и делал войну... Это различие сказалось и на взаимоотношении между солдатами и офицерством. Фронт почти не знал эксцессов, направленных против командных лиц. Только спустя 2—3 месяца, когда падение дисциплины столкнулось с намерением вызвать наступательные способности армии, начались дикие самосуды и расправы с неподатливыми военачальниками. Тогда-то и пришлось прибегать к разоружению целых воинских частей.

Условия окопной жизни не создавали того кричащего несоответствия между бытом солдата и офицера, которое чувствовалось в тылу. Разоружение офицерства практиковалось в разных городах под влиянием широко-толкуемого приказа № 1; на фронте оно не могло иметь места. Наоборот, по содержанию воззваний, выпущенных в первые дни полковыми комитетами частей, расположенных на фронте, видно, что новые отношения между солдатами и офицерством часто приобретали характер мирного сожительства, а иногда даже были проникнуты теплотой и взаимным доверием. Требования, которые солдаты клали в основу нового армейского быта, не выходили за пределы воинской дисциплины и ничего угрожающего для офицерства не заключали. „Хорошее обращение, — гласит воззвание к офицерам 179-го Усть-Двинского полка, выпущенное одним из первых — 5 марта, — понимание человека в солдате, ознакомление его с внутренним порядком страны, полное доверие по отношению к подчиненным солдатам, свободное изложение взглядов на текущие события, постигшие любимую родину и выразившиеся в государственном перевороте, беспрепятственное собрание представителей от рот и команд“ — вот, что солдаты на своем неуклюжем языке тогда называли новой „правдой“, так как, по их мнению, „ни в железном кулаке, ни в строгой дисциплине вне строя, ни в отдании чести спасение российского достоинства не будет“...

Во многих частях происходило братание между солдатами и офицерами. Комитеты, состоявшие первое время из представителей демократической солдатской и офицерской интеллигенции, содействовали мирному улажению конфликтов и прививали солдатскому сознанию принципы новой гражданственности. Многие военачальники даже из тех, которые потом заявили себя врагами демократии, вели себя примирительно и вместе с тем откровенно, без льстивой угодливости. Солдаты это понимали и ценили. „Сегодня,

12 марта утром,—пишет с фронта вольноопределяющийся—при прекрасной погоде была торжественная присяга полка. Генерал Никушкин объявил разрешение надеть красные эмблемы. Он сказал речь честную, без экивоков"... Генерал, произносящий „честную" речь пред полком, украшенным красными лентами,—картина боевой позиции, которую могла нарисовать только революция в первые дни своего торжества... И с некоторыми лицами высшего командования удавалось легко добиться соглашения. Так, 23 марта командующий Кавказским фронтом ген. Юденич обязался печатать в приказах по армии постановления тифлисского совета, а распоряжения свои, касающиеся устройства быта армии, проводить через совет солдатских депутатов. За такую лойяльность солдаты устроили Юденичу восторженную овацию.

Требования солдатских фронтовых организаций отличаются умеренностью. „Не все представляют себе ясно самые перемены,—гласит постановление организационного комитета солдат рижского района,— могут произойти насилия, а они на руку нашим врагам". „Не трогайте армию, не мутите ее крайностями",—взывает к совету рабочих и солдатских депутатов 116 Малоярославский полк, расположенный на передовых позициях. Телеграмма минского гарнизона петроградскому совету гласит:... „Убедительно просим не выносить никаких постановлений и приказов, направляемых непосредственно к армии, до тех пор, пока вами признается временное правительство, которому мы, вся армия и страна, присягнули и вверили судьбу России"... Слова эти типичны и для иллюстрации умеренности фронта и для характеристики его отношения к двоевластью.

„Требования" в огромном количестве направлялись в петроградский исполнительный комитет и редко служили непосредственным материалом для какого-нибудь правительственного или специально-советского распоряжения. В них обыкновенно указывалась необходимость самоорганизации, подтверждалась поддержка временного правительства и совета, настойчиво проводился взгляд на войну и попутно высказывалась надежда на скорейшее возникновение мирных переговоров; все земельные и социальные упования возлагались на учредительное собрание. Требования не отличались специфически-классовым характером, весьма немногие из них проникнуты были социалистическими идеями. Конечно, бывали исключения. Например, основная программа требований 109 дивизии и др. частей, к ней примыкающих, содержит и такие пункты, как „контроль над операционной частью штабов солдатскими исполнительными комитетами" или „немедленное открытие мирных переговоров и воздействие на сознание народных масс с целью прекращения войны, как выгодной буржуазному классу и подтачивающей силу народа". Такого рода редакция требований должна быть отнесена к числу наиболее крайних. Но в общем отношение к войне складывалось с самого начала в духе так называемой революционной обороны, которое впоследствии 24 марта было выражено в резолюции совещания делегатов воинских частей с фронта. „Свободная Россия,—гласит резолюция,—не может желать порабощения других народов, а временное правительство должно объявить всем народам, что, не стремясь ни к каким завоеваниям, Россия будет вести

войну лишь для своей обороны“... Эта же точка зрения была принята и всероссийским совещанием советов.

Если тылу была свойственна несколько бо́льшая горячность в вопросе продолжения войны, то и водворение революционного порядка проходило там в обстановке менее спокойной, чем на фронте. Особенное место в этом отношении занимает Балтийский флот и в частности Кронштадт. Атмосфера матросской жизни давно была насыщена сильной ненавистью к командному составу. Весть о событиях в Петрограде распространилась по Кронштадтским казармам в вечер с 28 февраля на 1 марта. Выступивший 3-й Кронштадтский пехотный полк соединился с минным отрядом и направился к 1-му балтийскому экипажу, который быстро присоединился к восставшим. Ночью поднялись корабельные команды, а утром 1 марта на Якорной площади уже пылало пламя революции. Организационной связи с петроградским советом еще не было. Политических руководителей, партийных вождей тоже. Движение с самого начала питалось стихийной ненавистью матросов к командному составу и, естественно, приняло сразу форму жестоких эксцессов. В первый же день были убиты адмиралы: Вирен, Бутаков и генерал Стронский. Офицеров вытаскивали из казарм и квартир и убивали тут же. Во главе восставших стал импровизированный на-спех, так называемый, „Комитет революционного движения“, избранный разгоряченной уличной толпой, сумбурный, но колоритный орган. В состав его вошли матросы Зайцев, Громов, рабочий Колобушев, солдат Гридюшко, лейтенант Гласко и инженер Красовский. Председательствовал студент Ханох, за несколько дней приехавший из Петрограда, инициативе которого и принадлежит образование комитета. Роль комитета была до некоторой степени сдерживающей. Трудно установить по имеющимся данным точное количество офицерских жертв, павших в Кронштадте в первые дни. По сообщениям, напечатанным в „Правде“ № 6 от 11-го марта 1917 г.—„весь командный состав войск был частью перебит, частью арестован“. В заседании временного правительства 28 марта Керенский в докладе своем о Кронштадте упоминал о 36 убитых. Ни одна из возникших в Кронштадте организаций не опровергала факта массовых убийств офицеров. „Комитет движения“ или „Совет десяти“, вскоре пополнившийся еще 3 лицами (матрос Куприн, вольноопределяющийся Филипенко и Гудимов) выпустил пять приказов, в числе которых был и приказ об аресте всех офицеров и препровождении их в тюрьму до назначения над ними суда. Такую репрессивную меру, при которой офицер виновен уже тем, что он офицер, применял только один Кронштадт; аналогичных случаев история февральской революции не знает. 2 марта „Комитет движения“ завязал первые сношения с Таврическим дворцом, а 3 марта вечером в Кронштадте объявился комиссар временного правительства, член государственной думы Пепеляев. 6-го марта образовался совет рабочих депутатов, а на следующий день возник „совет военных депутатов армии и флота“. Председателем первого был популярный среди кронштадских рабочих студент А. Ламанов, во главе второго стоял инженер Красовский. Спустя несколько дней из трех учреждений—„комитета движения“ и двух советов образовался один совет рабочих и солдатских депутатов во главе

с солдатом Любовичем. Жизнь в Кронштадте долго не могла наладиться. Атмосфера продолжала быть накаленной; хотя в армии и флоте было выбрано новое начальство, но отношения не стали менее напряженными. Настоящей информации не поступало; усиленно распространялись слухи о какой-то провокации, о попытках контр-революции, о летающих над городом аэропланах. Матросы нервно готовились дать отпор невидимому врагу и дорого продать вырванную свободу; с другой стороны, ни у кого не было уверенности в прочности завоевания. Это создавало мрачное беспокойство и поддерживало людей с крайними решениями. В любой момент искусно пущенный слух мог вызвать панику и массовое истребление арестованных офицеров. Пепеляев мало содействовал успокоению Кронштадта. „Правда" определенно его обвиняла в желании вернуть старорежимные порядки в Кронштадте. Престиж временного правительства с самого начала был подорван. Влиянием очень рано начали пользоваться большевики. Лозунг „вся власть советам" впервые народился в Кронштадте. Требования правительства об освобождении арестованных не выполнялись. Приезжавшая из Петрограда следственная комиссия во главе с Переверзевым добилась очень малого и вынуждена была, опасаясь ярости и самосуда матросов, спасаться бегством в Петроград. Единственное учреждение, которое имело авторитет и силу, чтобы подчинить своему влиянию Кронштадт, был петроградский исполнительный комитет. 13 марта с такого рода миссией приехали в Кронштадт М. Скобелев и М. Муранов. В тот же день они посетили исполнительный комитет совета военных депутатов и объединенный комитет морских частей. Оказалось к удивлению делегатов, что в Кронштадте не имеют полного представления о том, что произошло в Петрограде, о взаимоотношениях между временным правительством и советом. Сообщения Скобелева и Муранова разрядили нервную атмосферу, которая там царила. Огромное собрание представителей разных воинских частей на Якорной площади, ставшей отныне местом революционного „веча", единодушно одобрило программу деятельности петроградского совета, и тем самым Кронштадт вступил на путь примирения с временным правительством. Арестованные перестали быть заложниками во власти слепой революционной стихии и перешли в распоряжение следственных властей. Благодаря вмешательству петроградского совета исчезла неопределенность положения и излишняя тревога. На короткое время этого было достаточно, чтобы волна революционного воодушевления смыла первоначальное чувство мстительности и внесла примирение в ожесточенную матросскую среду. Кронштадт успокоился... Очень скоро совет военных депутатов выступил даже с опровержением против газет, тенденциозно освещавших своеволие кронштадских революционных властей. „Эта твердыня"—гордо заявлял совет о морской крепости,—со всеми своими штыками, пушками и пулеметами находится с первого дня революции в распоряжении петроградского совета и поддерживает временное правительство, поскольку оно согласуется с этим советом". Лойяльность в отношении временного правительства выражалась, правда, косвенным образом. Но всё же для разгоряченного Кронштадта и это было достаточным показателем успокоения. Скоро однако он снова выйдет из состояния пассивной подчиненности, и пламя

матросского бунта не раз будет окрашивать историю февральской революции.

Аналогичные события имели место в Свеаборгской крепости и в соответственной части Балтийского флота. Волнения на кораблях начались 3 марта и приняли такой характер, что угрожали боеспособности флота. 4 марта был убит командующий флотом адмирал Непенин, о котором было в Петрограде известно, что он открыто перешел на сторону временного правительства. В разговоре по прямому проводу с восставшими матросами Керенский сообщил им об этом и отзывался с большой похвалой об убитом адмирале. Из всех эксцессов, происшедших тогда, убийство Непенина—один из наиболее бессмысленных случаев проявления слепой стихии. В лице убитого страна и флот по единодушному отзыву современников понесли тяжелую утрату. Одновременно было убито много офицеров; еще большее количество арестованных ждало своей участи. Для установления нормальных отношений между офицерами и матросами срочно выехали неутомимые Скобелев и Родичев. 4 марта после приезда депутатов, их речи и грандиозной демонстрации на площади, в настроении команд произошел резкий перелом в сторону спокойствия и водворения порядка. На место убитого Непенина назначен был вице-адмирал Кедров; арестованные офицеры были освобождены. 5 марта временное правительство уже получило от нового командующего телеграмму, в которой говорится, что „матросы, солдаты, офицеры и рабочие... в ожидании учредительного собрания, которое решит вопрос о форме правления, принимаются за свою обычную работу с большой энергией и с твердой верой в светлое будущее теперь свободного русского народа“. Свеаборгские волнения отличаются той своеобразной чертой, что в среде матросов не было единодушия: в то время, как одна часть выражала доверие Непенину, другая выступала против последнего. По этой линии, очевидно, проходило политическое расслоение матросской массы. Взаимное ожесточение подогревалось полной неопределенностью положения, при котором любой вымысел казался реальным фактом. Ложная информация заботливо пускалась кем-то, как и в Кронштадте. Только благодаря бдительности команд и сознательности экипажа, оперативная часть штаба не переставала работать. Всё же большая опасность нависла над флотом, и только благодаря огромному весу, которым пользовался революционный Петроград, удалось быстро, почти магически рассеять атмосферу взаимных подозрений и озлобленности.

В меньшем масштабе развивались события в Гельсингфорсе. И там офицеры подверглись насилиям со стороны матросов. И там Скобелев быстро внес успокоение и примирил враждующих. Встреча представителя исполнительного комитета носила особенно торжественный характер. Часть офицеров, выпущенная из-под ареста, немедленно же присоединилась к ликующей массе народа. Остальные офицеры были тоже скоро освобождены.

Флот представлял собой наиболее горючий материал в первые дни революции. Зерна восстаний давно зрели в матросской среде, но дисциплина железным кольцом сковывала всякое ослушание и неповиновение. Революционный переворот развязал злобные чувства, накопившиеся за многие годы. Матросы спешили вырвать из своей среды наиболее ненавистных начальников. Только

влиянию совета можно приписать сравнительно быстрое успокоение флотской жизни.

В тыловых частях армии и флота начало применяться выборное начало. Старые начальники устранялись, на их место выбирали новых. Как далеко заходила иногда „выборность", видно хотя бы из статьи Р. Раскольникова в „Правде" № 12, в которой автор предостерегает от сведения личных счетов и устранения таких офицеров, которые „при старом режиме под влиянием среды и косных кастовых предрассудков были не на высоте своего положения и порой притесняли солдат", а на самом деле являются „прекрасными, знающими людьми, вполне пригодными офицерами революционно-демократической армии". „Устраняйте с командных постов,—говорит умеренный Раскольников,—лишь злостных реакционеров, упрямых черносотенцев, лелеющих мечты о контр-революции, безнадежных, неисправимых деспотов"... Демократические начала проводились в жизнь комитетами. Их существование ведет начало с первых шагов революции. По проекту исполнительного комитета, круг компетенции ротных и полковых комитетов определялся следующим образом: они организуются: 1) для контроля за хозяйственной деятельностью чинов части, 2) для принятия мер против злоупотреблений и превышений власти со стороны должностных лиц части, 3) для сплочения всей русской армии в единую организацию, 4) для подготовки к выборам в учредительное собрание, 5) для решения различных вопросов, касающихся внутреннего быта части, 6) для выяснения недоразумений между солдатами и офицерами. Даже формальные пределы компетенции были достаточно широки. Второй пункт, например, открывал возможность всестороннего вмешательства комитета. Фактически комитет, особенно, если это был комитет высшей армейской единицы, часто распространял свое влияние на такие области, которые непосредственного отношения к нему не имели. Так, например, из протокола выборгского комитета видно, что последний имел суждение и о постановке контр-разведки, и об обороне крепостных участков, и о секретном размещении польских дружин, и об охране крепости. Комитеты с самого начала стали предметом спора и борьбы двух течений в обществе и в армии. Неудачу русской армии при Стоходе, вскоре после февральского переворота, многие военачальники и военные обозреватели (в частности, полковник Перец в „Речи") приписывали разлагающему влиянию комитетов [1]).

Однако справедливость требует признать, что роль комитетов в первое время была скорее положительной. Они прежде всего содействовали налаживанию отношений между солдатами и офицерами. В некоторых местах комитеты вместе с командным составом участвовали в уличных шествиях и торжественных манифестациях. (Одесса). Осуществляя надзор за контр-революционностью того или иного военачальника и даже рассматривая случаи „приверженности" офицера или врача к „старому порядку", они тем самым предотвращали не один эксцесс и самосуд со стороны солдат, которые не-

---

[1]) Суровую отповедь г. Перецу дала делегация XII армии, выступившая впервые в защиту комитетов. Одним из авторов этой отповеди был поручик Кучин, имевший впоследствии на Государственном совещании в Москве принципиальное столкновение по тому же вопросу с ген. Алексеевым.

редко бывали доведены до крайней степени ожесточения деспотизмом и грубым издевательством своих начальников. Комитеты немедленно приступили к борьбе с дезертирством, принявшим в последние дни царского режима огромные размеры. „Товарищи солдаты, ваш нравственный долг, как истинных граждан России, быть на своем посту, быть на страже интересов народа“. Таков был типичный призыв комитетов. Дезертирам давался срок добровольной явки. Неявившиеся объявлялись „приверженцами старого строя“. Эта квалификация была по тому времени достаточно внушительной. Патриотизм, навеянный революцией, проводником которого являлись комитеты, был настолько велик, что, например, к одному луцкому коменданту за время с 3 по 16 марта, если верить газетным сведениям, явилось свыше 25.000 дезертиров с просьбой отправить их на фронт. Комитеты устанавливали внутренний распорядок, нарушенный революцией, следили за равномерностью отпусков, содействовали организации солдат на новых общественно-политических основаниях; они, кроме того, осуществляли большую культурно-просветительную работу, заводили библиотеки, читальни, обучали спешно грамоте, в виду предстоящих выборов в учредительное собрание. Они были посредствующим звеном между армией и петроградским советом, распространяя политическое и организационное влияние последнего, и служили первоначальным материалом для всероссийской армейской организации. В зависимости от наличия интеллигентных сил сказывалась деятельность комитетов. Не всюду они вообще возникали. Выдержка из письма, присланного из района 1 армии, свидетельствует о противоположном... „В отношении пропаганды и агитации в войсках армии ничего не предпринято. Молодежь офицерская нерешительна, подавлена настроением высших чинов. Солдаты предоставлены самим себе: питаемся отрывочными, подчас ложными слухами... Необходима широкая и немедленная пропаганда на местах с участием представителей офицерских чинов той части, где производится агитация“... Такого рода функции и выполняли обычно комитеты. Комитеты были явлением, органически связанным с революцией, а не надуманным или искусственно навязанным армии. Приказ № 1, конечно, послужил очень сильным толчком, но не единственной причиной их возникновения. Были случаи, когда комитеты учреждались и до появления приказа. Это имело место, например, на румынском фронте в 6 армии, которой командовал генерал Цуриков.

Конечно, с точки зрения нормального устройства армии, да еще сохранения ее боеспособности, комитеты не выдерживали критики. Но противники (преимущественно крупные военачальники) комитетов и тогда, примиряясь с их существованием, и теперь, оценивая их в прошлом, упускают из виду то обстоятельство, что революцию нельзя было задержать на пороге штабных квартир. Она обладала стихийной силой и могла преодолеть любое препятствие, лишь бы прорваться на фронт, в окопы, в землянки, туда, где ей были несказанно рады, как лучезарной, неожиданной гостье. Как революцию устроил бы фронт, если бы не возникли комитеты, трудно сказать. На некоторые размышления наводит позднейший период революции, когда комитеты уже разошлись с настроением армии и перестали владеть умами и чувствами солдатской массы. Этот период омрачен варварскими разруше-

ниями обезумевшей толпы, жестокими насилиями и кровавыми самосудами. Очень может быть, что без того организующего влияния, которое оказали комитеты, революция и армия сразу вступили бы на путь самоистребления.

Революция стихийным порывом сдвинула армию. Миллионы людей, набивших окопы и тыловые центры, были выведены из состояния тупой покорности и безысходного отчаянья. Всколыхнулась огромная серая масса народа, преимущественно вооруженных крестьян, все одной политической среды, в обстановке скученности, общего действия, связанные единством навыков и социальных интересов. Революция и армия—сочетание опасное, загадочное. Первый шаг был ознаменован чудесным перевоплощением темных, забитых солдат в граждан и воинов народной армии. Этот факт перевоплощения отрицать невозможно. Ярче всего он сказывался в заявлениях многочисленных казачьих частей, наименее подверженных пропаганде и, казалось бы, наиболее развращенных царизмом. „Теперь казак не тот,—говорили оренбургские казаки,—он верный страж народной свободы, и верьте: все мы положим свои удалые казачьи головы за вас, родные братья, за нашу общую мать-свободу и великий русский народ".

Такими словами впервые заговорила русская армия. Сразу пало средостение между ней и народом. Война подвела огромные массы крестьянства предводимые интеллигенцией к запретной двери свободы. На пороге стоял еще суровый закон старой дисциплины. Революция его устранила, и армия увидела себя народом. В этом заключался не только залог первоначального торжества революции, но и причины распада армии. Высшие руководители армии этого не поняли. Не поняло этого и временное правительство. И те и другие не дооценивали истинного значения русской революции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Революция победила.

1. Революция победила. — Общая характеристика временного правительства. — Первые его декларации. — Обращение к армии. — Революция и высшее командование. Приказ № 2. — Инцидент с присягой. — Заботы правительства о сохранении боеспособности армии. — Временное правительство и война. — 2. Первая встреча с союзными послами. — Временное правительство в освещении европейского и американского общественного мнения. — 3. Деятельность правительства и отдельных министров. — Манифест об утверждении конституции Финляндии. — Постановка польского вопроса. — Преемственность новой и старой власти. — Хозяйственные мероприятия. — 4. Судьба династии. — Арест и переезд в Царское Село Николая II. — Охрана царской семьи. — Вопрос об отъезде царя за границу. — Члены царствовавшего дома. — 5. Деятельность военного министерства. — Реформы Гучкова. — Чистка командного состава. — Гучков и демократия. — 6. Внешняя политика Милюкова. — Причины конфликта между Милюковым и советом. — Роль Керенского. — Ликвидация старого строя. — Министерство юстиции. — Керенский в Москве. — Министерство внутренних дел. — Характеристика кн. Львова. — Административная неразбериха. — Терещенко. — Коновалов. — Программа министра торговли и промышленности. — Мануйлов и министерство народного просвещения. — Шингарев. — Комитет государственной думы. — Воззвания комитета. — Состав комитета. — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Утром 4-го марта население Петрограда прочитало манифест Михаила Александровича об отказе от верховной власти. Известие это было принято спокойно, как естественное крушение династии. То, что казалось вчера невероятным, вызывало споры и могло породить кровавую междуусобицу, сегодня стало бесспорным и даже будничным явлением. Легко и почти незаметно Россия переступила порог между самодержавием и республикой.

Тем самым завершился первый, глубоко-драматический период революции. Все ближайшие препятствия на пути ее были устранены. Революция победила. Это было общим настроением, и все сознавали, что открывается полоса строительства.

Это сказывалось прежде всего во внешнем виде столицы. Магазины открылись, возобновилось нормальное уличное движение. Меньше стало солдат на улице, и совсем исчезли красочные фигуры вооруженных людей с перекрещенными на груди пулеметными лентами, с большими револьверами, заткнутыми за пояс, и с огромными красными бантами, символом торжествующей революции. Начали функционировать все учреждения, банки, пошли трамваи.

Вышел последний № „Известий" комитета журналистов. Печать переходила с усиленного военного" на обычное положение. В преувеличенном страхе пред контр-революцией исполнительный комитет установил разрешительный порядок для выхода газет [1]). Это стеснение не имело продолжи-

---

[1]) Правые газеты („Земщина", „Голос Руси", „Колокол", „Гроза", „Русское Знамя") были постановлением исполнительного комитета воспрещены к выходу. Что касается «Нового Времени», то оно вышло без разрешения и потому тем же постановлением было «приостановлено впредь до особого распоряжения». Постановление это вызвало критику и негодование печати и впоследствии, 10 марта, было отменено. Правая печать однако уже не появлялась.

тельных последствий, и очень скоро печать заговорила необычным языком полной свободы, зная, пожалуй, только один предел—самоограничение. На столбцах газет появились оперативные сводки. Первое впечатление было такое, словно Россия снова вспомнила о войне, временно забытой. Сразу оборвались слухи о большом поражении на западном фронте, которое будто бы потерпела русская армия.

По иному воспринимались уже отдельные драматические известия, связанные с событиями во флоте. Там продолжались убийства офицеров и высшего командования. Смерть адмирала Непенина пополнила список жертв. Флотская эпопея вызывала разнообразные суждения, но не пугала непосредственной опасностью срыва и гибелью революции. От Скобелева, выехавшего в Гельсингфорс, были получены успокоительные известия. Ему удалось изменить настроение солдатской и матросской массы, возбужденной лживыми слухами о готовящейся измене офицеров. После его объезда судов часть арестованных офицеров была освобождена. Собрание представителей и судовых команд прислало в Петроград телеграмму с признанием временного правительства.

Своим чередом, не привлекая уже особого внимания, шли аресты крупных сановников царского режима (князь Голицин, премьер последнего до-революционного министерства, спустя несколько дней Фредерикс, Воейков—дворцовый комендант и др.). Арестованных без участия любителей из толпы и любопытствующих обывателей направляли прямо в Петропавловскую крепость. За сановниками старого режима следовали участники преступлений, совершенных ранее под покровительством или при прямом содействии царского правительства. Были арестованы некоторые из убийц Герценштейна, среди них Юскевич-Красковский; судьбу сенатора Чаплинского, инсценировавшего дело Бейлиса, разделил прокурор на этом процессе Виппер.

Ослабел и интерес к судьбе династии. Известно было, что после исторической встречи с Шульгиным и Гучковым и подписания манифеста Николай II уехал в Могилев, в ставку. Царь предполагал проехать в Киев для свидания с Марией Федоровной, но бывшая царица-мать сама выехала к нему в ставку. Николай жил в ставке одиноко и замкнуто, не обращая на себя особого внимания, встречаясь два раза в день с матерью, жившей в своем поезде. Прямого непосредственного надзора за царем не было. Он сохранил при себе часть свиты, сносился раза два по прямому проводу с Царским Селом, причем условием было поставлено не пользоваться секретным шифром. Нарушение этого условия послужило впоследствии одним из поводов к заключению бывшего царя под стражу.

Революция победила... Ослепительно быстро, стремительно и безболезненно. Она закрепилась в сознании современников тогда в эти первые дни, как революция бескровная, почти мирная. В порыве всеобщего воодушевления никто не замечал пятен крови на мостовых Петрограда, никто не считал жертв и не поверил бы их существованию. Однако они были. По данным справочного бюро всероссийского союза городов и осведомительного отдела петроградского общественного градоначальства убитых, раненых и больных жертв революции в Петрограде насчитывалось до 1500 человек.

Эта маленькая весьма неточная статистическая справка несколько нарушает ореол бескровности, которым украшена была революция в первые дни.

2.

Временное правительство ушло от шума и раскаленной атмосферы Таврического дворца и заседало в спокойной, чинно-деловой обстановке, сначала министерства внутренних дел, а потом Мариинского дворца. Оно было составлено из людей различных убеждений, политических взглядов, служебных и общественных навыков и даже темпераментов. Нельзя сравнить уступчивого, нерешительного князя Львова с активным, жестким Гучковым или прямодушного, провинциального Шингарева с искушенным в политической практике Милюковым. Бурный темперамент и республиканский пафос Керенского мало соответствовали академической напыщенности Мануйлова или спокойному равнодушию Коновалова. Однако, временное правительство представляло гармоничное целое; оно символизировало единство революции. Первое появление правительства, вынесенного на гребне революции, было покрыто доверием всей страны, высказанным всеми заранее, искренне, без расчета и лукавства. Вопросы, которым суждено было вновь взволновать революцию, едва только назревали. Стороны и противники еще не определились, и если были сомнения или опасения, то их заглушал взрыв единодушия и энтузиазма.

Перед временным правительством стояла двусторонняя задача: произвести ликвидацию старого режима, создав в законодательном и административном отношении новый государственный порядок, и провести это так, чтобы не нарушилась непрерывность работы всего государственного аппарата, малейшая заминка которого пугала правительство, в виду происходившей войны. В этой двусторонней задаче несомненно заложено было противоречие, выйти из которого было трудно. Одна цель исключала другую: успешная ликвидация старой власти и энергичное обновление России шли в разрез с сосредоточением всех сил на военной проблеме. Это противопоставление: сначала победа, потом реформа, с которым не могла справиться государственная дума, в сущности, стояло и пред временным правительством. Конечно, правительство в целом и каждый министр в отдельности приступили к реорганизации ведомств на новых началах, приглашали новых людей с общественным и политическим стажем, готовили новые законоположения, говорили новые слова; но над всем довлела война и чувствовалось, что и в этом последнем вопросе ничего нового революция не принесла. Трагический узел временного правительства был завязан именно в этом месте...

Правительство открыло свою деятельность рядом деклараций. России неизвестен был ни состав власти, ни те политические задачи, которые она себе ставит. В декларации, датированной официально 6 марта, правительство возвещало те восемь пунктов своей программы, которые явились результатом соглашения между временным комитетом членов государственной думы и исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депута-

тов. Одновременно решено было составить и обнародовать программную декларацию. Первоначальный проект ее был написан Набоковым, но признан неподходящим. Одобрен был проект, составленный Винавером (приложение № 14). „Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы“... — так начиналось это обращение правительства к „гражданам Российского Государства“. В нем клеймилась старая власть, погрязшая в позоре порока, и отдавалось должное единодушному революционному порыву народа“, проникнутому сознанием важности момента. Правительство обещало узаконить гражданскую свободу и равенство и „приложить все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца“. Призыв к дружному всенародному содействию заканчивал торжественную декларацию.

3.

Забота о продолжении войны побудила правительство обратиться со специальным воззванием к офицерам и солдатам, озаглавленным „От Временного Правительства в Действующую армию“. В этом обращении правительство выражало уверенность, что „армия, одушевленная высоким духом любви к родине, сохранит непоколебимыми устои своей силы: единство, сплоченность и твердый внутренний порядок власти и подчинения“. Запрещалось производство каких-либо перемен в воинском порядке и командовании иначе, как распоряжением временного правительства или действующей по его уполномочию высшей военной власти. Все эти предупредительные обращения и запрещения вызывались тем, что правительство не знало и не представляло себе, как фронт примет революцию. Информация была пока односторонняя; источником ее было верховное командование и высшие чины армии, которые весьма сдержанно определили свое отношение к перевороту. Большинство командующих армиями (Драгомиров, Брусилов, Эверт и др.) в приказах глухо, как-то неохотно упоминали о „новом историческом пути“, о „весьма серьезных событиях“ и т. п. и заостряли внимание фронтов на сохранении боеспособности армии. Более определенно выразил свое отношение Николай Николаевич и Радко-Дмитриев, которые уделяли политическому моменту сравнительно много внимания и во всяком случае в категорических выражениях засвидетельствовали свою приверженность к новому строю. Но в общем, военачальники с первых же дней преисполнены были страха перед революцией и готовы были ждать только отрицательных последствий переворота. Немногие или вернее никто из военачальников не понимал грандиозности и неизбежности исторического перевала; только этой близорукостью можно объяснить отожествление ими революции с „волнениями“ и торопливая забота прекратить „беспорядок“ в стране.

Уже 3 марта Алексеев по телеграфу издал знаменитый приказ, в котором предлагал беспощадно расправляться с чисто-революционными „разнуз-

данными шайками“, понимая под последними агитаторов и пропагандистов, направлявшихся из центра революции на фронт. Немного позднее наиболее лойяльный Радко-Дмитриев угрожал в приказе преданием военно-полевому суду солдат, виновных в неотдании чести. Драгомиров запретил солдатским депутатам ездить в Петроград и вообще не считался совершенно с избранными солдатскими комитетами. В телеграмме на имя Пуришкевича тот же генерал Драгомиров высказывал соображения, что „все ныне действующие уставы и законы должны сохранять полную силу до выхода новых положений на их замену“. Под этими словами скрывался взгляд человека, не понявшего повелительной неизбежности революционных нововведений. Отстраненный, впоследствии, одним из первых генерал Эверт в телеграмме от 6 марта, т.-е. уже после низложения Николая II и отказа от власти Михаила, все еще призывал солдат служить верой и правдой престолу. Немудрено, что при таком настроении верхов армии всякий шаг революции воспринимался последними, как покушение на дисциплину и целостность армии. С другой стороны, и в глазах „революционной демократии“ с первых же дней появился призрак контр-революционной опасности, причем ставка верховного главнокомандования была центром чуть ли не заговора. Психологически это преувеличение опасности было вполне понятно. Делегация георгиевских кавалеров, посетившая 12 марта исполнительный комитет, изобразила Могилев местом, где офицеры-мятежники организуют реакционные силы, издеваются над свободной Россией—и обещают скоро восстановить Николая II на царском престоле. Это сообщение, подтвержденное, по словам „Известий“, многочисленными фактами, побудило исполнительный комитет потребовать от временного правительства назначения чрезвычайной следственной комиссии для раскрытия монархического заговора и примерного наказания заговорщиков. Мало того, речь шла даже об издании декрета, объявляющего генералов-мятежников вне закона. „Известия“ (№ 14) комментировали будущий декрет такими словами, которые не могут не быть отмеченными: „По издании такого декрета солдаты не только не обязаны будут повиноваться начальникам, которые посмеют повести их на усмирение народа, но смогут безнаказанно убить таких господ“... Декрет временным правительством издан не был. Но следственные шаги временного правительства повлекли за собой несколько арестов в ставке (генерал для поручений при походном атамане Сазонов, офицер для поручений при походном атамане барон Унгерн-Штернберг, пом. уполномоченного казачьей организации Шенк—личный секретарь великого князя Бориса Владимировича) и ограничение в свободе передвижения некоторых членов бывшей императорской фамилии (Бориса Владимировича, Марии Павловны и Николая Николаевича). Эти мероприятия носили вероятнее всего предупредительный характер. Но несомненным фактом является сдержанно-отрицательное отношение верхов армии к революции и к тем институтам, которые были органически связаны с ее поступательным движением.

Благодаря такому настроению высшего командного состава вполне понятным станет, что узаконялось предвзятое мнение о разрушительном влиянии революции. Нервная настороженность верхов армии, естественно,

передавалась временному правительству, при чем наиболее чувствительным проводником являлся военный министр Гучков. Помимо априорно-отрицательной оценки революции существовали и зловещие симптомы, которые могли вызвать подозрительность со стороны высшего командного состава. Речь идет о пресловутом приказе № 1 и инциденте с текстом присяги. Что касается приказа № 1, то вскоре после его появления началось применение его на практике. Толкование приказа было самое разнообразное, далеко опережавшее, видимо, намерение авторов. Под влиянием такой „практики", а также поднявшейся в связи с этим агитацией в различных общественных кругах, исполнительный комитет 5 марта поспешил опубликовать разъяснение применения приказа № 1 (приложение № 15). Это разъяснение, получившее название приказа № 2 [1]), касалось главным образом вопроса о выборности командного состава, который в общем разрешался в отрицательном смысле; кроме того, устанавливалось окончательно, что приказ № 1 имеет применение только в пределах петроградского гарнизона и на фронт отнюдь распространяться не может [2]). Это разъяснение значительно ослабило первоначальное впечатление, вызванное приказом № 1, но всё же психологическая атмосфера вражды и недоверия в кругах высшего офицерства была создана и рассеять ее уже было трудно.

Инцидент с присягой тоже не мало содействовал охлаждению и без того непрочных отношений между высшим офицерством и революцией. Временное Правительство, вырабатывая новый строй армейской жизни, не могло оставить в действии старую присягу. Применительно к изменившимся условиям государственного устройства правительство постановило утвердить и опубликовать новый текст клятвенного обещания на верность службы Российскому государству. Исполнительный комитет был весьма не удовлетворен содержанием присяги, усматривая в ней намеренное умаление революции и даже скрытое контр-революционное содержание. Вопрос этот обсуждался 12 марта на заседании солдатской секции совета. Критика содержания присяги сводилась к следующему: в предложенной форме присяги не говорится ничего о защите революции и свободы, о защите интересов революционного народа, которые должны быть на первом плане у временного правительства. Кроме того, в присяге имеется указание вероисповедного характера, которое вовсе недопустимо („в заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знамением"...). Считая опубликованный временным правительством текст присяги для себя неприемлемым, собрание поручило исполнительному комитету войти в переговоры с временным пра-

---

[1]) Генерал Потапов, содействовавший в качестве представителя военного министра появлению приказа № 2, называет имена составителей его: Соколов, Добраницкий, Борисов, Кудрявцев, Филипповский, Подерин, Заас, Чекалин, Кремков („Очерки русской смуты" ген. Деникина, т. I, стр. 65).

[2]) Спустя 2 дня после приказа № 2 исполн. комитет обратился снова с кратким разъяснением—воззванием к войскам фронта. В этом воззвании обращалось внимание на соблюдение воинской дисциплины и окончательно устанавливалось ограничительное толкование приказа № 1, который отнюдь не должен распространяться на фронт. Любопытно отметить, что это воззвание было составлено по соглашению с военным министром Гучковым и подписано было Скобелевым и председателем военной комиссии ген. Потаповым, тем самым, которого ген. Лукомский (см. Архив Революции, т. II. Воспоминания ген. Лукомского.) неправильно считает одним из авторов приказа № 1.

вительством о выработке новой формы присяги. А до этого „к опубликованной присяге не приводить, а где это произошло, считать присягу недействительной“... Постановление солдатской секции скоро стало известно на фронте и в тылу, повсюду, где войска должны были быть приведены к новой присяге. Произошла изрядная путаница, особенно там, где войска уже присягали по-новому. С отменой „гучковской“ присяги (так была названа присяга, выработанная временным правительством), как будто восстанавливалась царская присяга, что казалось уже совершенным абсурдом. В конце концов армия осталась неприведенной к присяге. С точки зрения традиционных взглядов командного состава весь этот инцидент, в действительности раздутый советом рабочих и солдатских депутатов, имел деморализующее влияние на армию. Хотя председатель того собрания солдатской секции, на котором состоялось постановление о присяге, и указал в заключение заседания, что „факт отклонения текста присяги не означает призыва к неповиновению временному правительству“, однако, вся история с присягой в сущности имела такой характер. Смятение умов было до того значительно, что даже происходили столкновения между присягавшими и неприсягавшими частями.

Революция, докатившаяся до фронта, несомненно вызвала падение дисциплины, основанной при старом строе на слепом подчинении и палочном устрашении солдат. Худо ли, хорошо ли, — но боеспособность армии, единств воинского организма этой жестокой дисциплиной поддерживались. Революция неизбежно должна была повлечь за собой ослабление скреп, а следовательно, крушение единства армии. Еще в марте месяце констатировать подобные явления было бы рано; но командный состав, а под его влиянием и временное правительство, забегали вперед и учитывали зловещее будущее. Этим можно объяснить ряд обращений к населению, армии и флоту, выпущенных правительством, военным министром Гучковым и начальником штаба верховного главнокомандующего Алексеевым. В них характеризуется серьезное состояние страны и содержится призыв к единодушию и дисциплине. „Назревают и вскоре могут наступить грозные события,—гласило воззвание правительства от 9 марта,—недремлющий, еще сильный враг уже понял, что великий переворот, разрушивший старые порядки, внес временное замешательство в жизнь нашей родины. Он напрягает последние усилия, чтобы воспользоваться положением и нанести нам тяжкий удар. Он стягивает всё, что может, к нашему фронту. С наступлением весны многочисленный флот получит свободу действий и станет угрожать столице“... Какое же средство спастись от гибельной опасности? Правительство видит его в сплоченности и дисциплине. Обращаясь к солдатам, оно говорит: „В армии надо уметь повиноваться не случайным и временным главарям, а тем, кто учился и работал, чтобы быть офицером, тем, кто знает, куда вести солдат, кто не покинет их в час опасности. Уже третий год ваши офицеры вместе с вами терпят невзгоды боевой жизни. Вспомните всех тех, кто погиб смертью храбрых, кто примером мужества увлекал солдат к победе. А если не все были такими и не все заслужили любовь и доверие солдат, то в радостном объединении свободных граждан освобожденной России пусть исчезнут тяжелые воспоминания“...

Помимо соображений общего предупредительного характера, на правительство непосредственно повлияли слухи о готовящемся наступлении германской армии. В одном из воззваний Гучкова прямо сказано: „Получены сведения, что немцы, узнав о происшедших в России событиях, спешно стягивают силы на северном фронте, решив нанести удар Петрограду“. Соответствовали ли слова Гучкова сведениям военной разведки, трудно установить. Быть может, военный министр сознательно сгущал краски, чтобы вызвать в обществе и в армии напряженное беспокойство — залог самообуздания и сосредоточенной энергии. Впоследствии, этот прием власти стал трафаретным и часто достигал обратной цели — пассивного непротивления, граничащего с безнадежным отчаянием.

Несомненно лишь то, что временное правительство сразу же решило всю свою внутреннюю и внешнюю политику подчинить интересам победоносной войны. Связь победы над Германией с победой над старым режимом — эта мысль стала руководящим принципом всех деклараций, программных речей и официальных заявлений. Продолжение войны таким образом органически было связано с завоеванием революции. Надо сказать, что на таком взгляде сходились и правительственные и неправительственные круги; да и в широких слоях обывателей, в интеллигентной части солдатской массы направление умов соответствовало общепринятому взгляду. В Петроградском гарнизоне типичным настроением того времени было патриотическое воодушевление и стремление к победе. Идеология пораженчества или прекращения войны была бы совершенно неприемлема. Защитники подобных теорий рисковали быть не только отвергнутыми, но заподозренными в государственном преступлении. Для иллюстрации настроения солдатских низов достаточно сослаться на факт посещения 9 марта ген. Корниловым заседания петроградского совета, на котором главнокомандующий петроградским округом давал разъяснения в связи с известиями об угрожающем сосредоточении немцев на северном фронте. Все газеты подчеркивают хороший прием, оказанный Корнилову. В тот же день он посетил разные части гарнизона и всюду встречал „готовность стать на защиту родины“.

4.

Направление политики временного правительства поддерживали официальные представители в Петрограде держав согласия. Первым государством, которое поспешило признать новое русское правительство, были С.-А. Соединенные Штаты. 9 марта американский посол со всем своим штатом и военными представителями явился в совет министров и в присутствии всего состава совета обратился к председателю с приветственной речью. Ответную речь держал Милюков. 11 марта состоялся торжественный прием временным правительством английского, французского и итальянского послов. Речь Бьюкенена была особенно типичной и излагала совершенно недвусмысленно взгляды союзников на происшедший в России переворот. „В этот торжественный час, — говорил английский посол, — когда перед Россией открывается новая эра бла-

годенствия, прогресса и славы, необходимо более чем когда-либо сосредоточить внимание на войне, так как победа Германии неизбежно повлекла бы за собой крушение прекрасного памятника свободы, который воздвиг себе русский народ. Великобритания, протягивая руку временному правительству, убеждена в том, что оно останется верным по обязательствам, принятым на себя его предшественниками, и сделает всё возможное, чтобы довести войну до победного конца"... В таком же духе были произнесены речи и другими послами. Союзников тревожила неопределенность, созданная революцией, они могли подойти к ней только с точки зрения своих интересов и прежде всего подчеркивали со всей категоричностью связанность новой России договорами, заключенными старой властью. Милюков своим ответом внес полную ясность и несомненно успокоил союзных послов. Он дал ту характеристику революции, которая стала потом заученной, шаблонной истиной для временного правительства и, в частности, для министра иностранных дел. Революция по этой схеме совершена народом для того, чтобы довести успешно войну до конца. Этому препятствовал старый порядок и потому он был опрокинут. Исход переворота создает новые, исключительно благоприятные условия для ведения и завершения войны. Далее в речи министра следовала картина официального благополучия страны, картина, которая во вне поддерживалась временным правительством впоследствии даже тогда, когда внешние условия этому резко противоречили. Превратное представление о свойствах и движущих силах революции, о готовности народа и армии продолжать войну, о приверженности широких слоев общества целям войны—всё это гиперболически рисовало временное правительство перед союзной Европой и Америкой; пальма первенства в этой политике принадлежит Милюкову, так, видимо, понимавшему задачи русской дипломатии после революции.

Временное правительство всячески старалось импонировать общественному мнению союзных стран, которое, к слову сказать, восторженно откликнулось на русскую революцию, усматривая в ней залог победоносного окончания войны. В одном общем хоре приветствия слились голоса и американского миллионера Шифа, и президента французской палаты депутатов Дешанеля, и социалиста Ж. Геда. Европа авансировала доверие русской революции. Характерно отметить повышение курса рубля за границей в связи с падением самодержавия. Русскую революцию истолковали разно. В „Humanité" обсуждался вопрос об ее международном влиянии. Клемансо надеется, что она подаст опасный пример для прусской автократии. Гед, Тома и Семба приветствуют в лице Керенского русскую демократию и ждут проявления с ее стороны активности в защите свободы от германского милитаризма. Словом, какова бы ни была исходная точка зрения, вывод был один и клонился к продолжению войны до конца. Временное правительство, сросшееся и ранее с этой идеологией, теперь чувствовало себя особенно призванным подчеркивать свою солидарность с европейским общественным мнением. Даже Керенский, самый левый министр, не противоречит своим товарищам по кабинету и, „приветствуя героические усилия республиканской и демократической Франции", считает нужным вставить слова о „единодушной решимости довести войну до конца"...

Таков был основной тон политики временного правительства, взятый уже в начале марта. Оно видело кругом признаки единодушия в армии и народе, считало себя выразителем этого единодушия и не подозревало, как скоро реальная видимость превратится в зловещую иллюзию...

5.

В чем же выражалась деятельность правительства в целом и отдельных министров в установлении нового строя? Вполне понятно, что она должна была начаться с ряда торжественных деклараций, за которыми уже следовали конкретные распоряжения. Впрочем, всякий более или менее значительный акт всегда облекался в форму, исполненную пафоса. Очевидно, в этом сказывается стиль всякой революционной эпохи, когда не перестает звучать героическая фраза. Во всяком случае, справедливость требует признать, что временное правительство быстро усвоило язык первых дней революции и в этом отношении отвечало духу времени. Вот, например, слова указа о политической амнистии, которым 6 марта правительство приступило к фактической работе. „Во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе, объявляется общая политическая амнистия“. Тогда же были сделаны распоряжения о возвращении на государственный счет всех политических ссыльных и эмигрантов.

Если планом деятельности временного правительства считать те знаменитые восемь пунктов, которые легли в основу образования новой власти, то дальнейшая характеристика правительственной работы была бы чрезвычайно проста. В пределах этих восьми пунктов кабинет немедленно приступил к разработке основных законоположений, которые должны были дать реформированные армию, милицию, органы местного самоуправления и т. д. Но ломка старых устоев политической и правовой жизни и переход к новому строю, помимо основных реформ, заключали в себе ряд моментов, которые предусмотреть было невозможно и которые вместе с тем имели серьезное значение.

Одним из первых актов правительства такого рода был манифест „об утверждении конституции великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме“. Понятно вполне, почему правительство поспешило с финляндским вопросом. Не потому, что революция в первые дни уже успела обострить национальные отношения, искусственно сдерживаемые самодержавным централизмом. Вся сила центробежных стремлений, обнаружившаяся впоследствии, скрывалась еще в складках революционной стихии. Русско-финляндские отношения однако не теряли своей остроты всё время и при самодержавии и естественно должны были вызвать немедленную реакцию со стороны временного правительства; кроме того, близость Финляндии к Петрограду ускоряла процесс влияния революции на эту „окраину“. Если революция одним из первых распоряжений своих вернула из ссылки

непокорного тальмана Свинхувуда, то революционное правительство не могло не спешить с актом об утверждении конституции Финляндии. Весьма вероятно, что известное влияние имели и военные соображения, в виду угрозы, которую могла представлять для Петрограда тогда враждебная Финляндия. Но дальше признания за этой страной ее „внутренней самостоятельности, права национальной культуры и языков“ временное правительство не шло. Никто не допускал мысли о независимости Финляндии. Временное правительство вообще не склонно было расставаться с принципами унитаризма. Национальный вопрос разрешался в духе гражданской, культурно-бытовой эмансипации, равноправия языков, самоуправления и только... Даже о территориальной автономии не было речи, тем более о независимости. Исключение было допущено в отношении Польши. Но это объяснялось, главным образом, международной постановкой польской проблемы, в предрешаемой форме независимого государства. Временное правительство, спустя десять дней после финляндского манифеста, по инициативе Милюкова обратилось к полякам с воззванием, в котором, в унисон с союзниками, заявило о том, что „считает создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе“. Однако, совершенно правильно определяя круг своих полномочий до созыва учредительного собрания, правительство представило верховной власти последнего „дать свое согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из трех ныне разрозненных ее частей“. Таким образом, постановка польского вопроса не типична для национальной политики временного правительства и продиктована исключительно военно-дипломатическими соображениями [1]). Что же касается других окраин, как Сибирь и Кавказ, то 7 марта по распоряжению временного правительства был учрежден комиссариат по управлению Сибирью, а 9 марта — „Особый закавказский комитет“; оба учреждения должны были заняться „устроением края на основах, всенародно объявленных временным правительством“. Этими актами и мероприятиями, в сущности, исчерпывалась деятельность правительства в области национальных и областных интересов.

6.

Устремив значительную часть своего внимания в сторону ликвидации старой власти, хотя и совершая этот процесс очень сдержанно и осторожно, временное правительство решило установить преемственность между новой и старой властью. Обычно для революционной власти этот момент протекает иначе: правительство на словах, идеологически, так сказать, отрекается первое время от какой бы то ни было преемственности, а на деле часто бывает вынуждено

---

[1]) Милюков в своей „Истории“ констатирует, что в оккупированной Польше воззвание временного правительства „помогло полякам оказать противодействие германо-австрийцам в попытках последних создать полумиллионную польскую армию и закрепить за собой Польшу узами новой государственности“...

не только признавать долги и обязательства старого правительства, но и продолжать политику последнего. Субъективные намерения приходят в столкновение с объективной возможностью и побеждают, конечно, не первые. Временное правительство уже 8 марта поспешило засвидетельствовать всенародно, что оно приняло к непременному исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства. Это заявление, правда, сопровождается призывом к бережливости населения и содержит предупреждение, что „повышение некоторых налогов окажется неизбежным". Но центр тяжести и исторический факт, связанный с этим заявлением, заключается в признании преемственной связи старой и новой власти. Если сопоставить эту поспешность временного правительства с противоположным после-октябрьским направлением русской революции, то линия двух крайних политических точек будет резко очерчена.

После чисто военных забот выступал во всей сложности вопрос продовольственный. Симптомы нарушенного товарообмена, растущего в городах продовольственного кризиса и недостатка в деревнях продуктов обрабатывающей промышлености были налицо. Война давала себя чувствовать. 9 марта правительством был издан декрет об учреждении обще-государственного продовольственного комитета, в обязанности которого входила „выработка общегосударственного продовольственного плана, руководящих принципов и общих мер по продовольственному делу [1]). На заседании правительства 10 марта было признано необходимым установление государственной монополии хлебной торговли с некоторым повышением хлебных цен. Весь хлеб отныне должен приобретаться правительством и распределяться по его распоряжению. Самый порядок осуществления государственной монополии хлебной торговли поручалось выработать в ближайшие дни министру земледелия. Необходимо отметить, что специального министерства продовольствия еще не было. Функции этого министерства, которое возникло во времена „коалиции", выполнялись министерством земледелия. Так как деревня испытывала нужду в предметах, необходимых для крестьянского хозяйства (кожа, железо и т. д.), то правительство решило выяснить количество продуктов, которые могут быть предоставлены сельскому населению, конечно, в обмен на хлеб. Так были заложены основы продовольственной политики и государственного регулирования, принявшие в следующие годы столь различные формы. Реформа временного правительства диктовалась необходимостью. Кроме того, в кругах той интеллигенции, которая была призвана правительством в ряды высшего чиновничества, считалось установленным преимущество государственного регулирования перед частной инициативой. Эта истина, заимствованная из западно-европейского опыта, очень богатого и весьма продуктивного, русскими теоретиками и публицистами применялась доктринерски, т.-е. ими не оценивалась слабость, по сравнению с европейской, нашей государственной власти, продажность и малокультурность низшего чиновничества, которому главным

[1]) В состав комитета должны были войти 4 уполномоченных от исполнительного комитета государственной думы, 5 представителей совета рабочих и солдатских депутатов, 5 от совета крестьянских депутатов, по 4 от всероссийских союзов городов и земств, 6 от кооперативов, 3 от военно-пром. комитета, 3 от совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, 2 от сельскохозяйственной палаты, 1 от исп. комис. съезда статистиков.

образом всю эту систему регулирования приходилось осуществлять. Временное правительство и в этом вопросе не обнаружило особенной самостоятельности, тем менее прозорливости. Чувствительное к общественному мнению, оно добросовестно выполняло требования времени...

7.

Временное правительство управляло, законодательствовало... Но о закреплении новых политических основ не могло быть и речи, пока не будет разрешен вопрос о судьбе царя, который после отречения продолжал быть на свободе, сноситься с семьей (даже злоупотребляя шифром) и мог располагать собой по своему усмотрению. Лишенный прерогатив и верховной власти, формально он продолжал, однако, оставаться, если не царем, то „бывшим“ царем. Общественное настроение самых широких слоев армии и народа не склонно было приписывать Николаю II незлобивость, покорность, лойяльность и прочие хорошие качества. Наоборот, вероломство и тупая настойчивость были основными чертами общепринятой его характеристики. Жена его Александра Федоровна [1]), которую стоустая молва сделала виновницей всех бедствий и центром дворцового маразма, тоже продолжала жить под столицей в прежних условиях на правах бывшей царицы, никем не стесненная, никем не ограниченная.. Положение, несомненно, было ненормальное, да и не безопасное...

Вслед за конструированием временного правительства вопрос о царе был возбужден в среде исполнительного комитета совета депутатов. „Считаясь с явно выраженной волей революционного народа“, исполнительный комитет предложил правительству подвергнуть царя и его семью аресту. Мнение членов временного правительства было по этому поводу различно. По непроверенным данным некоторые члены кабинета соглашались отпустить бывшего царя в Англию, полагая, что таким путем он будет обезврежен. По сообщению „Известий“ временным правительством начаты были переговоры в этом смысле с английским правительством [2]). Однако исполн. комитет отнесся резко отрицательно к оставлению царя на свободе и к проекту его заграничной поездки. Опасения формулировались совершенно определенно: располагая колоссальными личными средствами, помещенными в заграничных банках, бывший царь мог бы, оставаясь в тени, фактически организовывать заговоры против нового строя, питать черносотенные происки, рассылать наемных убийц и т. д., словом, стать центром контр-революции. Эти опа-

[1]) Опубликованная переписка Александры Федоровны с Николаем II убеждает в зловещей роли, которую царица играла в направлении всей государственной политики и дворцовой жизни накануне революции.

[2]) Бывший в то время управляющий делами временного правительства В. Д. Набоков опровергает то обстоятельство, что на заседании временного правительства обсуждался вопрос о разрешении царю выехать за границу. (См. „Архив русской революции“ т. 1 изд. в Берлине). Тем менее, очевидно могли быть переговоры с английским правительством, на чем однако категорически настаивает версия исполнит. комитета (см. ниже доклад Соколова). Слух о готовящемся отъезде царской семьи упорно держался в Петрограде. Даже называли Керенского в качестве лица, которому правительство поручило сопровождать Романовых до Англии. Поездка якобы откладывалась из-за болезни детей Николая II.

сения были основательны и серьезны, и временное правительство не могло не считаться с ними.. 7 марта оно постановило: „признать отреченных императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село“. Выполнить это поручение возложено было на 4-х членов государственной думы: Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина. За исключением первого, время стерло имена этих людей, которые, однако, должны занять свое место в истории царской династии. Между прочим, ген. Алексееву было поручено для охраны отрекшегося императора предоставить наряд в распоряжение командированных в гор. Могилев членов государственной думы, а ген. Корнилову привести в исполнение арест Александры Федоровны. Оба генерала выполнили поручение добросовестно.

Получив предписание временного правительства, комиссары 7 марта в 11 часов вечера выехали экстренным поездом в Могилев. Прибыв на следующий день к месту назначения, они с вокзала отправились на автомобиле в штаб главнокомандующего, где имели беседу с ген. Алексеевым. Бубликов предъявил Алексееву предписание временного правительства о лишении свободы бывшего императора; из личной беседы комиссары вынесли впечатление, что ген. Алексеев осведомлен о цели приезда их заранее. Генерал сообщил комиссарам, что царский поезд уже готов к отправлению и ожидает распоряжения комиссаров, чтобы двинуться в путь. Комиссары потребовали, чтобы им был представлен полный список лиц, сопровождавших Николая II. Список этот на вокзале был вручен и содержал имена 47 лиц от свиты до прислуги включительно.

Вслед за комиссарами государственной думы на вокзал прибыл Алексеев, который прошел к царю и сообщил ему постановление временного правительства о лишении его свободы. Царь в это время находился в соседнем поезде прибывшей несколько дней перед этим из Киева вдовствующей императрицы Марии Федоровны. По приказу ген. Алексеева в распоряжение комиссаров был дан наряд солдат из 10 чел. железнодорожного батальона под командой унтер-офицера. Отход поезда был назначен в 4 ч. дня 8 марта. Когда всё было готово, Николай перешел из вагона царицы-матери через платформу в свой поезд. По пути его следования на платформе расположились приехавшие на вокзал проводить его лица свиты, оставшиеся в ставке. Царь был в форме своего конвоя и, проходя в вагон, держал руку под козырек. Окружающие и находящиеся на перроне хранили гробовое молчание. Ни восклицания, ни слова сочувствия, никаких признаков дружелюбия или вражды... Маска условного приличия, к которой Николай II приучил своих приближенных, не была снята и в этот последний момент. Только один из приближенных позволил себе жест расставания. Флаг-капитан Нилов схватил руку царя и поцеловал ее. Вообще, Нилов выражал особенную привязанность к Николаю II и просил у членов государственной думы разрешения сопровождать царя. Просьба его однако не была удовлетворена. Нилов принужден был остаться в Могилеве. Никто из тех, кто связывал свою судьбу с династией, не представлял себе, сколь решительно и серьезно происходящее. Завеса истории еще только приподымалась. А что таило в себе будущее?

Таких провидцев не оказалось. Отчаянье не было написано и на лице Николая II. У окна вагона стояла царица-мать, наблюдая за всем происходящим и провожая взглядом своего сына.

Царский поезд, в котором в последний раз ехал Николай II, был сформирован в обычном составе и заключал в себе 10 вагонов. Вагон комиссаров был прицеплен к хвосту. Комиссарам было предложено пройти в вагон свиты, но они категорически отказались и разместились в своем. В свитском вагоне заняли места ген.-м. Нарышкин, флигель-адъютант герцог Лейхтенбергский, флигель-адъютант полк. Мордвинов и лейб-хирург проф. Федоров. Когда поезд тронулся, собравшаяся публика молча, жестами приветствовала стоявших у окна последнего вагона комиссаров гос. думы. В пути к комиссарам явились депутации с денежными пожертвованиями в пользу жертв революции. Явились делегаты от поездного состава, от кухонной прислуги и даже от дворцовой полиции. Делегат последней заявил: „Так же честно, как мы служили старому порядку, мы будем служить и новому правительству“. Конвоируемый царь был для них лучшим доказательством торжества революции, и поспешное выражение лойяльности делалось не без расчета.

В тот же день, когда Николай II направлялся из Могилева в Царское Село, туда же прибыл из Петрограда ген. Корнилов в сопровождении начальника царскосельского гарнизона, полковника Кобылинского, царскосельского коменданта и некоторых чинов штаба и прочел бывшей царице, которая приняла его в присутствии графа Бенкендорфа и личного секретаря графа Апраксина, постановление временного правительства об ее аресте. Александра Федоровна выслушала указ с наружным спокойствием, крепко стиснув зубы. По окончании она не промолвила ни слова и только наклонила голову. По прочтении главнокомандующий принял меры по охране дворца, установил очередь назначения караулов от всех пехотных полков царскосельского гарнизона, порядок высылки дозоров по всему городу, порядок допуска во дворец и сношений последнего с внешним миром. Все телеграфные и телефонные провода поставлены по приказанию главнокомандующаго под строгий контроль караульных офицеров. Посты наружной охраны, наряжаемые от дворцовой полиции, были немедленно сменены по приказанию главнокомандующего и заменены нарядами от войск гарнизона. Два раза в день представители штаба округа должны были приезжать для проверки охраны. Царскосельский дворец был превращен в комфортабельную тюрьму, в которую революция заключила царскую семью.

Не привлекая ничьего внимания на промежуточных станциях, царский поезд приближался к столице. Он подошел к царскосельскому павильону утром 9-го марта. Из дворца-тюрьмы для встречи никто из близких царю лиц, разумеется, уже не приехал. На перроне всего несколько человек. Журналисты небольшой группой в стороне. Комиссары спросили у начальствующих лиц, встречавших поезд, имеют ли они инструкции для принятия в свое распоряжение отрекшегося императора. Получив ответ, что инструкции получены от временного правительства, комиссары „сдали“ доставленного царя и сами уехали в Петроград. А царь в сопровождении кн. Долгорукова и начальствующих лиц на автомобиле был увезен во дворец.

Вскоре после этого, в тот же день исполнительный комитет принял целый ряд решительных мер к изоляции царя и постановил послать специального эмиссара в Царское Село для того, чтобы последний мог лично удостовериться в наличии царя и проверить условия его содержания. Этим эмиссаром был назначен Мстиславский, он же Масловский, бывший тогда членом совета союза офицеров-республиканцев и принимавший первые дни активное участие в военной комиссии государственной думы и исполн. комитета. Недоверие, которое обнаружил исполнительный комитет, объясняется всё теми же слухами, будто Николай Романов с семьей отправляется с ведома правительства за границу. Из доклада, сделанного Н. Д. Соколовым на заседании совета 10-го марта, видно, что исполнительный комитет пережил 9 марта тревожные минуты в связи с реальной угрозой отъезда Николая за границу. „Вчера стало известно,—докладывал Соколов,—что временное правительство изъявило согласие на отъезд Николая II в Англию и вступило об этом в переговоры с английским правительством без согласия на то, без ведома и без извещения исполнительного комитета. Мы сочли тогда нужным действовать самостоятельно: мы мобилизовали все находящиеся под нашим влиянием воинские части и поставили вопрос так, чтобы Николай II не мог уехать из Царского Села без нашего согласия; мы послали телеграммы по всем железным дорогам о том, что всякая ж.-д. организация, всякий начальник станции, всякая группа ж.-д. рабочих обязана задержать поезд с Николаем II, где и когда бы он ни оказался. Затем мы послали наших комиссаров на Царскосельский вокзал и в Царское Село и вместе с ними отправили соответственное количество воинских сил, которые окружили дворец плотным кольцом пехоты, бронированных автомобилей и пулеметов [1]). Проведя таким образом нашу волю, мы практически поставили Николая II в положение полной невозможности уехать из-под нашего надзора. Затем мы вступили в переговоры с временным правительством, которое сначала некоторое время колебалось, но затем вынуждено было санкционировать всё, что мы сделали“...

Существующие материалы не проливают достаточного света на этот момент. Действительно ли была такая опасность отъезда Николая, причем правительство выступало прямым пособником, и соответствовали ли мероприятия исполнительного комитета реальной обстановке, или опасность, порожденная ложными слухами, приняла в представлении деятелей Совета призрачно-грозные формы—трудно установить. Во всяком случае, после всех принятых мер о внезапном отъезде царя не могло быть и речи. Мстиславский лично убедился в надежности охраны. Процедура предъявления Николая II прошла в обстановке напряженного молчания всех присутствовавших. Мстиславский требовал первоначально, чтобы его провели в комнату, где находился бывший царь. В этом комендатура отказала. Чтобы избежать унизительной для Николая сцены, устроено было так, что при прохождении

[1]) Мстиславский в своих воспоминаниях опровергает факт окружения дворца войсками. По его версии он один, в сопровождении другого офицера, направился во дворец, оставив вооруженную силу на вокзале. Авторитет исполнительного комитета был так велик, что данное поручение Мстиславский выполнил беспрепятственно. (См. „Три дня“. Воспоминания Мстиславского изд. Гржебина).

царя из одной комнаты в другую присутствовал Мстиславский. Николай направился было к Мстиславскому с намерением что-то сказать, но, не дойдя, повернулся и прошел молча. Монарх, по словам Мстиславского, имел усталый, хотя и бодрящийся вид; лицо опухшее, взгляд тяжелый, исподлобья. По газетным сведениям и по слухам, распространившимся в Таврическом дворце, Мстиславский требовал выдачи Николая II для отправки в Петроград. Эта версия однако не находит подтверждения. После предъявления бывшего императора эмиссар исполнительного комитета оставил Царскосельский дворец и вернулся в Петроград. Доклад Мстиславского рассеял тревожные опасения исполнительного комитета. Николай II был на виду, изолирован от внешних влияний и обезврежен. Революции царь не угрожал... Она могла устремиться своим путем, оставив на время в стороне и Александровский дворец и царскую семью...

Содержанию царской семьи под стражей временное правительство уделяло серьезное внимание. Первое время газеты и общественное мнение интересовались всеми подробностями жизни царскосельских узников. Александровский дворец, его многочисленные отдельные флигеля и здания, равно как весь парк, охранялся сильными караулами, которые стерегли все входы и выходы, никого не пропуская. Придворная прислуга—всевозможные повара, лакеи и разная челядь—тоже находилась на положении арестованных. Внутри своих помещений они все имели право свободного перехода из одной комнаты в другую и таким образом могли исполнять свои прямые обязанности.

Николай Романов содержался во дворце изолированно и не имел непосредственного сообщения с внешним миром. Взят был один угол дворца, вернее его отдельное крыло, с целой амфиладой комнат, и в пределах этих помещений, сохранивших до-революционный характер, Николаю дана была свобода. При нем находились в качестве свиты Бенкендорф, Долгоруков, Нарышкин и Мордвинов. Эти лица дольше других сохранили свою привязанность к бывшему царю и предпочитали совместное заключение, нежели индивидуальную свободу. Вся семья Романовых расположилась в левом крыле дворца. Помещения, расположенные в правом крыле, занимали Анна Вырубова, Нарышкина, Гендрикова, кн. Долгоруков, Бенкендорф и Апраксин. Последний вскоре покинул дворец, получив на это разрешение правительства. Для нужд семьи Романовых и свиты во дворце осталось 150 человек прислуги. Правом входа во дворец каждый раз с разрешения на то дворцового коменданта пользовались только доктора и старшие механики. Для всех остальных, желавших получить доступ во дворец, необходимо было получить разрешение совета министров.

Большую часть дня Николай Романов проводил возле детей. Особенно подолгу он засиживался в комнате Алексея. Здесь он читал больному сыну книги, делал отметки на карте военных действий и играл с ним в различные игры. Во время этих посещений обычно присутствовал дядька Алексея, фельдфебель Деревенко. До обеда Николай в сопровождении дворцового коменданта или кн. Долгорукова совершал прогулку по парку. Для прогулок была отведена небольшая часть парка, охранявшаяся караулом. Во время

прогулок на некотором отдалении следовал дежурный офицер из караула. Гуляя по парку, бывший царь обычно расчищал засыпанные снегом дорожки. Жизнь во дворце замирала рано. В 9 час. вечера Николай прощался с детьми. В 10 ч. он был уже в постели.

Николаю разрешено было читать все газеты. Он ограничивался „Новым Временем“, „Вечерним Временем“ и „Русской Волей“. Первое время царь, не освоившись с положением арестованного, пытался нарушать строгие указания караула и переступать пределы дозволенного. Но очень скоро смирился и весь поглощен был мыслью о своей заграничной поездке и будничным ходом своей жизни. Караульную службу несли поочереди четыре стрелковых полка царскосельского гарнизона. Все помещения дворца дважды тщательно осматривались караулом. Слухи о том, что во дворце имеется скрытая радио-телеграфная станция, оказались вздором. Всему караулу и всем членам караульной службы отдано было особое распоряжение не исполнять никаких приказаний бывшего императора и руководствоваться исключительно инструкцией, преподанной от имени временного правительства. Приказано было лишь соблюдать правила отдания чести по чину полковника. Титулование: „ваше величество“ было воспрещено; обращались со словами: „г. полковник“.

Спустя несколько дней, 11 марта на совещании у ген. Корнилова, на котором присутствовал и военный министр Гучков, решено было изолировать бывших царя и царицу от свиты и перевести весь состав арестованных служителей и некоторых из свиты в Петропавловскую крепость. Видимо, комендатура в лице штаб-ротмистра П. Коцебу не внушала доверия. Последний в связи с этим был вскоре устранен. Особая следственная комиссия занята была разборкой дел всего огромного штата дворцовой прислуги, охраны, свиты и прочих должностных лиц. Часть арестованных направлялась в Петроград, другая в царскосельскую тюрьму; многие были отпущены на все четыре стороны.

К вопросу ненадежности охраны возвращались неоднократно. Фантастическими слухами разукрашивалась царскосельская эпопея. Даже фронтовики обнаруживали интерес, смешанный с тревогой. Так, на собрании делегатов XII армии был принят запрос исполнительному комитету и Керенскому такого содержания: „Известно ли исполнительному комитету и министру юстиции, что охрана царскосельского дворца, где содержится бывший царь, стоит не на должной высоте, что бывают случаи, когда бывший царь спаивает караульных офицеров, что заставляет караульных офицеров называть бывшего царя его величеством, что таким образом вокруг бывшего царя может организоваться группа сочувствующих... В виду несоответствия обстановки, в которой живет бывший царь и бывшие царицы, тяжести их вины перед народом и в виду явной опасности дальнейшего оставления их в такой обстановке, которая дает им возможность сношения с сочувствующими кругами—собрание делегатов постановило: предъявить исполнительному комитету категорическое требование к переводу бывшего царя и обеих бывших цариц в Петропавловскую крепость. Запрос не был предкреплен фактическими данными. Недоброкачественность информации делегатов XII армии

видна хотя бы из того, что в Царскосельский дворец водворена была ими вдовствующая императрица Мария Федоровна, между тем, как она вместе с Ольгой Александровной и Александром Михайловичем жила в Киеве и 23 марта выехала в Крым.

Судьба Николая II отразилась на поведении членов царствовавшего дома, независимо от тех высоких административных постов, которые они занимали. Видимо, в результате коллективного решения они все прислали почти аналогичные письма-заявления по адресу кн. Львова, некоторые—на имя Керенского. В этих письмах свидетельствовалась не только лойяльность и готовность по первому требованию явиться к временному правительству, но и затрагивались вопросы престолонаследия. Приведем в качестве примера письмо к Керенскому великого князя Николая Михайловича: „Многоуважаемый Александр Федорович. Относительно прав наших и в частности моего на престолонаследие я, горячо любя свою родину, всецело пресоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича. Что касается до земель удельных, то, по моему искреннему убеждению, естественным последствием означенного акта эти земли должны стать общим достоянием государства“ ... Такие же заявления были получены от Георгия Михайловича и всех Константиновичей. Что касается Владимировичей, то они были более сдержанны и вопросов престолонаследия не затрагивали. Александр Михайлович и Сергей Михайлович заявили о своей готовности поддерживать временное правительство. Более экспансивно об этом же свидетельствовал принц Ольденбургский.

8.

Из отдельных министерств больше всего деятельности обнаружило военное, иностранных дел и юстиции. Первые два по роду работ, особенно тесно связанных с ведением войны, последнее, благодаря тому месту, которое юстиция занимала в процессе ликвидации старого режима и водворения нового. Но, и помимо характера деятельности, эти министерства выделялись, несомненно, и в силу индивидуальных свойств своих руководителей. Гучков, еще с думской скамьи унаследовавший специальный интерес к военным вопросам, приобрел популярность и как лидер умеренной оппозиции и как сторонник общественной помощи в делах войны; человек властный, энергичный, слишком политик, чтобы сойти за военного, но и слишком искушенный в военных вопросах, чтобы увлечься односторонней политикой, он держал себя в кабинете особняком, не очень ладил с Милюковым, не скрывал своей неприязни к Керенскому и сразу приступил к работе. Одним из первых приказов его была отмена наименования „нижний чин“, титулования, запрещение говорить солдатам „ты“ и отмена ограничений, установленных ст. ст. 99, 100, 101, 102 и 104 Устава внутренней службы, воспрещающими курение на улицах, в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамваев, участие в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью, и пр... Это было, несомненно,

начало демократизации армии и, как отмечает Деникин в своих „Очерках“, начало разложения дисциплины. Для реформы внутреннего строя армии была создана 6 марта специальная комиссия под председательством ген. Поливанова, которая работала в контакте с солдатской секцей совета депутатов. Нельзя Гучкова заподозрить в дружелюбии к исполнительному комитету, особенно после приказа № 1 и инцидента с присягой; но с другой стороны, он не обнаруживал резко выраженной нетерпимости и вражды к самой идее революции, хотя с органами революционного действия, какими были в то время советы и комитеты, считался мало. Он и не делал никаких политических заявлений, в которых сквозил бы его охранительный консерватизм или приверженность к монархии. Наоборот, заслуживает внимания его речь, произнесенная 8 марта на митинге представителей торговли и промышленности, где Гучков дал знаменательную оценку происшедшей революции: „этот переворот,—говорил он,—является не результатом какого-нибудь умного и хитрого заговора, каких-нибудь замаскированных заговорщиков, которых искали во тьме агенты охранки. Этот переворот явился зрелым плодом, упавшим от тяжести. Это—историческое явление, и в том, что оно является не искусственным результатом работы группы заговорщиков, а результатом стихийных сил, исторической необходимостью, в этом кроется гарантия его незыблемой прочности“... Объективное признание революции в устах Гучкова, мало гармонирующее с его общим миросозерцанием, вероятнее всего, объясняется верой в оздоровляющее влияние, которое революция должна будет иметь на всем ходе войны. Гучков знал, как глубоко была поражена армия при старой власти. А между тем ему нужна была победа, бряцание русского оружия на улицах Берлина. Отношение к войне было у Гучкова отнюдь не платоническое. И во имя всего этого он без испуга смотрел в глаза революции.

Гучков действительно развернул кипучую деятельность. Одними воззваниями он призывает общество и армию к бдительности и предупреждает о германской опасности, другими он парализует влияние приказа № 1 и призывает солдат и офицеров к взаимному доверию. „Призывая всех чинов армии и флота к неослабной защите нового строя, выражаю уверенность, что завоеванные ими гражданские права еще больше сплотят вооруженные силы России в одно неделимое целое. Верьте друг другу, офицеры, солдаты и матросы. Временное правительство не допустит возврата к былому. Установляя начала нового государственного строя, оно призывает вас спокойно выждать созыва учредительного собрания. Не слушайте смутьянов, сеющих между вами раздор и ложные слухи. Воля народная будет исполнена свято“... (Приказ 9 марта). Он принимает меры к тому, чтобы предохранить армию от пропаганды пацифизма и нарушения дисциплины, при чем впервые пускает версию о связи германского штаба с пропагандой русских пораженцев. Чтобы противопоставить информации, идущей в армию из частных источников, свою, правительственную, Гучков приступает к изданию ежедневных больших военно-политических органов („Армия и Флот“, реорганизованный „Русский Инвалид“), которые должны были широко распространяться и содержанием своим выяснять сущность нового государственного строя, а

равно его политических, правовых и экономических последствий. Гучков принимает непосредственное участие в руководстве армией, поскольку он производит серьезные перемещения высшего командного персонала. Так, он поставил в известность великого князя Николая Николаевича, что в связи с общим отношением к династии Романовых, правительством возбужден вопрос о нежелательности оставления его на посту верховного главнокомандующего. Окончательное отрешение Николая Николаевича от должности состоялось 11 марта, причем во временное командование войсками действующей армии до назначения верховного главнокомандующего вступил ген. Алексеев. Вместо главнокомандующего армиями западного фронта генерала Эверта был назначен отличившийся за войну ген. Лечицкий. Одновременно был устранен ряд крупных военачальников. Гучков первый на правах военного министра начал вмешиваться в дела управления армией. Упразднение верховной власти царя, бывшего главой армии, создало необходимость для правительства интересоваться не только административно-хозяйственной стороной жизни армии, но и чисто-оперативной и вопросами высшего ее управления. Само собой разумеется, что все правительство в полном составе только в исключительных случаях могло рассматривать все эти вопросы; тем самым выростало значение военного министра, которого они касались непосредственно. Впоследствии это скажется особенно сильно при замещении поста военного министра А. Ф. Керенским. Во всяком случае, интересно отметить, что в министерстве Гучкова разрабатывался вопрос о реорганизации высшего управления армии на началах подчинения ее военному министру.

Гучков, конечно, был местом наименьшего сопротивления при нападках слева на временное правительство. Он слишком выделялся своими личными свойствами, чтобы затеряться в общем списке министров. С другой стороны, он дальше всех был от демократической общественности и потому первый вызывал опасения. Понятно, почему „Правда“, открывшая очень рано кампанию против правительства, избрала мишенью своих нападок военного министра Гучкова, благо, последний издал вызывающий приказ, в котором рекомендовал не слушать „сеющих смуту немецких шпионов“. Передовица „Правды“ от 10 марта заканчивалась словами: „Это вас, товарищи солдаты, это вас, товарищи рабочие, члены р. и с. депутатов, обесславливает Гучков на весь свет. Будьте на стороже!“ ... Гучков и не пытался скрывать своей аггрессивности в отношении тех, кто ставил революции более крайние цели. Но и левые группы не склонны были подавлять своего непримиримо отрицательного отношения к Гучкову. В частности, и исполнительный комитет враждебно относился к Гучкову и был недоволен медленным темпом, с которым он производил замену старого командного состава. Милюков в своей „Истории“ свидетельствует о том, что отсутствие Гучкова на бóльшей части заседаний так называемой контактной комиссии приводило делегатов совета в большое раздражение. С „независимостью“ Гучкова исполнительный комитет не мог примириться. Оценивая ретроспективно состав временного правительства за первый период революции, приходится признать кандидатуру Гучкова неподходящей с точки зрения того максимального единодушия и доверия, которые оно призвано было воплощать.

Еще более индивидуально-подчеркнутой личностью был министр иностранных дел П. Н. Милюков. Если Гучков в известной мере по думской традиции занял пост военного министра, то при любой комбинации либерального правительства портфель министра иностранных дел всегда предназначался для Милюкова. И думская борьба, и межпарламентская деятельность, и продолжительный политический стаж, и большая европейская известность—всё говорило в пользу такого именно назначения. Милюков был центральной фигурой временного комитета государственной думы и вступил в правительство не по приглашению извне, а в порядке прямой исторической последовательности, сохранив, естественно, руководящую роль и впредь. Несменный лидер партии народной свободы, занявшей и в количественном и в качественном отношении главное место во временном правительстве, он продолжал чувствовать и вести себя лидером на правах министра иностранных дел. Наконец, кризис правительства был вызван уходом Милюкова. Несомненно поэтому, что первый период в истории временного правительства, март—апрель, может быть назван периодом „милюковским".

Программа Милюкова была программой временного правительства. До 14 марта, когда совет рабочих и солдатских депутатов выпустил свое знаменитое воззвание „К народам всего мира", в котором косвенно формулировались задачи внешней политики, Милюков беспрепятственно, а главное бесконтрольно, проводил свои взгляды. „Министр иностранных дел,—по собственному признанию Милюкова,—вел внешнюю политику в духе традиционной связи с союзниками, не допуская мысли о том, что революция может ослабить международное значение России резкой переменой ориентации и изменением взгляда на заключенные соглашения и принятые обязательства... Во всех своих выступлениях он решительно подчеркивал пацифистские цели освободительной войны, но всегда приводил их в тесную связь с национальными задачами и интересами России". Впоследствии прямолинейная политика Милюкова, вернее сам Милюков, под влиянием всё растущей роли совета, оказались изолированной и в среде временного правительства. Но это было накануне первого кризиса правительства, о чем речь будет ниже. В процессе ликвидации старой власти министерство иностранных дел меньше всего принимало участия. Нет данных, которые свидетельствовали бы о спешном привлечении Милюковым новых людей, о смещении им командного дипломатического состава, подобно командному составу военному. Наоборот, имеются указания противоположного свойства. Так, К. Д. Набоков, бывший во время Милюкова поверенным в делах русского посольства в Лондоне, пишет в своих воспоминаниях следующее: „Временное правительство из благородного побуждения, из нежелания производить чистку и удалять, быть может, технических ценных работников, проявило по отношению к личному составу заграничных установлений большую терпимость. Терпимость, быть может, даже чрезмерную, ибо в некоторых случаях люди, присягнувшие временному правительству, совершенно определенно кривили душой"... (К. Д. Набоков „Испытания дипломата", стр. 61). Дипломатическое ведомство не нарушало прежних

традиций замкнутой таинственности; при этих условиях демократизация не могла его коснуться. Вообще, с именем Милюкова связывается гораздо бо́льшая непримиримость к органам революционного действия, нежели это обнаруживали другие члены временного правительства. Милюков сознательно и определенно стремился к тому, чтобы приостановить дальнейшее продвижение революции; он решительнее других отстаивал верховные прерогативы временного правительства и оспаривал право совета вмешиваться в управление страной. Узел конфликта с последним несомненно завязывался Милюковым, и в этом смысле участие его в правительстве было роковым...

Совершенно исключительное место занимал Керенский. Он вырастал в глазах окружающих по мере того, как росла и побеждала революция. Керенский был тем живым проводом, который соединял народ, улицу, солдат, рабочих с революционной властью. Когда он с неподражаемым увлечением восклицал: „меня послала революция", „меня уполномочила революция" и т. д., никто не сомневался в правоте его слов. Появление, приказ, речь или обращение Керенского всегда означали в то время какой-нибудь шаг революции. Его циркулярно-приказная деятельность в первые дни представляет собой бурлящий источник революционного пафоса. Министр из опасения, что кто-то угасит всенародный порыв, спешит вырвать корни самодержавия, поскорей обезвредить старую власть, удалить всех ее предполагаемых сторонников, не держать одного часа лишнего в тюрьмах жертв царского произвола. По телеграфу 6 марта был разослан приказ прокурорам судебных палат и окружных судов „немедленно под личной ответственностью освободить всех осужденных и подследственных, заключенных по политическим преступлениям всех категорий и преступлениям религиозным." Увлечение позой, жестом сказывается с первых шагов Керенского. Старым прокурорам предписывается лично произвести освобождение тех, кого они вчера обвиняли, и обязательно передать каждому освобожденному привет от имени министра. Как на местах осуществлялось это распоряжение, трудно проследить; но весьма возможно, что авторитет революционной власти был уже так велик, что многие за страх, а некоторые за совесть, точно выполняли необычное предписание министра юстиции. 7 марта временное правительство по инициативе Керенского постановило приступить к немедленному расформированию охранных отделений и корпуса жандармов, при чем нижние чины обязаны были явиться к воинским начальникам для направления их в действующую армию. Эта мера, в частности, имела отрицательные последствия: бывшие охранники и жандармы играли видную роль в деморализации армии. По распоряжению Керенского печатались списки провокаторов, обнаруженные в органах политического розыска. Освобождая жертв старого режима, Керенский одновременно принимал непосредственное участие в направлении дел многих бывших сановников и лиц, запятнавших себя при старом режиме преступлениями противообщественного характера. 11 марта была учреждена чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств. На некоторые дела было обращено сугубое внимание министра. Так, от прокурора

московского окружного суда было затребовано дело об убийстве депутата Иоллоса; по ордеру министра была арестована жена бывшего военного министра Сухомлинова, дело которого постановлено было повести ускоренным темпом. Для расследования причин задержания арестованных и распределения их по категориям была образована „комиссия об арестованных" под председательством М. Л. Гольдштейна. Прибегая к мерам предупредительно-репрессивным, Керенский однако считал нужным подчеркивать элементы законности, которыми должна была, по его мнению, особенно дорожить революционная власть. В этом отношении весьма показательно одно из первых обращений министра юстиции от 6 марта по поводу демонстрации, которая шла со знаменем, украшенным лозунгом: „Да здравствует революция! Смерть арестованным!" Керенский доводит до сведения граждан, что „ни одна из революционных социалистических партий ни к каким насилиям и бессудным расправам не призывает, и есть основание утверждать, что подобные призывы являются результатом деятельности бывших охранных и провокаторских организаций". Обычно-патетический конец воззвания гласит: „убежден, что граждане свободной России не омрачат насилием светлое торжество великого народа". 5 марта на заседании первого департамента правительствующего сената, в котором были заслушаны акты об отречении Николая II и об отказе Михаила от восприятия верховной власти, Керенский, доставивший лично в подлинниках эти акты [1]), произнес краткую речь, посвященную охране права и законности. На месте разрушенных революцией органов правосудия Керенским были созданы временные суды, состоявшие из трех членов: рабочего, солдата, делегированных советом депутатов, и одного из старых мировых судей по указанию съезда мировых судей. Импровизация временных судов была подсказана настроением времени; суды импонировали своим революционным составом и первоначально пользовались авторитетом.

Кипучая деятельность Керенского отразилась на подборе сотрудников министра. Ни одно ведомство так широко не использовало притока общественных сил, как министерство юстиции. Товарищами министра были назначены А. С. Зарудный и Г. Скарятин; председателем верховной следственной комиссии Н. Муравьев; много членов присяжной адвокатуры были приглашены на различные высокие административные и судебные посты. Освежен был состав судебных палат, окружных судов, прокуратуры. Из ведомственных углов изгонялась затхлость и рутина; на всем сказывалась традиционная связь главы министерства с сословием свободной адвокатуры [2]).

Керенский был в то время самым популярным человеком в России. Его образ был всенародно опоэтизирован, окаймлен любовью; его слова вызывали энтузиазм. Популярностью Керенского дорожил совет рабочих и солдатских депутатов, и, хотя в работах последнего он не принимал непосредственного участия, а, в свою очередь, совет не руководил политической деятельностью своего товарища председателя, однако цепь взаимного доверия

[1]) Оба акта были приняты Сенатом „для хранения на вечные времена". Дальнейшая судьба их неизвестна.

[2]) Интересно письмо Керенского в советы присяжных поверенных, с которыми министр обратился уже 2 марта. В нем содержится приветствие и просьба «принять посильное участие в установлении истинного правосудия в нашей Родине»... (см. «Вестник Врем. Прав.» № 1).

не нарушалась. Появление Керенского в совете всегда сопровождалось овациями, обаяние Керенского подымало престиж временного правительства. Оно это учитывало и в значительных случаях выставляло его на передний план. Когда надо было впервые связать Москву с временным правительством, это могло быть возложено только на Керенского. Приезд его в Москву был, по отзывам корреспондентов, сплошным триумфом. На вокзале Керенского встречали представители общественных организаций и почетный караул Александровского военного училища. С представителем железнодорожных рабочих министр расцеловался. В городском управлении его приветствовал товарищ городского головы Брянский. В здании судебных установлений министр произнес речь о торжестве революции и о новых принципах правосудия. На собрании совета офицерских и солдатских депутатов он говорил о долге, о внутренней дисциплине. На заседании комитета общественных организаций министра приветствует комиссар временного правительства Кишкин. „Я только что вернулся из Петрограда,—говорит Кишкин,—и могу засвидетельствовать, что если бы не Керенский, то не было бы того, что мы имеем. Золотыми буквами будет написано его имя на скрижалях истории“... На заседании Общественного комитета министр юстиции излагает свою ближайшую программу и программу деятельности временного правительства. Любопытно отметить, что наиболее распространенными вопросами из тех, что задавались Керенскому на многочисленных собраниях, были вопросы о судьбе династии и о единстве в деятельности временного правительства. Керенский давал удовлетворяющие всех ответы, и хотя называл себя „единственным представителем демократии“ в составе временного правительства, но подчеркивал единодушие, царящее в правительстве; говорил о предстоящей отмене смертной казни, равноправии женщин, о твердости своих принципов, проводимых в жизнь. Во время одной из речей министр упал в обморок. Этот эпизод еще больше усилил представление об огромном напряжении революционной энергии, которая бросалась в глаза в деятельности Керенского. Министр уехал, и Москва была оставлена под впечатлением того героического пафоса, которым жил Петроград в первые дни. Поездка Керенского в Гельсингфорс протекала в аналогичной обстановке повышенного интереса и выраженных симпатий к личности первого министра-гражданина.

Одной юстицией, конечно, не исчерпывалась деятельность Керенского. Он был действительно единственным социалистом в составе правительства. Это обязывало к целому ряду шагов, от выполнения которых другие министры были свободны. Формально возглавляя одно только ведомство, он фактически покрывал своим авторитетом в глазах так называемой революционной демократии всю деятельность временного правительства. Роль Керенского таким образом качественно выделялась несоответственно тому месту, которое его министерство занимало в правительстве. В его положении заключалась двойственность, ибо, с одной стороны, ему приходилось солидаризоваться с общим направлением временного правительства, как целого политического организма; с другой—он должен был чутко прислушиваться к биению революционного пульса тех групп и партий, ставленником которых

он себя считал. Пока противоречия между правительством и советом еще не вскрылись, двойственность эта не давала себя чувствовать. Но пройдет немного времени, и Керенский станет фокусом противоречий, взрывавших революцию изнутри.

Если активная деятельность министерств военного, иностранных дел и юстиции обусловливалась до некоторой степени индивидуальными особенностями руководителей, то малодеятельность министерства внутренних дел тоже может быть поставлена в связь с характеристикой главы этого ведомства. В сущности, на министерство внутренних дел должна была выпасть главная работа по ликвидации старых органов управления, особенно на местах, где революция сразу создала чрезвычайную пестроту организаций и форм самодеятельности. Но князь Львов, один из популярнейших в России дореволюционных земских деятелей, оказался человеком малой энергии, слабой инициативы и, по описанию ближайших сотрудников (Милюкова, Набокова и др.), лишенным самостоятельности. Быть может, подходящий премьер для мирного парламентарного кабинета, добросовестно выполняющего круг предначертанных реформ, он был не на месте в правительстве революционной ломки, оглушенном уличной борьбой и отягченном тяжелым наследием войны и разрухи. Он не терял нравственного авторитета, но и не приобретал авторитета политического. Ни в одном вопросе внутренней и внешней политики не чувствовалось его руководительства. Львов бессилен был прозреть ее скрытые пути, и потому динамика процесса оставалась чуждой его пониманию. Все значение его исчерпывалось внешним примирением антагонистов, поскольку они обозначались в правительстве, улаживанием внутри-правительственных трений и публичным восхвалением политической свободы, рыцарем которой он оставался всё время. В качестве министра внутренних дел деятельность его в первые две недели ознаменовалась упразднением губернаторов и вице-губернаторов. Распоряжением от 6 марта управление губернией возлагалось на председателей губернских земских управ в качестве губернских комиссаров. В такой же форме реорганизовано было управление уездом. Реформа эта с самого начала вызвала массу осложнений на местах. В большинстве губерний вновь назначенные комиссары оказались элементами, чуждыми возникшим общественным и, в частности, рабочим организациям. Министерство пассивно отнеслось к этой провинциальной административной неразберихе, которая очень скоро отразилась и на всей системе управления страной. Малопопулярные комиссары, естественно, весьма неумело осуществляли связь центральной власти с местами; вследствие этого сужался и авторитет временного правительства; зато выростало значение органов революционного действия, центром которого в масштабе общегосударственном становился петроградский совет. Когда в печати был поставлен вопрос о местном управлении, князь Львов так формулировал свой взгляд“: ... Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением. Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни“. В одном из последующих интервью кн. Львов определял функции комиссаров: „Комиссары временного прави-

тельства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления". Под местными органами министр понимал общественные комитеты и другие организации, оспаривавшие друг у друга прерогативы и устанавливавшие произвольно пределы компетенции. Министерство внутренних дел односторонне выполнило задачу укрепления нового строя; сместив старые органы управления и не утвердив новых, оно больше всех посодействовало дезорганизации административной жизни страны. Львову нельзя поставить упрека в том, что он в центре министерства окружен был людьми старого типа: наоборот, в качестве товарищей министра были привлечены кн. Урусов и Д. Щепкин; разработкой законопроектов о местном самоуправлении был занят ряд лиц во главе с Н. Н. Авиновым. Лойяльность, мало сказать, приверженность кн. Львова революции в чистом виде ее бескровно-февральского завершения, не подлежит сомнению. Но восторженность премьера нарушала чувство меры. Ему принадлежат заключительные слова речи, произнесенной на заседании четырех дум 27 апреля: „Мы можем почитать себя счастливейшими людьми; поколение наше попало в наисчастливейший период русской истории"... Пока правительство не покидало декларативного тона, пока не остыл общенародный порыв и не угасло общественное единодушие, кн. Львов был, вероятно, действительно одним из счастливейших премьеров и министров...

Остальные члены кабинета не блистали политическим талантом или административными способностями. Они были известны интеллигентной России, особенно либерально-цензовым кругам ее; менее всех, впрочем, мог щегольнуть общественным стажем своим министр финансов Терещенко, о котором знали лишь то, что он является отпрыском крупных киевских богачей-сахарозаводчиков и что последнее время его имя фигурировало в числе деятелей центрального военно-промышленного комитета. Терещенко отличался изысканной обходительностью, умел располагать к себе всех, не портил ни с кем отношений и был самым „приятным" из всех министров временного правительства. Программы министр финансов не имел.

Более определенной фигурой из второразрядных членов правительства был А. И. Коновалов. Человек европейского склада, широкого кругозора, не чуждый общественной деятельности, он вместе с тем не порывал практической связи с кругами русских промышленников. В качестве деловой кандидатуры его участие в правительстве было вполне уместно. Свой первый шаг на посту министра торговли и промышленности он ознаменовал изложением своей программы в обращении „к трудящимся". В программе указывалось на необходимость образования самостоятельного министерства труда. Впредь до разрешения этого вопроса министр считал нужным образовать при министерстве торговли и промышленности особый отдел труда с коллегиальным при нем органом, состоящим из представителей рабочих, предпринимателей и общественных организаций. „В широком развитии профессиональных союзов всякого рода одно из главнейших, по его мнению, условий экономического возрождения России". Просвещенный либерализм был выдержан

им в речах и мероприятиях весьма строго. От его фигуры веяло здоровой умеренностью западно-европейского буржуа, который однако в пределах либерально управляемого общества склонен пойти в реформе до конца. Министр считал необходимым выполнить всю программу социального и кооперативного законодательства законы о продолжительности рабочего дня, всесторонней охране труда, страхования рабочих и т. д.). Воодушевленный идеей гармонии интересов, он с одинаковым рвением обращался и к трудящимся и к промышленникам, призывая и тех и других „к дружной и согласованной работе по скорейшей ликвидации изживших форм старого режима“. Значительная часть программы министра имела отрицательный характер в отношении институтов старой власти. Вторая часть программы, положительная, еще лишена была реальных очертаний и не могла поэтому отразить на себе классовых противоречий, дремавших в первые дни всенародного экстаза. Коновалов впоследствии не был в фокусе политических конфликтов. Его место в правительстве нельзя назвать совершенно незаметным; однако он не привлекал к себе ни резкого расположения сторонников, ни выраженного недружелюбия врагов. Он не был популярен, но и не одиозен. По натуре, по способностям и темпераменту это был министр либерально-замиренной России, а не страны, вступавшей в полосу великих потрясений...

Мало подходил к роли министра народного просвещения профессор Мануйлов. Казалось бы, в этом министерстве приток общественных сил должен был быть наиболее сильным. Школа на всех ступенях была развращена и засорена старым режимом. Чиновник вытеснил педагога; система преподавания нуждалась в коренной ломке. За Мануйловым числился стаж „пострадавшего“ профессора. Надежды на оздоровление министерства народного просвещения были у всех самые радужные. Но Мануйлов очень скоро разочаровал даже ближайших сотрудников. На всей его деятельности лежал отпечаток бесцельной осторожности, боязливой „постепеновщины“. Большинство старых чиновников осталось на местах. Смелых начинаний в духе европейского школьного реформаторства не было. Всероссийское педагогическое общество, которое в первые же дни реорганизовалось во всероссийский учительский союз, пыталось в лице С. А. Золотарева и А. Н. Русанова (члена госуд. думы) влиять на Мануйлова в смысле привлечения им организованного учительства к предстоящей работе обновленной школы. Но министр замораживал инициативу общественных организаций и занимался кропотливой административной работой. Революция застряла на пороге министерского кабинета и в школу не проникла. Впоследствии отношения между Мануйловым и организованным учительством так испортились, что, например, один из популярных педагогов, В. А. Герд, на приглашение занять пост товарища министра ответил резким отказом, в котором приводилась принципиальная критика анти-демократической политики Мануйлова.

Кадетское крыло в правительстве подкреплял Шингарев, который во всех политических выступлениях шел в ногу с Милюковым и самостоятельной роли не играл. Популярный в широких слоях населения думский деятель, несменный застрельщик бюджетной критики, недюжинный оратор, он оказался заурядным администратором на посту министра земледелия. На его

долю выпала огромная работа, связанная с вопросами продовольствия, снабжения армии и населения. Шингарев охотно шел навстречу общественным начинаниям и в этом отношении ни разу не вызывал упрека с чьей бы то ни было стороны. Поставленный лицом к лицу с грандиозным кризисом народного хозяйства, он обнаружил бессилие теоретической мысли и практического действия. Ни в правительстве, ни в своем ведомстве он не был центральной фигурой, способной собрать вокруг себя энергию и индивидуальную инициативу.

Временное правительство в целом отражало слабые стороны либеральной оппозиции, лишенной устойчивых политических навыков и прочных социальных корней, и было законным детищем комитета государственной думы.

9.

Значение комитета государственной думы этим исчерпывалось. В переходные февральские дни он был центром общественного действия наравне с советом рабочих депутатов. С момента возникновения правительства, духовным и политическим источником которого он являлся, отмирает нерв его действенности. Комитет государственной думы продолжает еще некоторое время выступать в качестве органа общественного мнения. Постепенно и эта функция вырождается. Дума исчезает, как тень прошлого. Комитет государственной думы был первые дни рупором временного правительства. Те политические идеи, которыми руководствовалось правительство, развивались и в воззваниях думы. Война, боеспособность армии и тут были в центре внимания. „Напрягите все ваши силы, помогайте друг другу, старайтесь во что бы то ни стало сохранить мир между собою, сохранить порядок и дисциплину. Ибо, если взволнованные вестью о свободе вы хоть на мгновенье расстроите свои ряды, враг может воспользоваться этим и нанесет вам страшные удары“... Такими словами дума обратилась 6-го марта к войскам фронта. Одновременно она выступила с воззванием к „гражданам России—жителям деревни“. Весь авторитет, накопленный за дни революции, дума пускает в ход, чтобы вызвать помощь со стороны крестьян. „Братья! Не дайте России погибнуть, везите немедленно хлеб на станции и склады... От вас зависит победа. Не выдайте родины. Везите и продавайте хлеб не ожидая особых распоряжений, везите его добровольно и помогайте этим общему делу. Этого требует от вас пролитая на полях брани кровь ваших сынов и братьев. Помните, что поражение наше приведет к прежнему старому порядку. Верьте, что к свободе и счастью России путь один—победа. Везите хлеб ваш сейчас же, накормите армию и дайте новые силы для борьбы с врагами“... Под патетическими выражениями скрывалась тревога за фронт, оставленный на некоторых участках боевой линии без продовольствия и фуража.

Воззвания, выпущенные думой, несомненно имели свое влияние. Своим решительным переходом на сторону революции, своим будирующим поведением в последние месяцы своего исторического существования дума приобрела популярность и стала в первые дни выразительницей народного воодушевления. Для провинциальной, особенно крестьянской, России дума в то время пол-

зовалась, пожалуй, гораздо бо́льшим престижем, нежели совет, который еще не перестал быть местным, петроградским центром революции и только начинал распространять свои связи на всю Россию. Крестьянство в некоторых местах слушалось зова думы и везло хлеб на ближайшие ссыпные пункты. Продовольственные затруднения от этого не уменьшились; воодушевления хватило не надолго, но оно было. Этот исторический факт подтверждается многочисленными данными.

В армии дума тоже пользовалась авторитетом, особенно среди низшего и среднего офицерства. В первоначальном представлении армейской толщи переворот связывался главным образом с инициативой думы. Прошло сравнительно много времени, пока печать и ходоки внесли ясность и выяснили смысл и реальные последствия революции. До того для большинства солдат происшедшее было ошеломительно, ново и одновременно загадочно, непонятно. В связи с этим сразу приобрели руководящее значение на фронте интеллигентные силы, способные помочь разобраться в перевороте, объяснить, рассказать. Надо думать, что первый тон настроения армии был дан местной, „окопной“ интеллигенцией, близко соприкасающейся с солдатской массой и расположенной сочувственно встретить новую власть. Комиссары государственной думы, которые были разосланы по всем армиям, всюду встречались с энтузиазмом и с огромным доверием. По единодушному отзыву депутатов Масленникова, Дзюбинского, Евсеева, Ефремова, священника Филоненко и др., выезжавших в разные пункты фронта по поручению временного комитета, настроение войск всюду было прекрасное, и боеспособности армии ничто не угрожало. Таким образом, призыв думы имел характер скорее предупредительный, как и аналогичное воззвание временного правительства.

В качестве органа общественного мнения думский комитет всюду, где мог, выступал популяризатором идей временного правительства. С этой целью был даже учрежден „фонд освобождения России“, в задачи которого входило путем издания и распространения литературы, устройства лекций, чтений и бесед оказать поддержку временному правительству в его деятельности. Спорадические поездки думских комиссаров по разным городам и весям России становились реже. В отношении фронта эта традиция держалась дольше. К некоторым армиям (Брусилова, Лечицкого, Рузского) были даже прикомандированы постоянные комиссары. Некоторые из них впоследствии получили подтверждение своих полномочий от временного правительства. Состав думского комитета подвергся изменению. В виду выбытия Милюкова, Караулова, Некрасова, В. Львова и Керенского были произведены выборы недостающих членов. Советом старейшин (этот орган намечал состав исполнительного комитета) были избраны следующие 6 членов государственной думы: Ратьков-Рожнов, Ефремов, В. Маклаков, Вершинин, Фирсов и Еникеев. Этот состав последний, на котором еще останавливается внимание исторического исследования. В дальнейшем думский комитет затеряется среди груды упраздненных учреждений и институтов, хотя попытки гальванизировать политический труп будут предприниматься много раз. Центр тяжести в Таврическом дворце очень скоро после февральских дней перешел в ту его часть, где помещался совет рабочих и солдатских депутатов.

10.

Совет быстро приобретает доверие широких масс рабочих и солдат. Число членов росло с каждым днем. 3 марта оно определялось в 1300 чел., а спустя неделю доходит до 2800, из которых около 800 рабочих, а остальные солдаты. Собрания советов уже не могут происходить в зале Таврического дворца и переносятся в Михайловский театр, а потом в Морской кадетский корпус на Васильевском Острове. Руководящий орган — исполнительный комитет фактически осуществлял всю политическую и практическую работу. Пленум совета только формально утверждал все постановления и мероприятия исполнительного комитета. Совет отражал хаос народного движения, то отливавшего, то приливавшего к решетке Таврического Дворца. Он не был тогда органом народного или классового представительства в подлинном смысле этого слова. И система выборов, где фабрика рабочих приравнивалась к эскадрону кавалерии, и чрезвычайная текучесть состава, когда невозможно было в обстановке суеты и всеобщего возбуждения установить персональный состав присутствующих членов совета, и сумбурность, многоречивость заседаний его, и, наконец, безостановочная деятельность исполнительного комитета без определенных часов заседаний, без протоколов, без устойчивого кворума и строго зафиксированных постановлений — всё это создавало картину бивуачной импровизации, какой-то наспех сколоченной организации. Совет непосредственно впитывал в себя народное настроение; но, благодаря хаотическому состоянию своего исполнительного аппарата, весьма несовершенно справлялся с деловой стороной. В сознании широких масс он продолжал быть органом революционного действия; многочисленные ходоки со всех концов земли русской, с фронта и деревень, из самых дальних окраин и заброшенных углов приходили в Таврический дворец не только для того, чтобы посмотреть „героев“ революции, подышать одним с ними революционным воздухом, но и разрешить тут же ряд конкретных вопросов обще-государственных, областных, местных и даже личных. Поскольку дело касалось изложения программы совета или характеристики обще-политической обстановки, исполнительный комитет совмещал более или менее успешно информацию с пропагандой и через посредство иногороднего отдела (иногда непосредственно) распространял свое влияние на всю Россию. Но при разрешении вопросов государственного управления исполнительный комитет с самого начала узаконил двойственность власти и создал великую путаницу. Объяснение этого явления коренится во взаимоотношениях между исполнительным комитетом и временным правительством, которые сложились в момент возникновения последнего.

Уже 2 марта позиция совета в отношении к правительству формулировалась Стекловым на заседании совета в его знаменитом тезисе: „постольку — поскольку“. Развитие отношений совета и правительства со всеми вытекающими противоречиями ведут свое начало от этой пресловутой формулировки. Она, в общем, не была надуманной, а соответствовала действительному положению вещей. Исполнительный комитет, как известно, не принял непосредственного участия в правительстве; он оставил свои руки свободными, а главное узаконил

*

свободную критику. В виду недоговоренности, которая заключалась в первоначальном соглашении с правительством (не были разрешены: форма государственного устройства — монархия или республика, вопросы войны, социальная проблема и т. д.), такая критика исполн. комитета не могла не возникнуть. Но совет и его исполнительный комитет продолжали быть одновременно и центром общественного мнения и органом революционного действия; естественно, что критика очень скоро перешла границы и приняла форму прямого вмешательства в компетенцию правительственной власти. Народ не мог разобраться в приоритете любой из двух властей; традиции временного правительства были еще весьма непрочны; психологическая тяга к единой власти была велика во всех слоях общества, особенно в армии. О совете судили не по тому, на что он имеет формальное право, а по тому, что он в состоянии сделать. И так как он был в состоянии сделать многое, то и вопросы верховного управления включались в круг его деятельности. Это создавало не только умаление престижа временного правительства, но и практически, благодаря беспредельной хаотичности организаций исп. комитета, не могло привести к каким-либо результатам и только усиливало административную путаницу.

Политическую позицию совета руководители его видели не в открытой и безоговорочной поддержке правительства, а в критике чисто-отрицательной. Мы уже указывали выше, какой объективный материал для критики при желании его найти давали министерство Милюкова и Гучкова. В частности, министерство иностранных дел раздражающе действовало на совет своим отношением к политическим эмигрантам, которых не пропускала Англия; русские дипломатические агенты отказывались визировать паспорта эмигрантов, а те осаждали настойчивыми телеграммами петроградский совет. Одной из первых была телеграмма Урицкого из Копенгагена, напечатанная в „Известиях" еще 6 марта. Приезжающие с фронта делегаты рассказывали о тенденциозной медлительности Гучкова, с которой он производил чистку командного состава. Свое нерасположение к совету военный министр не скрывал и подчеркивал в распоряжениях и приказах по армии. Достоинство совета было задето, критика исполн. комитета принимала форму открытого недовольства и протеста; под покровом соглашения и договора исполн. комитет не упускал случая, чтобы подчеркнуть эфемерность власти временного правительства и зависимость ее от расположения совета. После эпизодов с присягой и непосредственного вмешательства исполн. комитета в историю с арестом царской семьи наметилась необходимость регулярного общения представителей совета с временным правительством. 8 марта исполнительный комитет принял следующее постановление: „1. Исходя из решения совета рабочих и солдатских депутатов и намеченной им линии общей политики, исполнительный комитет признает необходимым принять неотложные меры в целях осведомления совета о намерениях и действиях временного правительства, осведомления последнего о требованиях революционного народа, воздействия последнего на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля над их осуществлением. 2. Для осуществления этого постановления исполн. комитет избирает делегацию в составе

Скобелева, Стеклова, Суханова, Филипповского и Чхеидзе"... Спустя два дня такая комиссия, получившая впоследствии название „контактная", была образована [1]).

Это была попытка оздоровить отношения между советом и временным правительством, которые вообще до того не могли быть организованно выражены. При взаимной отчужденности часто возникали подозрения и настороженность там, где для них не было достаточного основания. Но и образование „контактной" комиссии не устранило основного порока двоевластия, ибо постановление исполн. комитета имело не только целью установить связь между двумя органами, но и контроль одного над другим, т.-е. другими словами—приписывало совету верховную государственную власть. Таким образом, узаконилось главное противоречие: совет, не имея формально власти, фактически ею располагал; наоборот, временное правительство обречено было искать реальную власть, опираясь на свой формальный авторитет. Тогда уже перед исполн. комитетом намечались три пути, по которым впоследствии разные силы влекли революцию: или самоупраздниться, или взять всю полноту государственной власти, или разделить ее с цензовой [2]) общественностью. Лидеры исполнительного комитета первое время не хотели определенно стать ни на один путь. „Контактная комиссия" была неудачным компромиссом, временно затушевавшим противоречие; но принципиально положение осталось неизмененным, и почва для конфликта продолжала углубляться.

При этом необходимо учесть политическое настроение большинства исполнительного комитета, которое можно охарактеризовать, как неопределенный радикализм. Строго-выдержанной тактики не придерживались в этот период и партийные большевики. Ведь еще 3 марта петербургский комитет вынес резолюцию о непротиводействии власти временного правительства „поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа". Стеклов и Суханов были проводниками этого беспринципного радикализма; первый в речах и в открытых выступлениях обволакивал подозрениями и критикой деятельность временного правительства и всё время вызывал призрак контр-революции; ему удавалось успешно компрометировать не только личный состав правительства, но и те договорные начала, на основе которых при его же участии оно возникло. Второй действовал интимно, за кулисами исполнительного комитета; скромными вставками в постановления, поправками к резолюции он выгибал кривую советской тактики, которую на языке того времени называли линией „центра". Эта линия, лишенная ясности очертаний, легко переходила в зигзаг и была по душе Чхеидзе, вульгаризатору революционной идеи, человеку без самостоятельных взглядов и плана, стяжавшему популярность беззаветной

---

[1]) Впоследствии „контактную комиссию" сменило бюро исполнительного комитета. По свидетельству Милюкова большинство пожеланий комиссии выполнялось правительством. Были однако такие требования, которые отклонялись. Напр., требование об ассигновке 10-миллионов на нужды демократических организаций.

[2]) Термин „цензовая общественность" узаконен февральской революцией. Этим термином определялись разные социальные группы, в общем противопоставляемые рабоче-крестьянской демократии. С октября 1917 г. вошел в употребление термин „буржуазия, вытеснивший „цензовика".

преданностью советской массе, преданностью, за которой фактически скрывалось убожество политического вождя. В орбите этих руководителей вращались малоодаренный Соколов, случайно выплывший на поверхность Гриневич и др. На левом крыле находились чистые большевики, „межрайонцы“ и будущие левые эсеры, вроде растрелянного впоследствии П. Александровича. На правом—Богданов, Гвоздев, Батурский, Брамсон, умерявшие до известной степени крайние устремления исполн. комитета, но сами, за исключением Батурского, ослепленные успехом революции. Эпизодически определял себя Скобелев; он неутомимо выступал во вне, примелькался как представитель исполнительного комитета, но сравнительно мало значил во внутреннем ходе политики. Таков был состав исполнительного комитета в этот ранний период деятельности, когда закладывались основы его политического влияния.

Организационная работа совета имела огромное значение. Только он мог овладеть революционной стихией и ввести ее в спокойное русло мирной, творческой жизни. 5 марта 1170 голосами против 30 совет решает прекратить всеобщую революционную забастовку. Но „вместе с тем совет признает необходимым одновременно с возобновлением работ приступить к разработке программы экономических требований, которые будут предъявлены к предпринимателям от имени рабочего класса“. Выступление совета в качестве классовой организации сопровождалось большим успехом. Тотчас после прекращения забастовки рабочие многих фабрик и заводов, естественно, стремились использовать революцию в смысле улучшения своего социального положения. Всюду были предъявлены требования повышения заработной платы, введения 8-ми часового рабочего дня и рабочего представительства. На этой почве начиналась частичная неорганизованная, сопровождавшаяся эксцессами борьба, которая грозила внести разложение в ряды пролетариата и надорвать и без того расстроенную промышленность. Совет принял на себя руководительство этим движением. Он обратился к рабочим с призывом не прекращать работ, а также не портить машин и не чинить насилий над личностью. С другой стороны, совет выступил резко против увольнения предпринимателями рабочих и закрытия фабрик, грозя муниципализацией и рабочим контролем. Одновременно делегация исполнительного комитета, во главе с Гвоздевым, вступила в переговоры с главной организацией капитала „Обществом фабрикантов и заводчиков“ об установлении нормальных отношений между предпринимателями и рабочими. Уступчивость предпринимателей превзошла всякие ожидания. 10 марта обе стороны подписали соглашение о введении всюду 8-ми часового рабочего дня без соответственного понижения заработной платы, об организации фабрично-заводских комитетов или советов старост, как органов рабочего самоуправления, и об учреждении примирительных камер на паритетных началах с центральной примирительной камерой в качестве высшей инстанции во главе. При этом п. IV договора устанавливал, что „удаление мастеров или лиц администрации без разбора дела в примирительной камере, а тем более насильственное удаление (самосуд) недопустимо“. Политика совета в этом вопросе неожиданно дышала умеренностью. „Известия“ писали о „европеизации“ русского рабочего класса, о том, „что власть капитала не может быть свергнута молниеносным ударом, как свергнута была в эти

дни власть царская, и что долго еще придется рабочим бороться за социализм“... Справедливость требует признать, что и капиталисты на первых порах обнаружили большую терпимость к домогательствам рабочих и не оказали особенного сопротивления требованиям совета. Объяснение этого явления, быть может, лежит в дезорганизованности класса промышленников или в длящемся национально-внеклассовом подъеме или, наконец, в надежде промышленников путем компромисса вступить на путь регулярного возобновления работ на фабриках и заводах.

Введение 8-ми часового рабочего дня „Известия“ назвали „первой великой экономической победой“ и требовали от временного правительства немедленного закрепления этой победы в форме закона и распространения его на всю Россию. Впрочем, на местах сейчас же начало осуществляться полностью постановление петроградского совета, и в санкции временного правительства нужды уже не было.

Совет выступал однако не только в роли представителя классовых интересов пролетариата. Не было такой стороны общественной, политической и социальной жизни, в которой он не принимал бы решающего участия. Даже там, где совет не имел официальных представителей, ответственные решения могли быть приняты и проводимы только с согласия исполнительного комитета. Продовольственная проблема, городское самоуправление, милиция, суд—всюду создавались органы по инициативе или при содействии совета. Для упорядочения городской жизни он разбивает город на районы, вызывает к жизни районные советы и учреждает комиссариаты. Впоследствии большинство районных учреждений перешло в ведение реформированного городского самоуправления. Кроме организационно-практической работы, которая делалась, конечно, в общем духе бессистемности и хаоса, на виду у совета проходила ликвидация старого режима. В этом процессе участие совета было действительно незаменимо. Он фиксировал внимание на ряде явлений, которые ускользали от органов правительства даже если предположить с их стороны последовательное намерение всюду производить ломку старых устоев. Но некоторые министерства, как военное, иностранных дел, внутренних дел и народного просвещения, этой последовательностью не отличались. Совет не переставал быть в таких случаях стимулом, непрерывно действующим в одном направлении. А по мере того, как влияние совета распространялось на всю Россию, местные власти испытывали то же давление.

Однако осью всей политики, как правительственной, так и советской, было отношение к войне. Этот вопрос оставлен был открытым при образовании временного правительства и еще долго служил предметом споров внутри исполнительного комитета. Причина этого кроется в разнообразных общественных течениях, которыми определялась политика совета. С одной стороны, настроение рабочих кругов и всех так называемых „интернационалистских“ социалистических элементов окрашено было лозунгом „долой войну“. Революция этой частью общественности воспринималась, как начало международной социалистической кампании за немедленный мир, причем, в качестве необходимого ингредиента, включалась революция на Западе, в частности, в Германии. С другой стороны, настроение солдат петроградского

гарнизона (а ведь они оказались решающей силой в совете!) было в то время явно патриотическим, и при всех солдатских манифестациях развевались знамена с надписями: „война до полной победы!“... Это противоречие в настроениях двух основных общественных групп определяло неустойчивость позиции совета в вопросе войны. Равнодействующая должна была объединить таких крайних антагонистов, как пораженчески настроенных Суханова и Стеклова, с яркими оборонцами Гвоздевым и Богдановым. Уже заранее можно было предвидеть, что в результате такого „синтеза“ получится позиция, из которой вытравлена будет политическая активность, которая всех ублаготворит, но никого не удовлетворит. После целой недели споров, благодаря чему вопрос о войне всё снимался с очереди на общих собраниях совета, он был поставлен в заседании 14-го марта в переполнённом зале морского кадетского корпуса. Настроение было приподнятое. Все знали, что исполнительный комитет предложит текст обращения к народам всего мира, в котором Россия, революционная Россия выступит провозвестницей мира. Самоуверенность, самовлюбленность революционной демократии была так велика что все, даже весьма трезвые, участники собрания, приписывали этому обращению почти магическое влияние. Казалось, Европа, загнанная войной в тупик, притаилась и ждет этого волшебного движения русской революции, чтобы кончить кровопролитие. Стеклов в своей вступительной речи так и сказал: „теперь на нас лежит обязанность решить судьбу войны“... К торжеству революции над внутренним врагом—самодержавием должна присоединиться историческая честь водворения мира в Европе, конечно, обновленной, по образцу свободной России. Воззвание было предложено и принято единогласно (см. приложение 16). Оно заключало в себе обращение к народам всего мира через головы правительств, призыв к трудящимся положить предел кровавой бойне. Конец войны связывался с революционным воздействием народных масс, особенно в странах австро-германской коалиции. Но в то же время в нем определенно заявлялось, что революционная Россия будет защищать свою свободу от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили. Это была идеология компромисса, получившая впоследствии наименование „революционное оборончество“ и ставшая принципиальным выражением политики исполнительного комитета. Она открывала возможность и правым и левым группам ставить ударение в разных местах и толковать воззвание каждым применительно к своим взглядам. В самих „Известиях“ поднялась изрядная разноголосица. 14-го марта, в день принятия исторического манифеста, без примечания редакции был напечатан „призыв В. Г. Короленко“, в котором имелись пламенные строки, посвященные необходимости продолжать войну. „Долой призыв к раздорам!—писал Короленко,—пусть историческая роковая минута застанет Россию готовой. Пусть все смотрят в одну сторону, откуда раздается тяжелый топот германца и грохот его орудий. Задача ближайшего дня—отразить нашествие, оградить родину и ее свободу“... А 17 марта передовица „Известий“ критикует лозунг, популярный среди солдат, „война до победы“ и предлагает заменить его лозунгом „война за свободу“. Под этой незначащей как будто перефразировкой скрывалась однако целая гамма политических ньюансов, которая сразу была воспринята

фронтом без лукавых мудрствований. „Противодействие захватной политике", „оборонительная война" толковались как приказ совета не трогаться с позиций и не наступать. Русская армия подходит таким образом к полосе разложения и непротивления врагу. Конечно, манифест не был причиной этого. Разложение коренилось в общей усталости фронта, в том крушении дисциплины, которая была связана с самим фактом революции. Но во всяком случае исполнительный комитет своей политикой скорей содействовал, нежели противодействовал процессу распада армии.

Международный резонанс „манифеста 14 марта" оказался не столь внушительным. В западно-европейском общественном мнении появились некоторые ноты скептицизма; германский пролетариат был далек от того, чтобы следовать призыву русской революции. Влияние манифеста внутри России было не единым. Солдатская часть фронта восприняла его по своему (к тому времени уже распространялась агитация большевиков); офицерство— сдержанно, командный состав враждебно. В самом Петрограде, на следующий день после принятия советом манифеста, запасный баталион Семеновского полка, явившийся в Таврический дворец, поднял на руки Родзянко и едва не растерзал неизвестную женщину, крикнувшую: „долой войну". Даже само собрание совета, принявшее манифест, заключилось речью—не сторонника Циммервальда, а ... командира Измайловского полка, который призывал к поставке оружия, снарядов, говорил о порядке и победе над врагом. Не даром чувствительный к настроениям солдатской периферии Чхеидзе, закрывая это историческое заседание совета, дал обычно-вульгарную, однако достаточно воинственную характеристику манифеста: „обращаясь к немцам, мы не выпускаем из рук винтовки. И прежде чем говорить о мире, мы предлагаем немцам подражать нам и свергнуть Вильгельма, ввергшего народ в войну, точно так же, как мы свергнули наше самодержавие. Если немцы не обратят на наш призыв внимания, то мы будем бороться за нашу свободу до последней капли крови. Предложение мы делаем с оружием в руках. Лозунг воззвания—„Долой Вильгельма!"...

С момента опубликования манифеста совет имеет уже как бы официально-выраженный взгляд на войну: естественным было ждать при установившемся взаимоотношении с временным правительством, что министерство иностранных дел вынуждено будет координировать свою внешнюю политику с направлением совета. 14 марта можно поэтому считать началом кризиса министерства Милюкова.

Совет разростался. Исполнительный комитет был завален текущей работой и в полном составе не успевал исчерпать ежедневной повестки. Пришлось выбрать исполнительное бюро в составе 7 лиц, которое фактически руководило жизнью совета. В первое бюро вошли: Чхеидзе, Стеклов, Муранов, Капелинский, Богданов, Павлович (Красиков), Гвоздев. Количество отделов увеличивалось. Появились отделы труда, международных сношений и финансовый. Первый занялся всеми вопросами, касающимися отношений труда к капиталу и профессионального строительства рабочих, разбирал экономические конфликты, являлся фактически верховной примирительной камерой, с решениями которой считались рабочие и предприниматели. Отдел

международных сношений поставил себе целью информировать Европу о ходе и задачах русской революции и завязать непосредственную связь с социалистическими партиями Запада. Финансовый—занят был добыванием средств, которые пополнялись главным образом из пожертвований; по мере остывающего интереса буржуазных классов к совету, пожертвования мельчали и шли исключительно из кругов рабочей демократии. По 13 марта всего в общую кассу совета поступило 123.601 р. 05 коп. Внешний аппарат совета медленно налаживался, хотя очень скоро он распространился на весь Таврический Дворец. Внутри исполнительного комитета усилилось влияние социалистических партий. Приезд из-за границы вождей, возвращение из ссылки и тюрем ответственных деятелей, оживление партийных организаций в связи с их легализацией, широкое развитие партийной печати—всё это превратило совет, и без того заменявший собой социалистический парламент, в арену борьбы и столкновениий партийных платформ и влияний.

11.

Формирование политических партий началось немедленно после внешнего закрепления революции. 4 марта у соц.-революционеров происходила в Петрограде областная конференция; 6 марта меньшевики с.-д. имели объединенное собрание „инициативной группы" и „группы содействия" (последняя была связана с рабочей группой Ц.-В.-Пром. Комитета), на котором постановлено было считать „Рабочую Газету" [1]) (первый номер вышел 7 марта) своим центральным органом. Особенную активность проявил петербургский комитет с.-д. (большевиков), который призывал уже 7 марта ввести явочным путем 8-ми часовой рабочий день и приступить немедленно к организации профессиональных союзов. Примыкал к политике П. К. (большевиков) и так называемый междурайонный комитет с.-д., который тогда же выступил с резолюцией по поводу 8-ми часового рабочего дня и социально-экономических требований рабочих. Позже других социалистических партий заявила о себе партия народных социалистов. Из партий несоциалистичиских на поверхности политической жизни осталась только кадетская. Революция с первых же дней отсекла все группировки правее кадетов. В революционном политическом спектре для правых течений, скомпрометировавших себя идейной и политической связью с бывшей династией, не оказалось места. Зато серьезная роль сразу выпала на долю партии народной свободы. Это объяснялось значением ее в государственной думе в последние месяцы существования старой власти, участием виднейших представителей партии в правительстве (Милюков, Шингарев, Мануйлов) и в кругах особенно близких к правительству. Кадетская партия, естественно, впитала в себя все те общественные элементы, партийная самостоятельность которых вышла благодаря революции в тираж.

---

[1]) Объявление о выходе газеты гласило, что она издается при участии П. Аксельрода, В. Засулич, Л. Мартова и А. Потресова; фактически Засулич и Потресов участия в газете не принимали, разойдясь с ее направлением.

Социалистические партии, выйдя из подполья, сразу вынесли на поверхность всё разнообразие программных и тактических взглядов, сохраняя до-революционную свою обособленность. Впрочем, были попытки внести единство в ряды с.-д. партии и уничтожить раскол ее на две части: большевиков и меньшевиков. 7-го марта даже состоялось собрание песковского района петроградской организации, на котором постановлено „категорически настаивать, чтобы центральные учреждения обоих течений договорились между собой и приняли решительные меры к тому, чтобы была создана единая российская с.-д. партия". Собрание избрало временное бюро для записи членов без разделения на фракции. Это течение до некоторой степени симптоматично для характеристики настроения внефракционных низов, однако не типично для партии в целом. В общем, все партийные группировки, многочисленные идейные и организационные течения и толки поспешили размежеваться, закрепить за собой самостоятельные центры и оттуда протягивать нити своего политического влияния.

Еще не созрела и даже не обозначилась оппозиция совету. Ни справа, ни слева. Зато определилось с самого начала, со стороны левого социалистического сектора отрицательное отношение к временному правительству, особенно, поскольку оно заявило себя сторонником продолжения войны. „Правда" с первых номеров повела кампанию против временного правительства, открыто называя его выразителем объединившихся представителей крупного капитала и крупных помещиков, идущих в союзе со средней и мелкой буржуазией. Политика правительства, по мнению газеты, противоречит интересам демократии. Это сказывается на отношении к войне. Большевики и примыкающие к ним „межрайонцы" 8 марта приняли резолюцию, в которой требовали от совета, чтобы он обратился к пролетариату воюющих стран с призывом к братанию на фронтах с революционными войсками России.

Одновременно с противовоенной агитацией большевики настаивали на радикальной реорганизации армии и на свободном пропуске на фронт партийных (с.-д.) агитаторов. Сопротивление, которое оказывал этому Гучков, вызывало резкие нападки со стороны большевистской „Правды" и открытые обвинения в контр-революции военного министра, ставки и всех командующих лиц. Поскольку „Известия" руководились первое время Стекловым и Авиловым, тон газеты был аналогичен тону „Правды". Однако справедливость требует признать, что на поведении большевиков и большевистской печати лежал отпечаток нерешительности. Это объясняется отсутствием тогда крупных руководителей, ярких политиков и литераторов в среде партийной петроградской организации и еще более незначительным удельным весом, который выпал на долю организованных большевиков во время февральского переворота. „Правда" дышала умеренностью и только заостряла некоторые вопросы, поставленные, независимо от ее инициативы, революционной демократией. Газета даже уделяла сравнительно мало внимания темам политическим и международным. Зато она сразу отвела много места рабочей жизни, голосам с фабрик, заводов и мастерских и вопросам профессионального строительства. Из всех газет, выходивших в первое время, она в этом смысле была самой

„рабочей“. Еще обращает на себя внимание незначительность в ней фракционной полемики, выпадов против других социалистических течений и частые призывы к умеренности. Этот стиль газеты особенно закрепился с того времени, как руководить политикой и печатью большевиков начал вернувшийся из ссылки Каменев, который вел себя на положении „оппозиции его величества“. До его приезда „Правда“ была более вызывающей газетой. От петроградских большевиков заметно отличались московские, которые сразу повели себя резче, определеннее и проявили с самого начала гораздо больше фракционной инициативы. Но московская общественность не имела тогда общероссийского характера и оставалась второстепенной. Тон задавал Петербург, и потому привлекает внимание окраска петербургской организации большевиков. Так продолжалось до приезда Ленина в Россию, когда партия сразу приобрела совершенно иной характер и прежде всего заявила о своей активной непримиримости ко всем господствующим группировкам.

В рядах соц.-революционеров происходил оживленный процесс формирования. Предпринимаются шаги по созданию в Петрограде центрального органа партии „Дело Народа“ (первый номер газеты вышел лишь 15 марта). Позиция партии, зафиксированная в ряде резолюций первой легальной конференции, может считаться типичной для центральных течений всех социалистических партий. Эта позиция в отношении временного правительства усваивает формулу „постольку-поскольку“, считает необходимым контроль над ним и центр тяжести политической работы переносит на подготовку к учредительному собранию, которое должно будет разрешить земельный вопрос в духе упразднения частной собственности на землю [1]). Даже народных социалистов не миновала формула „постольку-поскольку“. Вопросы войны все социалистические партии, за исключением большевиков и к ним примыкавших „интернационалистов“ разных толков, рассматривали под углом зрения революционной обороны. На этой платформе впоследствии образовалось и в совете прочное большинство из центра и правых, которое обеспечивало некоторую устойчивость политики исполнительного комитета.

Характеристика партийного оживления была бы неполной, если не прибавить еще сведений о выступлениях некоторых „национально-социалистических“ организаций. Не входя в состав обще-российских партий, они прежде всего энергично добивались самостоятельного представительства не только в совете рабочих и солдатских депутатов, но и в исполнительном комитете. После некоторых заминок в этом вопросе их допустили в совет, но не в исполнительный комитет. Призванием своим эти партии считали с первого же дня отстаивание прав национальных меньшинств. С этой целью даже состоялось совещание из представителей совета, организаций социалистов-народников Литвы, еврейской рабочей партии, социалистов-территориалистов,

---

[1]) Конференция социалистов-революционеров приветствовала вступление Керенского во временное правительство в звании министра юстиции, „как защитника интересов народа и его свободы“, и выразила свое полное сочувствие линии его поведения в дни революции. В посланной Керенскому областным комитетом с.-р. телеграмме шаг его назван „актом государственной мудрости“. С этого времени Керенский официально стал выступать, как член партии социалистов-революционеров, а партия считала себя ответственной за его деятельность.

украинской с.-д. рабочей партии, украинской социалистической партии и поал-йцион (евр. с.-д. р. п.). На этом совещании постановлено было приступить к объединенному действию по борьбе за признание государством публичных прав за каждой из национальностей России. Образовано было даже временное организационное бюро, дальнейшая деятельность которого была мало заметна.

Из национальных социалистических партий особенным влиянием пользовался „Бунд“. Члены центрального комитета Бунда (Эрлих, Рафес, впоследствии Либер) входили, как таковые, в исполнительный комитет и занимали в нем ответственное положение. В политическом отношении позиция Бунда совпадала во всем с организационным комитетом меньшевиков. Особо еврейских вопросов революция первое время не ставила, и представители „Бунда“ всецело отдались общей работе. Только в связи с декретом о еврейском равноправии ими была обнаружена специальная инициатива. Они же ускоряли меры предупреждения, которые принимал исполнительный комитет в борьбе с погромной агитацией.

Все партии, особенно социалистические, вступили в полосу небывалого для России роста. В широких слоях общества открылась потребность к самоорганизации профессиональной и политической. Интересы общественные выступали на первый план и поглощали частные. Необходимость политического самоопределения сознавалась каждым. Приток членов в партии был огромный. Открылись районные, городские, центральные комитеты. Литературные силы собирались вокруг партийных органов. Обще-национальный подъем еще заслонял поле политической борьбы. Но противники уже готовились—и поле должно было очиститься...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мартовские будни.

1. Впечатление от манифеста 14 марта в России и заграницей. Укрепление патриотических настроений. „Правда" умеряет свой тон. Рост шовинизма в печати и обществе. Кампания против большевиков. Манифестации воинских частей. Поражение на Стоходе. Использование его в правых кругах.—2. Расхождение во взглядах на задачи войны между демократией и министерством иностранных дел. Беседа Милюкова с журналистами. Столкновение Милюкова с Керенским. Кампания против Милюкова. Престиж временного правительства колеблется. Съезд партии народной свободы. Резолюция о задачах войны. В контактной комиссии. Воззвание правительства к гражданам России от 28 марта о задачах войны. 3. Организационная работа в армии. Совещание представителей фронта. Проект декларации прав солдата. Единение солдат и офицеров. Организация офицерства.—4. Столкновения между рабочими и заводской администрацией. Неорганизованность рабочего движения. Вмешательство совета раб. деп. Забастовка ломовых извозчиков. Солдатская кампания против рабочих. „Солдаты—в окопы, рабочие—к станкам". Враждебное отношение к 8-час. рабочему дню. Отпор рабочей демократии. Посещение солдатами заводов. Обвинения рассеиваются. Кампания против большевиков. Опубликование списков провокаторов. Травля газеты „Правда".—5. Деятельность временного правительства. Время и место созыва учредительного собрания. Отмена смертной казни. Амнистия уголовным. Отмена национальных и вероисповедных ограничений. Хлебная монополия. Земельный вопрос. Резолюция партии народной свободы. Аграрное движение. Образование земельного комитета. Заем свободы. Совещание в ставке.—6. Внутренние отношения в составе правительства. Керенский—Милюков—Некрасов. Деятельность отдельных министров.—7. Организация работы совета раб.-депутатов. Рабочий день исполнительного комитета. Приезд Церетели.—8. Политические партии. Съезд партии народной свободы. Объединительные стремления среди социал-демократов.—9. Продовольственные затруднения. Уличный быт. Революция и обыватель. Похороны жертв революции.

1.

Манифест „К народам всего мира" был встречен сочувственно почти во всех кругах общества. Социалистическая печать отнеслась к нему восторженно и ожидала, что западный пролетариат немедленно откликнется, и революционный призыв вызовет столь же революционное эхо. Воззвание должно было внести коренную перемену в международные отношения, положить начало какой-то новой политике, открытой, честной, взамен прежней—„дипломатической". „Известия", „Рабочая Газета", „Правда" ожидали, что рабочие Германии, Франции, Англии также непосредственно, „через голову своих правительств", ответят совету рабочих депутатов, как это было сделано в России. И понятно то лихорадочное нетерпение, с которым с этого дня начинают в социалистических кругах следить за иностранной хроникой, за телеграммами из главных городов Запада. Чарование революционного слова было так велико, что ему приписывали поистине волшебную силу, и даже более осторожный и умеренный „День" ждал, что „на манифест народа ответят народы", что революционное воззвание найдет революционный отклик

в Германии. Каждая газета, конечно, подчеркивала в двустороннем манифесте ту сторону, которая ей была ближе. „День“ восторженно отмечал ноты революционного оборончества в манифесте. „Правда“ не менее восторженно приветствовала в манифесте „начало широкой и решительной кампании за торжество мира“, — при том кампании, направленной одновременно против всех существующих правительств. Всему социалистическому лагерю представлялось, что сказано очень важное историческое слово, которое повлечет за собой столь же важные исторические последствия.

Печать несоциалистическая отнеслась к воззванию более сдержанно. Подкупали красота эффектного жеста, полные величия слова, благородство мотивов. Но за всем этим для патриотической печати скрывался циммервальдизм, неприятие войны, и „Речь“, стараясь замаскировать недоброжелательство свое, холодно отозвалась о первой половине манифеста, как о беспочвенном доктринерстве крайних левых социалистов. Главное значение манифеста „Речь“ усматривала в другом, в оборонческих мотивах его второй части и эти мотивы она подчеркивала с определенной целью, чтобы подкрепить ими политику министерства иностранных дел, которая, стало быть, находит поддержку и в настроениях революционной демократии. Бульварная печать выполнила ту же задачу еще грубее. В толковании „Биржевых Ведомостей“ и им подобных органов воззвание совета р. д. лишь продолжало традиционную патриотическую официальную русскую политику. На широкие круги народа и интеллигенции воззвание произвело несколько большее впечатление. В опьянении успехами своей революции общество естественно склонно было преувеличивать значение каждого отдельного революционного выступления.

Нельзя отрицать известного международного значения манифеста. Он впервые дал Западу формулу русского революционного оборончества и пустил в ход крылатые слова „без аннексий и контрибуций“. Политическим кругам Запада он открыл глаза на новую Россию, не совсем похожую на ту, какой она рисовалась в успокоительных для кабинетов Парижа и Лондона нотах Милюкова. Манифест, конечно, произвел известное впечатление на рабочие круги и дал пищу оппозиционному движению в Германии. Но все эти последствия были несоизмеримы с теми, каких ожидали в кругах русской революционной демократии и даже среди либеральной интеллигенции, увлеченной лозунгами и чаяниями революции.

Рабочие Запада не откликнулись. Телеграммы сообщали о том, что воззвание принято сочувственно. Но во Франции оно появилось в урезанном виде, были вытравлены военной цензурой следы циммервальдизма, в Англии оно не произвело заметного впечатления. Немецкая печать отнеслась к нему сочувственно, но и снисходительно, не придавая ему значения важного политического документа. „Воззвание к народам всего мира“ прозвучало на Западе, как любопытная пацифистская декларация. Но о миролюбии своем и о высоких освободительных задачах своей страны толковала и без того печать воюющих стран, и оказалось, что все в сущности согласны с манифестом совета рабоч. деп., разделяют его возвышенные чувства, но каждый понимает их по своему.

Манифест не дал непосредственных результатов. Он не положил начала новой дипломатии, народной, взамен старой — правительственной. Социалистическая печать была несколько разочарована, но не обескуражена. Уверенность в том, что с запада последует революционный отклик, не ослабевала. 18-го марта Бетман-Гольвег произнес в рейхстаге большую программную речь. Этой речи ожидали с нетерпением. Было предположение, что одновременно с новыми кредитами на войну будет внесено и предложение новых мирных условий. Накануне революции в России печать усиленно подготавливала почву для этого. Но этого не случилось. Речь Бетмана-Гольвега не оправдала ожиданий. О мире в ней не упоминалось; напротив, крепли воинственные ноты. Бетман-Гольвег заявил, что германское правительство не питает недоброжелательных чувств к революционному порядку в России и вздорны все слухи о намерениях оказать какое-то содействие русской монархии. Но, не вмешиваясь во внутренние дела России, Германия попрежнему добьется удовлетворения своих национальных интересов. На языке военного времени это была формула аггрессивного национализма. Это значит, что военные планы Германии под влиянием русской революции если и изменились, то скорее в сторону непримиримости. Революция не испугала, а обнадежила правящие круги Германии.

Изменилась зато тактика германской социал-демократии, которая впервые за всё время войны не голосовала за военные кредиты. Влияние русской революции не подлежит сомнению, но она сыграла лишь роль сильного толчка среди причин, заставивших германскую социалистическую партию с позиции безоговорочной поддержки своего правительства постепенно перейти в оппозицию к нему. Среди немецких социалистов всего заметнее было разочарование в блестящих военных успехах Германии, росла тревога за исход затянувшейся войны и в связи с этим намечалась тенденция к сближению с русскими социалистами для содействия скорейшему миру, общему или сепаратному. В Стокгольме, где встречались социалисты русские и немецкие, были попытки неофициальных переговоров, и в результате выплывает миссия Брантинга, как посредника между социалистами воюющих стран. Отказ германских социал-демократов голосовать за кредиты был принят в русской социалистической печати, как прямой и непосредственный успех революции, и значение этого отказа было переоценено. Казалось, что и в Германии это начало уже близкого конца, и на митингах произносились речи, что вот не сегодня-завтра вслед за Николаем слетит с престола Вильгельм. Упрощение международных отношений, примитивность и даже лубочность представлений были естественным и понятным отражением простоты, с какой в России были разрешены сложные проблемы внутренней жизни.

Первым и непосредственным результатом воззвания к народам всего мира в самой России было некоторое понижение открытой антивоенной пропаганды и значительное ослабление того, что называли „пораженчеством". Совет рабочих и солдатских депутатов сказал свое слово, и при всей двусмысленности этого слова в нем не было всё же призывов к братанью на фронте, к немедленному прекращению войны, всего того, чем уже начали оперировать

немудреные агитаторы на митингах и в беседах и что сказывалось иногда и в статьях, а главное в тоне и стиле „Правды“. Напротив, оборончеству дан был своего рода официальный штемпель революционной демократии. Выступать с прямыми антивоенными лозунгами значило бы выступать и против совета, авторитет которого стоял твердо. В этом отношении воззвание как бы укрепило позицию центра совета и правого его крыла.

Это отражается прежде всего на тоне и содержании статей „Правды“. С отпором, который встретила прямая циммервальдистская агитация со стороны большинства в совете и особенно солдатской его части, совпадает и перемена в личном составе руководящего большевистского центра в Петрограде и редакции „Правды“. Из Сибири вернулся Ю. Каменев. В номере „Правды“ от 15-го марта напечатано объявление о том, что он, а также К. Сталин, вступили в состав редакции, а общее руководство газетой взял на себя член гос. думы Муранов, тоже вернувшийся только что из ссылки. Тон, отчасти и содержание статей „Правды“ с № 9-го меняются; даже „Речь“ с удовлетворением говорит о повороте большевиков и их отрезвлении. Газета большевиков приобретает некоторую степенность, солидность, нет прежней брачливости, крикливости, всего того, что так раздражало ее противников. Несколько позже, 22 марта, „Правда“ даже отмежевалась от недавнего своего прошлого и писала о первых заявлениях газеты, неудачно выраженных. В статье, посвященной воззванию 14 марта, „Правда“ писала: „Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд—снарядом... Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции!... (№ 9 „Без тайной дипломатии“). Газета продолжала пропаганду левого циммервальдизма—однако в гораздо более умеренном и спокойном тоне, чем это было в первые дни.

Руководящая роль в петроградском центре большевиков перешла к правому его крылу, возглавляемому Каменевым. Это уже само по себе было уступкой той волне патриотического настроения, которая явно подымалась под влиянием революции, почувствовавшей свою силу в стране и желающей быть сильной и на фронте. Чхеидзе и Скобелев с искренним воодушевлением говорили о винтовке, которую твердо должен держать на фронте солдат. Многие подлинно отдали бы жизнь свою за свободу, если бы немцы двинулись в это время на Россию. Атмосфера была насыщена боевым настроением, в котором революционные мотивы тесно переплетались с патриотическими. Вид солдат, клянущихся с оружием в руках защищать молодую свободу, кружил голову, перерождая людей, и в течение нескольких дней убежденные циммервальдисты превращались в патриотов. Такое превращение испытал Церетели.

Более умеренные большевики, как Каменев и Сталин, учли это настроение, считались с ним и ударным пунктом своей агитации сделали не прямое отрицание войны, а требование, обращенное к правительству, выяснить цели войны. Это не мешало более радикальным большевикам вести агитацию

в прежнем тоне и духе, выступать с возгласами „долой войну“, призывать к войне гражданской. Всё же в эти дни большевистская агитация от наступления переходит к обороне. Ей приходится защищаться от обвинений в пораженчестве, в измене отечеству. Аггрессивные ноты, напротив, появляются в патриотизме.

Социалистические партии в совете р. д. старались уравновесить пацифистские и оборончеcкие мотивы в манифесте, воздать должное каждой из сторон двустороннего воззвания, соблюсти пропорции Циммервальда и отечества. Так балансировали, более или менее искусно, „Известия“—в статьях, Стеклов, Скобелев, Чхеидзе—в речах; Стеклов перегибал чашку весов в одну сторону, Чхеидзе—в другую. Были колебания, не было устойчивого равновесия. Однако это искусство балансирования не дано было неискушенным в политике народным массам, а за осторожными и мудрыми как змий „Известиями“ подхватила воззвание шумная и крикливая печать.

К характеристике этой печати, более подробной и более полной, мы обратимся ниже. Партийные газеты и большие политические органы („Рабочая Газета“, „Дело Народа“, „Речь“, „День“) были сравнительно умерены и сдержаны. „Речь“ не скрывала враждебного отношения своего к совету рабочих депутатов, но оно сказывалось в холодном тоне, в ядовитых намеках, в критических замечаниях, корректных по форме. Газета на первых порах старалась избегать полемики не только с умеренными социалистическими группами, но и с большевиками. У многочисленной, болтливой и крикливой бульварной печати было, напротив, на первых порах заискивающее отношение к совету раб. депутатов. До революции эта печать не имела политического направления, жила обывательскими интересами, во время войны старалась перещеголять „Маленькую Газету“ в радикализме; впереди всей этой крикливой печати шла „Русская Воля“, призванием своим имевшая пересадить на русскую почву приемы и стиль американской печати. Газеты эти сначала робели перед советом раб. депутатов, заискивали, не знали меры в хвале. Интернационализм и революционность демократии однако вскоре отпугнули эту печать. Восторженность сменилась враждебностью,—неизменной оставалась вульгарность, крикливость, страсть к сенсации и преувеличению. Те патриотические ноты, которые так нерешительно звучали в манифесте совета, в речах Чхеидзе и Церетели, загремели, затрещали на страницах уличной печати, на многочисленных митингах. Революционное оборончество стало официальной формулой,—и широкой волной стала разливаться шовинистическая декламация со всеми присущими ей особенностями. Газеты вернулись к тем темам, к той фразеологии, которые были обычны до революции. Сложность оборончеcкой идеологии,—к тому же пропитанной у руководителей совета циммервальдистскими мотивами—была недоступна широким массам и уличным ораторам. Если воевать, то „до полной победы“. Если же победы не нужно, то и воевать нечего.

Борьба совета раб. депутатов против самостоятельности и единовластия временного правительства, непримиримость (больше кажущаяся), двойственность советской позиции и вообще левизна совета, его пролетарское происхождение—раздражали, смущали, пугали буржуазную печать. Но выступать

прямо против совета эта печать не решалась,—слишком силен был его авторитет. И поэтому на большевиков обрушилось всё то раздражение, которое накопилось против совета. Большевики выступали открыто; их было немного, они не были влиятельны, но их выступления были заметны, часто так же крикливы, как и печать, на них нападавшая. До воззвания 14-го марта обывательская печать всё же сдерживала себя; большевики как бы находились под охраной совета. Воззвание 14-го марта дало официальную формулу патриотизма, и, выступая против нее, большевики выступали против совета. Они как бы нарушали то национальное единение, наиболее крикливыми апологетами которого были публицисты „Русской Воли", „Бирж. Ведомостей" и „Маленькой Газеты".

Кампания против „Правды" развернулась с чрезвычайной силой. Культ революционного солдата, готового умереть за родину, давал повод обвинять в пораженчестве всех, кто не стоит за войну до победного конца,—и отсюда уже всех, кто пытается не так формулировать задачи войны, как формулирует их „Биржовка", кто стоит за восьми часовой рабочий день, кто ослабляет положение временного правительства. Рабочее движение, неизбежное и естественное, но принявшее на отдельных заводах насильственную форму, вызвало особую тревогу и злобу. Не будучи в силах разобраться в этом движении, преувеличивая и раздувая случаи эксцессов, общество всё приписывало большевикам, на них сваливало всю вину,—но в действительности метило выше, в совет рабочих депутатов, и в нем, в его самостоятельности, видело основную причину неустройства.

Под прикрытием этой шумной кампании против большевиков шла организация буржуазных общественных сил. Патриотизм послужил тем знаменем, вокруг которого собирались группы, отодвинутые первыми днями революции на второй и третий план.

Организованный характер имела манифестация частей петроградского гарнизона в Таврическом дворце. Начиная с 16-го марта, день за днем являлись в государственную думу гвардейские полки, в строго определенном порядке, по установленному, видимо, расписанию. Петроградский, Измайловский, Литовский, Волынский, Преображенский и другие полки, Гвардейский экипаж, депутации от армий на фронте,—все они приходили в полном порядке, с командным составом, с оркестрами, с знаменами и плакатами, на которых были патриотические надписи: „война до победы", „война до победного конца"; были и более воинственные лозунги, были и явно полемические: „солдаты—в окопы, рабочие—к станкам". На митингах в Таврическом дворце, непохожих уже на беспорядочные сборища первых дней, выступали рядом с членами гос. думы социалистами и умеренные депутаты, и особенно часто Родзянко. Чувствовалась невидимая направляющая рука в этих революционно-воинских парадах. По заведенному порядку после речей в Таврическом дворце о свободе, о необходимости соблюдать порядок, воинскую дисциплину, защищать революцию от врага внешнего, полки направлялись к командующему округом генералу Корнилову. Он принимал парад, благодарил солдат за образцовый порядок, за выправку, за верную службу революции,—горячей похвалы удостоились волынцы,—и

*

призывал подчиняться офицерам. Эти манифестации-парады не прекращались до конца месяца, проходили с торжественным подъемом, захватывавшим и ораторов — членов совета раб. депутатов. На плакатах были приветствия совету раб. депутатов, демократической республике; Стеклову, Скобелеву, Чхеидзе устраивались восторженные овации. Но как не похожи были эти солдатские митинги на манифестации тех же воинских частей две недели назад. Солдат вернулся в казармы, он снова становился солдатом; командный состав овладевал армией; от рокового раскола остались глубокие следы, но не было недавней травли офицерства. Это давало основание думать, что армия справится с тяжелым внутренним кризисом, сохранит свое единство и цельность. Это внушало веру в будущее, умеряло тревогу, но одновременно создавало видимость опоры для тех политических групп, которые не могли примириться с авторитетом и влиянием совета рабочих депутатов и были убеждены, что от совета исходит систематическое разложение армии.

Утверждая свое положение в армии, командный состав вносил, хотя и в гораздо более слабой форме, чем прежде, свою собственную идеологию. В массе своей среднее офицерство было настроено политически радикально. Союз офицеров-республиканцев собрал в несколько дней вокруг себя тысячи членов. Во главе его рядом с трудовиками-офицерами стояли офицеры с политическим кругозором не шире и не глубже „Биржовки“ или „Русской Воли“. Патриотизм этих кругов, сначала умеренный, приобрел вскоре аггрессивный характер. За офицерами следовал и верхний слой солдатской массы: и заявления героя мартовских дней, унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова, направлены были против затягивающих забастовку рабочих, против „пораженцев“. И стиль этих заявлений был навеян воинственными статьями бульварной петербургской печати.

„Речь“ сдержанно регистрировала успехи либеральной патриотической идеи в солдатской среде. Однако, в тоне полемических выпадов против революционной демократии, сначала редких, потом более частых и более ядовитых, сказывалась всё растущая уверенность либеральных кругов в том, что, несмотря на явления развала в армии и некоторой ее деморализации, армия может составить ту силу, на которую можно будет и надо будет опереться в борьбе с революционной демократией. Не только Корнилов, но и Гучков верят, что им удастся совсем и до конца овладеть армией. И в шуме, усиленно раздуваемом вокруг большевиков, есть на-ряду с естественным чувством протеста, на-ряду с искренней тревогой, и определенный политический расчет. Большевики входят в совет. Нападая на них, либеральные партии тем самым ведут успешную кампанию против совета. Эти тенденции настолько ясны, что социалистический „День“, первый выступивший с открытой и прямой критикой нерешительной и половинчатой тактики совета рабочих депутатов, должен был немедленно же взять его под защиту от демагогической кампании справа.

Поражение на Стоходе дало богатую пищу этой кампании. С первых дней революции не переставали бродить слухи о поражениях на различных участках фронта, о потере армией боеспособности, об угрозе Петрограду. Мнительность и тревога порождали эти слухи. Но их подхватывали и разду-

вали с определенной целью правые круги. На них строилась система морального подрыва революции. Военное ведомство не раз официально и неофициально опровергало эти слухи. Действительно, до 21-го марта спокойствие на фронте в общем не нарушалось. Происходили мелкие стычки, обычные поиски разведчиков. Начертание боевых линий на всем протяжении от Черного моря до Балтийского оставалось неизменным. Сводки главного штаба сохраняли будничный характер.

В субботу 25-го марта в газетах появилось „официальное сообщение с фронта“:

„После неудачного для нас боя 21-го марта за плацдарм, на левом берегу реки Стохода, в районе Таболы-Геленин, наши части заняли правый берег Стохода... По донесениям войсковых начальников наши войска, оборонявшие плацдарм, понесли тяжелые потери: из двух полков пятой стрелковой дивизии вышло на правый берег Стохода только несколько десятков людей. Оба командира полков убиты. Третий полк этой дивизии отошел в половинном составе. От двух полков других двух полевых дивизий вышло из боя по несколько сот человек от каждого полка. Остальные полки пострадали в меньшей степени“. Заканчивалось сообщение тем, что после ряда аттак и контр-аттак нашим частям удалось восстановить положение у деревни Чепеле.

Сообщение подействовало, как удар грома. Оно последовало как раз после грандиозной манифестации похорон жертв революции. О войне немного забыли, она напомнила о себе зловещими словами о тяжелом поражении.

Однако, на-ряду с тягостными впечатлениями от неудачи на фронте официальное сообщение рождало поневоле и недоуменные вопросы. До сих пор не только не было принято, а прямо запрещалось сообщать цифры потерь, рисовать размеры поражений, называть имена действующих частей. Впервые ставка проявила такую непонятную откровенность. Она дополнялась официальными толкованиями главного штаба. „Не подлежит сомнению,—сообщали официальные осведомители,—связь этой нашей неудачи с событиями внутри страны, с тем, до некоторой степени понятным, беспокойством, состоянием духа наших войск, находящихся на передовых позициях. Результатом этого было некоторое ослабление деятельности наших разведчиков и сторожевых постов“. Это всё же было только толкование, только догадка главного штаба, преждевременная, потому что не могло быть точных данных о поражении, его причинах, условиях в главном штабе. „Речь“ шла дальше и делала уже определенное политическое употребление из событий на фронте. Неудачи объяснялись только отсутствием спайки в армии, потерей доверия к командному составу, упадком воинского духа. Газета называла поражение на Стоходе „первым предостережением“ и на этом основании требовала восстановления прежнего авторитета начальников и подчинения всех задач преобразования армии одной главной цели — решительной победе над врагом.

В статье были верные и здравые мысли. Но эта статья спешила извлечь политические плоды из военной неудачи, и в ней сказывалась та же тенденция, что в официальном сообщении. А за „Речью“ другие газеты этого же лагеря, но менее ответственные, спешили поставить все точки над i и

с бестактным злорадством ставили прямо в вину революционной демократии поражение на Стоходе. Между тем, через несколько дней стали поступать сведения, что в поражении главную роль сыграли неудачный выбор позиций на Стоходе, непредусмотрительность военного начальства. Расположенные на низком болотном берегу окопы были залиты, когда началось весеннее таяние снега. Неофициально стало известно, что несколько высших начальников после расследования слетело со своих постов, и официальная версия о разложении на фронте была либо средством выгородить подлинных виновников, либо приемом нечистой политической игры. Социалистическая печать выступила с отпором этой игре. В „Известиях" (№ 26) был напечатан протест против подобного рода политической борьбы за подписью офицерской и солдатской делегации 12-й армии. Либеральная и националистическая печать должна была отказаться от злоупотребления происшедшей на фронте неудачей.

В общем патриотическая кампания была успешна и достигла заметных результатов. Прямые антивоенные выступления прекратились. Проповедь гражданской войны смолкла. Либеральная печать старалась углубить раскол, наметившийся в отношениях между рабочими и солдатами. Слева был дан энергичный отпор,—об этом мы скажем ниже,—но всё же и среди рабочих под влиянием настроения солдатских масс заметно было желание показать, что и для них интересы защиты революционного отечества стоят на первом плане. На заводах, работающих на оборону, рабочие выносили резолюции с протестами против обвинения их в равнодушии к делу обороны, в нежелании усиленно работать. Патриотические тенденции явно брали всюду перевес над интернационалистскими, и первая атака большевизма, еще неорганизованная и сравнительно слабая, на позиции национального единства была отбита. Это выразилось и в той уверенности, с какой собравшийся 25 марта съезд партии народной свободы оценивал политическое положение, внутреннее и внешнее. Оно казалось, конечно, тревожным, но руководители правительственной партии чувствовали себя хозяевами, и в их речах звучали властные ноты, когда они говорили о демократии. Казалось, что складывается некоторая твердая почва для национального объединения, для образования влиятельного национального блока, хотя и неоформленного политическим соглашением, но существующего благодаря общей тревоге за фронт, общему сознанию важности единства армии и революционного порядка.

Вскоре наметились, однако, новые трещины, сначала незначительные, затем всё более и более глубокие.

2.

Воззвание „К народам мира" не было просто революционной фразой, демократической декламацией. Так отнеслось к нему правительство, так отнеслась к нему „партия народной свободы",—и в этом было огромное заблуждение. За воззванием 14 марта скрывалось сильнейшее стремление всей революционной демократии положить конец войне, затянувшейся без меры. Идеология, созданная русскими социалистами по образу и подобию

военной идеологии всех воюющих стран, была чужда почти всей демократии, исключая крайнего правого ее крыла, социалистов плехановского толка. Они были малочисленны и невлиятельны. Цимервальдизм был доктриной тоже только одного крыла, левого. Подавляющее большинство революционной демократии, центр ее, не был настроен ни в духе циммервальдизма, ни в духе национализма. Надо дать вооруженный отпор врагу—это ясно. Но совсем не ясно, во имя чего надо продолжать войну, в которой обе стороны клянутся, что они только обороняются и вместе с тем обе не могут отказаться от притязаний завоевательного характера. Партии, входящие в совет, все были убеждены в том, что надо и можно начать переговоры о мире, что должна быть проявлена в этом отношении инициатива и что мир может быть прочным и почетным. Была, кроме того, вера, наивная и недалекая, что порыв русской революционной демократии может сотворить чудеса и сразу заменить традиционную правительственную дипломатию какой-то новой дипломатией народной.

Эта вера и потерпела первое поражение. Призыв не встретил действенного отклика. Платоническое сочувствие немногих западных социалистов не могло заменить собою нужного народного ответного порыва. Западная демократия оказалась тесно связанной со своими правительствами. Русский политический шаблон не подходил к создавшемуся во всех странах национальному блоку. И ясно было, что правительства на Западе нельзя так игнорировать, как это сделал совет рабочих депутатов в России, формулируя самостоятельно, независимо от правительства, свои задачи войны и мира. Для новой дипломатии, для народной международной политики, не было еще места. И оставался прежний путь—через свое правительство к правительствам других стран. Конечно, рядом с этим сохранялась и задача организации общественного мнения, агитация за мир среди пролетариата России и Европы. Но это не могло дать тех прямых и непосредственных результатов, к которым стремилась демократия.

Министерство иностранных дел приобретало теперь особое значение. Центр тяжести борьбы за мир переходил на него. И тут обнаруживалась глубина пропасти между демократией и национал-либерализмом милюковского толка.

Совет игнорировал правительство, Милюков игнорировал советскую демократию. Она с величайшим пренебрежением относилась к дипломатическим переговорам, интригам, союзам, договорам—и всему этому противопоставляла „могучую революционную волю народа“. Милюков с неменьшим пренебрежением относился к чаяниям, настроениям и заявлениям демократии и видел в этом только декламацию, в лучшем случае детское увлечение. Обе стороны проявляли слепоту и упрямство. Столкновение было неминуемо.

Инициатива и здесь принадлежит большевикам. При новой редакции „Правда“ отказалась от прямых призывов к прекращению войны и от чересчур резких нападок на правительство. Но зато с чрезвычайной настойчивостью в статьях, умеренных по тону, из номера в номер „Правда“ требует, чтобы рабочие во всех странах, и в России в частности, оказывали организованное давление на правительства своей страны и заставляли их

отказываться от империалистической завоевательной программы. За большевиками следуют и другие социалистические газеты. На митингах и собраниях, в том числе и солдатских, с той быстротой, какой отличаются события революционного времени, развертывается широкая кампания за определение задач войны, за отказ от всяких завоевательных целей. В резолюциях появляется новый пункт: обращение к правительству с предложением по-новому формулировать задачи войны. Эта кампания носит сначала мирный характер. Циммервальдистские элементы в ней затушеваны. Антивоенных нот и совсем нет. Воинские части выносят патриотические резолюции, даже с упоминанием о решительной победе над врагом. Но тут же упоминается о том, что правительство должно открыто заявить об отказе своем от завоевательных целей. Такое желание понятно, естественно. Оно находит широкий и сочувственный отклик в народных массах, и не только в массах. Мережковский печатает в „Дне“ пространную статью под заглавием „14 марта“, нечто вроде открытого письма правительству. Писатель заявляет, что и его увлекла великая идея воззвания к народам мира. Революция русская должна внести свое новое начало в международные отношения, голос ее, требующий мира, должен быть услышан, и правительство не может остаться чуждо могучему народному движению. В новой России должна быть и новая внешняя политика.

Но правительство молчало. Его официоз отделывался общими словами. И требования, обращенные к правительству, становились всё более настойчивыми, не теряя еще мирного своего характера. Стоило однако Милюкову заговорить, чтобы характер кампании изменился, и отношения сразу обострились.

В первые дни революции Милюков соблюдал осторожность во внешних проявлениях своей политики. Он считался с настроениями демократии так, как педагог считается с капризным ребенком. Линия его политики была тверда и неуклонна. Он имел свою программу,—Константинополь, проливы, расчленение Австрии и Турции входили в нее неотъемлемыми частями. Это была до-революционная программа думского прогрессивного блока. Революция ничего тут не изменила. В угоду ей Милюков не считал возможным поступиться ни одним пунктом. Уступая по всем другим вопросам (монархия, аграрный вопрос), Милюков здесь оставался тверд и непреклонен. Он лишь считал возможным не говорить об этом пункте, главном для него, не раздражать без нужды противников. Повидимому, он был убежден, что революционная стихия вскоре уляжется, резолюции и воззвания останутся пустым звуком, и наивную демократию удастся обмануть так же, как обманывают одни дипломаты других,—вернее, думают, что обманывают.

Политические манифестации, перелом настроения в гарнизоне, уступчивый тон „Правды“, травля, поднятая частью печати против рабочих,— всё это, повидимому, внушило Милюкову уверенность, что можно более полно и даже совсем полно развернуть программу кадетской внешней политики. 23 марта в газетах появилась его беседа с журналистами. Нельзя было выбрать момент, более неудачный. Это был день похорон жертв революции, грандиозной манифестации, на которую лидеры демократии

смотрели, как на демонстрацию своей силы. Интервью прозвучало и было принято, как вызов ей.

Поводом для интервью послужило послание президента Соед. Штатов о мотивах, побудивших эту державу вступить в войну. После общих слов об освободительных задачах, которые поставлены всеми государствами коалиции против Германии, Милюков определил особые задачи России. На первом плане — „освобождение славянских народностей, населяющих Австрию“, и „слияние украинских земель Австро-Венгрии с Россией“, а затем „вопрос об обладании Константинополем“, как „важнейшая проблема войны“. И тут, конечно, „обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России“. За этим следует требование передачи России проливов, „нейтрализация которых была бы безусловно вредна для наших национальных интересов“. Конечно, не было в этом программном выступлении министра иностранных дел ни одного слова о революции в России, о переменах, которые революция внесла во все области политики. Первый дипломат революции сознательно игнорировал революцию, не замечал, или делал вид, что не замечает ее.

Эффект этого неожиданного выступления был равен эффекту знаменитой речи о необходимости регентства Михаила Александровича. Если Милюков не слетел со своего поста в тот же день, и кризис правительства был отсрочен на целый месяц, то произошло это только благодаря той организованности и выдержке, какую уже могла проявить революционная демократия. Три недели назад судьба министерства легко могла быть решена импровизированным митингом в Таврическом дворце. Теперь обстановка стала более сложной. Милюкову не угрожала немедленная отставка, но он сразу свел к нулю ту победу, которую удалось одержать умеренным группам демократии над крайними. Он бросил вызов, — им воспользовались крайние фланги. И снова, как три недели назад, правительству пришлось для собственного спасения отречься от Милюкова. Интервью произвело впечатление скандала прежде всего в самом же совете министров. Произошла очередная стычка между Керенским и Милюковым. И на другой же день в вечерних газетах появилась такая заметка: „По поводу появившегося в петроградских газетах 23 марта интервью с министром иностранных дел Милюковым, министр юстиции Керенский уполномочил информационное бюро печати при министерстве юстиции заявить, что содержащееся в нем изложение задач внешней политики России в настоящей войне составляет личное мнение Милюкова, а отнюдь не представляет собой взгляд временного правительства“.

Это официальное сообщение не улучшало положения, в которое было поставлено, благодаря Милюкову, временное правительство. Оно лишь объявляло всему миру, что в правительстве нет единства взглядов по важнейшему вопросу политики, и в сущности нет никакого взгляда, и что министр иностранных дел ведет свою собственную политику, за которую правительство как бы никакой ответственности не несет.

„Правда“ немедленно открыла кампанию против Милюкова и очень удачно направила удары в самое слабое место позиции правительства. Если прав Керенский, должен уйти Милюков. Если прав Милюков, должен уйти

Керенский. „Среднего нет“. Правительство не может молчать. Тон „Правды“ с этого дня меняется. Газета снова переходит в наступление, и стиль ее статей напоминает первые дни. Более сдержанно по форме, но в том же смысле высказываются и другие социалистические газеты. Они не причисляют временное правительство к „империалистам“, но и они требуют, чтобы авторитетным заявлением правительство положило конец двусмысленности и открыто объявило программу внешней своей политики. Так велик однако гипноз имени, так мало уверенности в собственных силах и так велико еще желание сохранить единство в интересах революции, что и в этот момент руководящие круги далеки от мысли об удалении Милюкова из состава правительства. Им недовольны, и всё же он кажется необходимым.

Но плохую прессу Милюков имел не только в социалистическом, а и в либеральном лагере. Прямолинейность его не всем нравилась даже среди кадетов. А беспартийная печать, щеголявшая радикализмом своим, охотно рядившаяся даже в красные цвета, не видела нужды в обострении отношений с демократией из-за далекого и чужого Константинополя. „Новое Время“ могло бы поддержать Милюкова, но и оно не решалось итти прямо против течения.

Между тем из печати раздражение против Милюкова и правительства перешло в собрания, на митинги. Посылались резолюции с выражением резкого протеста против завоевательной программы Милюкова и с требованиями, обращенными к правительству, немедленно высказаться о задачах войны. Особенно много таких резолюций вынесено различными частями петроградского гарнизона. Можно сказать, что в этот первый период революции никто в такой мере не содействовал вовлечению армии в политику, как Милюков. Его имя склонялось на все лады. Оно становилось популярно, как имя министра, ведущего народ на бесконечную войну для захвата чужих земель. И вместе с тем успехом пользовались на рабочих и солдатских собраниях крайние левые ораторы. Они вели теперь агитацию не против войны, а против тех, кто затягивает войну завоевательными целями. Обвинение временного правительства в империализме становилось правдоподобным.

Так снова пришли в движение чаши неустойчивых политических весов, и теперь с явным перевесом в пользу левого крыла. Неуспех Милюкова оказывался поэтому неудачей всего антидемократического блока. Лишь немногие решались открыто взять под защиту его программу. На кампанию против Милюкова в офицерских кругах и в политических кружках, близких к думскому комитету, смотрели как на усиление всё того же ненавистного давления совета рабочих депутатов на временное правительство. В походе против Милюкова, в требовании опубликовать взгляды правительства на войну видели проявление рокового двоевластия. На кампанию слева следует попытка отпора справа, попытка довольно слабая. Не смея поддержать на широких народных собраниях откровенную программу российского национализма, кадетские и октябристские круги ведут кампанию против раздувания разногласий, обострения отношений и т. п. Характерна резолюция одной донской казачьей части. Она требует, чтобы вообще не возбуждались „острые вопросы“.

Как раз в это время открылся седьмой съезд партии народной свободы. Милюков был героем этого съезда, на первом же заседании устроена была ему восторженная овация. Свои работы съезд начал с того, что послал приветственные телеграммы союзным державам, в первую очередь Франции. В телеграммах подчеркивалось соблюдение верности союзникам. Министры-кадеты выступили на этом съезде с программными речами, как бы отчитываясь перед партией. Все они были солидарны между собой, и только угадывались еще, но не были заметны, будущие разногласия между Милюковым и Некрасовым. Милюков, как министр иностранных дел, получил полную поддержку своей партии, но резолюция, принятая съездом по вопросу о войне, избегает раскрытия скобок в традиционной формуле „жизненных интересов“ России. Резолюция съезда гласит: „Съезд партии народной свободы, выражая полное доверие временному правительству в его иностранной политике, основанной на верности заключенным союзам, и находя, что опасность, грозящая только что завоеванной свободе России от милитаристической монархии Гогенцоллернов, должна удвоить усилия русского народа для защиты родины, высказывает убеждение, что временное правительство будет непреклонно отстаивать возвещенные союзными демократиями освободительные задачи войны, не посягая на свободу других народов, но и не допуская никакого ущерба для жизненных интересов и прав России“. Резолюция заканчивалась словами о „победном конце и справедливом прочном мире“. Входит ли Константинополь в число „жизненных интересов?“ Этот вопрос оставался открытым в резолюции, между тем на митингах с азартом говорили именно о Константинополе, который нужен только буржуазии.

Кампания против „завоевательных задач“ разросталась и принимала всё более острый характер. От правительства требовали ответа. В контактной комиссии представители исполнительного комитета настаивали на немедленном опубликовании правительственной декларации с отказом от всяких завоевательных целей. Церетели вел долгую теоретическую дискуссию с Милюковым, который твердо стоял на своем и доказывал, что декларация подобного рода отзовется на добрых отношениях с союзниками. Однако, большинство кабинета, запуганное растущей кампанией, недовольное откровенными заявлениями Милюкова, не поддержало его. В своей „Истории“ Милюков с горечью жалуется на князя Г. Е. Львова. Воззвание к народам мира захватило председателя совета министров, склонного к славянофильскому увлечению мессианистской международной ролью России.

Долгие и горячие дебаты в контактной комиссии и в совете министров к определенному решению не привели. Компромисс, на котором сошлись и Милюков и Керенский, был в сущности уклонением от того ответа, которого требовала демократия. Правительство решило опубликовать декларацию, из которой видны были бы его мирные намерения. Этим правительство в целом отмежевывалось от Милюкова и делало уступку общественному мнению. Демократия могла видеть в этом свою победу и свидетельство своей силы. Но Милюков добился того, что декларации был придан характер воззвания „к гражданам России“, документа для внутреннего употребления, необязательного для правительств союзных держав. Кроме того, воззвание было

редактировано так, чтобы можно было при желании вложить в него и тот смысл, какой нужен был Милюкову.

Широкие круги общества ничего не знали об этих закулисных оговорках к декларации, об оставленных для Милюкова лазейках политической казуистики. Временному правительству верили; доверие было главной чертой психологии этого времени. И когда 28 марта в газетах появилось „Заявление временного правительства о войне“, почти все приняли его так, как оно было написано, не стараясь читать между строк, не ища в нем задних мыслей.

Оно имело огромный успех. В эти дни прекрасные слова еще владели умами и сердцами, и среди прекрасных слов формула „без аннексий и контрибуций“ обладала безграничной и волшебной властью. Люди, не искушенные в политике, видели в ней ключ к разрешению всех вопросов и не хотели и не могли итти дальше и стараться вскрыть содержание этой сакраментальной фразы. Она стала догматом, символом веры,—пусть непонятным, зато убедительным. В декларации временного правительства почти все увидели еще один вариант этой формулы, и таким образом выходило, что временное правительство оказывалось в полном согласии с советом рабочих депутатов. После речи Милюкова, после резолюции кадетского съезда это была победа революционной демократии.

Заявление временного правительства написано сильным и простым языком. Оно начинается обращением: „Граждане! Временное правительство, обсудив военное положение Русского государства, во имя долга перед страной, решило прямо и открыто сказать народу всю правду“.

Это начало подкупало читателя искренностью своего тона. Кому могло притти в голову, что за простыми и хорошими словами кроется и маленький политический расчет:—адрес написан на имя граждан России, а не правительств Англии и Франции.

Заявление говорит дальше о тяжелом внутреннем положении России, общей разрухе, продовольственном кризисе и о необходимости напрячь все силы, чтобы не дать внешнему врагу воспользоваться внутренней слабостью страны. Поэтому, первой насущной и жизненной задачей является „оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния“.

Далее идет определение задач войны:

„Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, временное правительство считает своим правом и долгом теперь же заявить, что цель свободной России—не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов... Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики временного правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины при полном соблюдении всех обязательств, принятых в отношении наших союзников“...

Заявление заканчивается снова сильными и простыми словами о том, что „государство в опасности“, и нужен единодушный порыв, нужна „единая народная воля и выполнение всеми и каждым своего долга до конца“.

Декларация разрешила напряженное состояние; словно камень с плеч свалился, все вздохнули свободно. Газеты вышли с приветственными и восторженными статьями о декларации. Все видели в ней документ огромной исторической важности, влекущий за собой серьезные политические последствия. Социалистическая партийная печать подчеркивала победу демократии, заставившей правительство стать на платформу совета рабочих депутатов. Вслед за „Известиями“ меньшевистская „Рабочая Газета“ писала: „Обращаясь к демократии союзных и борющихся с нами держав, мы можем с гордостью им указать на только что опубликованное заявление временного правительства о задачах войны. Это—наша победа, победа демократии, это—проявление силы демократии в России“.

„День“ нашел „общий язык“ у совета рабочих депутатов и у временного правительства по вопросу о войне. Статья „Два манифеста“ сопоставляет воззвание к народам всего мира и заявление правительства и находит, что временное правительство отмежевалось от „сторонников захвата“, а совет рабочих депутатов отмежевался от космополитов налево. Общая платформа, это — защита отечества. Оказались „разбитыми на голову“ крайние фланги, „образно выражаясь“, „Правда“ и „Речь“.

Однако, и „Речь“, хотя и сдержанно, приветствовала декларацию правительства, отмечала в ней „новизну тона“, „действенную силу“ и полагала, что воззвание действительно кладет рубеж между старой и новой внешней политикой. Газета, однако, прозрачно намекала на вынужденность этого заявления, на давление, произведенное на правительство извне, и усиленно подчеркивала те места декларации, где речь идет о соблюдении верности союзникам. Дипломатическое содержание статьи раскрылось лишь впоследствии, когда жизнь заставила заняться толкованием декларации. Широкая обывательская публика была удовлетворена декларацией. „Русская Воля“, отражавшая настроение уличной толпы, в приподнятом тоне писала: „Союз совета с временным правительством это—союз жизни, союз в реальном творчестве—творчестве новых идей истории“... Из многочисленных революций, принятых на собраниях этих дней, достаточно привести резолюцию союза офицеров-республиканцев: „Рассмотрев на общем собрании декларацию временного правительства о целях войны, союз офицеров-республиканцев признает эту декларацию первым шагом к отказу от завоевательных задач, поставленных старым режимом“...

„Правда“ дополнила общее впечатление от декларации тем, что смолкла было и в первый день не откликнулась ничем. После того, как изо дня в день газета вела настойчивую кампанию, такое молчание не могло быть случайным. Оно свидетельствовало о растерянности руководящих большевистских кругов. Правда, растерянность эта продолжалась только один день, и уже 29 марта газета нашла привычный тон и подходящие слова. Тем не менее, даже непримиримым противникам правительства заявление о задачах войны в первую минуту импонировало.

Правительство могло поздравить себя с успехом. Читая восторженные статьи, видя разительную перемену настроения, Милюков, надо думать, осторожно и лукаво улыбался. Ему удалось выдать двусмысленную отписку за откровенный ответ, дать наивной демократии иллюзию и оставить себе возможность прежней своей политики. Но наивность в конечном счете обнаружил Милюков. Лукавая игра с революционным общественным мнением должна была привести к острому конфликту, после которого в проигрыше оказались Милюков и его партия.

Как можно было в самом деле думать сколько-нибудь серьезно, что демократия примет заявление правительства за акт чисто внутреннего характера, не влекущий за собой никаких перемен во внешней политике? Обращение „граждане" не привлекло к себе ни малейшего внимания. Даже министерская „Речь" полагала, что последствия воззвания „не могут не отразиться и вовне". О других газетах и говорить нечего. „День" писал, что отказ демократической России от аннексий должен повлечь за собой и отказ от аннексий со стороны союзников. „Ибо трудно себе представить военный союз, в котором одна из договорившихся сторон стремится к захватам, а другая ограничивает цели войны исключительно обороной своей собственной страны".

За первым шагом правительства должен поэтому последовать второй. Демократия в лице совета рабочих депутатов и умеренных социалистических партий выражала доверие временному правительству и готова была терпеливо ждать момента, когда Милюков начнет лойяльно выполнять программу Керенского.

Надо отдать должное „Правде". После краткого колебания она первая поставила „недоуменный вопрос",—совершенно правильный и законный в этих условиях: „Как могло случиться, что еще накануне заявивший себя открытым империалистом, требовавший Константинополя и проливов и т. д., Милюков подписал заявление?" Ответа на этот вопрос не последовало. В благодушии своем демократия, убаюканная общими словами, не расположена была к придирчивой критике. Она склонна была в недавней вызывающей речи Милюкова видеть такую же „обмолвку", какая была в его памятной речи о монархии. Милюкову еще раз было оказано доверие. Он продолжал свою игру. Общество ждало таких выступлений во внешней политике, которые отвечали бы широкому историческому размаху декларации. Крайние левые круги думали, что временное правительство должно взять на себя инициативу мирных переговоров, и были убеждены, что прямое обращение временного правительства к союзным державам произвело бы прямо волшебное действие и сразу прекратило войну. Умеренные круги демократии такой веры в чудеса не разделяли. Международные отношения казались им не столь простыми и даже запугивали своей сложностью. Но и они ждали, что внешняя политика России изменится, и временное правительство со всем авторитетом и достоинством даст знать, что революция по иному ставит цели и задачи войны.

Так все ждали,—кто с нетерпением сочувственным, кто со злорадством,—проявлений новой активности со стороны временного правительства. Возбуждение сразу улеглось. Оппозиционные и враждебные правительству ноты на митингах и в резолюциях притихли.

Но правительство молчало и ничего не делало. И, принимая сравнительное спокойствие за победу своего дипломатического искусства, Милюков продолжал делать внешнюю политику в прежнем духе, то-есть явно наперекор демократии, как бы ставя целью своей вызвать в ней раздражение, спровоцировать конфликт. Вряд ли тут однако был злой умысел. Была безмерная наивность с одной стороны, политическая близорукость — с другой.

3.

На-ряду с внешней политикой армия продолжала стоять в центре внимания правительства, совета рабочих депутатов, политических партий. Оборончеcкое настроение руководящих кругов демократии, патриотизм, впечатление от поражения на Стоходе, боязнь новых неудач — всё заставляло относиться к армии бережно. Острая тревога за ее состояние как бы проходит даже у высшего командного состава. Многочисленные заявления командующих фронтами (Рузский, Драгомиров, Брусилов), авторитетные справки штабов свидетельствуют о том, что боевая готовность армии не подорвана. Члены государственной думы, командированные на фронт, — среди них священники, — шлют восторженные телеграммы о боевом настроении фронта, об его единстве и согласии, установившемся между офицерами и солдатами. „Речь" (30 марта) рисует трогательные идиллические картины из жизни Черноморского флота, где адмиралу Колчаку удалось объединить матросов и офицеров в патриотически-революционном порыве, так что флот не только сохраняет прежнюю боевую готовность в обороне берегов, но и горит желанием итти на Константинополь.

Конечно, многие из этих заявлений, в особенности исходящие от генералов, рассчитаны были не только на русских, но и на германских читателей и преследовали определенную воинскую цель. Надо было показать, что армия стоит по-прежнему твердо на занятых позициях и представляет внушительную военную силу. Но была и значительная доля истины в этих заявлениях, а, главное, появилась вера в высшем командном составе, что армию удастся сохранить. Замешательство, вызванное приказом № 1, проходило. Фронт посылал депутации в Петроград. Возвращаясь, они рассеивали атмосферу слухов и сплетен. На приеме у правительства, на собраниях в Таврическом дворце, на совещаниях солдатской части совета рабочих депутатов, депутации должны были вынести такое впечатление, что сохранение воинской дисциплины признается обязательным, и есть общий язык у правительства и демократии, или же, по крайней мере, есть желание найти такой общий язык. Была надежда, не было уверенности. Генерал Драгомиров в телеграмме на имя Пуришкевича опровергает все слухи о расстройстве северного фронта. Пока там всё благополучно. Но в тылу „офицеры находятся в весьма тяжелом нравственном состоянии", и необходимо, чтобы все ныне действующие уставы и законы сохраняли силу до выхода новых законов. Любопытна речь, произнесенная в Киеве генералом Брусиловым при приеме членов госуд. думы. Он точно также свидетель-

ствует, что на фронте революция не отразилась, и он сохранил, как и на севере, свою боевую устойчивость. Но в тылу заметны признаки некоторого разложения, и причины его в двоевластии, в невыясненных отношениях совета рабочих депутатов к правительству. Речь генерала проникнута однако оптимизмом. Он убежден, что при единодушном патриотическом отношении к делу удастся победить разложение в тылу.

Приезжавшие с фронта депутации вносили с собою струю бодрого и сурового духа. За две последние недели перебывали в Петербурге депутации 1-й, 10-й и 12-й армии. Ими было устроено особое совещание представителей фронта. Члены депутации выступали на митингах; тон их речей отличается особой подчеркнутой строгостью. Они требуют от тыла выполнения долга, поменьше речей, побольше снарядов, верности свободе, но и забот об армии, которая осталась в окопах и несет великий свой труд. Некоторые из них выступают враждебно против рабочих, требующих 8-ми часового рабочего дня, увеличения платы.

Среди делегатов 12-й армии выделяются двое: Вацетис, полковник одного из латышских стрелковых полков, и Кучин, прапорщик, социал-демократ меньшевик.

Организационная работа с лихорадочной быстротой развертывалась и среди солдат, и среди офицеров. Всю вторую половину марта солдатская секция совета рабочих и солдатских депутатов занята разработкой проекта декларации прав солдата и положения о ротных и полковых комитетах. Работой этой руководил с.-р. В. Утгоф. Согласно проекту положения комитеты организуются: 1) для контроля над хозяйственной деятельностью чинов части, 2) для принятия мер против злоупотреблений и превышений власти со стороны должностных лиц части, 3) для сплочения всей русской армии в единую организацию, 4) для подготовки к выборам в учредительное собрание, 5) для решения различных вопросов, касающихся внутреннего быта части, 6) для выяснения недоразумений между солдатами и офицерами. Специальным пунктом оговорено запрещение ротному и полковому комитету касаться „боевой подготовки и боевых сторон (строевой, учебной, специальной и технической) деятельности части и ее подразделений. Распоряжения, касающиеся этих сторон службы, обсуждению в комитетах не подлежат“. Проект положения отвергает и выборное начало в организации командного состава. Комитетам предоставляется лишь право обжаловать действия должностных лиц в случае превышения ими власти или злоупотребления ею. Зато низший офицерский состав лишается права налагать на солдат дисциплинарные взыскания. Это право предоставлено судам, ротным и полковым, составленным поровну из солдат и офицеров. Этот проект демократической организации армии кажется теперь смелой и наивной попыткой перестроить армию на республиканских началах с выборным средостением между командирами и воинами, с превращением офицерского состава в военно-инструкторский. Однако, в этом направлении проект комиссии Утгофа представлял шаг назад сравнительно с установившимися уже в отдельных частях порядками. Местное творчество вводило выборность офицеров, контроль комитетов над боевой деятельностью командиров и прямое вмешательство в нее.

Проект был попыткой ограничить выборное начало в армии, сводя роль комитетов к хозяйственным, политическим и культурно-просветительным функциям.

Параллельно с комиссией под председательством Утгофа разрабатывались проекты новой организации армии в военном министерстве и в ставке. Но Гучков относился с враждой, пока еще скрытой, к внутренним демократическим преобразованиям в армии, и дело подвигалось туго. Сколько-нибудь подробных известий о нем в печать не поступало. Тем самым, инициатива всецело переходила в руки совета рабочих депутатов. Большую чуткость проявил верховный главнокомандующий генерал Алексеев. Идя на встречу стихийному движению, стремясь ввести его в русло законности, Алексеев сразу же легализовал выборные комитеты. По его распоряжению, при каждом фронте должны были образоваться центральные комитеты из представителей солдат, офицеров, представителей совета рабочих депутатов, членов госуд. думы и представителей общественных организаций. Эти комитеты объединяют и руководят теми организациями, которые уже возникли в отдельных частях. Главная задача комитетов—объединение солдат и офицеров, правильное информирование о политических событиях, закономерно поставленная политическая агитация. Особое значение придавал генерал Алексеев организации офицерства. По его инициативе созывались офицерские совещания, куда должны были приглашаться и представители солдат.

Торжественная манифестация единства солдат и офицеров произошла 13 марта в Петрограде в зале заседаний гос. думы. Инициатива принадлежала группе офицеров-республиканцев, во главе которой стояли подполковник Гущин и штабс-капитан Бржозек. Ими уже был организован совет офицерских депутатов петроградского гарнизона и Балтийского флота, начавший свою деятельность с посылки совету рабочих депутатов приветственной телеграммы с предложением совместной работы.

На собрании 13 марта приняли участие исполнительный комитет совета р. и с. депутатов и представителей офицерских организаций. Было много народа, преимущественно офицеров. Председатель Гущин произнес речь. Она начиналась словами: „Товарищи офицеры и солдаты, между нами легла грань,—не будем этого скрывать. Мы должны найти тот путь, по которому нам надлежит итти.... Кровь, господа, ведь течет одна, одна кровь течет, а вам, господа, за революцию несем земной поклон“. В приподнятом восторженном настроении собравшиеся выслушали проект декларции прав солдата, выработанный солдатской секцией совета рабочих и солдатских депутатов. Этот проект, поступивший затем в комиссию генерала Поливанова при военном министерстве и ею утвержденный почти без изменений, представлял собою развитие основных положений приказа № 1. Он уничтожал всё то, на чем держалась прежняя воинская дисциплина и, стало быть, прежняя армия. Отменялась отдача чести, титулование, обращение на „ты“, дисциплинарные наказания, институт денщиков. Солдат становился полноправным гражданином, офицер—только инструктором. Офицерское собрание против принципиальных положений этой декларации не возражало. Были предложены лишь отдельные поправки, и проект декларации сдан в согла-

сительную комиссию. При общем энтузиазме принята была резолюция с призывом к единению офицеров и солдат. „В основу этого единения собрание призывает положить в каждом солдате и каждом офицере чувство взаимного уважения, чувства чести и общее стремление стоять на страже свободы“. Кадетская „Речь“ так описывает конец собрания: „Принятие резолюции было покрыто шумными аплодисментами. Офицеры целовались с солдатами“.

Жизнь была, конечно, далека от этой идиллии торжественных собраний. Конфликты продолжались. Но всё же части офицерства, сумевшей понять новые требования времени, удалось идейно и организационно овладеть своими частями. Обратил на себя особое внимание совета полковник Плетнев, адъютант Гучкова. Этот Плетнев с большим успехом читал лекции в солдатских частях. Революционное содержание искусно переплеталось в его лекциях с патриотизмом, с хорошо замаскированным походом против рабочих, которые не хотят работать и оставляют таким образом солдат без снарядов. „Известия“ требовали положить конец этой „контр-революционной агитации“.

4.

Мы указывали выше, что эта агитация имела успех. Подъем патриотического настроения и восстановление единства в армии непосредственным результатом своим имели расхождение между рабочими и солдатами. Сначала незначительное, оно к концу марта делается крупным политическим событием, привлекает к себе общее внимание, одним внушает неумеренную надежду, другим—чрезмерную тревогу. В этом расхождении впервые сказывается со всей отчетливостью различие социальной природы двух главных сил революции—городского пролетариата и крестьянской армии.

Рабочие неохотно и недружно возвращались после первых дней революции на заводы к станкам. Потребовались специальные призывы совета рабочих депутатов для прекращения забастовки. Не всюду и не сразу рабочие этим призывам подчинились. Совершенно ясно было, что на заводах не может остаться всё по-старому, когда по-новому стала перестраиваться вся политическая и общественная жизнь. Это относилось прежде всего к администрации. Большие заводы были милитаризованы. Суровая воинская дисциплина с трудом переносилась на заводах и до революции. За малейший проступок рабочим грозила высылка на фронт. Заводская администрация широко пользовалась во время войны своей властью, и на больших казенных заводах отношения между рабочими и заводоуправлением были чрезвычайно обострены. Поэтому, одновременно с изгнанием нелюбимых офицеров из воинских частей, началось и насильственное удаление инженеров, администраторов, мастеров с заводов. Происходили эксцессы—были убийства, избиения. Некоторые инженеры должны были скрыться. Острый момент миновал, страсти улеглись, но брожение на этой почве не проходило. Вновь образованные заводские комитеты вступили в конфликты со старыми заводоуправлениями. Молва преувеличивала число эксцессов, раздувала отдельные

случаи. Нет сомнения, что при общем сведении счетов за старые времена бывали допущены и несправедливые обвинения; под видом осуждения политического и общественного могла проявиться и личная месть и служебная интрига. Во всяком случае в заводской администрации не было прежнего чувства уверенности. Она растерялась, как и армейский командный состав, пугливо сторонилась, шла охотно на уступки, чувствуя в то же время глубокое недоверие к революции. Лишь немногие из ее среды могли оказаться на уровне событий. У большинства чувство радости от политического переворота отравлено было тревогою за личную жизнь и безопасность и предвидением грозной разрухи. Эти настроения передавались обществу, проникали в печать. Бульварные газеты печатали заметки о том, что управление на заводах, работающих на оборону, перешло к невежественным рабочим, администрация не смеет показаться на заводах и т. д. Доля истины окутывалась густой оболочкой лжи.

Другим источником для тревожных слухов была начавшаяся кампания за повышение заработной платы. Эта кампания была неизбежна, и заводчики шли ей на-встречу на первых порах без особого сопротивления. Общество заводчиков и фабрикантов соглашалось ввести 8-ми часовой рабочий день и повысить заработную плату. Но когда прошел первый революционный восторг, началось и естественное, более или менее скрытое, сопротивление требованиям рабочих. Жалобами на это был засыпан совет рабочих депутатов. Не все капиталисты входили в общество фабрикантов и заводчиков, не все считали для себя обязательными его постановления. Вне его стояла значительная часть средней промышленности и бесчисленные мелкие мастерския. На особом положении находились казенные заводы, где и повышение заработной платы и введение 8-ми часового рабочего дня представляло затруднение бюджетного и организационного характера.

Заработная плата военного времени была чрезвычайно неравномерна. Квалифицированные рабочие получали сравнительно высокую плату—10 р. и выше в день. Простые рабочие—в среднем 3 руб. в день, работницы—2 р. 50 к. При дороговизне предреволюционных дней эта плата была недостаточна. Между тем о колоссальных военных прибылях предпринимателей ходили легенды, вряд ли сильно преувеличенные.

Кампания проходила бурно, стихийно и неорганизованно. Профессиональных союзов не было; они только начинали складываться. Советы рабочих депутатов, центральный и районные, пробовали овладеть движением, внести в него единство, но безуспешно. Они и сами не были для этого достаточно организованы, не имели ни организационного аппарата, ни авторитетных и опытных работников. Отдельные районы по-своему, не сговорившись друг с другом, устанавливали минимум заработной платы. Так Петроградский район предложил платить рабочим 6 руб. в день, женщинам 4—5 руб. Однако рабочие каждого завода устанавливали расценки по-своему, надо думать, не без преувеличений во многих случаях. На этой почве происходили конфликты с заводоуправлением, вспыхивали забастовки. Примирительные камеры, центральные и районные, учрежденные по соглашению совета рабочих депутатов и общества фабрикантов и заводчиков, оставались учре-

жденими на бумаге. К ним не обращались, да и бесполезно было обращаться. В бумаге, посланной комитетом общества фабрикантов и заводчиков в совет рабочих депутатов 20-го марта, комитет горько жалуется на то, что совет до сих пор не избрал своих представителей в центральную примирительную камеру, и она не может начать функционировать. В этой же бумаге комитет жалуется, что выступления рабочих на отдельных заводах дошли до чрезвычайных пределов, и, например, 20-го марта одно из крупнейших предприятий, работающих на оборону, вынуждено было, под угрозой насилия, временно повысить заработную плату, в среднем на 100 проц. с лишним. „Число таких выступлений,—продолжает письмо,—растет с каждым днем, и в настоящее время положение заводов и фабрик следует признать безусловно критическим".

Комитет общества фабрикантов и заводчиков писал о 100%, „Биржевые Ведомости" писали о 200% и 300%. А слухи шли еще дальше, и среди солдат говорили о том, что рабочие требуют по 5 р. за час., не работают, бастуют.

На восьмичасовой рабочий день общество фабрикантов и заводчиков пошло было сначала охотно, как и на учреждение фабрично-заводских комитетов и примирительных камер. Сверхурочные работы допускались только с соглашения фабрично-заводских комитетов, но комитетам не дано было права вмешиваться в управление заводом. Их задачи ограничены были представительством рабочих во всех сношениях с внешним миром и заводской администрацией и „формулировкой мнений по вопросам общественно-экономической жизни рабочих данного предприятия". Предполагалось, что 8-ми часовой рабочий день будет введен в жизнь законодательным порядком, и совет рабочих депутатов предлагал рабочим ждать этого порядка там, где предприниматели не пойдут на соглашение.

Хотя совет рабочих депутатов и сопроводил это соглашение воззванием к рабочим о соблюдении единства, порядка, выдержки и т. д., но ничего из благих призывов не вышло. В то время как петербургский совет рабочих депутатов призывал подчиниться соглашению с фабрикантами и заводчиками и выжидать законов о 8-ми часовом рабочем дне, московский совет постановил ввести его на всех предприятиях явочным порядком. Да и не будь этого примера Москвы, рабочие всё равно осуществили бы по своей инициативе популярный лозунг. Прямолинейно вводя 8-ми часовой рабочий день, не всюду считались с организационными условиями. Заводские комитеты сплошь и рядом вмешивались в управление предприятием, прибегая к тому именно способу насильственного удаления мастеров и лиц администрации, который считался по соглашению недопустимым. Совершенно понятно, что вместо спокойного осуществления того плана, который выработали совместно совет рабочих депутатов и представители комитета фабрикантов и заводчиков, получилось взаимное раздражение и озлобление.

На первых порах совет рабочих депутатов и его исполнительный комитет не придавали особого значения событиям на заводах. На каждом заседании рабочей части совета выступали ораторы-рабочие с жалобами на то, что на заводах осталась старая администрация, делаются попытки восстано-

вить старый режим, заводоуправления не соглашаются ввести 8-ми часовой рабочий день и т. д. Но „Известия", как и „Правда", не уделяют много места и внимания экономическим вопросам. В центре остаются вопросы политические—о войне, судьбе царя, двоевластии и т. п. Такой случайный повод, как забастовка ломовиков, заставляет обратить внимание и на стихийно идущее, без контроля и руководства, рабочее движение.

Ломовые извозчики, как и все, потребовали значительного повышения платы, 8-ми часового рабочего дня и ряда других, более мелких и специальных, своего извозного дела, уступок. Извозопромышленники не уступили, забастовка затянулась и вызвала угрозу форменного транспортного и продовольственного кризиса. Власть, самоуправление, печать подняли тревогу. Петроградский железнодорожный узел оказался забит продовольственными и другими грузами, среди них такими, которые были необходимы для обороны. Неразгруженными стояли до 6.200 вагонов, а в них 80.000 пудов мяса, которое могло сгнить с начавшейся теплой погодой. Состоялось экстренно совещание исполнительного комитета совета рабочих депутатов с представителями городского общественного управления, общественного градоначальства, центрального продовольственного комитета, общества извозопромышленников и союза ломовых извозчиков. Обе стороны, хозяева и извозчики, проявляли весьма мало склонности к разрешению конфликта в примирительной камере. Исполнительный комитет после совещания и в согласии с ним постановил немедленно призвать всех ломовиков к работе, обязать стороны передать дело в примирительную камеру, гарантировать извозчикам уплату повышенной заработной платы с 25-го марта, исходя из 8-ми часового рабочего дня.

Извозопромышленникам, в случае их нежелания подчиниться решению примирительной камеры, исполнительный комитет грозил секвестром их предприятий. В обращении, изданном исполнительным комитетом, четвертый пункт гласит: „В случае, если добровольное соглашение между отдельными извозопромышленниками и извозчиками не состоится, секвестровать и передать в руки города транспортные предприятия, нужные для удовлетворения насущных нужд города".

Соглашение было достигнуто, забастовка прекратилась, отчасти и под давлением общественного мнения. Солдатские части предлагали свои услуги для разгрузки вагонов. Движение в пользу повышения заработной платы вносило явно дезорганизацию в хозяйственную жизнь, и на этой почве имела успех агитация среди солдат против рабочих, которые-де во время войны думают только о себе, устраивают праздники, забывают о сидящих в окопах, лишают фронт снарядов и хлеба.

Встревоженный стихийностью движения и его последствиями, совет рабочих депутатов поставил в порядок дня своих заседаний вопрос об экономической борьбе. В „Известиях" 22-го марта появилась статья „Побольше выдержки". Газета жалуется на стремительность, с которой все пользуются открывшейся возможностью „осуществить свои желания и запросы. Этот неудержимый поток грозит нас затопить и затормозить нашу работу". Газета призывает к выдержке, планомерности и обдуманности. „К сожалению,

приходится сказать, что на некоторых заводах Петрограда идет сейчас спешная необдуманная перестройка... Эта поспешность вносит некоторую дезорганизацию и тормозит правильный ход дела". В заседании рабочей части совета рабочих депутатов 18-го марта Богданов представил доклад о положении дел на заводах. Договор с обществом фабрикантов и заводчиков не дал сколько-нибудь значительных результатов. Число конфликтов с каждым днем вырастает, наблюдаются случаи самосудов и удаления лиц заводской администрации. Некоторые ораторы, не отрицая фактов, приведенных Богдановым, указывали, что рабочие принуждены были начать хаотическую борьбу, так как никаких директив и руководства из центра не было. А работа на старых условиях естественно вызывала недовольство рабочих. После прений на следующем заседании была принята резолюция с призывом „немедленно прекратить разрозненные экономические выступления, дезорганизующие ряды революции, и спокойно ожидать выработки советом минимальных заработных цен, распространяющихся на все отрасли наемного труда, и регулирования всех остальных вопросов, связанных с рабочим бытом".

Не ограничиваясь резолюцией и воззваниями, члены исполнительного комитета лично объезжали заводы и фабрики, стараясь внести успокоение в рабочую среду и уладить отношения между администрацией и рабочими. Эти отношения в особенности обострились на городских предприятиях и угрожали остановкой трамвая.

Если воззвания совета рабочих депутатов и имели успех, то чисто внешний. Забастовки прекратились, но работа не налаживалась, разбушевавшаяся стихия не могла войти в берега. Показательна статья „Правды" 25-го марта: „Ненормальное явление". Большевиков, конечно, винили в том, что они подстрекают толпу к необдуманным выступлениям. Но и ответственные руководители большевиков были смущены стихийностью движения. Газета пишет: „На фабриках и заводах Петрограда замечается безусловно ненормальное явление. Забастовки нет, но процесс производства дезорганизован, работа не клеится, не идет. Иногда даже неизвестно, почему не работают". Газета усиленно призывает к организации, к планомерности в борьбе. „Дезорганизация ослабляет,—говорит „Правда":—она культивирует анархистские настроения, вредные для планомерной работы".

Если так писала большевистская газета, то не трудно представить себе, какую кампанию подняла бульварная печать, для которой представлялся удобный случай свести счеты с советом рабочих депутатов. Патриоту-революционеру солдату, безвозмездно отдающему весь свой день, всю свою жизнь обороне страны и свободы, противопоставлялся лодырь рабочий, эгоист и шкурник, не желающий отдать защите страны более 8-ми часов в день. В армии, крестьянской по составу, враждебной тылу, городу, привыкшей рассматривать всех, кто не на фронте, как „укрывающихся", эта агитация нашла благодарную почву. Запестрели резолюции воинских частей, где рабочие клеймились прямо или открыто. Обычной надписью на плакатах-знаменах манифестирующих солдат были слова: „солдат—в окопы, рабочий к станкам". Мгновенно распространились и на фронте сведения о том, что рабочие в Петрограде не работают, не готовят снарядов. Эти сведения комментировались намеками

на пораженчество, на тайные происки немецких агентов. Делегации с фронта приезжали с воинственным настроением, с требованиями призвать рабочих к порядку, заставить их работать на оборону. И особенно возмущал 8-ми часовой рабочий день, непонятный крестьянскому и солдатскому уму. Петроградские уланы заявили: „Теперь время усиленного и напряженного труда в пользу матушки Руси, и каждый гражданин должен считать за честь, не считая часов, внести и свой труд в общее великое дело“. Делегация от Вышневолоцкого пехотного полка говорила на приеме у кн. Львова: „Теперь, когда каждый потерянный час на заводе увеличивает наши потери людьми, нельзя заботиться о своем собственном благополучии“. Это еще сравнительно мягкие выражения. В речах на митингах, в беседах, разговорах звучали ноты, более резкие, и прямые угрозы. Заволновалась и солдатская часть совета рабочих депутатов. Рознь между солдатами и рабочими наметилась очень отчетливо и привела в немалое беспокойство исполнительный комитет, чувствовавший в это время свою зависимость от солдат в бо́льшей степени, чем от рабочих. От слов в это время быстро переходили к делу, и отдельные группы солдат, делегации с фронта и от петроградского гарнизона, начали обход заводов с целью понудить рабочих стать на работы. Это солдатское движение было, как и рабочее, стихийно и неорганизовано. На один и тот же завод являлись разные части, иногда вооруженные,—являлись, не зная в точности, зачем они пришли. Не обошлось, конечно, без угроз,—хотя до острых конфликтов, повидимому, нигде не дошло. Печать правого уклона невероятно раздула и преувеличила события. „Петроградская Газета“ сообщила, что на территорию Путиловского завода явился запасный баталион гвардейского петроградского полка в полном составе и потребовал от рабочих работать круглые сутки, угрожая в противном случае притти „в другом настроении и другом построении“. О царскосельском гарнизоне сообщили, что он в числе до 75 тысяч штыков направился в Петроград на заводы, чтобы силой заставить рабочих стать на работы. Назывались и другие части. Тенденция распускаемых слухов была ясна. Недовольством солдат пользовались, чтобы подорвать влияние и авторитет совета рабочих депутатов. В цирке Чинизелли 30-го марта состоялся митинг, созванный какой-то доселе неведомой „надпартийной партией союза родины и народной армии“. Открыт был митинг речью солдата Ашкинази, который призывал требовать отсрочки 8-ми часового рабочего дня и устранения всякого вмешательства совета рабочих депутатов в распоряжения правительства. Первые ораторы резко выступали против рабочих, грубо льстя в то же время солдатам. Митинг успеха не имел, даже закончился скандалом, но выяснилась при этом какая-то близость инициаторов митинга к газете „Русская Воля“. Сообщение „Петроградской Газеты“ о вооруженной демонстрации на Путиловском заводе было опровергнуто комитетом Петроградского полка. „Новое Время“, перепечатавшее эту заметку, заявило, что сведения были доставлены из весьма подозрительного националистического „Общества 1914 года“, пользовавшегося нелестной репутацией еще до революции.

Поход против рабочих зашел слишком далеко. Ясно обозначившаяся рознь между солдатами и рабочими внушила тревогу демократии. Враги ее

черезчур открыто спешили использовать создавшееся положение. Не говоря уже о партийной социалистической печати и о советских „Известиях“, в больших политических газетах послышались предостерегающие голоса. „День“ призывал спокойно и терпимо отнестись к болезненным явлениям в рабочей среде. Падение производительности труда он объяснял естественной реакцией организма, истощенного крайним напряжением за годы войны. „Не дергайте действительность за фалды,—писала газета,—не взнуздывайте ни армии, ни рабочий класс уколами отравленных перьев“.

Кампания против рабочих принимала широкие размеры и имела явный успех. Но чем больше развертывалась она, тем яснее обнаруживался антидемократический ее характер. Вдохновители и руководители не соблюли меры. Революционная демократия оправилась и дала немедленный и энергичный отпор. В воинских частях и на заводах был устроен ряд собраний. Рабочие умело использовали стремление воинских делегаций лично познакомиться с положением дел на заводах. Они сами приглашали к себе солдат и знакомили их с условиями труда. Рабочие Путиловского, Балтийского, Александровского, Охтенского порохового и др. заводов в резолюциях с негодованием отвергали обвинения в лодырничестве, в нежелании работать сверх 8-ми часов, когда этого требуют интересы обороны. Конференция рабочих 12-ти заводов артиллерийского ведомства, состоявшаяся 28 марта, в резолюции своей указала, что работы задерживаются недостатком нефти, угля, металлов, но „что все слухи и обвинения по адресу рабочих ни на чем не основаны, все эти слухи исходят из лагеря, не выражающего интересов народа“... Конференция „обращается к товарищам солдатам и гражданам обывателям и просит их относиться ко всякого рода слухам и заявлениям осторожно“. А днем раньше в Таврическом дворце состоялось заседание делегатов с фронта и рабочих с предприятий тыла. Член исполнительного комитета Гвоздев давал ответы на запросы о „беспорядках на заводах и на предприятиях, работающих на оборону“. Солдаты интересовались тем, получит ли армия достаточное количество снарядов при 8-ми часовом рабочем дне без сверхурочных работ. В тоне вопросов чувствовалась вражда. Гвоздев подробно и откровенно отвечал на вопросы. Он говорил о разрозненности движения, анархистских элементах в нем, о недопустимых эксцессах. Но он вместе с тем познакомил солдат с тяжелыми условиями, в которых жили до революции рабочие, с чрезвычайной и часто хищнической эксплоатацией их труда, с неизбежной усталостью. Собрание единогласно приняло резолюцию, в которой призвало „товарищей рабочих, в виду усиленного наступления внешнего врага, к самой энергичной работе без ограничения сверхурочных часов в предприятиях, работающих на оборону“. После статей в партийных газетах и обширного специального обследования, предпринятого газетой „День“, тон и содержание солдатских резолюций изменились. Делегации заявляют о том, что они непосредственно убедились в лживости обвинений и в том, что буржуазная печать умышленно сеет рознь между солдатами и рабочими. Рабочие точно также протестуют против поднятой кампании и уверяют, что им дороги интересы обороны. Вот, например, заявление солдат Измайловского полка, посетивших Путиловский завод: „Делегаты осмотрели все мастерския, говорили с рабочими

и с начальниками и вынесли отрадное впечатление. Работа не остановилась, она идет с большой силой. Рабочие все на местах. Все у станков... Рабочие говорили: „мы выделываем в день 100 шрапнелей каждый, дайте нам материал, и мы будем делать 150...“ Заявление заканчивается призывом: „Товарищи рабочие, не смущайтесь гнусными слухами и спокойно работайте... Не верьте тем, кто пытается сеять рознь между нами и рабочими— это провокация. Только в полном единении мы достигнем победы всюду, и только согласием процветет новая свободная Россия....“ Комитет Охтенского порохового завода со своей стороны заявляет, что „в настоящее тяжелое время крайне необходимо использовать все меры к увеличению средств к обороне; всякие заявления о том, что рабочие не желают стать на работу, комитет предлагает считать преступным вздором, выгодным лишь для лиц, сеющих раздор между солдатами и рабочими“.

Таких резолюций появилось множество. Столкновение солдат с рабочими привело вновь к их сближению. Противосоветская печать от наступления перешла к обороне. „Новое Время“ извинялось, уверяло, что оно было введено в заблуждение, и прекратило прямую травлю, „Русская Воля“ примолкла. В „Речи“ исчезли резолюции, направленные против 8-ми часового рабочего дня. В партийной социалистической печати появились, напротив, статьи и резолюции с обвинением буржуазной прессы в демагогии.

Совет одержал победу. Рабочие получили однако урок. Армия прикрикнула на них властным хозяйским тоном, и, после посещения солдатами заводов, рабочее движение принимает более умеренную форму. Исполнительный комитет точно также не мог не почувствоватть, что из двух частей совета, рабочей и солдатской, более властной и сильной является часть солдатская, крестьянская по своему составу, патриотическая и совсем не социалистическая по настроениям.

Эти конфликты между правительством и советом, между солдатами и рабочими плохо гармонировали с проповедью единства во имя революции,— проповедью, которая звучала почти во всех органах печати, почти со всех трибун. Эти конфликты быстро вспыхивали и быстро гасли,—первые зарницы грозовых туч, медленно и тяжело собиравшихся на горизонте. Проницательный взгляд видел надвигающуюся бурю, но большинство, почти все, верили, что она может пройти стороной. Предчувствия владели людьми, близкими к политике. В революционном энтузиазме руководителей демократии не было цельности; тревога и недоверие к собственным силам разъедали его. Но положение обязывало к бодрости, смелости и уверенности. И была вера, что крайним напряжением сил, осторожностью, умелым лавированием удастся провести революционный корабль сквозь все препятствия. Руководителей партий, демократических и либеральных, при всей их пестроте и внутреннем антагонизме, как бы связало общее чувство ответственности, более серьезное в центре, менее серьезное — на флангах.

Крайний правый фланг был открыто враждебен революции, выраженной в форме демократических организаций, — совета, армейских комитетов, союзов. Но его связывала трусость. „Новое Время“ вилось ужом, заискивало перед демократией и лишь исподтишка инсинуировало. Круги, близкие этой

газете в прошлом, терпеливо ждали. Язык однако стал развязываться, создалась возможность выступлений, когда большевики своей открытой антивоенной агитацией создали против себя некоторую концентрацию демократического и либерального общественного мнения.

Большевики с самого начала принципиально и открыто отрекались от общей ответственности за единство в революции. Правда, центральный комитет партии и редакция „Правды" после приезда Каменева писали, что большевики не ставят целью своей свержение правительства, и высказались против лозунга дезорганизации армии. Во второй половине марта и до первых чисел апреля тон статей в „Правде" и речи лидеров партии в совете дышат умеренностью и своего рода академичностью. В № 14 „Правды" была напечатана первая статья Н. Ленина „Первый этап первой революции" (Письма издалека). В ней дан тот анализ революции, который был впоследствии принят официально партией и устанавливал, что рядом с правительством кн. Львова, — „простым приказчиком миллиардных фирм Англии и Франции", — уже возникло еще слабое и неразвитое, второе, „рабочее правительство" — в лице совета рабочих в Петрограде. Но тактических директив не было в этой статье и не было прямого призыва к гражданской войне. Статья заканчивалась указанием на необходимость организации и просвещения пролетариата и полупролетарских масс. Таким образом, это первое литературное выступление Ленина в революции, хотя и содержало в себе всю развернутую впоследствии программу, по тону своему, не нарушало общей линии, усвоенной руководящим правым крылом большевизма.

Но и эта сравнительно умеренная линия воспринималась с величайшим раздражением всеми теми кругами революционной демократии, которые стояли на платформе революционного единства. Совет рабочих депутатов обязался, — хотя бы и „постольку - поскольку", — поддерживать временное правительство. Он высказался за оборону страны от внешнего врага. С поддержкой и обороной плохо вязались выступления партии, вошедшей в совет, влиятельной в исполнительном комитете, ведущей широкую агитацию, направленную и против обороны, и против правительства. А эти выступления далеко не всегда были так умерены, сдержаны и корректны, как передовые статьи „Правды" каменевского периода. В большевистских кругах было недовольство умеренной тактикой центр. комитета (см. воспоминания Лациса в „Красной Газете" 12/III—22 г.). Ораторы на митингах выступали резко и прямо, не выбирая выражений для характеристики временного правительства, которому вменяли в вину и защиту помещиков, и империализм, и покровительство контр-революции.

Исполнительный комитет нейтрально относился к большевистской кампании. Разногласия не выходили за пределы исполнительного комитета. И только тогда, когда в патриотическом подъеме солдатской части совета послышались ноты угрозы, в статьях „Известий" появилась замаскированная полемика против большевиков. „Рабочая Газета" и „Дело Народа" на первых порах избегали полемики с „Правдой". Зато для всех либеральных партий и направлений большевики и „Правда" стали фокусом, в котором сосредоточилась накопившаяся ненависть против революционной демократии. Против совета

нельзя было выступать прямо и во всяком случае нельзя было выступать грубо. Но вызывающая резкость „Правды“ и ее чуждый всякой изысканности язык поощряли неразборчивость бульварной печати,—неразборчивость и в словах, и в приемах. Так началась кампания против „Правды“, принявшая вид травли газеты и партии.

Поводом к этой кампании послужило разоблачение провокаторов. Департамент полиции и охранка, разгромленные лишь частично, выдали свои тайны. 11-го марта появились первые списки шпионов и провокаторов. Они произвели огромное впечатление,—вызвали ужас перед недавним прошлым, смущение в социалистических кругах, злорадство в лагере их противников. Стало известно, что близкий „Правде“ человек, ее бывший редактор Мирон Черномазов, получал 200 руб. в месяц жалования из охранного отделения. Провокаторами оказались видные деятели рабочего с.-д. движения — Шурканов, Лущик (Медведь) и др. Их хорошо знали в широких социалистических кругах Петербурга. Наибольшее впечатление произвело в списке провокаторов имя Абросимова, талантливого рабочего, числившегося меньшевиком, лидера рабочей группы центрального военно-промышленного комитета. Серия разоблачений завершилась 25 марта именем Малиновского, члена центрального комитета большевиков, бывшего члена гос. думы и лидера большевистской думской фракции, бежавшего, незадолго перед войной, заграницу при загадочных и странных условиях.

Эти разоблачения больно ударили по социалистической демократии. Поразили однако лишь число разоблаченных и громкие имена некоторых из них. Малиновский стоил Азефа. Но не было ничего удивительного в том, что в условиях нелегального существования социалистических партий, неизбежной тайны и конспирации в рядах партии заводились предатели и провокаторы. Так и отнеслась к этому ответственная политическая печать, отметившая лишь, что не всегда партиями,—в частности, большевиками, соблюдалась надлежащая осторожность, и что неразборчивость в средствах борьбы с идейными противниками облегчала провокаторам их предательскую работу. Щекотливую тему подхватили „Русская Воля“, „Маленькая Газета“, „Биржевые Ведомости“, „Вечернее Время“. Разоблачения давали материал для сенсационных заметок. Их смаковали, раздували. С продажностью Черномазова связывали пораженчество, антивоенную агитацию. „Русская Воля“ в витрине редакции на Невском пр. поместила огромный плакат с надписью „Черномазов—редактор „Правды“. Демагогическая кампания имела некоторый успех. После поражения на Стоходе, в связи с патриотическим подъемом, о котором выше шла речь, начался бойкот „Правды“ в кругах, для которых уличная печать была руководителем политических настроений. Газетчики отказывались продавать „Правду“, боясь угроз со стороны обычной публики Невского проспекта. Были случаи демонстративного уничтожения газеты на улице, столкновений с читателями „Правды“ в трамвае.

В травле большевистской газеты явственно сказывались не столько антибольшевистские, сколько антидемократические, даже частью черносотенные ноты. „День“ выступил с резким протестом против „демагогии справа“, против злоупотребления списками провокаторов в политической

борьбе. К „Дню“ присоединилась и „Речь“. Это был протест литературный. Со своей стороны исполнительный комитет властно предписал прекратить травлю газеты. Появилось обращение „Всем комиссарам“ за подписью М. Скобелева: „Исполн. Комитет С. Р. и С. Д. протестует против действий милиционеров, запрещающих продажу газеты „Правда“, предлагает комиссарам принять все меры к прекращению подобных действий и ограждению торговцев „Правды“ от недостойных выходок отдельных лиц. Исполнительный Комитет протестует против травли „Правды“, против клеветы на нее“. Грозный окрик подействовал. Вместе с отпором, данным политической прессой, он последствием своим имел прекращение прямого и открытого похода. Брань сменилась инсинуациями, ядовитыми намеками.

Для большевиков эта травля,—неприятная на первых порах,—послужила поводом для широкой и успешной кампании за свою партию и свою газету. На рабочих и солдатских собраниях травля „Правды“ была изображена, как поход буржуазии против пролетариата, поход контр-революции против всей революционной демократии. В результате — десятки резолюций с выражениями признательности рабочей газете, с угрозами ответить насилием над теми, кто призывает к насилию над „Правдой“. Большевистская газета вооружила против себя очень многих,—не только из буржуазии. Но она тем самым прочно закрепила за собой симпатии среди рабочих и была популярной газетой в рабочих кварталах.

Шум, поднятый разоблачением провокаторов и травлей „Правды“, вскоре улегся. Но ненависть, которую вызывала против себя большевистская газета, осталась и росла со дня на день. Непримиримая позиция „Правды“, вызывающий тон ее статей, резкие отзывы о людях, к которым с уважением относилось огромное множество народа—всего этого не могли простить газете. Она называла „наглым реакционером“ генерала Алексеева,—человека, которому временное правительство, с молчаливого согласия совета рабочих депутатов, вверило всю армию. Раздражение накапливалось и лишь ждало случая, чтобы снова прорваться наружу.

5.

Среди этих, еще сравнительно мелких столкновений первого месяца революции временное правительство работало, не привлекая к себе особого внимания. Оно пользовалось общим доверием, окружено было атмосферой благожелательности, даже любви. Только политика Милюкова заставила и общество, и власть встрепенуться и поставить вопрос о правительстве. После известного заявления правительства о целях войны наступила снова полоса благожелательного безразличия. Правительство старалось быть деловитым. Деловитость должна была искупить его бесцветность, отсутствие ярких, сильных выступлений.

Не торопясь, с величайшей обдуманностью приступало временное правительство к осуществлению намеченной им программы. В условиях революции правительство действовало по лучшим образцам конституционной

практики. Оно не желало и не могло декретировать с плеча. Законы выходили после предварительной тщательной обработки,—поэтому они опаздывали, и когда появлялись, наконец, на свет божий, в них не было новизны, и они казались несколько устарелыми. Можно сказать, что уже с первых дней правительство шло не в ногу с революцией, с событиями, с настроением. Оно отставало от них, как бы не чувствуя темпа и ритма времени. В его деятельности было благодушие, отражавшее личное благодушие премьера кн. Г. Е. Львова. Так было прежде всего с подготовкой к созыву учредительного собрания. Склонный к подозрительности и недоверию исполнительный комитет в контактной комиссии торопил правительство. Вопрос об ускорении созыва был поднят 14-го марта. Представители правительства уверяли—и совершенно искренне,—что они стоят за скорейший созыв; специальной юридической комиссии дано поручение разработать вопрос о подготовительных работах. Но раньше осени и думать нечего о созыве учредительного собрания, если говорить о безусловно правильных и абсолютно демократических выборах. Правительство охотно шло на встречу совету. В контактной комиссии условились, что конец лета предельный срок. Казалось, что это совсем небольшой срок. Разногласий не вызывал и вопрос о месте созыва. Москвичи подняли было шум и развили некоторую агитацию за Москву. В совете рабочих депутатов усмотрели в этом подвох и опасность для революции. На митингах ораторам делали соответствующие запросы. Но в контактной комиссии все опасения были рассеяны, и Скобелев разъяснил публично, что правительство в согласии с исполнительным комитетом созывает учредительное собрание в Петрограде.

18-го марта опубликовано было постановление об отмене смертной казни. Оно содержит всего три пункта. Первый гласит кратко: „Смертную казнь отменить“. Второй заменяет смертную казнь каторгой срочной или бессрочной. Третий—распространяет отмену смертной казни на приговоры, вынесенные до обнародования закона и не приведенные в исполнение. Постановление помечено 12 марта. Опубликование его задержалось, и в печати появились статьи с требованием ускорить издание закона. Хотя и вышедший с запозданием, закон этот произвел сильное впечатление. В газетах всех направлений (кроме „Правды“) появились восторженные статьи. Влад. Набоков писал в „Речи“: „Смертная казнь отменена безусловно навсегда“...

В тот же день опубликована была и амнистия уголовным, точно также давно ожидаемая и запоздавшая. Появись она раньше, могли быть предупреждены волнения в тюрьмах, которые произошли между 10 и 15 марта в целом ряде городов,—в Киеве, Одессе, Харькове, Житомире, Астрахани, Елисаветграде, Виннице и др. При усмирении беспорядков солдаты в некоторых городах стреляли, были убитые и раненые. Амнистия задержалась, потому что требовалось тщательно проредактировать все пункты постановления.

Третьим актом временного правительства была отмена национальных и вероисповедных ограничений, опубликованная 22 марта. Многочисленные народы России, и прежде всего евреи, были уравнены во всех гражданских

правах с „коренным“ населением России. Смыто было одно из позорнейших пятен, чернивших старую Россию. Конечно, сделал это не акт правительства, чрезмерно запоздавший,—сделала это революция; правительственное постановление только оформило революционную действительность. Эффект был бы гораздо сильнее, если бы временное правительство в первый же день издало пусть несовершенный по форме, но краткий и красноречивый декрет. Его ждали с нетерпением, но юристы кропотливо отделывали статьи закона и издали его, когда впечатление новизны уже прошло. Краткое вступление гласит: „Исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом, и что совесть каждого не может мириться с ограничением прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, временное правительство постановило: все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальностью, отменяются“. Далее, в девяти пунктах, перечисляются различные отменяемые ограничения, и идет длиннейший перечень статей свода закона, утративших отныне силу.

Отмена национальных ограничений приветствовалась в печати, как великое историческое событие. Любопытно, что восторженной статьей откликнулось и „Новое Время“. Газета, составившая свою карьеру на травле инородцев, писала: „Всё это кошмарное наследие прошлого ликвидировано и никогда больше не вернется. Среди граждан великой страны нет больше угнетенных вековой несправедливостью разделения на полноправных и подвергнутых национальным ограничениям“. Особенно велика была радость евреев, которых ближе всего касалась отмена национальных ограничений. 24 марта депутация из видных еврейских общественных деятелей во главе с евреями-депутатами госуд. думы посетили временное правительство и совет раб. и солдатских депутатов. М. Фридман и О. Грузенберг произнесли приветственные речи, при чем в совете они называли членов исполнительного комитета „истинными представителями революционного народа“. Им отвечали кн. Г. Е. Львов на приеме у временного правительства, Чхеидзе и Скобелев—в совете. Еврейская депутация представляла только либеральные течения и партии русского еврейства, и Чхеидзе в своем ответе указал, что в борьбе демократии за равноправие евреев она не всегда находила поддержку со стороны тех политических кругов, к которым близки либеральные евреи.

Из наиболее важных постановлений временного правительства за это время надо отметить еще введение хлебной монополии, образование земельного комитета и выпуск займа свободы.

Хлебная монополия явилась следствием продовольственных затруднений. Армия требовала огромного количества хлеба. Подвоз его становился всё более затруднительным. Владельцы хлеба уклонялись от продажи его по твердым ценам. Постановление временного правительства о сдаче государству всех излишков хлеба было опубликовано 30 марта. Производителям хлеба оставляется сверх количества, нужного для обсеменения полей, только по $1^1/_4$—$1^1/_2$ п. на душу в месяц. Сдача хлеба, как и обсеменение и учет

урожая, должно происходить под наблюдением продовольственных комитетов, организованных впредь до избрания их на демократических началах из представителей общественных организаций. У лиц, отказывающихся от добровольной сдачи хлеба, производится реквизиция. Государство платит за хлеб по твердым ценам.

Изданием этого постановления временное правительство уже подходило к самому важному и самому острому вопросу революции—к земельному вопросу. Принимая на себя регулирование сельского хозяйства, правительство сталкивалось непосредственно с земельной нуждой и земельным голодом. По условию, заключенному с советом, разрешение земельного вопроса откладывалось до учредительного собрания. Седьмой съезд партии народной свободы еще раз подчеркнул это в своей резолюции об учредительном собрании. „Уважая волю народную, правительство должно предоставить учредительному собранию разрешение всех тех вопросов, относительно которых, как не обладающих характером неотложности, не принято им на себя непосредственных обязательств в объявленной им программе“. Правительственная партия еще не имела определенного мнения по аграрному вопросу. Она решилась на своем съезде отказаться от догмата конституционной монархии и назвала себя партией республиканской. Но она не могла с такой же легкостью отказаться от своей прежней аграрной программы. Колебания сказались в резолюции по докладу А. А. Корнилова—„образовать особую аграрную комиссию для пересмотра программы партии по земельному вопросу“. Революция заставляла партию итти и на принудительное отчуждение, и на установление трудовой нормы владения, и на частичную национализацию.

Временное правительство не могло молчанием обойти земельный вопрос. Его подымала жизнь. Не говоря о партиях, бросивших с первого же дня в народ лозунг „земля и воля“ и выставивших требование перехода всей земли трудовому народу, начиналось движение в деревне. В различных местах разрозненно вспыхивали и погасали земельные волнения. В Николаевском и Бугульминском уездах Самарской губ. крестьяне постановили немедленно приступить к переделу помещичьих земель. В Бежецком уезде были сожжены помещичьи усадьбы, вырублены леса. Такие же известия приходили с юга, из Киевской губ. В печати появились тревожные и предостерегающие статьи. Орган социалистов-революционеров „Дело Народа“ призывал к спокойствию; „Правда“ высказалась против самочинных захватов и предлагала организовать волостные комитеты.

Нужны были определенные, авторитетные, понятные стомиллионному крестьянству и крестьянской армии слова. Таких слов нет в постановлении временного правительства об образовании земельного комитета 20-го марта. О земельном вопросе сказано, что он „первейший“ среди подлежащих разрешению вопросов, что земельная реформа, „заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны, составляет основное требование программ всех демократических партий“. Постановление, далее, высказывается против захватов, насилия, грабежей, и эта часть носит характер нравоучения. В заключение говорится о необходимости собрать материалы, выяснить и учесть условия и виды землепользования и т. д., для чего и образуется при министре

земледелия земельный комитет,—не то ученое, не то статистическое учреждение. Либеральные и демократические круги выразили радость и по этому поводу. Для народа образование земельного комитета было пустым звуком. Временное правительство не имело ни сил, ни способности, ни желания стать во главе начинающегося и неизбежного аграрного движения. Оно поплелось в хвосте его, безнадежно отставая. Инициатива и руководство всецело перешли к партиям социалистическим.

Постановление о „Займе свободы 1917 г.“ было издано 27-го марта. Сумма займа не была определена. Этим он отличался от предыдущих займов военного времени. Другим отличием было разнообразие купюры. Облигации выпускались в 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 руб. Пятипроцентный доход освобожден был навсегда от сбора с доходов от денежных капиталов. Временное правительство рассчитывало на чрезвычайный успех этого займа. На билетах его напечатано изображение Таврического дворца. Сложная история успехов и неудач этого займа и борьбы партий, завязавшейся вокруг него, будет изложена ниже.

В полном составе временное правительство выезжало в ставку 17 марта. На заседании, кроме верховного главнокомандующего и начальника его штаба, были командующие фронтами. Сведения о заседании в печать не проникли. Из воспоминаний генерала Деникина видно, что генералы собирались поставить открыто вопрос об опасности, угрожающей армии от демократизации ее. Речь об этом шла, но та решительность, которой ожидал генерал Деникин, проявлена не была. Повидимому, оптимистическое настроение владело в эту пору не только министрами, но и генералами.

6.

О внутренних отношениях в кабинете министров до сих пор мало что известно. Важнейшие политические вопросы обсуждались в закрытых заседаниях, и печать не решалась проникать в тайну своего правительства. Скромность стала добродетелью тех репортеров, которые еще недавно, правдой и неправдой, добывали секретнейшие данныя и знакомились чуть ли не раньше царя с всеподданнейшими докладами министров. Милюков и Керенский составляли крайние полюсы правительства. Между ними происходили наиболее частые и резкие разногласия, принимавшие по свидетельству Набокова тягостный характер. („Архив русск. революции“ т. I). Во время конфликта Керенского с Милюковым начало уже, повидимому, намечаться сближение Керенского с Некрасовым и Терещенко; вместе с тем вырастало влияние Керенского. Во время отъезда премьер-министра Львова в ставку 29 марта заместителем его остался Керенский.

По-прежнему значительную часть времени министрам,— особенно кн. Г. Е. Львову и Керенскому,—приходилось тратить на речи, выступления, прием делегаций и отдельных посетителей, которых министры во имя демократических приличий обязаны были принимать лично. Хроническое переутомление— отличительная черта их состояния в это время. Оно искупалось огромным

душевным подъемом, владевшим еще людьми, поставленными революцией у власти на виду у всей России.

Наиболее кипучую деятельность проявлял Керенский. Всюду он говорит, бросает яркие, отрывистые слова, опьяняет слушателей, опьяняет себя. Его появление всегда театрально. Из встречи „бабушки“ Е. Брешко-Брешковской он делает эффектное представление. Встречает ее на вокзале, сопровождает в совет рабочих депутатов, делает ее постоянной спутницей своих постоянных разъездов, приемов. Личной своей популярностью Керенский немало содействовал популярности временного правительства, излишне скромного, бесцветного, незаметного для исключительно яркого своего времени.

Министр торговли и промышленности А. И. Коновалов ознакомил со своей программой 29 марта. На первом плане поставлены работы ведомства на нужды обороны в смысле урегулирования и улучшения дела снабжения предприятий топливом и металлом. В связи с этим разрабатывался проект передачи в распоряжение государства всего угля. Была создана комиссия для пересмотра положения об акционерных обществах в сторону освобождения их от всяких стеснявших их прежде мелочных ограничений. Из многих других проектов министр выделил проект о создании особого отдела внешней торговли при министерстве. Дань революции была отдана в виде организации особого отдела труда, которому надлежит впоследствии развиться в самостоятельное министерство труда. „Лицо, которое станет во главе министерства труда,—заявил Коновалов,—должно быть указано правительству социалистическими группами и партиями и должно пользоваться большим доверием трудящихся масс“. К работе в отделе труда были привлечены видные деятели правого социалистического лагеря и профессора-экономисты.

Программа Коновалова принята была благожелательно. В ней ничего не было яркого, но и ничего такого, что заставило бы встревожиться социалистов левого крыла. Одновременно с Коноваловым беседовал с представителями печати министр финансов М. И. Терещенко, всё еще прекрасный незнакомец для широких кругов общества. Его программа ничего не открыла в неопределенном облике первого министра финансов революции. Министр подробно говорил об условиях займа свободы и вскользь упомянул о разрабатываемых в министерстве проектах финансовых реформ, не идущих далее некоторой демократизации существующей налоговой системы, о проекте государственной монополии на сахар, проекте реформы дворянского и крестьянского банков.

Недоумение, а затем и недовольство, продолжала вызывать деятельность проф. Мануйлова на посту министра народного просвещения. На Мануйлова, как на либерального профессора, возлагались большие надежды. Однако в постепенности, осторожности, щепетильности, с какой он подходил к покрытым плесенью учреждениям и людям, чувствовалось роковое непонимание задач, духа, темпа времени. В министерстве оставались еще прежние порядки и прежние люди. И с удивлением общество узнавало из газет, что ученый комитет в марте занят обсуждением вопроса, можно ли допустить повести Лермонтова в народные библиотеки и читальни, и что в составе этого комитета пребывают, как ни в чем не бывало, заслуженные деятели

„союза русского народа“. Из провинции приходили горькие жалобы на то, что министерство не спешит с заменой реакционных попечителей учебных округов, директоров и инспекторов. Эта пассивность и медлительность министра была тем более неуместна, что снизу уже подымалась бурная волна ученического движения, складывался союз учащихся средне-учебных заведений, и гимназисты вводили явочным порядком самоуправление и сменяли нелюбимых преподавателей. Министерство стояло в стороне, чужое и чуждое этому движению, не пытаясь овладеть им, дать ему руководство.

И тогда и впоследствии модными были разговоры о необходимости единовластия, об опасных претензиях совета рабочих депутатов на двоевластие, о борьбе за власть. Седьмой съезд партии народной свободы в резолюции о тактике подчеркнул, что советы (они не названы по имени) могут остаться как форма „организации общественного мнения“, но что они не должны „претендовать на функции власти исполнительной, вводя население в неизбежный соблазн многовластия, вредного как для внешней обороны, так и для укрепления нового строя“. Такой соблазн, конечно, имел место. Но не вводили ли население в соблазн и министры временого правительства своим бездействием, фактическим отсутствием власти, неумением и нежеланием проявить свою власть так, чтобы население видело ее в решительных, понятных и своевременных мерах?

7.

Совет рабочих депутатов ушел в организационную работу. 18-го марта по докладу Богданова принята была новая норма представительства, по одному депутату на каждые 2.000 человек, на равных основаниях для рабочих и солдат. Эта мера должна была уменьшить число депутатов, доходившее уже до 3.000 человек, и, кроме того, уравновесить отношение солдатской и рабочей его частей. В прежнем своем виде совет был скорее солдатским, чем рабочим представительством: на 2.000 депутатов-солдат было 800 депутатов рабочих. Серая солдатская масса заливала зал собраний, рабочие растворялись в ней. Из сформированных отделов совета наибольший интерес по замыслу своему представлял отдел международных сношений. На него возлагались, как было указано, задачи организации международной кампании за мир, и если бы эти задачи получили осуществление, то рядом с министерством Милюкова образовалось бы министерство Ларина. Проект, разработанный Ю. Лариным, предусматривал самостоятельные сношения отдела с Западом без военной цензуры, лишь с визой правительственного комиссара, организацию деловой агентуры в Стокгольме, посылку курьеров и т. д. Правительственный комиссар имел право задержать корреспонденцию, но в этом случае окончательное решение принадлежало „контактной комиссии“.

В работах исполнительного комитета с трудом налаживался порядок. Заседания его всё еще носят следы первоначального хаоса, нет определенных очертаний в круге вопросов, подлежащих его ведению. Вот, напри-

мер, типичный день исполнительного комитета. Сумбурные и неполные протоколы дают некоторое о нем представление.

24-го марта. Слушается найденная в архиве департамента полиции докладная записка о необходимости для сотрудников департамента проникать на совещания с.-д. большевиков и меньшевиков и мешать их объединению. Это очень интересно и важно, представляет злободневный интерес в виду наметившихся объединительных тенденций среди социал-демократов, но какое отношение имеет это к текущей работе исполнительного комитета? Прочитали. Потом Богданов докладывает, что в иногороднем отделе получены тревожные телеграммы о погромном настроении в Бессарабии. Погромов нет, но они могут вспыхнуть. Решено послать туда делегацию от совета в составе: рабочий, солдат и еврей. Пекаря в Петрограде самовольно отменили ночную смену, и это грозит обострением продовольственного кризиса. Решено напечатать и расклеить постановление о недопустимости „перерыва" в работах. Владельцы типографии „Копейка" жалуются на „Известия", которые расположились по-хозяйски в захваченной в первые дни революции чужой типографии и теперь не желают потесниться. Решение по этому делу неизвестно. Попутно возникает вопрос о тесноте в Таврическом дворце для самого совета, и Шляпникову с Гвоздевым дается поручение вступить в переговоры о передаче совету Аничкова дворца. Центральный продовольственный комитет постановил понизить норму выдачи хлеба до 1½ ф. для лиц физического труда и 1 ф. для остальных и просит санкции и содействия совета. Решено расклеить в большом количестве соответствующее постановление. Рассматривается вслед затем смета на издание „Солдатской Газеты". Потом идет вопрос о Петропавловской крепости, вызывающий разногласия. В чем этот вопрос, из протоколов не видно, но решено отложить его до обсуждения в более полном составе. Стеклов и Скобелев докладывают „о результатах переговоров с временным правительством", но протокол умалчивает о том, каковы эти результаты, и о чем шли переговоры. В заключение намечены докладчики исполнительного комитета на предстоящем совещании советов рабочих и солдатских депутатов. По вопросам политики общей и тактики—Скобелев, Стеклов, Церетели, Соколов. По земельному и крестьянским вопросам—Суханов с Зензиновым, по рабочему вопросу—Богданов и Гвоздев, по вопросу о подготовке учредительного собрания—Эрлих и Станкевич, по организационным вопросам—Богданов. Солдатской специальной комиссии предоставлено наметить своего докладчика „по солдатскому вопросу".

Событием в жизни исполнительного комитета был приезд вечером 19 марта Ираклия Церетели. Он вернулся из ссылки вместе с другими втородумцами. Одновременно с Церетели прибыли Махарадзе, Нагих, Аникин, Анисимов, Лопатин и Виноградов. На Николаевском вокзале им была устроена торжественная встреча, и прямо с вокзала они отправились в Таврический дворец на заседание совета. Их встретили с энтузиазмом. Оркестр играл марсельезу. Богданов председательствовал в этот вечер. После краткого приветствия он предоставил Церетели слово. Эта была первая большая политическая речь Церетели, и в ней он изложил те положения, которые стали программой деятельности совета.

8.

В периоде организации своих сил, пересмотра программы, подготовки к политической борьбе находились политические партии и течения. С 25 по 28 марта происходил седьмой делегатский съезд партии народной свободы, первый большой политический съезд в Петрограде. Этот съезд должен был дать директивы правительству, большая часть членов которого принадлежала к кадетам. С речами-отчетами выступили на съезде Милюков, Шингарев, Некрасов, Мануйлов. Съезд выразил им полное доверие. Разногласий не было, и только речь Некрасова вызвала возражения. Съезд прошел под знаком уклона влево. Революция еще увлекала за собой партию, и стремление итти вперед было сильнее, чем настроение испуга, тревоги, недоверия к народу. Единогласно по докладу Кокошкина съезд высказался за республику. „Россия должна быть демократической республикой", — так начинается резолюция о форме правления. Открытым остался вопрос о федеративном принципе, об однопалатной или двухпалатной системе. С докладами по вопросу о тактике партии выступили М. М. Винавер и кн. Д. И. Шаховской. Винавер основной задачей партии в данный момент определил отпор контр-революции, силам, которые могут посягать на новый строй во имя старого. Власть должна быть для этого сильной, единой и всенародной. Классовые организации могут существовать лишь как формы выражения общественного мнения, они не должны присваивать себе прав и функций власти исполнительной. Правительство осуществляет обязательства, принятые на себя. Важнейшие вопросы должны быть предоставлены учредительному собранию, созываемому в кратчайший срок. Кн. Шаховской говорил о тактической линии партии. „Прогрессивный блок" был объявлен распавшимся. Судьба составлявших его частей неизвестна. „Во всяком случае, учитывать сейчас, в каком отношении мы с ними будем, чрезвычайно трудно. Наших соседей справа мы можем на первых порах оставить". Этими словами партия распрощалась с октябристами. Более благожелательным тоном говорил Шаховской о „соседях слева", о социалистах. Правда, и они находятся еще в аморфном состоянии и только нащупывают почву. Есть крайнее левое крыло, — с ним предстоит борьба. При аплодисментах кн. Шаховской заявил: „Несомненно, что одной из наших целей ближайшего будущего явится борьба со всякого рода максимализмом и большевизмом". Но существуют и другие направления и группы в социализме, умеренные и патриотические. Возможно и необходимо соглашение с ними. Детали его трудно предусмотреть. „Приходится поэтому, — сказал Шаховской, — ограничиться общим положением и указанием центральному комитету общей директивы — искать соглашения налево".

Расхождение, существующее в рядах партии, было вскрыто в речи Некрасова. Эта речь не понравилась руководителям партии, встретила возражения. В ней уже намечался тот раскол, который произошел впоследствии между Милюковым и Некрасовым. Министр путей сообщения не ограничился ведомственным отчетом, а затронул основные вопросы тактики.

Он предлагал не бояться революции, итти смело на встречу ей и не уклоняться от вопросов, которые она ставит. Социальные вопросы неизбежны. Отрицание их опасно. Формула „сначала политика, а потом социальный вопрос“ так же вредна, как формула старого режима: „сначала успокоение, потом реформы“. Не надо бояться так наз. двоевластия. Стремление демократии ограничить власть временного правительства и подчинить его контролю понятно и законно. „Мы не для того сделали революцию, чтобы от одного самодержца попасть к двенадцати другим“. Поэтому не с опаской, а с доверием надо относиться к совету рабочих депутатов. Надо уметь проявить чуткость к голосу общественных организаций.

Эта речь, как и политика Некрасова в своем ведомстве, дала повод к толкам о демагогии Некрасова, его заигрывании с социалистами и т. д. Несмотря на общий сдвиг партии влево, партия в подавляющем своем большинстве шла за Милюковым, одобрила безоговорочно его военную позицию, хотя и смягчила резолюции о задачах внешней политики. Левая фразеология была в марте в моде и среди кадетов, и в „Вестнике партии народной свободы“ А. Изгоев писал: „Партия... из частной собственности не делает фетиша... Идеал социалистический близок огромному большинству членов партии народной свободы“.

Среди социал-демократов, большевиков и меньшевиков, происходила усиленная организационная работа. Шли переговоры о слиянии различных меньшевистских групп, которые до революции вели самостоятельное существование. Среди меньшевиков интернационалисты и оборонцы пытались найти общий язык и восстановить единую партию. Перед всероссийским совещанием советов и на самом совещании объединение горячо пропагандировал с.-д. большевик Севрук. Сторонником объединения приехал в Петроград Церетели и первую свою речь он закончил призывом к единству и к уничтожению старых фракций. Большевики относились более сдержанно к объединению. Однако, примирительные тенденции замечались и в их среде, и Каменев не высказывался открыто против объединения. Элементы промежуточные,—меньшевики, сблизившиеся с большевиками на почве циммервальдизма, усердно работали над примирением фракций. Всё это были однако счеты без хозяев. Партийных лидеров еще не было в Петрограде. Они либо томились заграницей, стараясь преодолеть паспортные затруднения, либо находились на пути в Петроград из ссылки. Им предстояло сказать решающее слово.

29-го марта вышел первый номер газеты Плеханова „Единство“ с ярко-оборонческими статьями. В одном из первых номеров газеты было напечатано обращение за подписью Г. В. Плеханова, Л. Гр. Дейча, В. И. Засулич: „Отечество в опасности, не надо гражданской войны, она погубит нашу молодую свободу, необходимо согласие совета рабочих и солдатских депутатов с временным правительством. Нам не надо завоеваний, но мы не должны дать немцам подчинить себе Россию... Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение демократической Европы“.

9.

В населении тоже шел процесс организации. По вечерам полгорода заседало в комитетах, правлениях, общих собраниях профессиональных союзов, политических клубов, кооперативов, партий. Днем шли обычные занятия и одолевали обычные заботы. Героическими усилиями в первые дни удалось преодолеть продовольственную разруху и снабдить население хлебом и мясом из запасов. Но в скором времени хозяйственный кризис, расстройство снабжения и транспорта встали перед новой властью такой же угрозой, как и перед старой. Перед пекарнями снова вытянулись хвосты, а в них снова пошли озлобленные толки и пересуды. „Известия" 28 марта пишут: „Хвосты огромные, люди измучены, нервны... Вокруг повсюду похаживают какие-то темные личности и приговаривают: „Еще не то будет. Погодите". Им возражают, спорят, плачут... А хлеба нет... Лавки обрывают продажу, чуть начавши ее. Люди расходятся, отчаявшись купить себе хотя бы фунт хлеба..." Продовольственный комитет вместе с городской думой и с исполнительным комитетом принимают ряд мер, вводят ночную работу в пекарнях, усиливают разгрузку на вокзалах—все это паллиативы. 17-го марта запрещают изготовление пирожных, 28-го воспрещают продажу и покупку муки помимо продовольственного комитета. С 24-го введены хлебные карточки — 1½ ф. для рабочих, 1 фун. для остальных. Но в совещании по продовольственному вопросу идет речь о том, что при выдаче в 1 ф. угрожает в ближайшие дни голод. В хвостах столкновения с солдатами. Как признанные герои революции они входят в пекарни без очереди и требуют для себя хлеба без очереди. Совет раб. деп. разъясняет публично, что солдатам хлеб выдается в казармах, и привилегиями они не пользуются. Это разъяснение не имеет успеха, как и другое—о том, что солдатам революция не дала права бесплатного проезда на трамвае. Солдаты продолжают загружать и перегружать вагоны. То же происходит на железной дороге.

Неудобства, стеснения, расстройство привычной жизни засоряют революцию обывательщиной. Красные флаги выцветают на улицах, и выцветает, линяет торжественное настроение в душах обывательской массы. Для большинства жизнь течет прежней унылой чередой. Печать начинает жаловаться на обывательщину и зовет на борьбу с ней. В „Речи" Д. Философов требует, чтобы театры обновили свой репертуар и давали пьесы, проникнутые революционным духом, подымающие настроение. Но в театрах идут обычные пьесы, и только оперетка отзывается на события политико-сатирическим обозрением „Красное Знамя". Действующие в нем лица: „Гришка Распутин и его гарем. Экс-министры в полном составе. Придворные холопы. Герои охранки. Усмирители, провокаторы, шантажисты и прочая... Обыватели всякого рода" и т. д.

Свобода печати на обывательской улице выразилась в появлении множества листков и брошюр, посвященных б. царю и его семье, всё лубочного изделия, с примесью грубой порнографии. Распутин был главным героем этой литературы. Обывательщина смаковала грязные подробности

из его жизни, в большинстве вымышленные. Распутину и после смерти удалось привлечь к себе внимание общества. Труп его был найден в Царском Селе, недалеко от дворца. Над тайной могилой была выстроена часовенка, которую часто посещала бывшая царица. Гроб был вынут из могилы и перевезен в Петроград. Было предположено зарыть его далеко от города, в таком месте, которое не привлекало бы к себе праздную любопытную толпу. На пути грузовой автомобиль с гробом застрял в снегу, и труп был сожжен недалеко от Лесного.

Один раз революции удалось прорвать будни, обывательщину, подняться высоко над злободневными тревогами и конфликтами, создать как бы всеобщий порыв и воскресить настроение первых дней. Это был день 23 марта, похороны жертв революции, траурный, но величественный ее праздник.

К этому дню готовились задолго, ждали его с нетерпением. Совет рабочих депутатов ревниво охранял свое, и только свое, право на устройство похорон. Срок несколько раз назначался и откладывался. Требовалась большая подготовительная работа,—ею была занята специальная комиссия по устройству похорон. Надлежало зарегистрировать число убитых и установить личность их. Всего убитых и умерших от ран, подлежащих погребению в братской могиле, было 180. Несколько трупов остались неопознанными. Их хоронили как „неизвестных", и нельзя сказать о них с точностью, пали они в борьбе за революцию или против нее. Все трупы были помещены в запаянные цинковые гробы, обтянутые красной материей. Много времени отнял выбор места для могилы. Совет долго не хотел отказаться от первоначальной мысли—похоронить павших на площади перед Зимним дворцом. Это было признано неудобным. Совещание с участием представителей архитекторов, художников, врачей санитаров остановилось на Марсовом поле. Были разработаны проекты грандиозного надгробного памятника,—храма революции над братской могилой. Трудно было рыть могилу в промерзлой почве. Работали взрывные команды.

Подробный церемониал шествия появился накануне в печати. В городе ходили тревожные слухи. Боялись выступления в этот день контр-революционных притаившихся сил, говорили о пулеметах, спрятанных в окрестных Марсову полю домах и на дровяном складе. Предвидели панику, давку на улицах и повторение Ходынки. Были приняты поэтому накануне меры предосторожности, осмотрены дома по пути шествия, опечатаны чердаки и слуховые окна на крышах. На всех углах были расставлены медицинские пункты и заготовлены кареты и автомобили скорой помощи. И всё же напуганные обыватели советовали друг другу не выходить из дома в этот день.

Траурное шествие вылилось в торжественную грандиозную манифестацию, какой не видал до того никогда Петроград и какая уже никогда в таких размерах не повторялась. С раннего утра до вечера, не прерываясь ни на минуту, шли стройные колонны по районам, с бесчисленными знаменами, в величайшем порядке, и ни разу не было замешательства в рядах, не было ни одного несчастного случая, не было суеты и тревоги. Колонны шли из своих районов, сходились на Невском, и в строгом, определенном порядке

одна за другой, по Садовой ул. вливались в Марсово поле. Они проходили не останавливаясь мимо братской могилы. Туда относили гробы и знамена. Под траурный салют пушек Петропавловской крепости гробы один за другим опускались в могилу.

Трудно определить общее число участников незабываемого шествия. Одни источники говорят о 500.000, другие о 800.000 и о миллионе. Но поражало всех не только число участников процессии, а и удивительное настроение. Толпа шла в строгом и сосредоточенном молчании, и казалось, что спаяна она единой железной волей. Милиции не было на улицах. Распоряжались только лица, назначенные комиссией по устройству похорон, и манифестация была принята как свидетельство революционной зрелости народа, его способности к дисциплине и порядку. Напуганное картинами анархии, беспорядка, обывательское воображение было до крайности растрогано образцовым порядком рабочих колонн. Это в особенности сказалось на впечатлениях представителей власти. Совет министров прибыл на Марсово поле в полном составе, генерал Корнилов с Гучковым объезжали улицы.

День 23 марта произвел глубокое впечатление на все круги общества, на все партии. Революционная демократия приняла и оценила его, как смотр сил революции. „Известия“ писали: „Никогда еще в мире, ни в какой стране перед лицом революции не проходила такая мощная, такая колоссальная, такая дисциплинированная армия“. „Да, до этого дня стоило дожить,—восклицала после похорон „Правда“,—... наш первый национальный праздник: похороны последних жертв царизма“. Газета отмечала, что манифестация организована рабочими, и поэтому она является „лишним доказательством организованности и мощи рабочего класса“. „День“ писал: „Общее впечатление таково, как будто мы сегодня только увидели новую Россию. Кто был в этот день на улицах Петрограда, может без всяких колебаний сказать: Новая Россия живет и будет жить“. Восторженную статью посвятила манифестации „Речь“: „Кому выпало счастье участвовать ли самому в процессии или следить за ее движением, кому пришлось пережить благодатное душевное волнение при виде той изумительной организации, которая щеголяла своей стройностью и истинно волшебной законченностью, тот никогда не забудет, не смешает с другими вчерашних впечатлений и будет хранить их в душе своей, как самое радостное и светлое воспоминание своей жизни... Ни малейшего пятнышка, ни тени недоразумения не легло на вчерашнее историческое торжество“.

Кадетская газета не совсем была права. „Малейшее пятнышко“ было, и этому пятнышку суждено было разрастись вскоре в грозовую тучу. Как раз 23 марта, в день похорон, в „Речи“ появилась известная беседа Милюкова с Константинополем, проливами и расчленением Австрии, как ближайшими задачами внешней политики революционной России.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Всероссийское совещание советов.

1. Возникновение идеи о созыве всероссийского съезда советов. Открытие совещания. Состав совещания. Порядок дня. „Бабушка русской революции“—живой символ единства. Выборы президиума. — 2. Первый доклад Церетели. Оппозиция слева и справа. Резолюция об отношении к войне.— 3. Доклад Стеклова об отношении к временному правительству. Резолюция исполнительного комитета и принятые поправки. Присоединение к ней большевиков и меньшевиков.— 4. Доклад Станкевича об учредительном собрании. Контроверза между идеей советов и учредительного собрания.— Резолюции по рабочему и земельному вопросам. Земельные комитеты. Вопросы солдатской жизни.— 5. Схема организации советов и съездов. Пополнение исполнительного комитета делегатами совещания. Роль комиссаров.— Состав исполнительного комитета. Кампания против анонимов. Новые отделы исполнительного комитета.— 6. Плеханов на совещании. Иностранные социалисты. Отзывы печати.

1.

Страна быстро покрылась сетью советов рабочих и солдатских депутатов. В этом процессе сказывалась и местная инициатива и сознательное подражание Петрограду. Советы возникали в губернских и уездных городах, в крупных и мелких центрах. Иногда создавались одни солдатские советы, иногда одни рабочие. Бывали и такие, которые назывались „советами военных депутатов“. Вместо рабочих сплошь и рядом фигурировали в советах ремесленники, чиновники, лица либеральных профессий, учителя и прочие слои интеллигенции.

Уже с середины марта в петроградском исполнительном комитете созрела мысль съезда советов. Революция совершила ряд шагов, пережила несколько серьезных моментов, и тактика петроградского совета должна была получить подкрепление в решениях всероссийского органа. По мере того, как на местах начали складываться самостоятельные организации, выступать и действовать от имени всей России—значило получить соответственные полномочия от авторитетного учреждения. Таким учреждением мог быть только съезд, на котором были бы представлены все организации рабочих и солдат, возникшие в процессе торжества революции. Идея съезда советов появилась не в результате заранее разработанной схемы организации революционной власти или государственного устройства на новых началах народного представительства, а была подсказана ходом вещей и вытекала из деятельности петроградского исполнительного комитета. Единство мнений революционной демократии, единство формы ее организации—такова была задача всероссийского съезда советов. Впервые вопрос об организации всероссийского совета и центрального исполнительного комитета возник на заседании петроградского совета 18 марта.

Все подготовительные работы по созыву съезда возложены были на иногородний отдел исполнительного комитета. Трудно было сразу провести правильные выборы, соблюсти равномерность в распределении числа депу-

татов и широко оповестить предполагаемый порядок дня съезда, чтобы предварительно подвергнуть его обсуждению на местных избирательных собраниях советов. Днем съезда назначено было 25 марта. Но когда начался съезд делегатов, выяснилось разнообразие норм, по которым происходили выборы, и отсутствие представительства от ряда значительных мест. Решено было съезд превратить во всероссийское совещание советов, под каким названием оно и вошло в историю февральской революции. Встреча делегатов назначена была на 28 марта вечером. Официальное открытие состоялось 29 утром. О составе съезда сохранились данные в архиве центрального исполнительного комитета. Иногородним отделом было выдано на совещание 479 делегатских билетов, из них 37 членам петроградского исполнительного комитета и 442 иногородним делегатам. Кроме петроградского совета на совещании были представлены 138 других местных советов, 13 тыловых частей, 7 армий и 26 отдельных фронтовых частей. Местные советы были преимущественно городскими; представлено было 120 различных городов.

Совещание не производило впечатления отбора наиболее крупных, интересных людей, выдвинутых революцией. На нем лежал отпечаток посредственности. Местная инициатива ни в чем не выразилась. Разве только в разрешении вопросов военной жизни сказался живой опыт участников. Тон руководительства задавал петроградский исполнительный комитет. Критика провинциальных делегатов была трафаретна и мало интересна. Живость и непосредственность вносили представители фронта. Их язык отличался образностью, изобиловал описаниями боевой обстановки; в речах перемежались слова: „смерть“, „кровь“, „революция“, „свобода“. В вопросах политики фронтовики мало были искушены. Большинство из них оказалось избранными на съезд просто благодаря проявленной в первые революционные дни активности. Голоса штатских депутатов тонули в массе фронтовых речей. Если встречались люди с партийным, революционным стажем, то преимущественно среди рабочих. Но партийность вообще не господствовала. Первый съезд еще не вступил на путь такого размежевания. Преобладала неистовая „революционность“, туманный радикализм,—и то и другое скорее настроения, нежели программные взгляды. Этими настроениями охвачены были и офицер, увлеченный переворотом, и солдат, избранный в комитет, и яростный патриот, и радетель крестьянских интересов. Участники совещания были только всероссийским фоном, на котором исполнительный комитет выводил свои политические узоры. Петербург явился на совещание вдохновителем и таким ушел. Революционная демократия, представленная тогда впервые, не могла блеснуть ни разнообразием красок, ни индивидуальными талантами, ни местной, почвенной самобытностью...

Порядок дня совещания был предуказан петроградским исполнительным комитетом: 1) отношение к войне; 2) отношение к временному правительству; 3) организационные вопросы; 4) организация революционных сил; 5) подготовка к учредительному собранию; 6) продовольственный вопрос; 7) земельный вопрос; 8) другие вопросы крестьянской жизни; 9) рабочий вопрос; 10) вопросы солдатской и военной жизни; 11) текущие дела.

Перед открытием совещания 29 марта состоялась торжественная встреча „бабушки русской революции“—Брешко-Брешковской. Скобелев, Керенский, Чхеидзе в своих речах подчеркивали заслуги „бабушки“ перед революционной демократией и рассматривали ее присутствие, как символ торжества революции. Три года тому назад,—восклицал Керенский,—когда я был на Лене, она сидела там в Сибири под стражей жандармов. Теперь я горд и счастлив, что я вижу эту бесценную бабушку“. Чхеидзе патетически просил разрешения у „бабушки“ „еще раз приложиться к ее челу, как к эмблеме свободы и великой революции России“. Настроение присутствующих, речи ораторов, общий тон приветствий—на всем лежал отпечаток неумеренности, несколько взвинченной приподнятости. Брешко-Брешковская произнесла большую речь, в которой подчеркивала значение согласия, внутреннего мира между партиями и необходимости дисциплинированной совместной работы. „Будем стоять за одно, будем крепко помогать друг другу, а на мелочную рознь настолько мало обращать внимания, чтобы она никогда нам не мешала, и иметь в виду нашу главную цель—свободу и счастье всего народа“. После этих заключительных слов „бабушка“ подошла к Керенскому и сказала: „Товарищ, мы вас любим и умрем с вами“... В конце встречи, когда „бабушка“ собиралась уходить, Керенский, Чхеидзе и другие подняли ее на стуле и вынесли из зала. Встреча носила характер культа. Главную роль при этом играл Керенский.

После пролога с бабушкой занавес поднялся, и началась работа всероссийского совещания. Председателем избирается единодушно Чхеидзе. Краткая вступительная речь Чхеидзе заканчивается просьбой отпустить его на несколько часов для участия в похоронах сына, накануне погибшего от случайного выстрела из револьвера. Всё собрание стоя провожает своего председателя. Собрание приступает к выборам президиума. Избранными оказались: Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Муранов, Хинчук, Ногин, Богданов, Ром, Гоц, Рубен, Теодорович, Шляпников, Завадье,—из них четверо большевиков. После выборов президиума в зале появилась Вера Засулич, которую собрание бурно приветствовало. Совещание переходит к выслушанию первого доклада Церетели „об отношении к войне“.

2.

Ираклий Георгиевич Церетели вернулся из ссылки в Петроград 18 марта. Со дня его появления исполнительный комитет приобрел даровитого вождя, несменного руководителя советской политики. Церетели — первый спаял правоцентровое большинство в совете и своим искусным лидерством поддерживал до последних дней его единство. Пламенный оратор, подкупавший всех своей искренностью, обаятельный человек, кристаллически-честный и прямой, он воодушевлял друзей своих и вызывал уважение к себе со стороны врагов. Ни уличная печать, ни обывательская сплетня не касались его репутации. Мягкость характера и душевная прямота уживались с неутомимой энергией и железной настойчивостью. Особенно это сказывалось в ми-

нуты кризисов. Церетели возвышался, когда в нем горел инстинкт политического бойца, над революционными деятелями того времени и несомненно принадлежал к вдохновителям советской и государственной политики в течение всего периода февральской революции. Непримиримость фракционера, партийное доктринерство были и ему присущи, но в слабой степени. Относительно широкий умственный и политический кругозор помогал ему ориентироваться в вопросах обще-государственных.

В лице Церетели идеология революционного оборончества нашла последовательного выразителя. В докладе своем на совещании он взялся доказать, что параллельно с борьбой за мир необходимо продолжать войну за свободу. Эта компромиссная точка зрения достаточно привита была в то время общественному сознанию, и Церетели только добросовестно повторил все доказательства в пользу ее правоты. Русская революция, по мнению докладчика, „не только усилит демократию в России, не только объединит все силы ее для закрепления внутри и во вне обще-народных демократических идеалов, но также подкрепит такое же демократическое движение в других странах“... Но это европейское движение должно вылиться в определенную форму. Церетели разделяет общую веру в скорое наступление европейской революции, но вносит при этом неопределенно социалистическую оценку. „Я знаю, что народы только в ослеплении идут за ними (т.-е. за империалистической буржуазией),—восклицает он в конце своей речи,— и что там тоже пробьет тот час, который пробил в России, и что они так же низвергнут свои правительства, как мы, или заставят их отказаться от завоевательных стремлений“. Однако до тех пор, пока эти условия не наступили, пока война продолжается, „российская демократия, считаясь с теми огромными завоеваниями, которые она сделала, должна считать долгом своей чести, чтобы российская революция не оказалась разбитой империалистическими силами, чтобы она сумела с такой же славой бороться против внешнего врага, с какой боролась она против внутренних сил“.

В то время, когда происходило совещание советов, платформа революционного оборончества была самой широкой политической базой, на которой можно было утвердить мнение большинства демократии. И тяга к миру, и воинственный пафос, и самоупоенность победившей революции, и вера во всемирное торжество ее идеалов—всё покрывалось этой двустворчатой позицией, которую заняли руководящие круги исполнительного комитета. Церетели, естественно, был понят огромным большинством участников совещания. Успех его резолюции был предрешен. В ней заключались не только поощрительные для временного правительства отзывы, по поводу миролюбивой его позиции, занятой в обращении к гражданам России от 28 марта, но и агитационные выражения, с которыми резолюция обращена была во вне. Народам обеих коалиций внушалась та мысль, что они должны добиться от своих правительств общего отказа от завоеваний и контрибуций. Идея согласительного мира отныне станет доминировать во всей внешней политике советских кругов. Самоуверенность в дни совещания была велика, и слова резолюции о том, что „революционный народ России будет продол-

жать свои усилия для приближения мира на началах братства и равенства свободных народов“, казались могущественным средством воздействия на международное общественное мнение.

Позиции исполнительного комитета на совещании советов была противопоставлена точка зрения большевиков. Ее поддерживал в своей речи Каменев. Большевики сразу обнаружили слабые места революционного оборончества: или война—значит, до победы, или мир—значит, решительный отказ от обороны. „Есть один способ,—начал свою речь Каменев,—создать тот мир, к которому стремится вся вселенная, это — способ превратить русскую национальную революцию в пролог восстания народов всех воюющих стран против Молоха империализма, против Молоха войны“. Из этого основного тезиса вытекали последовательные выводы как о недоверии временному правительству („Целый месяц революционного давления понадобился для того, чтобы заставить временное правительство, вышедшее из революции, признать то, что для каждого пролетария, для каждого солдата, для каждого крестьянина России было давным-давно незыблемой истиной, что он не хочет подавлять никого)“..., так и о будущей гражданской войне, и о провиденциальной роли советов“... („Совет поставит себя в грядущей борьбе, грядущей войне под единственное знамя, которое объединит вокруг себя симпатии всего мира под знамя революционного народа против Молоха империализма“)... и, наконец, о создании нового Интернационала.

Большинство совещания враждебно отнеслось к позиции Каменева. На самом совещании у него мало нашлось сторонников. Открыто выступил один лишь Старостин, представитель иркутских рабочих, который призывал к прекращению войны во что бы то ни стало. Удельный вес большевиков был на совещании едва заметен. „Правда“ в статье А. Коллонтай, посвященной революционному оборончеству, очень осторожно говорит о позиции революционных интернационалистов, не отмежевывая себя даже от правого Циммервальда. „Пусть волна оборончества „увлечет“ за собою несознательные массы. Наш социалистический долг велит нам остаться на посту“... Этот меланхолический мотив „Правды“ в общем соответствовал действительному настроению масс. На совещании советов, когда обсуждался вопрос об отношении к войне, рабочие голоса не были слышны. Высказывались поочередно военные делегаты, представители фронта и тыла.

Искусное балансирование между обороной и борьбой за мир, при помощи которого скользила резолюция исполнительного комитета, была выпрямлена поправкой, внесенной представителем XII армии Роммом. Поправка эта вносила бóльшую ясность в понятие „оборона“; предложено было под „обороной“ понимать не только сидение в окопах, но, если того потребуют обстоятельства,—и наступление. Церетели присоединился к этой поправке, и она вошла в текст принятой совещанием резолюции о войне. То место резолюции, где говорится о сохранении военной мощи армии, было дополнено словами „и способность ее к активным операциям“...

Потеряв надежду провести самостоятельную резолюцию, большевики (Скрипник, Ногин) пытались ослабить резолюцию исполнительного комитета

внесением ряда поправок. В их числе было и требование об опубликовании правительством тайных договоров с союзниками, внесенное впервые Ногиным. Впоследствии этот лозунг: „долой тайные договоры!“ стал особенно популярным в среде анти-правительственной. Тайна царских договоров России с державами согласия дразнила воображение недовольных и сулила какие-то зловещие разоблачения. Для одних казалось вероятным, а другие в этом не сомневались, что временное правительство сковано тяжелыми договорами крови, заключенными самодержавием, что Россия безнадежно опутана обязательствами перед союзниками и что, пока не вырвана тайна договоров, война не увидит конца. Рассеять эту уверенность можно было только фактами. Но фактов никто не мог представить. На совещании однако предложение Ногина еще не имело того шумного успеха, который был ему уготован в будущем. Церетели легко парировал все поправки, которые предлагались слева. Были поползновения и справа выпрямить резолюцию в смысле бо́льшей ее воинственности. Инициаторами такого рода поправок выступали, конечно, представители армейских частей. После утомительного и однообразного словесного турнира (записалось 102 оратора) Либер от имени меньшевиков с.-д., Сомов от ц. к. трудовой группы и Гоц от социалистов-революционеров заявили о своей готовности голосовать за резолюцию исполнительного комитета. Резолюция Церетели собрала 325 голосов, резолюция Каменева—57 голосов; воздержалось 20 человек. Таким образом, всероссийское совещание советов узаконило позицию революционного оборончества, поставив ударение (поправка Ромма) на той части ее, в которой излагаются принципы активной обороны' или, как тогда говорили, „революционной защиты свободы“.

3.

Вторым вопросом порядка дня было отношение к временному правительству. Докладчиком от исполнительного комитета выступал Стеклов. Если для Церетели всероссийское совещание было начальным пунктом его влияния в советских и социалистических кругах, то руководящая роль Стеклова на совещании достигает апогея и обрывается. Период до совещания,— время формирования совета и временного правительства, были органически связаны с именем Стеклова. Все извилины переговоров и взаимоотношений этих двух органов власти прокладывались при его непосредственном участии. Мало того, Стеклова надо считать наиболее ярким выразителем идеи „двоевластия“, ставшей в отношении внутренней политики в такой же мере официальной позицией исполнительного комитета, как и платформа революционного оборончества в отношении политики внешней.

Но Стеклов не примыкал ни к одной партийной фракции в совете; а между тем, к тому времени заметно выросло влияние партийных центров, скрещение которых происходило в исполнительном комитете. Личное влияние Стеклова, выросшее в первые дни, долго продержаться не могло. Для этого у него слишком мало было данных. Политическая позиция его тоже

не была выигрышна. Правые социалистические элементы неодобрительно отзывались о двуличном его отношении к временному правительству; левые, в том числе большевики, с раздражением говорили о стекловском соглашательстве. Ни те, ни другие ему не доверяли.

Доклад Стеклова весь был посвящен оправданию двоевластия. На ряде примеров (переговоры Гучкова и Шульгина с Николаем II, первые шаги временного правительства, борьба с контр-революционной ставкой, история с династией и т. п.) он доказывал благотворное влияние, которое имело вмешательство исполнительного комитета. У слушателей, прибывших с разных концов России, складывалось впечатление, что правительство не надежно, что, предоставленное самому себе, оно таит опасные замыслы и что, при малейшем упущении со стороны совета, могут наступить гибельные для свободы последствия. Поскольку верховная власть, право распоряжения реальными силами революции, находится в руках совета, эта опасность еще отвратима. Но... из этого логически и психологически вытекало заключение:—правительства нет. В речи Стеклова даже было прямое на это указание „правительство разъехалось по своим министерствам... мы были очень заняты и время от времени спохватывались, что правительства нет“... А если оно обнаруживало в чем-нибудь свои действия, то или это были попытки обкарнать революционные требования народа и под шумок подтолкнуть реакцию, или под давлением исполнительного комитета оно вынуждено было исполнить одно из многочисленных своих обязательств. Такую картину рисовал в своем докладе Стеклов. Он потратил немало красноречия и пафоса, чтобы доказать, почему следует с такой осторожностью и бдительностью относиться к временному правительству. Его доклад пошел гораздо дальше, нежели пресловутая, им же пущенная в оборот, формула „постольку-поскольку“... Ибо не оставалось места даже для условной поддержки временного правительства, раз последнее, по внутренним своим побуждениям, субъективно способно лишь на козни и контр-революционные поползновения. Желая, очевидно, сгладить в конце впечатление от своего пространного обвинительного акта против правительства и нащупывая формулу перехода к резолюции, которая в общем не соответствовала сети подозрений, сотканной в докладе, Стеклов неожиданно умеряет тон и дает полулестную характеристику временного правительства: „мы имеем перед собой временное правительство, представляющее интересы либеральной и отчасти демократической буржуазии, пусть, быть может, вполне честное, я допускаю лично совершенно честное, желающее осуществить программу, которую оно вырабатывало совместно с нами, но наталкивающееся на оппозицию тех слоев, из которых оно вышло, парализующих в значительной мере его решимость и волю“... Картина злонамеренности временного правительства в этих словах отступает на задний план. Конец доклада противоречит всему предшествующему изложению. На протяжении одной речи шатания Стеклова обнаружились в полной мере. Искусственным привеском к докладу казалась следующая резолюция исполнительного комитета: „Признавая, что выдвинутое низвержением самодержавия временное правительство, представляющее интересы либеральной и демократической буржуазии,

проявляет стремление итти по пути, намеченному в декларации, опубликованной им по соглашению с представителями совета рабочих и солдатских депутатов, всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов, настаивая на необходимости постоянного воздействия на временное правительство в смысле побуждения его к самой энергичной борьбе с контрреволюционными силами и к решительным шагам в сторону немедленной демократизации всей русской жизни, признает политически целесообразною поддержку советом рабочих и солдатских депутатов временного правительства постольку, поскольку оно, в согласии с советом, будет неуклонно итти в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний".

Доклад Стеклова вызвал недоумение и разочарование в рядах ответственных руководителей исполнительного комитета. Критика временного правительства зашла слишком далеко. Стеклов явно увлекся... Можно было опасаться за судьбу формулы „постольку—поскольку". Политическая перспектива была извращена неумеренностью докладчика. Напрасно звучали слова Церетели: „... мы видели со стороны временного правительства, ответственного органа буржуазии, такие шаги, которые показали, насколько сильно и там стремление стоять вокруг обще-демократической платформы". Большевики во главе с Каменевым использовали весь материал обвинений, которым изобиловал доклад. В результате резолюция, внесенная Стекловым, была изменена в сторону заострения критики временного правительства и усиления контроля над ним. Это дало основание Каменеву сделать следующее заявление: „По поручению делегатов большевиков я счастлив заявить, что, благодаря тем изменениям, которые внесены в первоначальный текст резолюции, предложенной исполнительным комитетом, мы снимаем отдельную резолюцию и будем голосовать за резолюцию исполнительного комитета"... Стеклов в заключительном слове пытался бить отбой и выносил контрреволюционную опасность за пределы временного правительства. „Контрреволюционная агитация,—говорил он,—направляет свое главное острие против нашей революционной демократии и как-никак одним крылом задевает и временное правительство". Он афишировал демократизм временного правительства, заверял своих слушателей, что оно „левее партии народной свободы", словом усердно расхолаживал настроение совещания, которое сам же раскалял.

Если резолюция о войне была построена по принципу наибольшей неопределенности и двусмысленности, то резолюция об отношении к временному правительству этого упрека не заслуживает. Наоборот, поправками была достигнута та ясность, при которой от независимости временного правительства ничего не осталось. В п. 4 резолюции „совещание признает необходимость постоянного политического контроля и воздействия революционной демократии на временное правительство", в п. 5 совещание призывает демократию не принимать на себя ответственности за всю деятельность правительства в целом, в п. 6 „совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг советов рабочих и солдатских депутатов, быть готовой дать реши-

тельный отпор всякой попытке правительства уйти из под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств". Говорить после этих пунктов даже о двоевластии было трудно. В резолюции совещания сквозила тенденция установить одну власть, и не временного правительства, а совета. Большевики правильно поняли смысл предложенного и соблюли наибольшую последовательность, когда сняли свою резолюцию, которая была проникнута тем же натсроением и написана почти теми же словами. Но интереснее всего то, что и меньшевистская часть социал-демократии, в лице Дана, тоже заявила о снятии своей резолюции и решила голосовать за резолюцию исполнительного комитета. Меньшевики искали в резолюции подтверждения двух принципов: 1) временное правительство в том составе, как оно существовало ко дню совещания, играет для дела революции положительную роль и свергать его не надо, и 2) совет не желает принимать участия в осуществлении государственной власти и единственной властью считает временное правительство. Оба эти принципа якобы, по мнению Дана, содержатся полностью в резолюции исполнительного комитета. Оставляя и подчеркивая однако слова о „непрерывном, организованном давлении на временное правительство и контроле над ним", т.-е. делая резолюцию приемлемой для большевиков, меньшевики беспомощно попадали в противоречие и находили утешение в том, что достигнуто „единство воли революционной социал-демократии". Резолюция, как и многие иные постановления того времени, не фиксировала реального соотношения сил, а уводила политическую мысль в сторону словесных заклинаний и надуманных схем. Ближе всех к реализму были большевики, которые пока еще не делали практического вывода о переходе государственной власти к совету, но и не тешили себя и других ложными заверениями о поддержке временного правительства. Наоборот, Каменев прямо говорил: „наше отношение к временному правительству вовсе не в его поддержке, а в том, чтобы в предвиденьи неизбежного столкновения этого правительства с органами революционной власти... сплотиться вокруг последних"... Руководящие же группы исполнительного комитета— меньшевики и эс-эры—с самого начала вступили на путь полупризнания, полусрыва, прикрывали действительность словами, компрометировали своими же собственными действиями правительство, которое они называли „положительной силой" и верховной властью. Позиция исполнительного комитета, закрепленная на совещании, была в корне противоречива. Она сводилась к тому, чтобы распространить в широких массах демократии предубеждение против временного правительства и привить настороженность и тревогу общественному настроению. Естественно, что в такой орнаментировке слова о поддержке воспринимались, как фигура условная, ни к чему не обязывающая и притом временная. В этом смысле можно утверждать, что совещание советов поставило во всероссийском масштабе вопрос о государственной власти, и хотя формально решило его в пользу временного правительства, но по существу предопределило исход февральской революции, указав на советы, как на единственных носителей власти.

4.

Доклад о подготовке к учредительному собранию занял на совещании третье место. Делал его Станкевич, впервые тогда выделившийся на фоне исполнительного комитета, куда он входил в качестве представителя ц. к. трудовой группы. Уже с самого начала считалось бесспорным соблюдение при выборах в учредительное собрание всех принципов последовательной демократии, к которой Европа подходила медленно, упорно прокладывая дорогу парламентской борьбой. Участие женщин, участие армии, отмена ценза оседлости, 20-ти летний возрастный ценз, пропорциональность выборов — всё это быстро, без предварительной подготовки, на-ходу декларировало в виде пожеланий еще неостывшее от политических прений совещание советов. Любопытно отметить контроверзу, которая проскользнула едва заметно в докладе Станкевича, а теперь, при свете дальнейшего хода революции, приобретает особый интерес: какую роль суждено советам играть при выборах в учредительное собрание. Или советы выступают только в качестве органов „наблюдения, контроля и обеспечения правильности выборов", или они участвуют в выборах в виде блока социалистических партий со своей политической и социальной платформой, противопоставляя себя всем буржуазным партиям. Вопрос был необычайно сложный. Естественно, что при том исключительном влиянии, которым пользовались советы, и той реальной силе общественного воздействия, которым они располагали, состав учредительного собрания повторил бы состав очередного всероссийского съезда советов. Очень скоро после совещания возникли разговоры и сомнения насчет соревнования двух „всенародностей" — советской и „учредиловской". Очевидно было для всех, что с момента возникновения учредительного собрания должны быть упразднены советы, как таковые, или... или нет места для учредительного собрания. А между тем, темп, с которым советы развертывали свою деятельность и расширяли организационные свои пределы, не соответствовал перспективе скорого и добровольного их самоупразднения. Да и психологически советские деятели, обраставшие ежедневно обширным кругом сторонников, не склонны были бы ограничиться незаметной ролью технических руководителей избирательной кампании. Каждый день существования советов умалял обаяние учредительного собрания.

Советы вытесняли из революционной идеологии учредительное собрание. Чем дальше отодвигался день его созыва, тем опасность становилась реальнее. А между тем и докладчик Станкевич, и единственный оппонент, вологодский представитель Серов, не высказывались за скорый созыв учредительного собрания. Станкевич считал ближайшим сроком сентябрь месяц. Совещание отнеслось вообще довольно сдержанно к сроку созыва. Революционная демократия имела реальную точку приложения своих сил — советы и не обнаруживала нервной торопливости. Имя учредительного собрания произносилось со священным трепетом в первые дни революции, но, спустя несколько месяцев, уже встречало у многих равнодушное к себе отношение. Можно с уверенностью сказать, что совещание советов, поставив вопрос об

учредительном собрании, открывало дорогу для критической оценки самой идеи о нем. Октябрьская революция логически развила те последствия, которые коренились в советской идеологии, вскормленной революцией февральской. Обвинения, которые впоследствии расточались по адресу временного правительства, будто оно сознательно отдаляло срок созыва учредительного собрания, неосновательны и противоречат истинному положению вещей. Наоборот, по мере роста советского влияния, упования буржуазной части общества возлагались на учредительное собрание, которое должно было упразднить неограниченную власть советов. На ту же точку зрения стали к концу февральской революции и руководители исполнительного комитета (в их числе особенно Церетели), когда они почувствовали, что настроение низов грозит взорвать советскую политику. Но тогда уже было поздно. Советы оспаривали свое первородство, и факт разгона учредительного собрания послужил этому лучшим доказательством...

Совещание исчерпало весь запас своего политического пафоса на первых двух докладах. Дальнейшая работа протекала в секциях и свелась к изложению в виде резолюций общих программных тезисов. Съезд большинство этих резолюций не голосовал, а только принял, как пожелания, которые должны были быть подкреплены практикой на местах и потом лишь проведены в жизнь. Однако, в секционных резолюциях обозначился весь социальный напор русской революции. В общей резолюции по рабочей политике пролетариату рекомендуется „оказывать давление на государственную власть, в целях ее вмешательства в пользу экономических требований пролетариата, *совпадающих с интересами развития и упрочения русской революции*“. Плехановский парадокс о торжестве в России только рабочей революции сказался в полной мере на вышеприведенном тезисе. Рабочий вопрос ставился на совещании советов в духе полного воспроизведения программы-минимум социалистических партий. На протяжении одного месяца российский пролетариат шагнул на самый край развитого буржуазного общества и занес уже одну ногу чуть ли не за пределы капиталистического государства. 8-ми часовой рабочий день, установление минимума заработной платы, широчайшая свобода коалиции, мощное профессиональное строительство, институты примирительных камер и бирж труда, охрана труда и социальное страхование, обеспечение безработных—словом всё многообразие социального законодательства декретировалось совещанием. Это даже нельзя было назвать победой, потому что противник отсутствовал. Социальная задача решалась односторонне, а не в результате скрещения классовых сил. Вследствие отсутствия видимого сопротивления со стороны капитала, совету приходилось самому устанавливать пределы социальных достижений пролетариата. Этим объясняется неожиданное упоминание в той же резолюции о „фактическом соотношении материальных и общественных сил труда и капитала, определяемых, главным образом, состоянием промышленности и степенью организованности рабочего класса“.

Доклад по земельному вопросу, представленный совещанию, предлагал образование на местах земельных комитетов. Положением о земельных комитетах предусматривались волостные, избираемые всем населением по одному представителю на одну тысячу, уездные — из выборных от волостей, губернские

из представителей от уездных комитетов, областные и всероссийский, заседающий в столице, для урегулирования всех аграрных недоразумений и для обработки пустующих земель. Эти комитеты должны были „бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса, памятуя, что „аграрные беспорядки могут быть полезны не крестьянству, а только контр-революции". Систему новых земельных отношений совещание советов представляло себе основанной на безвозмездном отчуждении всех частно-владельческих земель и передаче их трудящемуся народу. До осуществления этой системы учредительным собранием совещание приняло необходимым издание временным правительством декрета о прекращении всякого рода сделок по покупке, продаже, дарению и залогу земель, а также приостановку закона 14 июня 1910 года о выделе из общины и об отрубных хозяйствах. Земельная программа в отношении новых условий землеустройства и землепользования была лишена конкретного содержания. На самый главный вопрос, как урегулировать стихийный процесс захвата и передела земель,— процесс, который неминуемо должен был начаться, и во многих местах уже начался, ответа не последовало. К этому вопросу вообще подходили с удивительной близорукостью и даже беспечностью все руководящие политические партии; большевики и левые группы эсеров — те, по крайней мере, узаконяли захват земель, как один из неизбежных этапов революции. Вера в словесные заклинания и на сей раз овладела сознанием. У всех было убеждение, что „табу" советов до учредительного собрания окажется сильнее социального импульса. Хотели революцию задержать за околицей деревни. Особенно много наивности обнаружили народнические партии, склонные идеализировать крестьянство и впервые оказавшиеся на испытании у жизни со своей идеологией. Общая резолюция по земельному вопросу и была продиктована народническими элементами из среды членов совещания советов. Впоследствии она легла в основу деятельности лидера эсеров Чернова, в бытность его министром земледелия.

Совещание посвятило много секционной работы вопросам солдатской жизни. Результатом этой работы был проект декрета о правах солдата. Армия самочинно перестраивалась на демократический лад, заводила у себя комитеты и прочие нововведения, но, как отмечалось в тезисах доклада, „полной последовательности" не достигла. Отсутствие последовательности объяснялось отчасти незнанием новых руководителей солдатской жизни, до каких пределов должна быть доведена демократизация; отчасти демократизации оказывали сопротивление в разных участках фронта некоторые высшие военачальники. Ставка очень скоро стала резко выраженным противником комитетов. Деникин в своих воспоминаниях, кроме себя, перечисляет ряд командующих лиц, которые видели в комитетах источник разложения русской армии. Естественно, что участники совещания, в большинстве своем члены различных армейских и фронтовых комитетов, с большим рвением принялись за разработку основ организации новой армии. На этой работе лежал отпечаток некоего оригинального творчества; никакими программами до сих пор формы демократизации армии предусмотрены не были; источником творчества являлся кратковременный опыт революции. Обращает на себя

внимание раздел пятый положения „об организации командного состава“. Как общее правило, выборы командующих лиц, как на фронте, так и в тылу не допускались. Однако выборы, произведенные до настоящего времени, оставались в силе. За всеми воинскими частями признавалось право отвода офицеров, но только с установлением фактов, служащих мотивами отвода. Право отвода распространялось на весь командный состав, начиная с младших командующих лиц и кончая командиром полка или отдельной части. Разделом пятым положения открывалась возможность широкого вмешательства комитетов в иерархический строй армии. Если к этому прибавить лишение начальников права налагать без суда дисциплинарные взыскания, то станет понятным, как далеко заходила ломка старых устоев армии.

5.

Совещание приняло ряд серьезных решений по организационному вопросу. Оно декретировало образование советов солдатских и рабочих депутатов всюду, где их еще нет, причем, по возможности, советы должны быть общими. Им рекомендовалось вступать в организационную связь с представителями трудового крестьянства. Для объединения деятельности советов по областям и районам должны созываться областные и районные съезды и создаваться областные организации. При этом армии на фронте приравнивались области, и армейские съезды — областным. Были выработаны нормы будущего всероссийского съезда советов, срок созыва которого назначен был на 25 апреля. Нормы эти применялись впоследствии при созыве очередных съездов и сводились к следующим:

советы, избранные	25 т.	до	50 т.	— 2	делег.
„ „	50	„	75	— 3	„
„ „	75	„	100	— 4	„
„ „	100	„	150	— 5	„
„ „	150	„	200	— 6	„
„ „	свыше		200	— 8	„

Состав исполнительного комитета и способы его избрания должны быть решены всероссийским съездом. Что касается существовавшего ко дню совещания исполнительного комитета петроградского совета, то он был пополнен на совещании рядом представителей от областей и армейских комитетов и стал, таким образом, формально всероссийским. Провинциальные делегаты вошли, главным образом, в иногородний отдел, упрочив и распространив его связь с местами. Исполнительный комитет, располагая многочисленными работниками, мог свободно посылать своих комиссаров и представителей в разные части России, для проведения в жизнь мероприятий революционного порядка. Такие комиссары ездили в Финляндию, на Украйну, в Бессарабию, в волжский район и на Урал; они должны были предотвращать погромы, примирять аграрные страсти, проводить продовольственные кампании, агитировать, просвещать, бороться с контр-революцией, словом,

быть „глазами и ушами“ исполнительного комитета. Совещание советов вообще узаконило авторитет исполнительного комитета, превратив его в полномочный выборный всероссийский орган революционной демократии. Этому однако предшествовал довольно любопытный процесс. Дело в том, что состав исполнительного комитета с первого дня революции оставался неизвестным населению. Первые дни члены комитета не афишировали своих имен по старой конспиративной традиции. Неуверенность в прочности своего существования долгое время держалась в стенах Таврического дворца. По мере того, как деятельность исполнительного комитета принимала характер чуть ли не верховной власти и проникала во все поры общественной, политической и даже частной жизни, соблюдать инкогнито становилось всё труднее. Да и кроме того, такое поведение противоречило условиям такта и вызывало справедливые нарекания со всех сторон. Одним из первых вопросов бесчисленных фронтовых и провинциальных делегаций был вопрос о личном составе исполнительного комитета. Спрашивали и записывали фамилии, биографии; жадно искали случая лично увидеть тех людей, которые держали в своих руках революционную власть. Начавшееся вскоре политическое и социальное расслоение сразу отразилось на отношении к советским „анонимам“. Если вначале к этому явлению относились терпимо и подпись: „исполнительный комитет“ означала приказ революции, то спустя некоторое время, общественное мнение буржуазных кругов заявляло очень раздраженно о своем неудовольствии. Печать подхватила модную тему и повела ожесточенную, едкую кампанию против страусовой политики исполнительного комитета. Несомненно под оболочкой этой травли скрывалось назревающее социальное недовольство, пришедшее быстро на смену медовым дням революции. Однако, протест известной части общества был правильный, и только навыками российской кружковщины можно объяснить бестактное отношение исполнительного комитета к требованиям публичной ответственности. Лишь 29 марта в „Известиях“ впервые был опубликован состав петроградского исполнительного комитета. Россия прочла список фамилий, лиц, особо уполномоченных говорить и действовать от имени революционной демократии. Вот он: Председатель — Н. С. Чхеидзе, тов. председателя: М. И. Скобелев и А. Ф. Керенский; в бюро исполнительного комитета, кроме Чхеидзе, входили: Ю. М. Стеклов, Б. О. Богданов, Н. Ю. Капелинский, П. И. Стучка, П. А. Красиков и К. А. Гвоздев. Члены: Г. М. Эрлих, Н. Д. Соколов, Н. Н. Гиммер (Суханов), М. Н. Козловский, В. М. Чайковский, В. Н. Филипповский, Г. Г. Панков, В. А. Дмитриевский, Соколовский, П. А. Залуцкий, Г. Ф. Федоров, Н. В. Святицкий, И. Г. Церетели, М. И. Гольдман (Либер), К. К. Кротовский, К. С. Шехтер (Гриневич), В. М. Скрябин (Молотов), Г. В. Джугашвили (Сталин), А. Г. Шляпников (Беленин), И. И. Рамишвили, И. Г. Барков, А. Н. Падерин, А. Д. Садовский, Ю. А. Кудрявцев, В. И. Баденко, Ф. Ф. Линде, А. П. Борисов, Вакуленко, Климчинский.

Необходимо добавить, что через всю кампанию против „советских анонимов“ просачивалась тонкая струйка антисемитизма. Версия о еврейском засилии в исполнительном комитете была очень популярна в тылу и на

фронте. Все ожидали найти в опубликованном списке подавляющее количество еврейских имен. Некоторые евреи (Либер, Стеклов, Богданов) играли действительно руководящую роль в совете, но всё же не подавляли своим авторитетом и не главенствовали. С опубликованием списка прекратилась кампания против анонимов. Антисемитские выпады и намеки продолжали расти и свили себе прочные гнезда в уличной печати того времени. Эти настроения были не чужды и многим деятелям кадетских кругов, но проявились они лишь впоследствии в мемуарной литературе (см. Воспоминания В. Д. Набокова в „Архиве Русской Революции").

После совещания советов состав исполнительного комитета сделался крайне громоздким, насчитывая уже до 90 человек. В таком масштабе неработоспособность его была очевидна. Выделен был новый специальный орган, постоянное бюро из 24 лиц, которое и вело всю деловую работу исполнительного комитета. В бюро были избраны: Чхеидзе, Скобелев, Богданов, Анисимов, Стеклов, В. Войтинский, Дан, Чернов, Гоц, Соколов, Зензинов, Брамсон, Станкевич, Филипповский, И. Гольденберг, Гвоздев, Эрлих, Либер, Суханов, Сомов, Завадье, Бинасик, Семенов и Шапиро.

Этот состав бюро, освеженный и пополненный новыми представителями центральных комитетов социалистических партий, оставался до конца февральской революции боевым органом советской политики. Судьба значительного числа действующих лиц исполнительного комитета была превратна; на протяжении всего хода истории революции мы неоднократно будем возвращаться ко многим из них, отмечая их участие в каждом отдельном случае.

Всероссийское совещание, выявившее нужды провинции, дало толчок развитию тех сторон деятельности совета, которые обслуживали провинцию и армию. После совещания особое значение получили и быстро развились отделы: иногородний и агитационно-литературный. Первый из них создал у себя ряд подкомиссий (организационную, т.-е. по сношению с советами, агитационно-инструкторскую, по местному самоуправлению, фронтовую и т. д.). Он стал посылать комиссаров не только в отдельные области России, но и на фронт. Второй отдел рассылал агитаторов и огромное количество литературы, т.-е. социалистических газет и брошюр.

6.

Совещание подходило к концу, когда 2-го апреля его посетил вернувшийся из-за границы Г. В. Плеханов. Это было, пожалуй, первое ответственное политическое собрание, на котором старый вождь российской социал-демократии выступил по приезде в Россию. Встреча не носила того подчеркнуто-театрального характера, которым отмечалось появление „бабушки" Брешко-Брешковской. Идейная, интеллектуальная сила Плеханова первоначально подчинила всех и вызывала искренний прилив уважения и почтительности. Подчеркивать его заслуги пред русской революцией казалось всем неуместным и бестактным. В составе членов совещания было много учеников Плеханова, знавших по сво-

ему собственному опыту, какое место он занимает в истории русской общественной мысли. Плеханова торжественно встречали и провожали в этот день не как представителя определенного только течения политической мысли, не как идеолога освободительной войны с Германией и решительного сторонника временного правительства, а как хранителя заповедных ценностей русского рабочего движения, русского социализма. Несмотря на безоговорочность его оборонческих взглядов, собрание ни одним намеком не выразило своего с ним несогласия; зато и Плеханов, несмотря на неопределенность позиции исполнительного комитета, высказал свое удовлетворение по поводу здравого смысла, проявленного русской демократией в вопросе о войне. Этот тон взаимной любезности не долго после встречи окрашивал отношение Плеханова к совету и, в особенности, отношение совета к Плеханову. Очень скоро социал-патриотизм Плеханова оказался не ко двору, за пределами советской политики; „ученики", сидевшие в исполнительном комитете, даже не сочли нужным пригласить его в качестве члена советского олимпа. Плеханов „отстал" или революция его обогнала... во всяком случае, посещение им совещания и прием, оказанный ему в этот день, не были омрачены взаимным непониманием или недоверием.

За всё время февральской революции еще только один раз Плеханов с высоты своего идейного и интеллектуального превосходства вызвал к себе всеобщее внимание со стороны инакомыслящих. Это было на московском государственном совещании, когда он в предсмертной речи преподавал уроки политической мудрости цензовой и демократической общественности. Огромный зал большого театра, наполненный людьми, уже почти не понимавшими друг друга, тогда слушал судью русской революции. Плеханов вдохновенно, почти пророчески говорил на пороге гражданской войны...

Выступая на всероссийском совещании советов, Плеханов еще не предвидел того процесса разложения демократии, которому предстояло развернуться. Он своим авторитетом захотел покрыть работу совещания и выразил это в своей речи. Вместе с ним выступали представители французских социалистов (Кашен и Муте) и английских тред-юнионов (О'Греди), которые расточали официальные приветствия и комплименты по адресу русской революции и свободной России. Закрывая собрание, Чхеидзе упомянул о „восстановлении старого Интернационала", совещание закончилось апофеозом: взявшись за руки, Чхеидзе, Плеханов, Церетели, Кашен, Муте и О'Греди символизировали единство международного социализма. Под звуки рабочей марсельезы кончились работы всероссийского совещания.

Печать уделяла много внимания совещанию. Значение его было оценено всеми органами без различия направления. „Речь" отметила неясность и неопределенность, которую узаконила резолюция об отношении к временному правительству. Кадетский официоз выражал неудовольствие также по поводу форсирования исполнительным комитетом вопроса о мирных переговорах и целях войны. „День" с одобрением отзывался о результатах деятельности совещания. Газета видела в импровизированном съезде огромный общественный подъем; по ее мнению резолюции исполнительного комитета дали образец слитности понятий „революция", „оборона" и „мир". Право-

оборонческий орган ликующе писал о политической мудрости совета. Довольной съездом осталась и „Рабочая Газета“—лейб-орган меньшевиков. Ее радовало достигнутое единство в основных вопросах (война и временное правительство) между пролетариатом и революционной армией. „Правда“ не считала совещание „своим“ и отнеслась к нему сдержанно равнодушно. Умеренная печать отнеслась достаточно лойяльно. Общественное мнение демократии рукоплескало и считало первый организационный период законченным весьма благонолучно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Перед первым кризисом.

1. Россия и союзники. Западный и восточный фронты. Братанье. Слухи о сепаратном мире. Приезд социалистов Запада. — 2. В армии. Общефронтовый съезд в Минске. Выборные комитеты. Начало распада армии. — События во флоте, Кронштадт. — 3. Кампания русской социалистической демократии за мир и внешняя политика временного правительства. Возвращение на родину политических эмигрантов, их мытарства. Приезд Ленина и его первые выступления. Столкновения на улицах. Патриотические манифестации. — 4. Настроения рабочих кругов. Конференции представителей заводов артиллерийского ведомства и железнодорожных рабочих. Влияние социалистических идей. — Анархисты. — Солдатки. — В правом лагере. Антисемитизм и погромы. Рост реакционных настроений. — 5. Деятельность временного правительства. Воззвания к населению, циркуляры губернским комиссарам. Охрана посевов и земельные комитеты. Подготовка созыва учредит. собрания. Правила о выборах в городское самоуправление. Увольнение сановников и вопрос о выплате им пенсий. В министерстве народного просвещения. Мануилов на всероссийском учительском съезде. Поездки по России Керенского, Гучкова, Терещенки. — 6. В совете рабочих и солдатских депутатов. — Бюро исполнительного комитета. — Борьба партийных течений. — Меньшевики, социалисты-революционеры, большевики. Контактная комиссия — Первомайская манифестация. Вопрос о поддержке „Займа Свободы“ в исполнительном комитете и в совете.

1.

Русской социалистической интеллигенции казалось, что в марте произошел коренной перелом не только русской, но и всемирной истории, что русская революция стала центральным явлением всех европейских событий и что глаза всей Европы обращены на восток. Но русская социалистическая интеллигенция ошибалась. Глаза и внимание не только Европы, но и почти всего цивилизованного мира, были прикованы к линии западного фронта, и центральным событием были грандиозные бои на реке Эн. В первых числах марта начались подготовительные действия к той кампании, которую принимали в Англии и Франции за решающую, для которой в течение всей зимы накапливали людей и средства. К весенним сражениям готовились и на Западе, и в России, — и в странах Согласия с тревогой ждали исхода этих сражений; уступчивые ноты в заявлениях представителей германского правительства и примирительный тон немецкой печати были отражением этой тревоги. Англо-французам принадлежала инициатива. С первыми лучами весеннего солнца загрохотали угрожающе пушки на всем западном фронте. После артиллерийской подготовки начались в последних числах марта бои, которые были названы „величайшей битвой народов“ в статьях военных обозревателей того времени. Начало было успешно для союзников. После ряда частных успехов англичане и французы 3 апреля прорвали германский фронт между Лансом и Реймсом на протяжении 40 километров. В следую-

щие дни был достигнут успех в ряде мест у Суассона, Камбре, Лаона; французы овладели краонским плато; были взяты десятки тысяч пленных, сотни орудий. Немцы понесли жестокие потери, принуждены были отступить и очистили знаменитую, превосходно укрепленную „линию Гинденбурга“. Однако, к решительному исходу бои не привели. После ряда ожесточенных атак наступление французов приостановилось. После краткой передышки оно возобновилось 9 апреля — и снова выдохлось. Германское командование успело бросить в дело все резервы и спасло положение. Немцы перешли в контр-аттаки. Англичане пытались несколько раз продвинуться, местами им это удавалось, и всё же ко второй половине апреля стало выясняться, что весенняя кампания, к которой так готовились, с которой связывали надежды на конец войны, не дает и не даст решающих результатов, и впереди снова полоса изнурительной позиционной войны. Германии дана была возможность оправиться, укрепиться и даже перейти, в свою очередь, от обороны к наступлению.

Настроениями военной кампании определялось и отношение Запада,—правительства и партий, — к русской революции. Союзники терпимо относились к ней, когда казалось, что Германии нанесен последний и смертельный удар. Русский фронт бездействовал, когда на западе лились потоки крови, но северная весна, разлив рек, бездорожье препятствовали активным действиям на востоке. Союзники могли думать, что они и своими собственными силами справятся с Германией, и от России требовалось лишь удерживать на восточном рубеже определенное число немецких дивизий. Тревогой Германии перед ожидаемым наступлением, смущением, которое вызвано было первыми успехами англо-французов, объясняется и первоначально уступчивый тон в речах и статьях ответственных политических деятелей Германии. Общее положение изменилось, когда наступление англо-французов разбилось на второй и третьей линиях германской обороны. Впереди предстояла длительная кампания; русский фронт приобретал снова первостепенное значение. Немцы перебрасывали одну дивизию за другой с востока на запад. Расстройство русского фронта могло повлечь за собой роковые последствия. Немецкое командование быстро учло положение.

Мирные встречи немецких и русских солдат на сближающихся участках фронта имели место еще до революции. Долгая позиционная война знала такие явления не только на русском, а и на западном фронте. Но они не имели характера братания, бывали случайны и кратковременны. Со времени революции они участились на русском фронте. Русское командование не решалось или не могло сразу прекратить их. Германское командование поощряло их в своих целях. Левые социалистические круги видели в них средство агитации за скорейшее прекращение войны, и „Правда“ призывала к братанию на фронте. „Известиям“ сообщали 12 апреля из Минска: „В последние дни на многих участках фронта противники не обменялись ни единым выстрелом... Возле Ивенца найден сброшенный с аэроплана тюк прокламаций на русском языке; предлагается приступить к переговорам о мире на почетных условиях для обеих воюющих сторон. Немцы поэтому просят не вмешиваться в их внутреннюю жизнь и не требовать отречения

Вильгельма“. О том же сообщают из Риги: „Попытки германцев заговаривать с нашими солдатами в нейтральной зоне не прекращаются... В одном месте германцы выбросили плакат с надписью: „Русские, не наступайте; мы также не будем наступать“. Сообщениями подобного рода пестрит хроника апрельских газет. А 21 апреля появился приказ генерала Гурко, главнокомандующего западным фронтом. В нем сказано, что „между нашими войсками и противником, действительно, установились на некоторых участках добрососедские отношения, совершенно недопустимые, когда широким потоком льется братская кровь союзников за общее дело освобождения порабощенных и разоренных маленьких народов“. Приказ говорит далее о том, что братание стало орудием в руках германской контр-разведки и что затишьем на русском фронте немцы пользуются для перебрасывания дивизий на западный фронт.

Участие германского командования в братании, принявшем массовые размеры, было настолько очевидно, инсценировка с немецкой стороны до того била в глаза, что даже „Правда“ сочла необходимым предостеречь своих единомышленников. В номере от 18 апреля газета, пропагандируя братание на фронте, писала: „На попытки использовать массовое братание в своих военных целях со стороны командующего состава, на возможность вероломства со стороны германских офицеров и преданных Вильгельму генералов—указывалось не раз... Братание не должно превратиться в ловушку для революционных солдат той или другой стороны“. Вряд ли эти благие предостережения достигали цели. На некоторых участках фронта братание стало обычным явлением. Командный состав не в силах был этому препятствовать.

Легко себе представить, какое впечатление на союзников должен был произвести этот контраст между западным и восточным фронтом. Но можно было допустить, что это явление временное, эпизоды революционного увлечения, и политическим деятелям новой России удастся овладеть солдатскими массами и зажечь в них патриотический порыв. Вера в это еще не угасла. И даже генералы, командующие армиями, в речах и приказах, проникнутых тревогой, всё же выражали надежду, что народ и армия выполнят свой долг так, как его понимали патриотически настроенные круги. Однако, к массовому братанию на фронте присоединялись и попытки политического „братания“ со стороны правительств Германии и Австрии. Одновременно в официозных газетах Берлина и Вены появились статьи с предложением сепаратного мира России. В статьях говорилось о том, что цели и задачи России, как они изложены в правительственном обращении к гражданам, и Австро-Германии вполне совпадают. Срединные державы, как и Россия, не посягают на чужие территории и не желают контрибуций. Статьи эти появились в первых числах апреля, вызвали чрезвычайный шум в печати и создали целую литературу. Русская печать отнеслась к ним резко отрицательно, и „братание“ в литературе успеха не имело. Но толки о сепаратном мире в немецкой печати уже не прекращались. Эту идею пропагандировали скрыто, но настойчиво. Ее поддерживала часть немецкой социал-демократической партии, рассчитывая добиться успеха через воздействие и посредни-

чество социалистов нейтральных стран,—Швеции и Дании. Однако, в апреле еще ни один голос в социалистическом лагере не высказывался, прямо или косвенно, в пользу сепаратного мира.

Толки о сепаратном мире вместе со слухами, преувеличенными и раздутыми, породили острую тревогу в Англии, Франции и Америке. Интернационалистские течения там были слабы, незаметны. Франция и Англия вели решительную кампанию на фронте и надеялись на близкий и победный конец. Революция в России, сопровождающаяся фактическим отказом от войны, рассматривалась как поражение, как измена. Германия неожиданно становилась вдвое сильнее. Заключив сепаратный мир, она могла раздавить Францию, напрягавшую последние свои силы. В Соединенных Штатах, вступивших только что в войну, всё население почти поголовно опьянено было программой и формулами Вильсона. Русскую революцию встретили там сочувственно. Слухи о сепаратном мире вызвали недоумение. Единственный социалист депутат конгресса Меер Лондон послал телеграмму с запросом исполнительному комитету совета и центральному комитету Бунда. Лондон спрашивал: „Как единственный социалистический депутат американского конгресса, надеющийся быть движущим фактором для установления всеобщего прочного мира, почтительнейше прошу авторитетного опровержения волнующих слухов о том, что русские социалисты благоприятствуют сепаратному миру с Германией“. На эту телеграмму исполнительный комитет ответил ссылкой на манифест 14-го марта и на резолюцию совещания советов: „... вся революционная демократия России не стремится к сепаратному миру, а стремится к миру международному, без аннексий и явных или скрытых контрибуций, на основе самоопределения народов, и считает обязанностью пролетариев всех стран добиваться скорейшего заключения мира на указанных основах“. Центральный комитет Бунда ответил: „...Слухи о том, что будто Бунд стоит за сепаратный мир с Германией, ложны... Пока общий со всеми воюющими странами мир... не будет достигнут и русской революции грозит опасность внешнего разгрома... (Бунд) призывает к организации сил для защиты революционной России от внешней опасности“.

Аналогичный запрос прислали на имя Милюкова видные еврейские общественные деятели и финансисты Америки: Маршаль, Моргентау, Шифф и др. Милюков в ответе своем писал: „...Слухи (о сепаратном мире) лишены всякого основания: никакая русская партия, какова бы ни была политическая ее программа, не обсуждала даже возможности сепаратного мира с внешним врагом. Здесь слишком хорошо понимают размеры опасности, которая угрожала бы новой России и всему человечеству, если бы пошли навстречу агитации, имеющей целью спасти находящийся в агонии германский милитаризм“.

Попытки германского правительства и германского командования нащупать почву для сепаратного мира с Россией показали, что почвы такой пока нет. Немецкие газеты продолжали разрабатывать эту тему, но кампания прекратилась. И прекращаться точно также стало к концу апреля массовое братание на фронтах. Русское командование и комитеты решительно выступили против него. Со своей стороны, и немецкое командование изменило тактику.

Быть может, это братание, даже и при инсценировке его с немецкой стороны, было не совсем благоприятно для немецкой дисциплины. Вернее миновала необходимость в братании. Исход боев на западном фронте стал определяться. Наступление англо-французов приостановилось, шансы сторон изменились. Опубликованные в конце апреля немецкие условия мира поражают своей аггрессивностью. Германия говорит тоном победителя, требует для себя протектората над Бельгией и уступки со стороны России Курляндии и части Литвы.

Встревожившая союзные правительства опасность сепаратного мира не существовала. Но чрезвычайно явственно обозначилось недоверие союзников к русской революции, недовольство и охлаждение. К энтузиазму, с которым демократия на западе встретила русскую революцию, стали примешиваться чувства недоумения, боязни, разочарования. Слухи о начинающемся развале армии, о двоевластии, о засилии совета проникали на Запад. Правые английские и французские газеты служили рупором для русских правых кругов, обреченных у себя на родине на молчание. „Новое Время" с лицемерным восторгом приветствовало равноправие евреев; в то же время известный в правых кругах Вильтон, корреспондент „Times" телеграфировал в свою газету о гибельном еврейском влиянии на революцию. Отношения между союзниками и Россией начинали портиться. Правда, союзные правительства под влиянием русских либеральных кругов, не спешили сделать определенных выводов из создавшегося положения и готовы были верить, как верило большинство русской интеллигенции, что всё уляжется, наладится как-то само собой, и патриотические настроения возьмут верх над усталостью и равнодушием масс, над циммервальдизмом левых социалистов и над скрытым германофильством. Но всё же чаще и чаще прорываются ноты нетерпения и досады в беседах и интервью представителей союзной дипломатии. В печать проникают слухи о каком-то готовящемся выступлении Японии против России с целью понудить ее к выполнению обязательств, и 27-го апреля великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен вынужден официально сообщить в печати, что „союзники никогда не имели в мысли обратиться к Японии с целью побудить ее оказать давление на естественный ход событий в России".

Нет сомнений, что союзные правительства через своих представителей и в Петербурге, и в ставке оказывали непрерывное давление на правительство и на командование для проявления бо́льшей активности армии на фронте. Давление это должно было становиться тем больше, чем тревожнее становилось положение англо-французского фронта. Правительство уверяло союзников в том, что оно соблюдает верность принятым Россией на себя обязательствам. В то же время эти обязательства становились всё больше центром, мишенью анти-военной агитации. Соблюдение верности союзникам понималось как солидарность с задачами и целями войны, формулированными союзными правительствами.

Правительства на Западе, как и русское правительство, боялись открытого разрыва с демократией. Революция импонировала. Несмотря на сомнения, которые она уже вызывала, она продолжала увлекать самых трезвых людей. И союзные правительства становятся на тот же, впоследствии высмеянный

путь „уговаривания“, на котором с первых же дней стояли правящие и руководящие круги России. С одобрения правительств, при их согласии, отправляются в Россию первые социалистические делегации. В состав их входят виднейшие деятели английского и французского социалистического движения, представители крупнейших тред-юнионов, члены французской палаты депутатов Марсель Кашен, Эрнест Лафон, Мариус Мутэ и депутат палаты общин Джемс О'Греди, представитель английской федерации тред-юнионов Вилиам Сандерс, секретарь фабианского общества Вилл Торн. Делегация приехала с официальной задачей—передать русской демократии привет от демократии союзных стран и ознакомиться непосредственно с революцией. Задача неофициальная заключалась в воздействии на русское общественное мнение. Делегатов встретили сначала с энтузиазмом, как первых гостей русской революционной демократии. На заседании петроградского совета им устроена была овация, достигшая высшей точки своей, когда О'Греди, Кашен, Плеханов,—три старика-социалиста, взялись за руки и таким манером изобразили живую картину Интернационала. На митингах и собраниях, на торжественных приемах в совете и у временного правительства иностранные гости произносили речи, в которых заявляли о солидарности своей с задачами и целями русской революции, но тут же подчеркивали необходимость покончить с германским империализмом. Одно время английские и французские социалисты были непременными и почетными гостями всех многочисленных съездов, конференций, митингов-концертов и собраний. Однако, вскоре началось и охлаждение. „Правда“ с самого начала отравила единство восторженного настроения резкой полемикой против „социал-патриотов“ и назвала их агентами правительств Англии и Франции.

В Москве выступление делегатов в совете сопровождалось неприятными инцидентами. Большевики там публично выражали сомнения в праве делегатов выступать от имени пролетариата. Хинчук, председатель московского совета, старался замять инцидент, но полемика вынесена была на страницы газет, и английские делегаты обиженно доказывали, что они отнюдь не агенты своего правительства. Однако, это всё были, хотя и неприятные, но частные эпизоды. Неприятнее для делегатов было то, что они на деле убедились в отсутствии общего языка у руководящих социалистических кругов Запада и России. В Петрограде исполнительный комитет увлечен был идеей возрождения Интернационала и созывом конференции в Стокгольме, где должны были встретиться социалисты воюющих стран. К делегатам предъявляли требование начать немедленно борьбу с империализмом. Они соглашались, что с империализмом бороться надо, но оставались при своем убеждении, что империализм воплощен в германском народе,—от кайзера Вильгельма до немецких социалистов включительно. Сложность революционных отношений в России не ускользала от делегатов. Они допускали, что умеренные элементы возьмут верх над крайними, что надо терпеливо выждать, что нельзя раздражать молодую и наивную демократию и надо итти ей навстречу. Они уезжали из России с симпатией к революции, но и с чувствами досады, недоумения и тревоги, и этот первый визит союзников не мог укрепить пошатнувшихся отношений между Россией и союзными странами.

Почти одновременно с социалистической делегацией 9 апреля, приехал Альбер Тома, министр снабжения в коалиционном французском министерстве, один из виднейших вождей социалистической партии. Он приехал со специальной военной миссией и был гостем временного правительства. Он сравнительно мало выступал на митингах, объезжал заводы, посетил ставку, принимал участие в совещаниях правительства. Он выступал на собрании промышленников, посвященном вопросу о займе свободы, на митинге в Михайловском театре—с речами в ярко-патриотическом духе, с призывами продолжать войну до полного торжества демократии. Альбер Тома не сближался с исполнительным комитетом и вообще публично, явно в политику не вмешивался. Но он правильно оценил положение дел, увидел безнадежность позиции Милюкова и старался поддерживать добрые отношения с официальными органами революционной демократии. Он сблизился с Керенским и Некрасовым и их выступления в кабинете укреплял авторитетом представительства союзных интересов. Милюков видел в нем одного из главных виновников грядущего своего провала. Оптимизм первое время не покидал энергичного и жизнерадостного французского министра. Он знал дело обороны России при Сухомлинове и верил, что теперь, сбросив сухомлиновщину, Россия развернет всю свою воинскую мощь. Как многие другие, в анти-военных настроениях он видел лишь временную болезнь, лихорадку первого месяца свободы. Чем дальше, тем больше расшатывалась его вера, и оптимизм сменялся глубоким разочарованием.

2.

На западе шли бои, на востоке позади безмолвных окопов шла грандиозная работа по внутреннему переустройству двенадцатимиллионной армии. Заканчивалась первая стадия этой работы, протекавшей стихийно, без общего плана и единого руководства. Всюду, во всех частях, созданы были комитеты; одни из них фактически сменили прежних командиров, другие—стали рядом с командирами, третьи были чем-то вроде совещательных коллегий при них. С внешней стороны эта новая, революцией созданная, степень иерархии представлялась хаосом, распадом. Но постепенно и здесь возникало свое единство, складывалась система. Низшие выборные ячейки объединялись, из них выделялись высшие. Рядом с комитетами появлялись комиссары, которым впоследствии пришлось играть такую видную роль. Законодательное творчество в Петрограде совета и военного министерства только оформляло процессы, возникавшие самобытно. Гучков, хотя и упираясь, хотя и явно против своей воли, покорно следовал за событиями, прикладывая свой штемпель ко всему тому, что впоследствии окрещено было развалом армии.

В Минске 7-го апреля открылся общефронтовый съезд. Инициатива созыва его и организация принадлежала солдатской демократии. Военный министр с самого начала остался в стороне. Было ясно, что съезд пройдет под знаком солидарности с левыми демократическими группами, и сделана была попытка созвать в Москве общеармейский съезд в противовес минскому. Инициатива исходила из офицерских кругов. Гучков отнесся к ней

благосклонно, поощряя таким образом съезды выборных от солдатских частей. Но в попытке созвать съезд в Москве инициаторы минского съезда усмотрели поход против солдатской демократии. На одном из первых заседаний минского съезда была принята резолюция с резким осуждением московской затеи. Из нее ничего не вышло.

Съезд в Минске открылся очень торжественно в городском театре, в присутствии свыше 1200 человек, почти сплошь солдат. Открыл его с.-д. интернационалист Позерн. Приветственная его речь имела шумный успех, но настроение собрания сказалось в требовании председателем избрать подлинного солдата с фронта. На эстраде появился в полном вооружении солдат Сорокалетов, который заявил: „Вчера еще я сидел на наблюдательной вышке и следил зорко за врагом, а сегодня явился исполнить гражданский долг. Я принадлежу к партии социалистов-революционеров“. Сорокалетов был избран товарищем председателя, Позерн—председателем.

Потянулся нескончаемый съезд. Первые его заседания были торжественны, привлекали общее внимание. Им интересовалось, между прочим, германское командование, возлагавшее одно время на съезд свои надежды. Из Петрограда прибыли представители правительства, делегаты исполнительного комитета—Чхеидзе, Скобелев, Церетели, думского комитета—Родзянко, выступал командующий западным фронтом генерал Гурко. Была торжественная манифестация единства офицеров и солдат. Резких разногласий и конфликтов не было. Большевики были представлены на съезде слабо. По вопросу о задачах войны была после долгих дебатов принята резолюция петроградского совета, по мысли которой войну надо и можно кончить, и воевать в сущности не из-за чего. Вместе с тем съезд строго осудил братание на фронте, требовал поднять дисциплину в частях, высказался против выборности командного состава. В секциях обсуждались вопросы снабжения, организации, просветительной деятельности, подготовки к учредительному собранию и т. д. Под конец затянувшийся без меры съезд перестал привлекать к себе внимание, и в газетах исчезли даже краткие заметки о нем.

Съезд оформил и укрепил существующие выборные организации.

Вместе с другими армейскими съездами он создал по своему стройную систему, связавшую армию новыми нитями. Период внешнего хаоса, пестроты и путаницы закончился. Но вместе с тем возникла и оформилась сила, более авторитетная, чем прежний командный состав, и вне этой новой силы командный состав был фактически безвластен. Высшие чины армии находили нужным скрывать свою тревогу и на минском съезде приветствовали советы. Необходимости и важности выборных комитетов никто не решался отрицать вслух. Оппозиция справа ограничилась ворчанием, сплетнями, закулисным шипением, злорадным раздуванием слухов. Эта оппозиция становилась всё решительнее, но она не встречала сочувствия в правительственных кругах. Вернее сказать, сочувствие было,—но по тактическим соображениям ни Гучков, ни генерал Алексеев, назначенный 2 апреля верховным главнокомандующим, не считали возможным открыто выступать против демократии. Вот что говорил, например, Гучков при своем объезде южного фронта, 10 апреля, незадолго до правительственного кризиса и до своего

ухода: „Неосновательно опасение, что правительство находится в конфликте с советом рабочих и солдатских депутатов; мы идем совместно, работаем вместе; они полны любви к России, и эта любовь помогает и диктует нам наши действия совместно с ними. Мы хотим, чтобы и у вас было такое же единство и спайка всех членов армии одной мыслью и одним желанием. Поэтому мы считаем необходимым создание организаций, хотя бы несовершенных, ибо лучше плохая организация, чем никакая“.

Конечно, в этих словах не было полной искренности. Как министр, еще не думавший о своей отставке, Гучков считал необходимым сохранять внешний вид благополучия. Но его официальная деятельность в это время действительно еще не расходилась с советом рабочих депутатов. Военное министерство проводило сверху те же преобразования, какие снизу вносились армейской демократией. Они диктовались наилучшими намерениями и тоже усиливали неизбежный распад армии. В первую очередь это была массовая чистка командного состава, его генеральских верхушек. Гучков решительно проводил омоложение генералитета с похвальной целью изгнать из армии заваль и гниль прежнего режима. Отставки, перемещения и назначения производились не только в тылу, а и на фронте, причем очень часто без ведома и согласия генерала Алексеева. При длительной работе над армией эта революция, сверху проведенная с надлежащей решительностью, могла дать необходимые результаты. В условиях войны и революции эта чистка плодила интриги и обиды, родила и поощряла новый карьеризм, подслуживание новым веяниям. При всем том старые штабные гнезда оставались нетронутыми. Результатом чистки было усиление пассивности и неуверенности командного состава, потеря им прежней своей авторитетности. Вместо прежних влиятельных военных кружков, облепивших двор и ставку, появилась новая кружковщина.

Военное министерство следовало в хвосте революции, узаконяя то, что она в своем развитии рождала. Приказом 16 апреля Гучков легализовал в армии выборные организации на началах, выработанных комиссией генерала Поливанова. Первыми двумя пунктами задачи комитетов,—ротных, полковых, армейских, определялись так: сплочение всей русской армии в единую организацию, наблюдение за поддержанием порядка и дисциплины в своих частях. Тем самым на комитеты возлагались важнейшие функции по управлению армией, и командный состав превращался в инструкторов-специалистов, руководящих непосредственно боевыми действиями. Приказ заканчивался словами: „положения о войсковых комитетах и дисциплинарных судах приняты особой комиссией с участием представителей действующей армии и флота и делегатов от петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов“. Этим как бы скрепляется авторитет следующей ниже подписи: „военный министр А. Гучков“. Это — первая и самая широкая узаконенная конституция революционной армии. В дальнейшем своем развитии она подвергалась лишь ограничениям. Другой приказ Гучкова, изданный им 17 апреля в звании морского министра, узаконял движение, на первый взгляд сравнительно невинное, но впоследствии получившее роковой для армии характер. Гучков

постановил „в соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех республиканских стран... 1) изъять из употребления все виды наплечных погонов, . . . 2) середину кокарды. . . закрасить в красный цвет“. Так авторитетным приказом военного министра санкционировано было движение, видевшее в золотом офицерском погоне символ, эмблему старого, на неравенстве основанного строя. Но, уступая силе матросского движения, Гучков не решался до конца довести реформу и этим осложнил положение и дал повод к раздуванию вражды к „золотопогонникам“. Как морской министр, он вместе с матросами срывал золотые погоны. Как военный министр, он одновременно объявлял, что наплечные погоны в сухопутной армии „являются видимым почетным знаком звания воина офицера и солдата“, а потому строго требовал, под угрозой репрессий, точного соблюдения формы. Эта двойственность не могла быть понятна и убедительна для армейской массы. Второй приказ не достигал цели, и вряд ли Гучков может считать себя свободным от ответственности за позднейшее гонение, воздвигнутое на всех, сделавших золотой погон предметом культа,—увы, кровавого. Отменяя погоны во флоте, как не соответствующие новому республиканскому строю, Гучков естественно давал повод к слухам о том, что погоны будут отменены и в армии. Между тем генерал Корнилов в приказе по петроградскому военному округу называл провокаторами лиц, срезывающих погоны.

Минский фронтовый съезд показал, что армия идет за революционной демократией. Создалась некоторая организованность, не было прежних эксцессов против командного состава, офицеры, в большинстве своем, худо ли хорошо ли, стали приспособляться к новому положению, стали в свою очередь организовываться. Это создавало у правящей кадетской партии представление о том, что образуется некоторая твердая почва у нее под ногами, есть опора в армии. Это придавало надежду, позволяло думать, что борьба с крайними левыми течениями может быть успешна, заставляло временно мириться с выборными комитетами. „Речь“ писала: „отношения в армии устанавливаются прямые и откровенные. Конечно, формы их несовершенны и подлежат, вероятно, сильным изменениям. Но ядро новой армии создается...“ (статья „В демократической армии“ „Речь“ 74). Член госуд. думы кадет А. М. Александров, объехавший в начале апреля фронт, в письме Гучкову, сообщал: „Дух армии значительно повысился... Замечается совершенно сознательное отношение к переживаемому моменту... Отношения между офицерами и солдатами вполне наладились, также наладилась дисциплина“.

Из мемуаров видных генералов мы знаем теперь, что уже тогда существовало сильнейшее недовольство преобразованиями армии, выборными комитетами и т. д. Возникали подпольные планы ликвидации советов, ареста руководителей революции. Демократия догадывалась об этих планах и не доверяла ставке и высшему командному составу, распространяя подозрительность свою и на тех, кто к планам не был причастен. Партия народной свободы ближе соприкасалась с верхними офицерскими кругами. Эти настроения были ей знакомы. Но в апреле правительственная партия давала им отпор. В большой статье „Армия и демократия“ „Речь“ писала: „Две меры, выдвинутые самой жизнью, как естественное следствие революции,

заслуживают название реформы армии... Я разумею дарование полноты политических прав военно-служащим и введение выборного начала, как нового принципа организации войсковых частей. По существу этих мер можно высказывать разные мнения. Но во всяком случае одно из них имеет отвлеченно теоретический кабинетный характер и начинает граничить со слепым доктринерством. Это то, которое считает обе меры нежелательными и подлежащими немедленной отмене. Настаивать на подобном шаге значит обнаружить полное незнакомство с нынешним состоянием дел и умов в русской армии".

Относительное внешнее благополучие армии прикрывало начинающийся, вернее, продолжающийся развал. Складывалось приблизительно такое положение: разложение верхних генеральских слоев, организация и приспособление средних офицерских; организация верхних армейских слоев и разложение низших солдатских,—прежде всего в тылу. Прекратилось, правда, или сократилось повальное дезертирство из армии. Оно началось еще до революции, принимало всё более широкие размеры, и борьба с ним была безуспешна. Революция сначала усилила это бегство. Пользуясь моментом отсутствия дисциплины и надзора, солдаты из тыловых частей спешили побывать у себя на дому. Но сильнейшая реакция против дезертирства началась в самой же армии. Выборные комитеты, как мы указывали выше, требовали немедленного возвращения самовольно отлучившихся, публиковали в газетах списки бежавших, на собраниях выносились резолюции с резким осуждением дезертиров. Это возымело действие. Еще бо́льший успех имели слухи о том, что бежавшие солдаты не получат земли при общем переделе. В результате начинается массовое возвращение в армию. Всюду к воинским начальникам являются толпы дезертиров и требуют отправки на фронт. Идут они с красными знаменами, с революционными песнями и в газеты посылают пространные резолюции от имени возвращающихся дезертиров.

Этот порыв дезертирского покаяния не был ни особенно длителен, ни слишком прочен. Легкость ухода с фронта, покаяния и возвращения соблазняли. В начале апреля демобилизованы были запасные старше 40 лет. Многие расходились, разъезжались, не выжидая отправки в очереди. За ними тянулись и другие. Фронт еще держался, но тыл начинал расползаться. По примеру петроградского гарнизона и провинциальные не хотели давать пополнения на фронт, считая важнейшей обязанностью своей охранять революцию. Фронт протестовал. После долгих и бурных заседаний петроградский совет постановил дать пополнения, но маршевые роты могли отправляться каждый раз лишь с разрешения совета. Первые маршевые роты отправлялись с красными знаменами, в приподнятом настроении. Их провожали революционными речами, как героев, чествовали на митингах. Но стали поступать через некоторое время сведения, что далеко не все маршевые роты полностью доходят на место. Часть по дороге разбегается, и на фронт доходят лишь остатки с красным знаменем.

Так создалась огромная многомиллионная бродячая солдатская Русь. С фронта шли переполненные поезда с демобилизованными, отпускными и дезертирами,—беспорядочная и пестрая человеческая волна. И навстречу—

такая же огромная и беспорядочная волна: пополнения и дезертиры, едущие на фронт. Транспорт был изрядно дезорганизован уже перед революцией. Солдаты, едущие на крышах и буферах, были обычным явлением. Всё же сохранялась внешняя дисциплина. Теперь прежде всего на железных дорогах человеческой волной был смыт всякий порядок. Солдаты захватывали поезда и паровозы, устраняли станционное начальство, выбрасывали частных пассажиров. Впервые рядовой солдат осмелился перешагнуть роковую черту между вторым и третьим классом и войти в купе с мягкими диванами. Это была победа революции; за нее надо было заплатить ценой правильности и безопасности сообщения. Тревожные голоса послышались прежде всего из железнодорожного ведомства. Плакаты и воззвания на станциях не помогали, а силой вводить порядок некому было. Министром путей сообщения Некрасовым был издан приказ об организации конвойных команд во всех пассажирских поездах. Эти команды должны были производить контроль и не допускать в поезда лиц без билетов или „с билетами несоответствующих классов“. Приказ заканчивался такими словами: „Придаю первостепенное значение моральной стороне этой меры, почему необходим авторитет таких воинских конвоев, что обусловливается выбором их солдатскими комитетами“. Дезорганизация, конечно, не уменьшилась и после этого приказа. Транспорт продолжал разрушаться.

Появились и другие тревожные симптомы. Матросы были той частью армии, которая прежде других не хотела улечься в новое общее революционное русло, а прокладывала для себя свое особое. На этот раз речь шла не о простых беспорядках и эксцессах, какие имели место в первые дни революции, а о чем-то более серьезном и глубоком. Кронштадт и Балтийский флот снова привлекли к себе всеобщее внимание.

В Балтийском флоте, в гарнизонах Финляндии, в Кронштадте с самого начала не было двоевластия, а было единовластие, и при том единовластие советов. Но оно ограничивалось военной жизнью. Правительство поневоле мирилось с этим, не вмешивалось, и пока порядок не нарушался, всё шло благополучно. Члены госуд. думы, кадеты, в начале апреля побывали в Гельсингфорсе, Выборге, посетили суда и телеграфировали в „Речь“ об образцовом порядке и полной боевой готовности флота. Но в начале апреля произошла в Гельсингфорсе забастовка рабочих-металлистов, потребовавших введения 8-часового рабочего дня. Русские матросы вмешались в забастовку и угрожали вооруженной силой поддержать требования рабочих. Вызвало это в Финляндии шум чрезвычайный и подало повод к тревожным слухам в Петрограде. Правительство признало полную автономию Финляндии и сохраняло лойяльность. Матросы срывали эту политику. Инцидент на этот раз был улажен легко. Совет в Гельсингфорсе подчинился указаниям из Петрограда.

Не так легко удалось уладить конфликт с кронштадским советом. В Кронштадте вся местная власть фактически принадлежала полностью совету. Правительственный комиссар числился, но не управлял и в дела не вмешивался. Большим влиянием среди матросов пользовались анархисты. Блейхман был популярным оратором на матросских митингах. В маленьком военном городке, в крепости, где нет частных предприятий, нет обществен-

ной не-военной жизни, не было и большого простора для социально-политического самостоятельного реформаторства. Кронштадт был особой коммуной, и в Петрограде в кругах умеренно-политических, а особенно обывательских, о нем говорили со страхом, недоверием и злобой, как об опоре и цитадели большевизма и анархизма. Порядок там однако не нарушался. Внезапно 9—10 апреля распространились в Петрограде слухи о восстании в Кронштадте, о новых массовых убийствах офицеров, об „отложении" Кронштадта от России, о развале флота. Печать по уговору ничего об этом не писала, чтобы не выдать Германии обнаружившейся слабости военной обороны Петрограда. Затем стало известно, что конфликт удалось уладить, выезжали в Кронштадт члены исполнительного комитета, достигнуто соглашение. Впервые называли имя какого-то „доктора Рошаля", управляющего фактически Кронштадтом. Московская газета „Утро России" нарушила молчание и рассказала обстоятельства дела; вслед за ней заговорили и петроградские газеты. Выяснилась такая картина. Из числа арестованных в первые дни революции офицеров часть была освобождена, часть оставалась под арестом в крепостных казематах. Чтобы ускорить их освобождение, в Кронштадт выехала специальная следственная комиссия с В. Переверзевым во главе. Ее встретили недружелюбно, как представителей временного правительства, вмешивающегося в кронштадские дела,—однако допустили к следствию. Среди освобожденных 8 апреля был капитан Альмквист, против которого особенно враждебно настроена была солдатская масса. Распространился слух о том, что представители правительства освобождают контр-революционеров. Возбужденная толпа хлынула на площадь; Переверзев пробовал объясниться с ней, ему не дали говорить, угрожали расправой. Члены кронштадтского совета, и среди них Рошаль, студент психоневрологического института, успокаивали толпу. Переверзеву и членам комиссии пришлось спешно оставить Кронштадт, освобожденные офицеры были снова водворены в тюрьму. После объяснений с кронштадтским советом удалось притти к соглашению, но право на производство следствия над офицерами и их освобождение было признано за Кронштадтом. Власть столкнулась с настроениями наиболее революционной части армии—матросов. Накануне, 6-го апреля, Корнилов производил там смотр и остался доволен выправкой и дисциплиной. В тот же день посетила Кронштадт „бабушка" Брешко-Брешковская. Ее встречали восторженно, в совете устроили ей овацию. И непосредственно вслед за этим правительство растерянно и бессильно отступило перед взрывом матросского гнева, вызванного покушением на их суверенные права.

Кронштадтскую историю старались замять. В официальном докладе комиссара Пепеляева сохранен был тон официального благополучия. Но произвела она глубокое впечатление, показавши, как непрочно внешнее благополучие в армии. После Кронштадта печать заговорила о необходимости твердой власти, борьбы с центробежными влияниями, с сепаратизмом отдельных советов, городов.

О национальном сепаратизме в армии заставили говорить события в Киеве. В связи с агитацией украинской демократии проявилось стре-

мление к организации украинских войсковых частей. Командование относилось к этому отрицательно. Против „национализации штыка“ высказался и киевский совет рабочих депутатов. Тем не менее 20 апреля до 3000 солдат украинцев явились в Киев ко дворцу, где находился совет, и потребовали немедленного образования украинского войска. Речи главного начальника военного округа Ходоровича, военного комиссара полковника Оберучева, членов исполн. комитета успеха не имели. Было положено начало первому украинскому полку имени Богдана Хмельницкого.

Всё это воспринималось, как начинающийся развал армии. Правительство и руководящие круги совета старались с ним бороться, надеялись и были убеждены, что демократической организацией удастся справиться со всеми эксцессами и беспорядками. Большевики видели в развале армии средство борьбы с империалистической войной и усиливали развал. В правых кругах крепла мысль о необходимости восстановить прежнюю дисциплину и устранить демократические преобразования вместе с демократией. Те генералы, которые в марте еще мечтали о победах, в апреле начинают мечтать о перевороте. В советах они видят источник и причину зла. Возникает мысль об их устранении. Об этом еще не говорят открыто, но об этом думают и шепчутся.

3.

Кампания за скорейшее прекращение войны продолжалась с прежней настойчивостью. В „Известиях“ 7 апреля напечатан был „Манифест о русской революции“ Бернской международной социалистической комиссии, избранной в Кинтале. В этом манифесте поставлен вопрос: „Убьет ли революция войну или война революцию?“ Есть опасность, что случится второе. Под давлением буржуазии союзных стран русский буржуазный класс старается лишить рабочий класс его победы самыми недостойными революции методами... Он возвысился при поддержке французского и английского империализма. Продолжение войны „до победного конца“—таково платежное обязательство за долг, который буржуазия в первые дни войны взяла на себя перед народом и чем она привлекла к себе военные касты. Манифест заканчивался призывом к всеобщему восстанию пролетариата против буржуазных правительств и против войны.

„Известия“ напечатали этот манифест без оговорок. Основные его положения разделялись всеми левыми социалистическими органами,—до меньшевистской „Рабочей Газеты“ включительно. Различие было лишь в решительности формулировки и в последовательности выводов. „Правда“ пропагандировала братание на фронте, требовала немедленного разрыва с союзниками, оглашения тайных договоров, немедленного предложения мира всем воюющим странам. Руководящие круги советской демократии, с меньшевиками во главе, выбирали более осторожные выражения, характеризуя империализм русской буржуазии, но тоже требовали немедленного прекращения войны. Чрезвычайные ожидания связывались с международной социалистической конференцией в Стокгольме. Казалось, что ее легко со-

звать, и что она сможет выработать условия мира, приемлемые для всех сторон.

Однако, созвать ее не так легко было. Появились препятствия, о которых речь будет ниже. Непосредственное выступление пролетариата всех воюющих стран с одной платформой мира требовало длительной и сложной подготовки. Тем временем нужно было, чтобы и русское правительство со своей стороны делало решительные шаги навстречу миру. От министерства иностранных дел ждали новых выступлений, новых нот, обращенных к союзникам. Между тем после „обращения к гражданам“ правительство замолкло и бездействовало. А вопросом о мире интересовались не только социалистические партии. Он был вынесен в широкие круги, дебатировался на рабочих собраниях. После того, как выяснился неудачный исход весеннего наступления союзников, распространенным стало мнение, что конец войны близок. Каково было настроение даже высших командных сфер армии, можно заключить из слов генерала Алексеева. Во время своего пребывания в Петрограде он говорил сотрудникам газеты: „1917 год является решительным в ходе войны. Народы так утомлены и истощены, что у них хватит максимум лишь на четыре месяца способностей к продолжению титанической борьбы. Затем будут исчерпаны живая сила и материальные средства, главным же образом, продовольственные запасы“. Если так говорил верховный главнокомандующий, то нетрудно себе представить, как говорили о близком конце войны и о необходимости кончать войну менее военные и менее ответственные люди. Меньшевик Далин в „Рабочей Газете“ совершенно серьезно выдвигал свой проект окончания войны: в определенный день и час военные действия на всех фронтах прекращаются, в пограничных местностях население всеобщим голосованием определяет, какому из воюющих государств оно желает принадлежать, составляется общий фонд в 25 миллиардов франков для восстановления разрушенных областей.

Бездействие правительства, уклончивость и неопределенность его политики раздражали социалистическую демократию. „Речь“ отмалчивалась. В передовой статье 9-го апреля она вскользь обронила замечание, что русским правительством сделано всё, и дальнейших шагов надо ждать не от России и не от союзников, а от немцев. В это же время Милюков в Москве на собрании членов партии народной свободы заявил, что в декларации временного правительства о целях войны ничего нового нет, и содержит она „не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран“. Милюков говорил далее, что условия мира могут быть выработаны только в согласии с союзниками при соблюдении заключенной ранее конвенции, что в условия мира должны войти и присоединения к России турецкой Армении, Галиции и т. д.

Революционная демократия требовала, чтобы Россия проявила инициативу, выступила решительно с пересмотром условий мира. Милюков в ответ на это усиленно подчеркивал соблюдение Россией обязательств перед союзниками. Это давало обильную пищу для такой агитации, в которой вынужденная зависимость России от союзников или от союзнического капитала была главным мотивом. У рабочих и солдат начинает популярной становиться мысль,

что война продолжается исключительно из-за союзников. На собраниях и митингах можно слышать враждебные против них речи и возгласы. Была даже сделана 9-го апреля попытка уличной враждебной союзникам манифестации. Инициатива принадлежала, повидимому, анархистам. Небольшие группы на Невском у Садовой ул., на Петроградской стороне у Троицкого моста, на Чернышевой площади перед министерством народного просвещения с криками: „Долой Америку, Францию, Англию, долой войну!“, с черными флагами, пытались пройти к зданию американского посольства. Публика отнеслась к манифестации несочувственно. Милиционеры помешали манифестантам пройти на Сергиевскую ул., к зданию посольства, которое после этого охранялось военными патрулями.

Отношения обострялись. От успокоения, внесенного обращением к гражданам, не осталось и следов. От правительства требовали, чтобы в духе этого обращения были предприняты определенные шаги. Колебания происходили в самом кабинете. Керенский настаивал на необходимости активной в сторону мира внешней политики. Его поддерживали Некрасов и Терещенко и, наконец, князь Львов. В газетах, — в том числе и в „Речи“,—13 апреля появилась такая заметка: „Временное правительство в настоящее время подготовляет ноту, в которой оно обратится в ближайшие дни к союзным державам и в которой более подробно разовьет свой взгляд на задачи и цели войны в соответствии с обнародованной уже временным правительством декларацией по этому вопросу“. В своей „Истории второй русской революции“ Милюков утверждает, что заметка эта была инспирирована Керенским и действительности совершенно не соответствовала. На другой день появилось опровержение: „Временное правительство просит сообщить, что сведение это не соответствует действительности“. Эта заметка произвела эффект, обратный тому, какого добивался Милюков. Она возбудила совершенно естественное подозрение в искренности временного правительства и обнаружила происходящие в среде его разногласия. Опровержение было и прямым вызовом совету рабочих депутатов. После него уже совершенно неизбежно было выступление правительства с нотой, и в бурном заседании, после очередного столкновения Милюкова с Керенским, вопрос о ноте был решен в положительном смысле.

Эти колебания правительства в самом важном вопросе, непоследовательность и нерешительность давали богатый материал для той страстной кампании против временного правительства и в особенности против Милюкова, которую повели большевики со дня приезда Ленина. И когда появилась знаменитая нота Милюкова 18 апреля, она разрядила электричество, накопившееся в настроениях толпы, в возбужденной до крайности атмосфере политической борьбы.

Возвращение в Россию виднейших деятелей политической эмиграции внесло чрезвычайное оживление в политическую борьбу и усилило левый, циммервальдистский фланг демократии. Революция застала в рассеянии вождей социалистических партий — в различных городах Франции, Швейцарии, Англии, Соединенных Штатов. Сношения с Россией были затруднены. Для борьбы с военным шпионажем были учреждены контрольные заставы на всех

границах. Пробраться сквозь них нелегко было и простому пассажиру, непричастному к политике, тем более трудно для людей, известных своей антимилитаристской пропагандой. Международная полиция сводила это попросту к германофильству, и в особом подозрении были русские социалисты.

Министерство иностранных дел сейчас же после издания указа об амнистии разослало представителям России заграницей циркуляр о свободном возвращении на родину всех эмигрантов, кроме тех, которые внесены в контрольные списки. Этот циркуляр послужил источником мытарств для сотен и тысяч политических эмигрантов и дал повод для новых обвинений против правительства и в особенности против Милюкова в скрытой контрреволюционности. Списки составлялись международной полицией при деятельном участии русской охранки и контр-разведки, и не удивительно, что все видные русские социалисты, кроме явных оборонцев плехановского направления, попали в эти списки. Русские послы и консулы могли бы разъяснить недоразумение, но Милюков не спешил с их сменой, и в то время, как в России старая власть на местах была устранена, заграницей она оставалась, будто и не произошло никакой революции.

Лидеры социалистических партий рвались в Россию с первых дней революции. Их звали, их ждали с нетерпением. Но они натыкались на скрытые и явные препятствия. Посольства не выдавали паспортов; правительства отказывали в визах. Переезд из Англии в Россию морем был затруднен из-за германских подводных лодок. Когда нельзя было прямо отказать в проезде, власти ссылались на опасность переезда. Так создалась совершенно невыносимая для эмигрантов атмосфера. Они посылали в Россию телеграммы, жаловались, протестовали, но эти телеграммы не достигали цели. И у русских эмигрантов заграницей, видевших перед собой старые посольства со старыми порядками, создавалось впечатление, что революция внесла только внешнюю перемену, а по существу Россия так же, как и прежде, ведет войну в тесном согласии с Антантой, что временное правительство готовит удар революции и демократии и что Милюков бессовестно обманывает русскую доверчивую публику. После того, как попытки швейцарских эмигрантов получить возможность проезда в Россию через Францию окончились неудачей, возникла идея обмена русских эмигрантов на немецких гражданских пленных, интернированных в России. Этот вопрос был подвергнут обсуждению на эмигрантских собраниях в Швейцарии. Мартов и Ленин телеграфировали об этом в Россию, но ответа не получили. Тогда принято было решение воспользоваться предложением швейцарского левого социалиста Платтена, который вступил через немецких социал-демократов в переговоры с германским правительством о пропуске русских эмигрантов через Германию. Германское командование из своих соображений дало согласие. Правые русские социалисты отказались ехать таким путем. Лидеры большевиков и интернационалистов-меньшевиков поехали под условием экстерриториальности поезда. Их сопровождал Платтен. Во время следования поезда через Германию никто в вагоны не входил. Это дало повод к легенде о „запломбированном вагоне“; к ней мы ниже вернемся.

Такой способ проезда в Россию был доступен, конечно, немногим. Огромное большинство продолжало томиться вдали от родины, обивая пороги посольств. Образовались эмигрантские комитеты, взявшие на себя организацию переезда в Россию. Кое-где они подчинили себе старых чиновников посольств, но правительства с ними не считались. Более предприимчивые и нетерпеливые искали и находили пути для самостоятельного путешествия. Так на небольшом пароходе „Zara“ отправилась в Россию небольшая группа эмигрантов, среди них Карпович, бывший каторжанин, стрелявший в министра нар. просв. Боголепова, и видный латышский социалист Янсен. На полпути между Англией и Бергеном пароход был подорван немецкой подводной лодкой, Карпович и Янсен погибли, несколько человек спаслось.

Трагическая кончина Карповича, проезд Ленина и Мартова через Германию, наконец—телеграммы эмигрантов о затруднениях, которыми обставлено возвращение, привлекли к себе внимание общества и печати. На запросы представителей совета рабочих депутатов и газет Милюков отвечал, что для всех эмигрантов путь в Россию открыт, правительство не делает различий между сторонниками и противниками войны, и дипломатическим представителям даны соответствующие указания. Но вскоре посыпались разоблачения, показавшие, что либо Милюков говорит неправду, либо русские чиновники заграницей не повинуются его указаниям.

Бывший депутат 2-й государственной думы соц.-дем. А. Зурабов напечатал в „Известиях“ заявление о мытарствах, которым подвергаются русские эмигранты-социалисты, желающие вернуться в Россию. „Всякие попытки проехать через Францию и Англию остаются без результатов. В. Чернов был возвращен обратно с английской границы. Живущие во Франции эмигранты находятся в том же положении. Их телеграммы в Россию не доходят по назначению... Следует требовать, чтобы правительство настояло на том, чтобы союзные государства пропускали непосредственно эмигрантов“. Самому Зурабову посольство в Копенгагене отказывалось выдать паспорт, ссылаясь на циркуляр Милюкова из Петрограда. Милюков отвечал Зурабову официозной заметкой министерства иностранных дел о том, что правительством союзных держав сделано надлежащее представление. Однако, положение не изменилось. Мартов телеграфировал исполнительному комитету о „невыносимом положении из-за абсолютной невозможности проехать через Англию раньше нескольких месяцев, тогда как для Плеханова, Кашена и других сторонников империализма, укрепляющих либералов против социалистов, нашлись способы переправы“. Мартов резко протестовал против такого неравенства в применении амнистии, видел выход в обмене на интернированных немцев и заявлял, что при отсутствии всякого выхода „сотни изгнанников, старых борцов“ считают себя в праве „искать других путей для того, чтобы прибыть в Россию и бороться за дело международного социализма“. Эти „другие пути“ лежали через Германию при содействии германского правительства, и этими другими путями рядом с Лениным воспользовался и Мартов.

Но еще большее впечатление произвело известие об аресте в Галифаксе (Канада) группы эмигрантов во главе с Троцким, возвращавшихся из Америки. Исполнительный комитет 8 апреля отправил следующую телеграмму

английскому правительству и английским газетам: „Исполнительный комитет совета раб. и солд. деп. узнал, что на пароходе „Христиан-Фиорд“ в Галифаксе арестованы английскими властями русские политические эмигранты: Мухин, Фишелев, Троцкий, Романченко, Чудновский и Мельнишанский. Революционная демократия России с нетерпением ждет к себе своих борцов за свободу... Между тем английские власти пропускают в Россию одних эмигрантов, задерживают других, в зависимости от их убеждений. Английское правительство совершает этим недопустимое вмешательство во внутренние дела России и наносит оскорбление русской революции, отнимая у нее верных сынов“. Телеграмма заканчивалась призывом министру иностранных дел „принять в экстренном порядке меры, необходимые для возвращения в Россию всех политических эмигрантов без изъятия“.

В „Правде“ появились подробности ареста Троцкого, Чудновского и др. Им был устроен английскими властями „русский жандармский допрос“, затем они были арестованы, их „схватили за руки, за ноги и поволокли лодку“. Спутники Троцкого, успевшие пробраться в Россию, заканчивали свое письмо словами: „таким образом, мы, политические эмигранты, пробирались между подводными разбойниками—немцами, надводными—англичанами“. Редакция газеты от себя присоединяла: „Трудно сохранить спокойствие, читая это сообщение о зверствах, чинимых „союзниками“ г. Милюкова над борцами российского рабочего класса. Товарищи, для того ли вы свергали царя Николая, чтобы позволить теперь приказчикам английских банкиров арестовывать ваших товарищей, ваших братьев“.

Негодование, вызванное в рабочих кругах арестом социалистов, резкий тон телеграммы исполнительного комитета, шум, поднятый и в печати, и в кругах близких к Керенскому, возымели, наконец, должное действие. Министерство иностранных дел выступило с официальным разъяснением, в котором оправдывалось довольно неловко, а сэр Джордж Бьюкенен, анлийский посол, сохранивший под внешней корректностью глубокую вражду к революции, обратился с нотой к Милюкову. Бьюкенен отрицал обвинения в том, что английское правительство преследует русских эмигрантов-социалистов за их убеждения, но не отрицал, что „некоторые эмигранты, подозреваемые в том, что они питают симпатию к Германии, были задержаны в Галифаксе тамошними властями на время, потребное для сношений с русскими правительством. Но как только последнее высказало пожелание об их освобождении, об этом тотчас был отдан приказ“.

Постепенно дело возвращения эмигрантов на родину наладилось. Плеханов приехал 31 марта, Ленин—3 апреля, 8 апреля прибыла группа социалистов-революционеров, среди них—Чернов, Савинков, Бунаков (Фундаминский), Авксентьев, Лебедев, Аргунов, Моисеенко, Шрейдер и др. На Финляндском вокзале прибывающим устраивали торжественную встречу, их ожидали депутации, представители правительства и совета рабочих депутатов.

Временному правительству вся эта неприятная история с мытарствами эмигрантов славы не прибавила. Лишний раз проявилась нерешительность его, безволие, неумение отстоять свое достоинство заграницей. Левые социа-

листы-циммервальдисты были неприятны правительству, казались опасными. Часть министров охотно верила, что эти социалисты „питают симпатии к Германии", по выражению Бьюкенена. Но, не имея силы, чтобы препятствовать возвращению в Россию опасных эмигрантов, правительство не имело мужества и для того, чтобы открыть искренне и широко пред ними двери. Колебания подрывали авторитет власти. Имя Милюкова стало ненавистно в рабочих кругах. Там начинали верить, что он, по выражению „Правды", простой приказчик английского империализма.

Приезд эмигрантов оживил политическую жизнь, и без того, впрочем, достаточно возбужденную. Левый флаг социалистической демократии вырос и количественно, и качественно. Вернулись старые, испытанные штабы. Социалистические партии возглавлялись до сих пор, в значительной степени, людьми, выдвинутыми случайно на первые посты, только потому, что они оказались в Петербурге в момент революции или же первыми вернулись из ссылки. Таковы были Соколов, Стеклов, Суханов и др. У них не было достаточного авторитета и прочной связи с партиями. С возвращением из эмиграции признанных и старых вождей происходит постепенная смена на руководящих постах. Это относится в особенности к партии социалистов-революционеров, страдавшей от безлюдья. Уменьшается постепенно роль социал-демократической фракции 4-й государств. думы, определявшей на первых порах политику исполнительного комитета.

Эмигранты вносили с собой новую струю в политические отношения. Подавляющее большинство приехавших вождей, видных деятелей и публицистов, принадлежало к интернационалистскому крылу. Три года они жили борьбой против милитаризма европейских держав, против „социал-патриотизма". Они видели опасность, которую несла мировая война русской революции, и некоторые из них стремились к прекращению войны какими угодно средствами, хотя бы и путем сепаратного мира. Оборончество представлялось им самым страшным врагом; оно заслоняло все другие стороны революции. Молодую русскую республику они видели с худшей ее стороны, и там, где другие социалисты, проделавшие первые шаги революции, склонны были видеть ошибки, слабость, неизбежные компромиссы, эмигранты видели измену, предательство, контр-революцию. Вожди социалистов-революционеров, как и вожди большевиков, недовольны были политикой официальных центров своих партий. Чернов недоброжелательно относился к Керенскому; Ленин, еще будучи заграницей, в письмах требовал более решительных действий со стороны большевиков. С подлинным положением дел большинство эмигрантов не было знакомо. В Россию они приехали с опытом и традициями западно-европейской жизни. То, что они встречали в Петербурге, казалось им подчас странным и чуждым. Они не могли примириться с „соглашательством" исполнительного комитета, с оборонческими настроениями. Только немногие поколебались, подобно Церетели, в своем последовательном циммервальдизме.

К этому присоединялась и партийно-организационная неудовлетворенность. Руководящие посты были заняты к приезду эмигрантов; был проделан некоторый путь, были взяты некоторые обязательства. Войти в исполнитель-

ный комитет совета, в центральные комитеты партий можно было, только потеснивши других. Некоторые трения были неизбежны. Они происходили во всех партиях, осложнившись у социалистов-революционеров и у меньшевиков старыми фракционными разногласиями.

Социалистическая печать, конференции и собрания стали богаче содержанием, политическая жизнь ярче, споры и партийная борьба острее. И сразу же Ленин оказался в центре этой обострившейся борьбы, стал фокусом, в котором сосредоточились политические страсти. Не удивительно, что с его именем обывательская толпа связала представление о каком-то переломе в революции и разделила современную историю на две части—до и после приезда Ленина.

Уж одна внешняя сторона приезда Ленина произвела сильное впечатление и была своеобразной манифестацией. Телеграмма о приезде Ленина и группы эмигрантов была получена в исполнит. комитете 3 апреля, в понедельник. Газеты не выходили по случаю праздника, поезд ожидался из Финляндии поздно вечером. Тем не менее весть о приезде Ленина облетела весь город, было дано знать об этом в Кронштадт, и оттуда, несмотря на ледоход, приехали матросы. В 10 ч. вечера Финляндский вокзал и площадь перед ним были запружены народом, преимущественно рабочими и солдатами. На платформе выстроился почетный матросский караул. В двенадцатом часу ночи подошел поезд. Ленина встретили торжественной овацией. От имени исполнительного комитета приветствовал его Чхеидзе. В краткой речи он подчеркнул, что „первой задачей в настоящее время для нас является защита революционной свободной России от всяких посягательств, как изнутри—от контр-революционных сил, так извне—от посягательств внешних завоевателей“. Тут же на площади перед вокзалом Ленин произнес первую свою речь пред многотысячной толпой. Было уже совсем темно, когда шествие с красными знаменами двинулось на Каменноостровский проспект к „дому Кшесинской“, где помещался петроградский комитет Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Среди толпы, освещаемый прожектором, медленно двигался броневой автомобиль с Лениным. В помещении петрогр. комитета состоялось большое торжественное заседание представителей районов Петрограда, Кронштадта и окрестностей, закончившееся в четвертом часу ночи. Перед дворцом не расходилась огромная толпа, и по ее требованию Ленин трижды выходил и говорил с балкона. Митинги у дворца продолжались почти без перерыва и в следующие дни.

На следующий же день, 4 апреля, Ленин выступил с докладом „о задачах пролетариата в данной революции“ сначала в собрании большевиков, потом в объединенном собрании большевиков и меньшевиков в Таврическом дворце. Ленин оговорился, что считает себя недостаточно подготовленным. Он успел набросать лишь краткие общие положения доклада. Они стали впоследствии известны под именем „тезисов“, и в них в сжатом виде намечен путь, который был пройден большевиками до октябрьской революции и в первое время после нее. В этих тезисах (их девять) война объявляется грабительской и империалистской и со стороны временного правительства, дурачащего народ при помощи социалистов-оборонцев. „Никакой

поэтому поддержки временному правительству". Единственной революционной властью должны явиться советы, в которых большевикам надлежит завоевать большинство настойчивым и терпеливым разъяснением рабочему классу обмана, в который он введен. По завоевании власти—не парламентарная республика, а республика советов должна быть установлена, как новая и высшая форма государства. Седьмой тезис говорил о немедленном слиянии всех банков в один общенациональный под контролем С. Р. Д. Восьмой тезис: „Не введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Р. С. Д. за общественным производством и распределением". В девятом тезисе—партийные задачи, среди них перемена программы партии и ее названия, создание нового революционного интернационала.

Почти все тезисы были уже через год осуществлены, а через два года могли считаться отсталыми и устаревшими. Но когда они были прочитаны, они произвели впечатление чрезвычайной новизны и крайнего радикализма даже на ближайших единомышленников Ленина. Он не был понят и должен был в печати сделать оговорку, что выражает только свое личное мнение. Защищая в полемике свои тезисы, он должен был прежде всего выступить против руководящих большевистских кругов, мнение которых и в печати, и в исполнительном комитете выражал Л. Каменев. Ссылаясь на резолюции, принятые бюро центр. комитета, Каменев писал в „Правде": „Впредь до каких-либо новых решений Ц. К. и постановлений общероссийской конференции партии, эти резолюции остаются нашей платформой, которую мы и будем отстаивать как от разлагающего влияния „революционного оборончества", так и от критики т. Ленина". Общая схема революции, нарисованная Лениным, казалась Каменеву неприемлемой, „поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую". Каменев считал позицию Ленина опасной. Ставши на нее, революционная социал-демократия может „превратиться в группу пропагандистов коммунистов".

Таким образом, первое выступление Ленина в России не имело успеха в верхних партийных сферах большевиков. Свой доклад Ленин читал перед членами большевистской фракции совещания советов. Ему возражали, кроме Каменева, некоторые москвичи. И линия, усвоенная большевиками на совещании, осталась без изменений.

Еще меньший успех имел доклад Ленина на объединенном совещании большевиков и меньшевиков. Это совещание было созвано по инициативе группы социал-демократов, делегатов совещания советов, для обсуждения вопросов об организации единой социал-демократической партии. Примиренческие настроения были сильны среди меньшевиков-интернационалистов, слабее—среди большевиков. Определенного решения не было и у последних. Вожди колебались. Каменев и Ногин, казалось, настроены были уступчиво и от разговоров во всяком случае не отказывались. Председательствовал Чхеидзе, докладчиками от инициаторов совещания выступили И. Гольденберг и Вл. Войтинский. Церетели высказался за объединение

и за создание немедленно такого центра, который подготовил бы созыв общепартийного съезда. Доклад Ленина прозвучал резким диссонансом. Заостренные положения о власти советов, национализации, перемена названия партии были чужды большинству собравшихся, были непонятны. К ним отнеслись, как к странному увлечению, и увидели прежде всего старую фракционную непримиримость. Конечно, возражали Ленину меньшевики Дан, Чхеидзе, Голиков, Юдин. Но несогласны были с ним и Стеклов, Юренев, Войтинский, Севрук и Ларин,—тогда еще меньшевик, но уже на крайнем левом крыле меньшевизма. В защиту тезисов Ленина выступила только А. Коллонтай. Правда, хотя тезисы Ленина и не имели успеха, но дело объединения партии после его доклада безнадежно провалилось. Все ответственные партийные большевики уклонились от дальнейших переговоров, а в организационное бюро вошли только бывшие большевики, отошедшие от партии вследствие разногласий по вопросу о войне. В „Правде“ Зиновьев посвятил попытке объединения партии статью под заглавием „Объединительный угар“. „Нет и тысячу раз нет“—это был ответ на предложение объединить в одной партии оборонческое и интернационалистское крыло.

Неуспех Ленина в партийных кругах отразился на приеме, оказанном Ленину печатью. Газеты вышли только пятого апреля, когда уже известно стало впечатление, произведенное докладом Ленина. В „Единстве“ его речь названа была „бредовой“; в других газетах к ней отнеслись со снисходительной насмешкой. Это умерило ту тревогу, которую испытывала вся буржуазная печать. „Речь“ напечатала заметку „Приезд г. Ленина“, в которой писала: „Такие общепризнанные главы наших социалистических партий, как Плеханов и Ленин, должны быть теперь на арене борьбы, и их прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться об их взглядах, можно приветствовать“. Далее газета выражала в сдержанной и корректной форме недоумение по поводу пути через Германию, избранного Лениным, усматривая в этом „полную отчужденность от родной страны или сознательную браваду, которая несовместима с серьезным отношением к войне“. К программе Ленина газета отнеслась со снисходительной улыбкой. Отчет о совещании 4 апреля, напечатанный в этом же номере „Речи,“ рисовал утешительную картину полного разрыва Ленина с большевистскими партийными верхами. В бо́льшей степени чем, „Речь“, забила тревогу „Рабочая Газета“. Она писала: „Ленин приехал к нам, чтобы оказать реакции услугу. После его выступления можно сказать: всякий значительный успех Ленина будет успехом реакции“... Неуспех Ленина на совещании 4 апреля не успокаивал газету. Она видела опасность в проникновении идеи Ленина в широкие круги народа,—рабочих и солдат, не прошедших политической школы. „Революции грозит несомненная опасность. Пока не поздно, Ленину и его сторонникам надо дать самый решительный отпор“.

Действительно, имя Ленина сразу приобрело чрезвычайную популярность. Толпы народа стекались к „дому Кшесинской“, тут происходил непрерывный митинг, и публика слушала с вниманием речи, полные обличения войны, буржуазии, дороговизны, правительства. Смелость и решительность этих речей, революционность лозунгов, чувства социального протеста—всё

это в ярких и простых, доступных самому темному слушателю образах,— пленяло, захватывало одну часть публики и вызывало чувство негодования у другой. Городская беднота, которой революция не дала желаемого дешевого хлеба, не прекратила войны, начинала видеть в Ленине своего трибуна, вождя, пророка. Дело было, конечно, не в самом Ленине. Выступал не он, а другие большевики. Но приезд Ленина сразу дал перевес левому крылу большевизма, дал сигнал к прямой, открытой и резкой борьбе с правительством и правыми социалистами. Приехали и вступили в бой талантливые ораторы, и от обороны большевики перешли в наступление по всей линии. Хотя официально руководство оставалось у прежних лиц, но „Правда“ сразу заговорила языком Ленина и Зиновьева, и сразу же почувствовался перелом в настроении партии.

Бульварная печать со своей стороны деятельно помогала успеху Ленина. Он стал подлинным героем дня. О митингах у „дома Кшесинской“ расписывались небылицы, и это еще больше привлекало любопытство толпы. Поездку через Германию смаковали на все лады. Пущены были слова о „пломбированном вагоне“, делались указания на связь Ленина с германским правительством.

Ясно было, что немецкие власти, пропуская Ленина и других интернационалистов в Россию, связывают с их проездом свои расчеты. Генерал Людендорф рассказал об этом впоследствии в своих мемуарах. Первым делом приехавших был подробный отчет о поездке, представленный Зурабовым исполнительному комитету. Согласно этому отчету все действия группы, проехавшей через Германию, находились под контролем социалистов-интернационалистов Франции, Германии и нейтральных стран и были своевременно запротоколированы. Всю вину за выбор пути через Германию доклад возлагал на временное правительство, не принявшее мер к тому, чтобы открыть возможность эмигрантам законного проезда через союзные страны.

Доклад этот не вызвал возражений или замечаний. „Речь“ находила поездку через Германию бестактной; однако, и она не заподазривала большевиков в тайном соглашении с немецкими властями. „Единство“ Плеханова противопоставило Ленину и др. Карповича и Янсена, избравших опасный путь и погибших с честью. В общем серьезные политические круги открыто не делали из переезда через Германию повода к полемической кампании против большевиков. Инициативу взяла на себя мелкая уличная печать, с популярной „Маленькой Газетой“ Алексея Суворина во главе. Эта газета читалась всей уличной толпой, была любимым органом низов столичного мещанства, велась ярко, красочно, бойко, в тоне вульгарного патриотизма. Она была распространена и среди рабочих и вела грубую войну с большевиками.

„Пломбированный вагон“ стал излюбленной темой для фельетонов, карикатур, предметом неразборчивой и демагогической агитации. Упрощенной и прямолинейной проповеди большевиков была противопоставлена контр-агитация, не менее простая и еще более прямолинейная. В несколько дней страсти с обеих сторон накалились до-красна. По городу распространялись слухи о том, что у „дома Кшесинской“ раздаются призывы к захвату власти, к вооруженному выступлению, конфискации частной собственности; что опасно

проходить мимо этого таинственного дома, что над противниками Ленина производятся насилия. С другой стороны, ходили слухи о том, что большевики— прямые агенты немецкой власти, пораженцы, шпионы. В глазах буржуазии Ленин был страшилищем, и в нем видели средоточие всех бед и опасностей, угрожающих порядку.

Прочный успех имела большевистская проповедь среди рабочих, особенно на Выборгской стороне, ставшей с первых дней цитаделью большевиков. Со дня приезда Ленина резолюции рабочих собраний становятся более резкими и решительными, приобретают более ярко-выраженный классовый и социалистический характер. На Выборгской стороне начинается и проводится в жизнь бойкот всей несоциалистической печати. На Выборгской стороне опасно выступить на уличном митинге с речью против Ленина, как опасно на таком же митинге в центре города, на Невском просп., на Знаменской площади выступить открытым сторонником Ленина. Маленькие уличные митинги, кружки на перекрестках были вообще характерным явлением этого времени. Они не походили на уличные сборища первых дней революции, с оратором в центре, с внимательной аудиторией. Здесь ораторов не было, происходили споры, оживленные, страстные, в которых участвовали десятки лиц. Одни сменяли других, некоторые переходили от кружка к кружку. И всюду имя Ленина было на устах. Споры переходили в потасовки с финалом в комиссариате. На Выборской стороне и у особняка Кшесинской арестовывали и отводили в участок по обвинению в черносотенстве и контр-революции, на Невском просп.—по обвинению в агитации против временного правительства, в шпионстве. Обе стороны проявляли чрезвычайно малое уважение к свободе чужого мнения и отсутствие элементарной терпимости. Уличная печать старательно раздувала вражду, и большие политические газеты, выступавшие против Ленина, вскоре начали печатать статьи о том, что ему уделяют слишком много внимания, что опасность большевизма раздувается и т. п.

Так разгорались первые огоньки гражданской войны. Казалось всё же невероятным, что она подлинно вспыхнет, и преобладало мнение, что верх возьмет стремление сохранить национальное единство. Серьезного сопротивления со стороны совета рабочих депутатов большевики не встречали. Меньшевики полемизировали с ними, но „Известия“ сохраняли скорее дружеский нейтралитет. Исполнительный комитет не считал себя вправе и не видел оснований вмешиваться в происходящую борьбу и, уверенный в непоколебимом своем влиянии на рабочие массы, снисходительно смотрел сверху вниз на споры. Между тем агитация направлена была не только против буржуазного временного правительства и против Милюкова, но и против соглашательского исполнительного комитета, против Керенского и меньшевиков.

Отпор—и очень энергичный—встретила проповедь большевиков со стороны солдатской массы. Солдаты сочувственно относились к обличению временного правительства в нерешительности, слабости, служении капиталистам. Но патриотические настроения еще были сильны, оборончество владело умами, и открытая антимилитаристская агитация не встречала сочувствия. Речи о „пломбированном вагоне“, о сделке с немецкими гене-

ралами, пораженчестве, находили среди солдат внимательных слушателей и вызывали в них негодование. Кадеты и те, кто называл себя кадетами, будучи еще вчера в правом лагере, умело использовали это настроение солдат и уличной толпы центральной части города. Снова стали появляться резолюции воинских частей с призывом к продолжению войны „до почетного мира", с угрозами против тех, кто проповедует „анархию". Матросы 2-го Балтийского экипажа, бывшие в почетном карауле на Финляндском вокзале для встречи Ленина, вынесли постановление, в котором говорили, что приветствовали Ленина, как „выдающегося общественного деятеля, оказавшего услуги русскому революционному движению". Теперь, узнав, каким путем Ленин прибыл в Россию, матросы выражали сожаление по поводу участия своего в торжественной встрече. „Если бы, в момент нашего пребывания при его встрече на вокзале, мы знали, каким путем он к нам попал, то, вместо восторженных криков „ура", раздались бы наши негодующие возгласы: „Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал".

Эти дни показали вообще значительный рост и кадетской организации в Петрограде, и ее несомненного влияния в широких кругах петербургского населения, преимущественно среди интеллигенции, обывателей, мещанства. На больших народных собраниях (в театре Лин) кадетские ораторы выступали с успехом против социалистов, на митинге в гренадерском полку, перед многотысячной солдатской аудиторией, Аджемов резко нападал на большевиков, и большинство слушателей аплодировали ему. Это несомненно внушало кадетам преувеличенное представление о своей силе и о своем влиянии на народные массы.

Выступления против большевиков приняли более аггрессивный характер. Застрельщиками явились гимназисты. Учащиеся средне-учебных заведений были объединены в союзе средней школы, с исполнительным органом в виде „Главной управы". Союз был беспартийный, настроен весьма революционно, но в части своей и патриотически. Ученики гимназий, расположенных на Петроградской стороне, замыслили манифестацию против дома Кшесинской. Главная управа была против нее. Манифестация неизбежно повела бы к столкновениям, возможно, кровавым. Были приняты меры. Помимо обращений в газетах, были расставлены караульные, вызваны милиционеры. Назначенная на 12-е апреля манифестация не состоялась. Лишь небольшая группа гимназистов и гимназисток, человек в 200, прошла к особняку Кшесинской, кричала „долой Ленина", свистала. Ее убедили, что Ленина в особняке нет. На следующий день собралась снова толпа гимназистов, уже побольше,—к ней пристало и много любопытных. На этот раз, как передает „Речь", к собравшимся вышел Ленин, который будто бы в примирительном тоне, избегая резких выражений, разъяснял позицию большевиков. Толпа разошлась спокойно.

Более внушительный и воинственный характер имела манифестация инвалидов. В ней приняли участие солдаты и офицеры, находившиеся на излечении почти во всех лазаретах Петрограда. С утра 16-го апреля многочисленные колонны людей, почти сплошь перевязанных и забинтован-

ных, калек, с истощенными и изможденными лицами, потянулись к Таврическому дворцу. Не все могли ходить; многих везли на линейках, грузовых автомобилях, на извозчичьих экипажах. Шествие двигалось медленно и молчаливо. Оно производило тяжелое, жуткое впечатление. На знаменах были надписи: „Война до победного конца", „Наши раны требуют победы", „Здоровые, замените больных в окопах". Выделялись плакаты: „Ленина и К°—обратно в Германию". О специальных нуждах инвалидов говорили надписи с требованием пересмотра закона о пенсиях. Манифестанты заполнили залы Таврического дворца, много народа осталось на улице и во дворе перед дворцом.

Манифестация была организована и подготовлена. Инвалиды пришли в боевом, возбужденном настроении. Когда Скобелев начал речь о задачах и путях революции, его прервали нетерпеливыми криками. Офицер-инвалид заявил: „Мы пришли сюда, чтобы выяснить тактику Ленина и ваше отношение к нему". Скобелев пытался защищать право большевиков на свободную агитацию, оговариваясь, что он с ними не согласен. Ему не дали договорить. Такие же сцены повторялись и в других залах. Церетели и Гвоздеву не удалось окончить своих речей. Было опасно говорить перед этими слушателями, жертвами войны, о том, что война это—зло, бедствие, и ее надо ликвидировать возможно скорее. Зато бурная овация была устроена Родзянке. Ряд ораторов-инвалидов говорил о необходимости принять решительные меры против Ленина, не останавливаясь перед применением вооруженной силы. В измене России обвинялись, впрочем, не только большевики, а и все социалисты, и совету рабочих депутатов были приписаны все неудачи. В пространной резолюции, проникнутой патриотическим духом, выражено полное доверие временному правительству, и за ним признана полнота единой власти; совету рабочих депутатов, „выразителю демократических настроений", оставлено право контроля. Организаторы манифестации принуждены были считаться с настроениями солдат и не могли открыто выступить против совета рабочих депутатов. Но резолюция требует от совета „парализовать деятельность Ленина всеми доступными средствами".

Манифестация инвалидов породила в городе тревожные слухи. Боялись кровавых столкновений у дворца Кшесинской, говорили о пулеметах, которыми будто бы запаслись большевики.

Инициатива и организация манифестации инвалидов исходила из офицерских кругов. Совет офицерских депутатов развивал в это время довольно энергичную деятельность. Накануне манифестации 15-го апреля в совете обсуждался вопрос о вредной агитации Ленина и его сторонников, и было принято решение „войти в контакт с советом рабочих и солдатских депутатов в целях обезвреження деятельности Ленина и его приверженцов и для выяснения личностей, приехавших с ним". Контакт с исполнительным комитетом вряд ли дал бы офицерской организации утешительные результаты. Там с тревогой относились к агитации большевиков, но с еще большей тревогой прислушивались к националистическим и контр-революционным нотам в буре, поднятой справа.

Откликнулась солдатская часть совета. Ее исполнительная комиссия вела самостоятельное существование и занималась преимущественно вопросами внутренней организации армии, предоставив общую политику исполнительному комитету. В этой комиссии почти не было профессиональных политиков, а те, что были, принадлежали к оборонцам. Неожиданно для исполнительного комитета эта солдатская комиссия приняла резолюцию, в которой пропаганда ленинцев была названа „дезорганизаторской“, „не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа“. Исполнительная солдатская комиссия не считала, правда, возможным принимать репрессивные меры против пропаганды, „пока она остается лишь пропагандой“, но требовала от исполнительного комитета, чтобы он открыл планомерную агитацию против ленинцев „как в печати, так в особенности в воинских частях“,

Эта сдержанная, но внушительная резолюция солдатской части совета произвела впечатление и на большевиков. Аналогичные резолюции были вынесены и некоторыми другими воинскими частями. Так в „Маленькой Газете“, которая с особым азартом вела кампанию против Ленина, в номере от 14 апреля солдаты 4 передового автомобильного санитарного отряда требовали расследования обстоятельств проезда Ленина через Германию. И в „Правде“ заметно понижается ее боевой тон. В ряде статей газета защищается от обвинений в призыве к насилию, гражданской войне. Ленин подчеркивает неоднократно, что он против немедленного захвата власти, против всяких импровизированных выступлений, пока не завоевано прочное большинство в советах. Разоблачая лживость, контр-революционность поднятой против него кампании, он не устает повторять, что с первого же дня приезда он приглашал своих сторонников лишь к настойчивому, терпеливому разъяснению рабочим и солдатам обмана, в котором они находятся.

Не ограничиваясь статьями в „Правде“, Ленин лично выступил 16 апреля в совете солдатских депутатов. Он произнес пространную речь, в которой полностью развил все свои положения, но говорил в спокойном и умеренном тоне и заставил себя слушать, несмотря на враждебное к нему отношение большинства собрания. Возражал Ленину Либер, который к тому времени стал выделяться как популярный и экспансивный оратор исполнительного комитета. Он заявил, что Ленин сдал значительную долю своих позиций, чего впрочем из текста речи Ленина, опубликованного в газетах, не видно. Либер говорил об опасности, которую представляет агитация Ленина, „выгодная для буржуазии“, так как она открывает путь для контр-революции. Сочувствие аудитории было явно на стороне Либера, но Ленину, повидимому, удалось поколебать в слушателях представление о большевиках, как о бунтарях и сторонниках сепаратного мира.

Вряд ли, впрочем, успокоительные объяснения могли действительно успокоить тех, кому агитация большевиков внушала тревогу. В накаленной революционной атмосфере слово пропаганды чрезвычайно легко переходило в призыв к непосредственному действию. Не было нужды в длительном и настойчивом разъяснении, слушатели часто опережали оратора в понимании. На заводе „Старый Парвиайнен“ рабочее собрание 13 апреля в количестве

2.500 человек постановило: „требовать смещения временного правительства, служащего только тормозом революционного дела, и передать власть в руки совету р. и с. депутатов,... реквизировать типографии всех буржуазных газет...и предоставить их в пользование рабочих газет, ..реквизировать все продукты продовольствия для нужд широких масс“ и т. д. Не удивительно, что слухи о подготовке вооруженного восстания находили почву в обывательской среде и что бульварная печать ловко спекулировала на этих слухах.

После выступления солдатской части совета, после манифестации инвалидов тон агитации большевиков стал несколько более умеренным. Столкновения на улицах между сторонниками и противниками Ленина начали было прекращаться. Казалось, что угроза гражданской войны отрезвила, до некоторой степени, обе стороны, и тем, кто стоял за единство в революции, удалось спасти ее от преждевременного раскола.

Однако, начинавшееся успокоение сорвано было нотой Милюкова. Большевики получили превосходный материал для своей агитации. Они оказались правы в своем настойчивом недоверии к временному правительству. И симпатии колеблющихся слоев народа снова повернулись в их сторону.

4.

Настроения быстро сменялись в это время. От возбуждения народ легко переходил к мирному и доверчивому состоянию. Вчера площадь перед особняком Кшесинской кишела народом, происходили столкновения, зарождалась опасность гражданской войны; сегодня на этой же площади мирно спорили кучки прохожих, любопытных, праздных солдат. В кругах либеральной буржуазии точно также острая тревога сменялась оптимистической уверенностью в завтрашнем дне. Либеральная печать создавала призраки, и на другой день сама же рассеивала их; размалевывала черными красками Ленина, в то же время презрительно высмеивала его ничтожество. Но уже не проходила и давала себя всё более чувствовать боязнь социального вопроса в революции. Классовые противоречия развивались с неумолимой последовательностью, и пролетариат вырастал грозной тенью на фоне революционных событий. Правда, непосредственные, разрозненные, пугающие своей стихийностью и эксцессами выступления рабочих в апреле прекращаются. Сохраняется внешнее спокойствие, работы идут без перерыва. Однако, рабочее движение не теряет своего размаха. Оно делается углубленнее и от первых завоеваний 8-ми часового рабочего дня, повышенной заработной платы, идет дальше, в область организации производства. Происходит то же, что и в армии. Заводские комитеты, как и армейские организации, на первых порах захватывали власть на заводах, сменяли неугодную администрацию, выбрасывали мастеров. После периода забастовок, конфликтов, после вмешательства армии создался путем компромиссов некоторый порядок. Заводские комитеты не вмешивались формально в организацию производства, администрация водворилась на своих местах. Однако прежний строй был подорван, и всякие попытки его восстановить натыкались на могучее сопротивление. Хозяева

уже не чувствовали себя хозяевами на предприятиях. В жизни нельзя было провести грань между формальными правами рабочих организаций и их фактическим влиянием. На казенных заводах старая администрация, как и командный состав в армии, не могла примениться к новым условиям и войти в доверие к рабочим. Она устранялась трусливо или пыталась, прямо и косвенно, восстановить старые, ненавистные рабочим порядки. Производительность труда неуклонно падала уже в последние годы войны перед революцией. Изнашивались машины, переутомлен был пролетариат, пестрый по составу своему, вобравший за военное время много новых элементов низшей квалификации. На четвертом году войны начинался неизбежный при всяких условиях развал промышленности. Революция дала толчек этому процессу, подогнала, обострила его. На этой почве обострялись и отношения. Буржуазия во всем винила рабочих, их нежелание работать, бунтарство, невежество, лень. Рабочие обвиняли капиталистов и администрацию в неумении и нежелании поднять и расширить производство, подозревали в тайных замыслах, в саботаже. Корресподенции с заводов в рабочих газетах говорят о неиспользованном сырье, которое капиталисты прячут, об искусственно создаваемой безработице. И популярной становится мысль о рабочем контроле над производством, о передаче рабочим заводов и их национализации.

Из рабочих организаций, создавшихся на заводах, выделилась и обратила на себя внимание конференция представителей заводов артиллерийского ведомства. В первые дни революции администрация некоторых крупных милитаризованных заводов (Патронного, Сестрорецкого и др.) разбежалась, и управление оказалось фактически в руках рабочих. 13 марта рабочие заводов артиллерийского ведомства (Патронный, Орудийный, Пороховой, Арсенал, Сестрорецкий, Оптический, Гвоздильно-Подковный и др.) созвали первое совещание представителей от всех этих заводов. Помимо текущих вопросов, на совещании, объединившем значительную часть петербургского пролетариата, — свыше 100.000 рабочих, — был поставлен и вопрос об организации управления заводов. Позже администрация вернулась на место. Созывались объединенные совещания с участием представителей о-ва фабрикантов и заводчиков, артиллерийского управления, союза инженеров, заинтересованных ведомств и рабочих. Эти совещания признали конференцию, как представительный орган рабочих, признали рабочую милицию и приняли план организации заводов, в основу которого положен принцип полного демократизма и коллегиальности. Первый пункт резолюции об организации гласил: „До тех пор, пока не наступит момент полной социализации всего общественного хозяйства, государственного и частного, рабочие не берут на себя ответственности за техническую и административно-хозяйственную организацию производства и отказываются от участия в организации производства“.

За выборными рабочими заводскими комитетами остается „защита интересов труда перед заводской администрацией и контроль над ее деятельностью“ и „право отвода тех членов администрации, которые не могут гарантировать нормальных отношений с рабочими“.

Правительство и капиталисты шли на эти конституционные уступки рабочим. Они обозначали подлинную революцию на заводах и в данных

исторических условиях вели к диктатуре пролетариата на каждом заводе в отдельности. Но, будучи фактически хозяевами на заводе, рабочие чувствовали тем острее свою зависимость от законных хозяев, в руках которых оставались финансовые средства предприятий.

Капиталисты и близкие им круги всю беду видели в революционном увлечении рабочих, в демагогической агитации социалистических партий, в деятельности совета рабочих депутатов. Страх перед революцией и ненависть к ней начинают прорываться всё чаще сквозь ту удовлетворенность, какую принесла либеральной буржуазии победа над старым режимом. Правительство, однако, соблюдает лойяльность в революции и санкционирует требования рабочего класса.

Это проявилось отчетливо на всероссийской конференции железнодорожных служащих и рабочих, открывшейся 8 апреля в Петрограде. Одной из основных задач этой конференции была демократизация управления, фактический переход власти на дорогах от прежних начальников к выборным организациям. Министр путей сообщения Н. В. Некрасов шел навстречу железнодорожному пролетариату и признавал права его на участие в управлении. Без этого трудно было справиться с развалом, начинавшимся на железных дорогах после падения прежней дисциплины. Железнодорожная разруха началась еще до революции, была неизбежным следствием затянувшейся войны, но то, что было скрыто раньше, выступило теперь сразу наружу. В кругах, перепуганных революцией, всё ставили ей на счет. И влиянию социалистической агитации приписывалось общее требование железнодорожных служащих и рабочих значительного повышения заработной платы.

Социалистические партии были еще слабы, плохо организованы, но влияние социалистических идей было уже очень велико, и за два месяца революции рабочие массы значительно полевели. На „Страховой конференции“ по вопросам государственного страхования рабочих, происходившей в Петрограде в конце марта и начале апреля, перевес оказался на стороне большевиков. Рядом с большевиками, занимая крайний левый фланг, выросла численно небольшая, но шумливая и энергичная группа анархистов. Они не пользовались ни малейшим влиянием в исполнительном комитете, к их лидерам относились с насмешкой, но в рабочих и солдатских кругах к их речам прислушивались с любопытством, и они имели успех среди молодежи, ищущей приключений. Кронштадт стал их опорным пунктом. В Петрограде их деятельность стала известной после „захвата“ ими дачи Дурново. Захвата в действительноти не было. Анархисты-коммунисты 19 апреля заняли пустую дачу на Полюстровской набережной с согласия комиссариата Выборгской стороны и с ведома совета рабочих депутатов. Но и печать и общество подняли шум по поводу захвата частных помещений, когда анархисты-коммунисты насильственно заняли дом герцога Лейхтенбергского. В связи с этим обострился и вопрос о занятии большевиками дома Кшесинской. После переговоров исполнительного комитета с анархистами-коммунистами, они согласились добровольно очистить захваченные особняки. При этом обнаружилось, что часть имущества разграблена.

В первые дни революции буржуазные круги не возражали против отдельных случаев нарушения прав частной собственности и мирились с захватом особняков, освященным красным или черным флагом. Но в апреле такие случаи уже вызывали против себя сильнейшее раздражение, они были нарушением устанавливающегося порядка. Исполнительный комитет должен был разъяснить, что никогда разрешений на самовольный захват частных помещений он не давал. В резолюции своей по этому поводу исполнительный комитет говорил: „Всякие самовольные захваты частных помещений и частных имуществ исполнительный комитет считает пагубным для дела революции, ибо они вносят дезорганизацию и смуту и создают удобную почву для злонамеренной деятельности темных личностей и провокаторов. Лиц, самовольно учинивших подобные захваты, исполнительный комитет объявляет ослушниками революционного народа и пособниками контр-революции“.

Так, верный намеченной им линии, исполнительный комитет старался сдержать движение в берегах „буржуазной революции“. Но волны хлестали через края. Не всем возможно было понять, почему народ, сбросивший вместе с царем и дворян и знатных сановников, не смеет прикоснуться к их частному имуществу. Исполнительному комитету повиновались, но критика его „соглашательства“ находила благодарную аудиторию. Анархисты обвиняли его попросту в измене, в солидарности с буржуазией, с капиталистами.

За рабочим движением следовало и движение ближайших к пролетариату групп населения. Организовались в свой союз солдатки, особый „класс“ населения, созданный войной, наименее дисциплинированный, но полный понятного и законного неудовольствия. Озлобление жен и матерей сыграло не малую роль в. событиях, вызвавших февральский переворот. На собраниях по районам солдатки теперь выработали ряд требований к правительству, из них главные: повышение ежемесячного пайка до 20 руб., уравнение в правах гражданских жен с „законными“ и солдаток с офицерскими женами. Огромная многотысячная манифестация солдаток 9 апреля прошла по Невскому, направляясь к Таврическому дворцу. Во главе ее шла А. Коллонтай. На плакатах были революционные и антимилитаристские лозунги. Солдатки были в чрезвычайно возбужденном настроении. Их митинг у Таврического дворца носил беспорядочный характер, в речах были страстные нападки не только на буржуазию, но и на временное правительство, и на совет рабочих депутатов. Для успокоения солдаток были созданы участковые пайковые комиссии.

Электричество накапливалось на крайнем левом крыле революции. Такой же процесс, в более скрытой форме, происходил и на крайнем правом крыле борющихся общественных сил. Политическая реакция, скрывшаяся в первые дни революции и, казалось, навсегда погибшая, стала проявлять признаки жизни. Выразилось это прежде всего в направленном против евреев погромном движении. В начале апреля, накануне праздника Пасхи, стали приходить тревожные вести об усиленной антисемитской агитации на юге России, в особенности в Бессарабской губ. По сведениям, поступавшим в иногородний отдел совета рабочих депутатов, там на своих местах остались все старые власти, от высших до низших, и изменились только названия: полиция

стала милицией, исправник — комиссаром. При попустительстве этой власти, оставшиеся на свободе члены союза русского народа подстрекали толпу к погромам. Из некоторых мест евреи бежали в города, терроризованные погромной агитацией. Сообщения о погромной агитации поступали и из Херсонской, Киевской, Полтавской и Могилевской губ. Правительство посылало туда телеграммы с требованием принять меры; совет рабочих депутатов отправил специальную делегацию; союз республиканцев-воинов сформировал летучие отряды для борьбы с погромной агитацией. В общем, пасхальные дни прошли благополучно, хотя даже в Москве была попытка инсценировать ритуальное убийство после того, как на Сухаревой башне был найден труп повешенной на балке изнасилованной девочки. Отдельные небольшие погромы всё же имели место в Тирасполе, в м. Брусилове Киевск. губ., в Рогачевском уезде Могилевской губ., в местечках Полтавской губ. Всюду погромы прекращались вмешательством рабочих и общественных организаций, и всюду, где они происходили, обнаруживалась связь их с живыми остатками старого режима, с прежними черносотенцами, притаившимися в подполье, с бывшими городовыми и жандармами. Это были первые мелкие, разрозненные вспышки контр-революции, не имеющей еще вождей, ни организаций, ни идеи. Но уже одно появление этих вспышек было показательно. Проходил первый испуг, вызванный революцией в черносотенных кругах, ослабевало ее обаяние.

Столичная печать забила тревогу. В „Единстве“ Плеханов напечатал несколько статей, требующих обратить самое серьезное внимание на погромную агитацию, на несомненный рост антисемитизма.

О живучести антисемитизма, лишенного теперь официального покровительства, свидетельствовал такой факт. В военные училища были приняты евреи-студенты, которым в царской армии закрыт был доступ к офицерским должностям. Старый командный состав был конечно этим недоволен, но не смел свое недовольство выразить. Однако, в одном из петроградских юнкерских училищ вопрос о допущении евреев в училище вызвал страстные споры среди юнкеров, и часть их голосовала за такую резолюцию: „Не имея ничего против евреев вообще, считаем немыслимым их допущение в среду командного состава русской армии по разным причинам“. Конечно, эта резолюция вызвала ряд протестов со стороны юнкеров других училищ, но еще недели две назад вряд ли кто решился бы в Петрограде открыто предложить и открыто голосовать за резолюцию с призывом вновь ограничить права евреев.

Эта антисемитская и погромная агитация еще не обнаруживала прямо и определенно монархического своего лица, но ее правый, контр-революционный характер был очевиден. Она не рядилась в красный цвет, не прикрывалась революционными лозунгами. Рядом с ней, соприкасаясь и переплетаясь с ней, начиналось и другое движение, тоже разрозненное, частичное, прорывавшееся вспышками в разных местах, в Саратовской, в Орловской губ., на окраинах и в центре. Солдаты устраивали импровизированные манифестации с радикальнейшими лозунгами, но с финалом в виде разгрома винных складов, лавок, избиения населения,—в частности

евреев. Крупный погром произошел в Саратове, в Покровске, в Мценске. Следствие устанавливало участие переодетых бывших полицейских, шпионов, членов союза русского народа. Подозрительные и темные люди успели пристроиться к новой власти, проникнуть в исполнительные комитеты, занять видные посты в милиции.

Погромы, стихийно возникающие и искусно провоцируемые, компрометировали власть. С ними легко справлялись. Кроме Саратова и Мценска, они нигде не принимали серьезных размеров. Но круги, враждебные революции, искусно ими пользовались в своей агитации и валили в одну кучу всё: и эти эксцессы темной толпы, и слабость местных властей, и аграрное движение, начинавшееся с весенними работами, и запашку пустующих земель, и выступления рабочих, и агитацию социалистических партий. Всё покрывалось одним словом: большевики.

Правые течения и организации еще не смели себя обнаружить, но уже существовало повидимому правое подполье. Трудно судить, была ли в действительности организация „Черной точки“, или же эта только мистификация. Чхеидзе, Церетели, а в Москве Хинчук получили по почте смертные приговоры за подписью „Черной точки“. Покушений на их жизнь, впрочем, не было. „Черная точка“ напугала людей с преувеличенной подозрительностью, и некоторые воинские части выносили резолюции с угрозами по адресу контр-революционеров. Исполнительный комитет несколько позже, в двадцатых числах апреля, счел нужным обратить внимание на черносотенную уличную агитацию, повидимому организованную и руководимую из какого-то неведомого центра. Счел возможным выступить открыто Пуришкевич, распространивший на фронте свою брошюру-листовку „Без забрала“. В ней не было прямой монархической агитации. Она полемизировала с большевиками и косвенно с советами рабочих депутатов. Распространялись подпольные прокламации, в которых описаны были страдания царя и царицы, разлученных с детьми, — больными, даже отравленными.

Судьба царской династии, о которой как будто забыли, снова привлекла к себе внимание. Появились известия о монархической агитации в Крыму, где собрались великие князья, о возникновении там какой-то „Партии тридцати трех“. На губернском съезде городских и уездных комитетов в Симферополе 14 апреля был поднят вопрос о необходимости расселить Романовых по разным местам России. Их сосредоточение в Крыму, куда съехалось и много бывших сановников, вызывало тревогу в местном населении. Существовала ли такая „партия 33“, неизвестно, но разговоры о ней закончились позже, в конце апреля, грандиозным повальным обыском, устроенным севастопольскими матросами у всех великих князей.

Нет пока данных судить о том, складывались ли уже в это время монархические заговоры. Из воспоминаний Деникина известно, что генерал Крымов уже в первых числах апреля замышлял военный переворот для ликвидации совета рабочих депутатов, но и он не предполагал восстановления на троне бывшего царя. Надежды монархистов связывались с Михаилом, как законным в их глазах претендентом. В Киеве агитация шла открыто, и в конце апреля там произошла первая монархическая манифестация. Гим-

назисты и юнкера вышли на улицу с трехцветными знаменами и плакатами: „Да здравствует конституционный монарх!“. Власть не препятствовала манифестантам, но солдаты в свалке уничтожили патриотические знамена и разогнали значительную часть манифестантов.

Знаменательным признаком образования правого крыла с более или менее открытыми монархистскими тенденциями и с враждой к революции был поворот в статьях „Нового Времени“. Революция пощадила эту газету, служившую верно старому режиму. Зная вину за собой, газета первое время вела себя тише воды, ниже травы, и даже старалась прислужиться новым господам, как прислуживалась старым. „Новое Время“ не смело выступать открыто и против совета рабочих депутатов, и ограничивалось по временам ядовитыми намеками. После бури, поднятой приездом Ленина, газета осмелела, почувствовала родную стихию в обвинениях противника в германофильстве. Но, нападая на большевиков, обличая анархию, инсинуируя исподтишка против совета рабочих депутатов, „Новое Время“ не выходило за пределы лойяльности по отношению к временному правительству. Правые круги, настроение которых отражала газета, еще следовали покорно и безмолвно за кадетами. Так было в марте. Но в апреле положение меняется, и 12 апреля в „Новом Времени“ появляется первая статья с резкими выпадами против правительства, которое терпит анархию, бездействует, не может или не хочет утвердить за собой полноту власти. Нарисовав мрачную картину всё растущего развала в стране, газета требовала создания подлинно прочной власти, которая восстановила бы порядок и спасла родину.

„Речь“ в своем ответе на эту статью расшифровала формулу „порядка“, выдвинутую „Новым Временем“. Газета, бывшая в это время правительственным официозом, писала: „дальнейший вывод зависит от вкусов: диктатура пролетариата — по мнению одних; диктатура военная — по мнению других; диктатура единоличная — по мнению третьих. Вот перспектива“. И „Речь“ иронизировала над проснувшейся в обывателе „тоске по городовом“. В этой же статье газета, которая впоследствии так воспевала сильную власть, писала, что власть, которой пользуется временное правительство, есть „сила, прежде всего моральная“. Иной она не может быть; от насилия правительство отказывается. „Должно ли оно посылать карательные отряды в губернии, где начались аграрные волнения? Расстреливать дезертиров? Военной силой подавлять „вольницу“, хозяйничающую на железных дорогах? Или, быть может, ему следует начать с штаб-квартиры г. Ленина и арестовать агитаторов?“ На все эти вопросы газета давала категорически отрицательный ответ. Власть ничего не может сделать, если народ сам не проявляет инициативы в борьбе с явлениями распада.

Эти слова свидетельствовали о благородных побуждениях власти и об ее благодушии, вольном или невольном. Но за ними скрывалось и чувство бессилия и растерянности, еще подавляемое, еще не осознанное. И не могли, конечно, эти слова удовлетворить союзников правительства справа, требовавших, чтобы порядок был восстановлен немедленно, и в слабости правительства видевших новые открывающиеся для них возможности. „Речь“ не случайно упомянула о „военной диктатуре“.

5.

Правительство видело, ощущало все трудности, которыми осложнялась революция. Наивный оптимизм первых дней прошел, но вера в моральные силы революции, в чудо, которое может сотворить организующаяся общественность, еще не исчерпалась. Да сверх того, только моральные силы революции и были той почвой, на которой могло более или менее твердо держаться правительство. Попытки проявить твердую власть, прибегнуть к репрессиям, немедленно вызвали бы отпор, не говоря уже о том, что у центрального правительства не было органов на местах. Временное правительство было петроградским правительством, и если к голосу его всё же прислушивались в России, то только в силу того политического веса, каким пользовался Петроград в революции. Такую же центральную роль играл и петроградский совет раб. депутатов, компетенция которого формально была ограничена, в силу избрания, только пределами Петрограда.

Вера в центральное свое положение и в политический свой авторитет была так велика у правительства, что всякое проявление политического творчество на местах воспринималось с болезненным беспокойством, как посягательство на центральную власть, на ее авторитет. Полагалось бы так, и это было бы очень хорошо, что все российские окраины, области, города действительно будут терпеливо ждать указаний из столицы, декретов, инструкций, временных правил, разработкой которых занялись различные комиссии. У власти находилась партия народной свободы, которая делом своей политической чести считала совершенную, законченную разработку законопроектов их безукоризненную отделку. Эта партия прошла некоторую школу заонодательной практики, в ее рядах были лучшие русские знатоки права, ученые профессора, юристы. Все они не торопились. Стремительный бег, бурный шум революции был им неприятен. Но жизнь не ждала и не могла ждать. И всюду, во всех углах выросшие, как грибы, в одну ночь комитеты — исполнительные, общественные, революционные,—творили какое-то свое новое право и разрешали те местные, областные, национальные проблемы, которых еще вчера не было, и о них не думали, а сегодня они встали, выросли немедленно требуют ответа. Ответ часто бывал неудачен. Правительству некогда было заниматься вопросами местными, окраинными, национальными; но и местам некогда было привести свои собственные проекты, декреты и программы в согласование с центральной властью. Конечно, всё это имело и не могло не иметь вида величайшего беспорядка.

Что же делало правительство? Оно всем говорило: ждите! Оно не запрещало и не вмешивалось. Для этого не было сил, не было инициативы, не было плана и программы. И поэтому правительство только взывало: ждите! Такой характер носят многочисленные обращения и всего правительства в целом, и отдельных министров.

Огромная волна, хлынувшая с фронта в первые дни революции, была окрещена дезертирством. Но это не было дезертирство, бегство от войны, от солдатчины. В подавляющей своей части это был массовый самовольный

отпуск, вызванный слухами о переделе земли. Хозяевам надо было лично побывать у себя в деревне, чтобы ознакомиться с положением дел. Ясные, деловые, краткие указания правительства о земле могли бы устранить панику и приостановить самовольную отлучку. Организованное знакомство путем посылки ходоков уменьшило бы массовое передвижение с фронта и на фронт. Но правительство никаких указаний не давало и дать не могло. У правящей партии не было еще определенного мнения по земельному вопросу. И на эту стихийную тягу к земле правительство ответило опубликованным 5-го апреля воззванием к солдатам. Убедительно и трогательно доказывает кн. Львов солдатам, что переполнение вагонов разрушает транспорт, мешает подвозу продовольствия и снарядов на фронт. 7 апреля воззвание к дезертирам издал уж от своего собственного имени и военный министр Гучков. Он упоминает о том, что поводом к массовому бегству являются слухи о переделе земли, но он ставит эти слухи „в связь с распространяемыми теперь в армии преступными воззваниями — о предстоящем теперь же переделе земли, при чем участниками его являются будто бы лишь те, кто будет находиться к этому времени внутри страны". И этим слухам и воззваниям, столь соблазнительным для крестьянской армии, министр мог противопоставить лишь одно: „ждите терпеливо" и затем еще ряд слов о защите родины, о славе России и высоком долге солдата. Непонятно, почему только за Керенским остался впоследствии эпитет „главноуговаривающего", когда по всей справедливости право на приоритет принадлежит Гучкову, да и всему временному правительству.

Следующее по очереди воззвание временного правительства обращено к населению Области Войска Донского и вызвано точно также земельным вопросом. Революция сразу в этой области поставила острый и запутанный вопрос об отношениях между казачьим коренным и пришлым крестьянским элементом. На месте не стали ждать. Начались самовольные запашки и захваты земель. Правительство не давало и не могло дать указаний. В своем воззвании оно пространно убеждает соблюдать мир, спокойствие и популярно доказывает опасность того, „что могут произойти нежелательные столкновения как между казаками и крестьянами, так и между крестьянами и помещиками". И вывод один: ждите терпеливо учредительного собрания. Правда, „для улаживания всяких споров, для достижения соглашений" и т. д. был командирован правительством комиссар, член гос. думы М. С. Воронков, но как мог бы уладить споры комиссар правительства, у которого не было своей программы, и член партии, еще не решившей для себя основной вопрос революции,—вопрос о земле... 9 апреля издано обращение к рабочим с призывом не ослаблять работ на оборону.

Воззваниями и увещаниями правительство все же ограничиться не могло. Жизнь не давала ему возможности остаться только комитетом по созыву учредительного собрания и сохранять впредь до этого момента весь политический и социальный status quo. Аграрное движение началось, как только сошел снег с полей. Оно выражалось не только в самовольных запашках и захватах, в разгромах усадеб и порубках лесов; этих случаев было немного, хотя правая печать и раздувала отдельные эксцессы и обоб-

щала их. В общем, в апреле крестьяне держались выжидательно и массовых волнений почти не было. Но всюду, во всех городах, больших и малых, собирались съезды крестьянских представителей, возникали комитеты, крестьянские союзы. Во главе движения стояла демократическая интеллигенция, народническая, эс-эровская, и многочисленные резолюции съездов, собраний и митингов говорят о передаче всей земли народу, об организации земельных комитетов, о конфискации помещичьей и церковной земли. Это общественное движение наводило на умеренные круги еще бо́льший страх, чем отдельные эксцессы, и под влиянием этого страха кадетская печать трубила тревогу, а правительство осаждено было перепуганными помещиками. На учредительном собрании лиги аграрных реформ товарищ министра земледелия А. Г. Хрущев знакомил с проектом обращения правительства по земельному вопросу. Оно призывает терпеливо ждать учредительного собрания, знакомит с задачами земельных комитетов, которые должны собрать материалы и подготовить работу для главного земельного комитета. Воззвание бессодержательно. Оно усиленно заботится о порядке, спокойствии, сохранении мирных отношений между помещиками и крестьянами и не дает никаких указаний. Одновременно министерство внутренних дел разослало всем губернским и уездным комиссарам два циркуляра. В одном министерство предлагает ежедневно информировать его о всех случаях самоуправства, особенно в области аграрного движения. В другом—за подписью кн. Львова—правительство прямо берет под свою защиту землевладельцев, как крупных, так и мелких, против сельских обществ и волостных комитетов. Комиссары должны не допускать арестов землевладельцев и посягательств на их собственность. Им рекомендуется устраивать примирительные комиссии из помещиков и крестьян. Циркуляр заканчивался словами: „благоволите всею силою закона прекращать проявление всякого насилия и грабежа, руководствуясь неоднократными указаниями на то, что вы являетесь в губернии главным представителем власти временного правительства и несете вместе с местными общественными комитетами ответственность за сохранение в губернии порядка всеми теми мерами, какие вы при посредстве комитета считаете нужным принять“. Вряд ли циркуляры подобного рода облегчали положение комиссаров на местах, уясняли им их отношения к комитетам и точно указывали, какие же меры должен комиссар принимать. В глазах землевладельцев как раз комитеты и являлись источником всего зла.

Продовольственный вопрос не позволял временному правительству оставаться в роли простого наблюдателя событий или охранителя неприкосновенности помещичьей собственности. Необходимость дать армии хлеб и обеспечить дешевый хлеб рабочему городскому населению заставляла правительство вмешаться непосредственно в народное сельское хозяйство. Речь шла, правда, только об охране посевов, но, принимая меры к охране их и заботясь об использовании для посева пустующих земель, правительство поневоле сталкивалось непосредственно с земельным вопросом.

13 апреля опубликовано было постановление об охране посевов. В нем много фраз увещательного характера о важности засева полей для

армии и тыла, о вреде разрушения инвентаря частных владельцев и о возмещении из казны убытков пострадавшим от насилия помещикам. Главное, однако, то, что вся организация охраны посевов, контроль над ними, распределение отпущенных из государственных источников рабочей силы, инвентаря и орудий производства возлагаются на губернские, уездные и волостные продовольственные комитеты, организованные на демократических началах. Этим комитетам представлено право брать в свое распоряжение всю площадь пахотной земли, которая почему-либо оставалась незасеянной.

Таким образом, создались на местах авторитетные демократические комитеты с функциями, недостаточно ясно и точно определенными, но поддающимися расширению.

Верное принятым на себя обязательствам, временное правительство откладывало до учредительного собрания ответ на главные основные вопросы, выдвинутые революцией. Но оно не проявляло торопливости в подготовительной работе по созыву учредительного собрания. Если к несложным законопроектам правительство считало необходимым подходить с громоздким и сложным аппаратом особых комиссий, ученых законоведов, с тщательной и кропотливой подготовкой и обработкой материалов, то работы по созыву учредительного собрания с самого начала должны были развернуться в сложную и длительную юридическую и организационную кампанию. Надо было создать сложный аппарат, собрать груду материалов, привлечь сведущих людей, представителей различных учреждений и организаций. Со всем этим правительство не торопилось. Казалось, что времени еще впереди много, а учредительному собранию никакая видимая опасность не угрожает. Различные неотложные вопросы поглощали всё внимание. Так и вышло, что, вплоть до кризиса правительства, работа по созыву учредительного собрания не вышла из первой подготовительной организационной стадии. „Особое совещание по разработке законопроекта" не успело даже конституироваться. Совету рабочих депутатов напоминали, что он должен прислать своих представителей в совещание, но и совет не торопился. При нем образована была комиссия под председательством Л. М. Брамсона по выработке закона об учредительном собрании. В эту комиссию входили В. Водовозов, Ф. Дан, Д. М. Одинец, В. Г. Станкевич, И. Яшунский и др., но комиссия собиралась вяло и заметной деятельности не проявляла. Обсуждала она, между прочим, вопрос об организации выборов на фронте, и отвергнуто было предложение Дана установить для армии, в отличие от гражданского населения, более низкий возрастный ценз (18 лет вместо 20).

Более успешно шла работа по подготовке выборов в органы местного самоуправления. Это был первый необходимый шаг на пути к учредительному собранию. 17 апреля были опубликованы „Временные правила о производстве выборов гласных городских дум в городах, в коих действует городовое положение 11-го июня 1892 г., а также в Петрограде и Ташкенте". Основной чертой этих правил, помимо полного их демократизма, явилась система пропорциональных выборов. Пропорциональный принцип был положен в основу выборов, как признанное, бесспорное демократическое начало. Единственным ограничением для граждан явился возрастной ценз—20 лет.

в гласные могли быть избираемы и лица, не проживающие в данном городе. Гласные избирались до 1-го января 1919 г. Одновременно были опубликованы на таких же началах построенные правила выборов в районные думы.

Опубликование этих правил имело большое значение для общественной и партийной жизни,—особенно в Петрограде. Начинается подготовка муниципальной кампании. Политические партии берут выборы в свои руки; в агитации внимание публики отвлекается в сторону вопросов, более определенных и конкретных. Народ впервые выступает в роли избирателей, и закладываются первые ячейки демократической организации общества. Партия народной свободы оценила значение этих ячеек, и „Речь“ прежде других газет призывала членов партии обратить особое внимание на выборы в районные думы.

Законопроектов разрабатывалось при министерстве множество, и в комиссиях, повидимому, шла кипучая работа, но на текущей жизни это не отражалось, и апрель представляется как бы периодом затишья в правительственном творчестве. Продолжалась ликвидация старого режима, но и она проходила в медлительном темпе и вызывала справедливые нарекания. Только в апреле появилось в печати такое постановление временного правительства: „департамент полиции упразднить, оставив его чинов за штатом на общем основании“. Вместо департамента полиции было учреждено в составе министерства внутренних дел „Временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан“. Тогда же была образована специальная комиссия, под председательством П. Е. Щеголева, для разбора дел и бумаг бывшего департамента полиции. Законопроект о милиции вызвал резкую критическую оценку в „Известиях“, которые указывали, что милиция эта во многом воскрешает старую полицию. Непрерывной полосой шли увольнения и отчисления за штат бывших сановников, министров, членов государств. совета, сенаторов. При этом в точности соблюдалась традиционная форма, и за увольняемыми сохранялись чины, оклады и пенсии. Это дало повод к нападкам на правительство, продолжавшее отпускать казенные средства злейшим врагам революции, людям, одно имя которых вызывало раздражение народа. Правительство не обратило внимания на первые протесты, и лишь тогда, когда выдача пенсий бывшим министрам стала предметом широкой агитации, и посыпались протестующие резолюции рабочих и солдатских собраний, правительство спохватилось и объявило об отмене выдачи пенсий явно скомпрометированным сановникам.

Медлительность, неспособность и нежелание усвоить темп революционного времени, бюрократизм, недоброжелательное отношение к демократии всего ярче сказались в деятельности министерства народного просвещения. Типичный петербургский кадет А. А. Мануйлов на посту министра держал себя так, как если бы выдвинула его на этот пост не революция, а министерско-парламентская комбинация времен „прогрессивного блока“. Непонятно, почему пошла об этом ограниченном и упрямом бюрократе-профессоре слава умелого администратора. Из всех министров временного правительства он оказался наиболее бездарным. Внизу, в средней школе, уже бурлило, разливалось революционное ученическое море, и преподаватели не знали, как поспеть за движением, как справиться с ним. А наверху, в ка-

зенном здании у Чернышева моста, старые чиновники преподносили в день по столовой ложке невинных реформ и мучительно колебались, можно ли, своевременно ли упразднить ученые комитеты, директоров и инспекторов народных училищ, учебную цензуру и еще другие живые и мертвые остатки деляновских времен.

На всероссийском учительском съезде, собравшемся в Петрограде, руководящую роль играли не партийные социалисты, а демократы-учителя. И на этом съезде выступивший 8 апреля министр народного просвещения получил жестокую отповедь от учителей. Он был встречен очень холодно,—в противоположность Керенскому, которому съезд устроил восторженную овацию. Мануйлов произнес бледную и сухую речь. Ему отвечал председатель съезда В. И. Чарнолуский. „Мой долг,—говорил он,—как гражданина, сказать вам всю правду... Мы должны сказать открыто, что мы охвачены тревогой и обидой: революция произошла в стране, страна получила свободу, но в стенах школы свободы нет... Жизнь не ждет“. Чарнолуский перечислил ряд реформ, подлежащих осуществлению в первую очередь,—среди них прежде всего упразднение „ненавистных учреждений“, и продолжал: „учительство относится отрицательно к составу нынешнего министерства... До сих пор работы нового министерства не видно. Министерство было бездеятельно“. Мануйлов пытался возражать, оправдывался; его проводили так же холодно, как и встретили.

В других министерствах происходила оживленная будничная работа. Министры и их товарищи были перегружены делами, до последней степени утомлены приемами, на которые посетители допускались без ограничений. Новые общественные элементы проникали всего больше в министерства Керенского и Некрасова. При министерстве путей сообщения была образована под председательством Г. В. Плеханова комиссия по улучшению положения железнодорожных рабочих и служащих. Плеханов с успехом выступил на конференции железнодорожников, но участие его в комиссии было скорее номинальным. Вскоре по приезде состояние здоровья его ухудшилось. Он поселился в Царском Селе, и политическая деятельность его ограничивалась, главным образом, публицистикой в „Единстве“.

Энергичную деятельность развивали Керенский и Гучков. Керенский выступал на съездах и больших митингах; к нему обращались делегации с фронта, приходили ходоки из деревень. Посещение Керенского было так же обязательно, как и посещение председателя совета министров и совета рабочих депутатов. Популярность его росла. Правительство прибегало к его авторитету всякий раз, когда необходимо было уладить конфликт с демократическими организациями, с воинскими частями. 8-го апреля Керенский выехал в Ревель и посетил суда Балтийского флота, где надо было устранить недоразумения, возникшие между командным составом и матросским комитетом. Керенского сопровождала Брешко-Брешковская, поездка их превратилась в триумфальное шествие. Слово Керенского обладало чудодейственной силой. Он умел зажигать слушателей, будить в них энтузиазм и заставлял на время мириться с тяготами военной жизни. Гучков объехал южный фронт, был в Киеве, Одессе, посетил части, расположенные в Румынии. Его встречали хорошо. Он много говорил, в речах его есть ука-

зания на трудности, на препятствия, на взаимное непонимание офицеров и солдат, но нет и тени пессимизма, разочарования, озлобления. В Яссах Гучков говорил о согласии между временным правительством и советом рабочих депутатов, руководящую роль в котором играют люди, настроенные патриотически и любящие свою родину. В пути Гучков простудился, болезнь осложнилась сердечным припадком, и он вернулся в Петроград, побывав в Могилеве, в ставке, где вместе с ген. Алексеевым составлен был проект генеральной чистки верхов армии.

Министр финансов Терещенко предпринял поездку по главным городам в связи с „займом свободы". Организация этого займа занимает видное место в деятельности правительства в первой половине апреля. „Заем свободы" был не только финансовым, а и политическим актом. Отношения, возникшие на этой почве между временным правительством и советом рабочих депутатов, привели непосредственно к первому правительственному кризису. Ниже будет более подробно изложена история политической кампании, вызванной „займом свободы".

6.

В исполнительном комитете совета рабочих депутатов, после всероссийского совещания советов, руководство перешло к меньшевистскому крылу. В составе бюро, выделенного из исполнительного комитета, меньшевики играют решающую роль. Церетели в составе бюро не значится. Он был не совсем здоров, в печати появились заметки о предстоящем его отъезде на Кавказ. Тем не менее он принимал деятельное участие в заседаниях исполнительного комитета и фактически руководил его политикой. Складывалось постепенно то центральное ядро исполнительного комитета, однородное по настроениям своим, которому предстояло играть главную роль в дальнейших событиях революции. Из меньшевиков в эту руководящую группу входили, кроме Чхеидзе и Скобелева, Дан, Либер, Богданов, Эрлих, из эс-эров Гоц и Зензинов. Все они—старые партийные деятели, профессиональные революционеры, значительную часть своей жизни проведшие в подполье и эмиграции, искренние и бескорыстно преданные революции. Они обладали большим партийным стажем, но у них не было ни опыта, ни искусства государственного управления, не было и ясной, точной и определенной цели и программы. События их захватили врасплох. Высокое положение, ими занятое, фактическая власть, создавали в них преувеличенное представлеие о том, что они подлинные выразители рабочей демократии. На-ряду с нерешительностью, половинчатостью и робостью в политике они проявляли самоуверенность по отношению к другим партиям. Среди них были талантливые ораторы, как Либер, искусные дипломаты, как Гоц и Дан, но в общем они были ниже уровня событий, которыми должны были руководить, и поэтому не они вели за собой рабочих и солдат, а, напротив, сами шли за рабочими и солдатами, поминутно оглядываясь во все стороны. Их политика переходила сплошь и рядом в политиканство, и не случайно такую популярность получила впо-

*

следствии присвоенная этой группе ироническая кличка „либердановщины“. Из руководителей исполнительного комитета первого состава остались Стеклов, Соколов, но участие их в ответственной политической работе становилось всё менее заметным.

Меньшевики вели за собой совет рабочих депутатов. Фактически они делили власть с временным правительством, хотя убежденно и искренне стояли на той позиции, что правительству должна принадлежать полнота власти. В социал-демократической партии Дан, Богданов, Либер принадлежали к группе „центра“. Беда, однако, была в том, что партии, как организованного политического *единства*, в действительности не было. Под одним неопределенным знаменем уживались различные группы, тянувшие в разные стороны и не связанные партийной дисциплиной. Руководящий центр, „Организационный комитет“, в большинстве своем принимал оборончество как неизбежное зло, чрезвычайно осторожно, даже боязливо подходил ко всякому соприкосновению с буржуазными партиями и, считая необходимым поддержку временного правительства, всего больше заботился о том, как бы его не скомпрометировали.

Таким образом, группа, владевшая исполнительным комитетом, не владела своей собственной партией, которая оставалась и на второй месяц революции в состоянии разброда. Это чрезвычайно ослабляло авторитет партии в рабочих кругах, среди которых неизменно растет влияние большевиков. В состоянии такого же,— если впрочем, не бо́льшего, — разброда находилась и партия социалистов-революционеров. И она переживала в апреле период организационного строительства, и в ней официальный ее центральный комитет тщетно пытался установить равнодействующую между интернационалистским, бунтарским крылом—впоследствии левыми эс-эрами,—и правым оборонческим крылом, выделившимся впоследствии в группу „Воли Народа“. В апреле эти совершенно разнородные элементы еще старались ужиться под одной крышей. Действовали старые партийные традиции, авторитет имен. Считалось даже возможным объединить в одной партии всех народников, до трудовиков включительно. На съезде трудовой группы, открывшемся 7 апреля в Петрограде, выступали Керенский и Чернов. Обаяние имени Керенского, его политический авторитет были так велики в эс-эровских кругах, что Чернов, претендовавший на первое место, еще не смел выступить открыто против него, и официальная эс-эровская печать поддерживала тон партийного благополучия.

Хотя и меньшевистский и эс-эровский центр стояли официально на позиции признания временного правительства, его поддержки, и отрицали „двоевластие“, но и они чувствовали, знали, что двоевластие фактически существует, что контроль над деятельностью правительства переходит в прямое, но ничем не урегулированное вмешательство в действия власти, что „контактная комиссия“ недостаточна и не дает возможности влиять на политику министерства иностранных дел. Положение было явно неудовлетворительно. Но мысль о прямом участии во власти, об официальной и открытой коалиции упорно отвергалась центрами руководящих политических партий. Впервые вопрос об участии социалистов в министерстве был поставлен на

конференции Бунда, открывшейся 4-го апреля в Петрограде. Это было первое широкое совещание партийных социал-демократов (меньшевиков). Из лидеров Бунда двое, Либер и Эрлих, входили в состав бюро исполнительного комитета, и оба они возражали против „коалиции“, не считая возможным для социалистов брать на себя политическую ответственность за действия власти во время „империалистской войны“ и буржуазной революции. В защиту коалиции и соглашения с буржуазией выступал М. Рафес. Большинством, — правда незначительным,— конференция высказалась против коалиции. Бунд примыкал тогда в большинстве своем к центру меньшевистской партии. В нем сильны были оборончеcкие настроения.

Особо стояла, не входя ни в меньшевистские партийные ряды, ни в исполнительный комитет, незначительная численно группа „Единство“. Плеханов возбудил вопрос о представительстве ее в исполнительном комитете; в этом группе было отказано, однако Плеханову лично исполнительный комитет соглашался предоставить совещательный голос. Плеханов этим своим правом не воспользовался.

Большевики, как сказано было выше, в бюро исполнительного комитета не вошли. Партия их, как и другие, переживала период политического самоопределения, на конференциях вырабатывалась новая платформа и тактика, но дисциплина и единство среди них были несравненно выше, чем в других партиях. И у большевиков были свои центр, правое и левое крылья. Правыми считались Каменев в Петрограде, Ногин—в Москве. Они ограничивали революцию задачами буржуазно-демократическими, отрицательно относились к лозунгу „вся власть советам“ и сравнительно терпимо относились к временному правительству и исполнительному комитету. Центральный комитет до апрельского партийного совещания отражал их взгляды. Но практическая работа в Петрограде направлялась не ими, а „пекистами“,— петроградским комитетом, стоявшим на левом крыле, стремившимся в ближайшем будущем к захвату власти. Петроградский комитет выдвинул лозунг „вся власть советам“ и придал ему актуальный, боевой характер. Власть советов должна была означать и немедленный переход к социалистическому строительству. Ленин занимал позицию центра. В анализе революции, ее задач и движущих сил он был с левым крылом; вернее, левое крыло делало практические выводы из его тезисов. Но он предостерегал против поспешных действий, подчеркивал необходимость мирной пропаганды, настойчивого разъяснения взглядов партии, завоевания большинства в советах.

Не входя в бюро исполнительного комитета, свободные от советских ответственных обязанностей вожди большевиков могли уделять больше времени агитации среди рабочих. Влияние их на заводах расло. „Правда“ была более популярна, чем „Рабочая Газета“. Но в совете рабочих и солдатских депутатов рабочие были в меньшинстве, и на общих собраниях рабочие тонули в солдатской массе. „Известия“ были скорее солдатским, чем рабочим органом, и резолюции рабочих редко встречаются среди потока резолюций различных воинских частей.

Деятельность исполнительного комитета и его бюро не нашла отражения в официальной печати. Протоколы заседаний не печатались, заседания были

закрытыми. В работах бюро был бо́льший, чем прежде, порядок. Сравнительная однородность состава уменьшила внутренние трения. „Контактная комиссия“ занимала видное место в политике бюро исполнительного комитета, но и об этих встречах представителей революционной демократии с представителями временного правительства не сохранилось следов в печати. Известно, что этими встречами не бывали удовлетворены обе стороны, хотя внешнее согласие не нарушалось. Гучков не появлялся в контактной комиссии; Милюков бывал, но применял тот способ действий, который позже получил название „саботажа“. Временное правительство с досадой и всё растущим неудовольствием смотрело на свою зависимость от исполнительного комитета, но во многих случаях было вынуждено обращаться к нему для поддержания своего собственного авторитета. „Контакт“ необходим был и в петроградском гарнизоне, где генералу Корнилову с трудом удавалось восстановить внешний порядок и воинскую дисциплину. 12-го апреля утром генерала Корнилова на его квартире посетили Чхеидзе и Скобелев. Целью этого свидания было установление полного контакта между главнокомандующим и советом р. и с. депутатов. При штабе главнокомандующего предполагалось устроить постоянное особое совещание с участием комиссара от исполнительного комитета совета р. и с. депутатов и исполнительного комитета совета солдатских депутатов. Таким образом, незадолго до „апрельских дней“ была сделана попытка установить в форме „контакта“ прямой контроль над деятельностью ген. Корнилова, который на этот контроль согласился, так как без него собственный его авторитет в гарнизоне был уже недостаточен.

Главными вопросами, занимавшими совет рабочих депутатов перед апрельским кризисом, были вопросы об организации первомайского праздника, о посылке на фронт маршевых рот и о займе свободы. Обсуждение этих вопросов в отдельных заседаниях рабочей и солдатской части совета и в общих собраниях показало, что среди рабочих депутатов большевики с помощью интернационалистов успешно оспаривают у меньшевиков право на руководство, и что настроение рабочих кругов сделало значительный сдвиг влево. Иначе обстояло дело в солдатской части совета. Здесь оборонцы еще прочно владели настроением. Политические вопросы в чистом виде однако меньше интересовали депутатов-солдат. В заседаниях солдатской части много времени уделялось вопросам солдатского быта. 8 апреля было принято решение повысить жалование всем солдатам: рядовым в тылу— 5 р., на фронте—7 руб., унтер-офицерам—8 р. и 11 р., фельдфебелям—14 р. Расчеты эти производились вне всяких соображений о государственном бюджете.

Совместные заседания рабочей и солдатской частей происходили в залах морского кадетского корпуса, в Михайловском театре. Это были грандиозные митинги, где деловое обсуждение было невозможно, где ораторы напряженно кричали, и водворение порядка требовало особых усилий. В заседании 9-го апреля Б. О. Богданов делал доклад о рабочем вопросе на всероссийском совещании советов. Его слушали внимательно и сочувственно, пока он говорил о значении рабочего класса, его правах и заслугах и о той кампании, которая была поднята буржуазией против экономического

движения. Но слова о необходимости соблюдать выдержку, умеренность и обдуманность в требованиях вызвали недовольный ропот, а затем и шум. Богданову с трудом удалось закончить свою речь.

В этом же заседании обсуждался вопрос о праздновании 1 мая. К этому дню готовились с особой торжественностью. Первомайский праздник в революционной России должен был знаменовать не только победу революции и руководящую роль в ней рабочего класса, но и особую роль русского пролетариата в деле восстановления интернационала и борьбы за мир. Обычно в России 1 мая праздновалось по старому календарному стилю; но манифестация Интернационала не в один и тот же день была бы уже сама по себе противоречием Интернационалу. Решено было устроить праздник 18-го апреля ст. ст. (в этот день, кстати сказать, „Правда" перешла на новый стиль), во вторник. Но тут возник другой, более сложный вопрос. Социалистические партии всех государств Европы,—антанты и согласия,—постановили от традиционного прекращения работ в этот день отказаться, считаясь с военными обстоятельствами, с необходимостью напряженной работы на оборону. В России не только большевиками, а и значительной частью меньшевиков и эс-эров, такое решение считалось уступкой социал-патриотизму и шовинизму. В России об этом и речи не могло быть. Первомайское прекращение работ не встретило возражений в исполнительном комитете, и правительство не смело против этого протестовать. Но в буржуазной печати появились ядовитые намеки на склонность русских рабочих праздновать тогда, когда их товарищи заграницей из чувства патриотизма работают. Кампания против рабочих еще была свежа в памяти. Солдаты с особой чуткостью относились к толкам о нежелании рабочих работать. Только что налажено было единение между рабочими и солдатами после посещения заводов солдатскими делегациями. Идея первомайского праздника солдатам была незнакома и чужда. Исполнительный комитет пошел поэтому на компромисс. Решено было объявить вторник днем праздничным, зато работать в воскресенье. Большевики выступили с протестами и возражениями против этого. „Правда" в статьях обходила вопрос молчанием, но печатала резолюции рабочих собраний с протестом против решения исполнительного комитета. В общем собрании совета р. и с. депутатов вопрос о работе в воскресенье прошел подавляющим большинством голосов. Только незначительная часть решилась голосовать против предложения исполнительного комитета. Тем не менее, на некоторых заводах работы в воскресенье не производились.

Первомайская манифестация по грандиозности своей повторила шествие 23 марта. Народу было почти столько же, и такой же был порядок. Но чувствовалось иное настроение,—более серьезное и сосредоточенное. Не было энтузиазма и цельности подъема мартовских дней. Угадывались предстоящие бури. Праздник не был чисто рабочим, классовым. Он превратился в народный демократический праздник и по составу участвующих был скорее праздником революции и свободы, чем праздником социалистического Интернационала. В шествии участвовали демократические организации, национальные, учащейся молодежи. Было много детей. На Марсовом поле с двадцати трибун-грузовиков

говорили ораторы социалистических партий. Кадетам отказано было в официальной трибуне. На знаменах и плакатах были лозунги Интернационала, антимилитаризма, 8-часового рабочего дня. Формула „Вся власть советам“ еще отсутствует. У анархистов были надписи: „Да здравствует коммуна“. Воинские части на-ряду с надписями революционного характера поместили на своих знаменах и надписи патриотические. Были плакаты: „Буржуев в окопы“. Национальные организации,—среди них выделилась мусульманская,—на знаменах своих писали: „да здравствует федеративная республика“. Были плакаты с приветствиями временному правительству; на-ряду с этим—требования опубликовать тайные договоры. Впереди некоторых рабочих колонн шли небольшие отряды красной гвардии.

Главной темой больших митингов на Марсовом поле и бесчисленных малых митингов по всему городу был вопрос о войне, об ее скорейшем прекращении, об опубликовании тайных договоров, в которых усматривалась особая роковая связь между союзниками и Россией. Большевиков слушали со вниманием, споры носили мирный характер. Деятельность правительства подвергалась резкой критике; ораторы-большевики нападали в особенности на Керенского. Защита правительственной политики носила слабый и неубедительный характер. Неудивительно. „Известия“ в передовой статье писали накануне первого мая: „1 мая рабочие покажут, что дело восстановления мира они больше не доверяют помещичьим и буржуазным классам... Они властно заявят, что отныне дело мира между народами они берут в свои честные мозолистые руки“. Правительство стороной могло наблюдать мирную манифестацию, смысл который был: скорейшее прекращение войны. Повидимому в то время этот смысл нелегко было разгадать. Как раз в день первомайской манифестации опубликована была нота временного правительства, смысл которой был: продолжение войны.

„Речь“ восхищалась образцовым порядком первомайского праздника. Никто не мог предвидеть, что через два дня разразится буря.

Временное правительство 14 апреля опровергало слухи о готовящейся ноте союзникам о задачах войны, а вслед затем немедленно вынуждено было заняться изготовлением такой ноты. Причиной тому было давление на временное правительство со стороны исполнительного комитета, которому нота нужна была для одобрения и поддержки советом рабочих депутатов „займа свободы“.

Правительству нужны были деньги—и большие деньги. Мысль о займе возникла немедленно после организации правительства. На Терещенко, как на человека, связанного с финансовыми кругами, возлагались особые надежды. Постановление о внутреннем займе было издано 27 марта. Предполагалось, что этот первый заем свободной России будет популярен. Ему дали имя „займа свободы“. Предварительного соглашения или совещания с исполнительным комитетом не было. Как и все граждане, руководители совета р. д. узнали о займе из газет, и первые известия о нем, первые объявления, обширные и рекламные, не привлекли к себе особого внимания. Либеральная и демократическая печать встретила заем сочувственно и сразу повела широкую агитацию. Заем был выпущен без указания общей суммы,

в облигациях от 50 р. до 25.000 р. на весьма льготных условиях, в 85% нарицательной цены по подписке, с выдачей ссуд. Он был рассчитан не только на финансовые и промышленные круги, но и на демократию, в особенности на крестьян. Министерство финансов приняло свои меры для популяризации займа среди промышленной и финансовой буржуазии. Терещенко выступал в Петрограде на собрании директоров банков, совета торговли и промышленности, выезжая для этой цели и в Москву. Был образован комитет содействия займу свободы под председательством М. И. Туган-Барановского. Буржуазия на словах выразила готовность поддержать заем. В патриотических и свободолюбивых речах не было недостатка. В особенности подчеркивала свою отзывчивость еврейская буржуазия, выражавшая в этой форме благодарность за гражданское и политическое равноправие, принесенное евреям революцией. В газетах появились большие объявления, призывавшие евреев выполнить гражданский долг и подписаться на заем. Образовался еврейский комитет содействия займу из виднейших евреев-финансистов. Сионисты провозглашали в своих объявлениях: „У каждого еврея должна быть облигация займа свободы“.

И всё же эта шумная агитация давала весьма скромные результаты. Печать, правда, отмечала успехи в хронике подписки, но в первую неделю подписка на „заем свободы“ всего в два раза превысила подписку за тот же срок последнего перед революцией военного займа и в полтора раза—подписку займа 1914 г. Крупным успехом этого нельзя было назвать. Финансовые и промышленные круги, испуганные размахом и глубиной революции, проявили сдержанность и холодность. Тем бо́льшее значение приобретало распространение займа в широких народных кругах. Состоятельное крестьянство, успевшее скопить деньги за время войны, могло дать правительству необходимые миллиарды. Но для этого заем свободы должен был стать действительно народным, популярным займом, а для этого необходимы были поддержка демократии и широкая агитация в этой среде, которая прислушивалась к голосу демократии и только ей верила.

Временное правительство 5-го апреля опубликовало свое обращение по поводу займа свободы. Оно немногословно, написано простым языком, обращается к гражданскому долгу населения. Обращалась с воззванием к населению и государственная дума. Резолюции о поддержке займа свободы были приняты на происходивших в апреле съездах союза городов, пироговском, учительском. Но этого было конечно недостаточно. Надо было, чтобы совет рабочих депутатов прямо и определенно призвал демократию к поддержке займа. Но для исполнительного комитета вопрос этот был нелегким.

„Известия“ и социалистическая печать сначала никак не откликались на заем свободы. Только „Единство“ Плеханова призвало демократию к поддержке займа. Партийные органы просто молчали. Однако в руководящих партийных кругах шло живое обсуждение вопроса. Поддержка займа означала и поддержку временного правительства, при том поддержку и его программы. Но—это главное—поддержка займа по политическому значению своему равна была голосованию за кредиты, в данном случае и за военные кредиты. На это не могли решиться социалисты, еще не порвавшие всех своих

связей с интернационализмом и Циммервальдом. Прения не выносились наружу. В исполнительном комитете вопрос обсуждался 7 апреля; результаты были таковы: 21—за поддержку займа, 14—против. Совету рабочих и солдатских депутатов предстояло сказать решающее слово. С этого момента большевики повели энергичную кампанию против „займа свободы“. В „Правде“ удачно было указано на то, что решение исполнительного комитета совпало с опубликованием в „Известиях“ манифеста циммервальдской комиссии о русской революции. Этот манифест призывает русских социалистов не оказывать никакой поддержки своему буржуазному правительству, продолжающему вести „грабительскую войну“. Поддержка займа, это—затягивание войны, это—измена революции, шейдеманство и т. д. За статьями последовали и выступления против займа на собраниях, и вскоре не только в „Правде“, а и в „Известиях“ появились резолюции с протестами против займа свободы. Первым выступил „Старый Парвиайнен“: „выразить протест против „займа свободы“, который служит на деле закабалению этой свободы“. За ним первый пулеметный полк принял такую пространную резолюцию: „Собрание высказывает свое недоумение. Вместо того, чтобы приложить все усилия к потушению мирового пожара на основах, оповещенных в манифесте совета раб. и солд. депутатов от 14 марта, вместо того, чтобы сделать практические шаги в этом направлении, временное правительство, повидимому, готовится продолжать войну не только до победоносного конца, но и просто без конца. Мы спрашиваем совет раб. и солд. депутатов: с его ли ведома и согласия заключен временным правительством этот внутренний заем? Если без ведома и согласия солд. и раб. депутатов, то решительно протестуем против временного правительства, самоуправно решающего такой значительный государственный шаг“. А почтово-телеграфные служащие выражались кратко и решительно: „Заем свободы есть заем военный. Мы против завоевательной войны... Мы против займа свободы“.

Либеральная печать старалась действительно изо всех сил представить заем свободы, как заем патриотический, заем освободительной войны. Такие ноты были и в речах министров-кадетов, выступавших на публичных собраниях. Это усложняло до крайности задачу революционной демократии. Официальные партийные органы продолжали отмалчиваться, а „Известия“, вопреки постановлению исполнительного комитета 7 апреля, печатали резолюции против займа свободы и не напечатали ни одного слова в защиту займа свободы. При таких условиях и решение исполнительного комитета приобретало двусмысленный характер. Он как будто формально отписался, не делая попыток поддержать свое решение и провести его в жизнь. „День“ требовал от партий, вошедших в правящий блок революционной демократии, ясно и определенно занять позицию либо дружественную, либо враждебную займу. Но для этого надо было, чтобы ясной и определенной стала и внешняя политика временного правительства. Решаясь, вопреки всем традициям, несмотря на энергичную агитацию слева, „голосовать за кредиты“, социалисты-руководители совета предъявляли требования к правительству, чтобы оно дало прямые и очевидные доказательства направленной к достижению мира политики. Однако, именно эти требования встречали решительный, прямой и скрытый отпор со стороны

кадетов и в особенности Милюкова. Опираясь на поддержку выросших организационно и политически умеренных общественных кругов и офицерства, кадеты преувеличивали свои силы и недооценивали силу противной стороны. В контактной комиссии происходили горячие споры. В совете министров Керенский вел непрерывную войну с Милюковым.

13 апреля состоялось заседание рабочей части совета. В порядке дня значился и вопрос о займе. Большевики собирались дать бой на этом вопросе и требовали, чтобы он обсуждался в первую очередь. Настроение собрания было явно неблагоприятно для исполнительного комитета. Несмотря на возражения Чхеидзе и Богданова, собрание решило обсуждать вопрос о займе немедленно. Чхеидзе предлагал не выносить в данном заседании определенного решения, так как исполнительный комитет предъявил правительству свои условия и сообщит совету о своем решении. От имени большевиков А. Коллонтай огласила резолюцию против займа. Выступил ряд ораторов от с.-р. и меньшевиков, но все они указывали, что говорят от своего личного имени. Перед голосованием представители с.-р. и меньшевистской фракции заявили об отказе от участия в голосовании в виду того, что вопрос этот в их фракциях не обсуждался. После этого большевики сняли свою резолюцию, голосование не состоялось, и только это спасло исполнительный комитет от провала; рабочие в большинстве своем уже шли за большевиками, и оставалась надежда на солдат.

Общее собрание совета рабочих и солдатских депутатов назначено было на воскресенье 16-го апреля в зале морского корпуса. „Правда" продолжала вести кампанию против займа и удачно использовала выступления Милюкова в Москве на кадетском собрании, где министр говорил о том, что задачи войны у России те же, что и у союзников, и что Россия остается верна заключенным договорам. Меньшевистская и с.-р.-овская печать по прежнему молчали. „Дело Народа" лишь обмолвилось нехотя, что поддержка займа не означает „лансирования" его, агитации за заем. В контактной комиссии временному правительству было указано определенно, что согласие на заем может быть дано лишь при условии открытого заявления союзникам об отказе России от всяких завоевательных задач. Исполнительный комитет обещал представить совету р. и. с. депутатов эту декларацию. Правительство согласилось опубликовать ноту союзникам; однако, к дню заседания совета она не была готова.

В общем собрании совета сначала по докладу Н. Д. Соколова обсуждался вопрос об отправке из Петрограда на фронт маршевых рот. Исполнительный комитет и солдатская комиссия высказались за отправку рот, каждый раз с ведома совета р. д. Большевики выступили против этого предложения, но успеха не имели. Голосование показало, что в общем собрании исполнительный комитет имеет за собой подавляющее большинство. Вслед затем собрание перешло к обсуждению вопроса о займе. С докладами от исполнительного комитета выступили Чхеидзе и Церетели. Они говорили о том, что вопрос о займе тесно связан с вопросом о войне. Без денег войну вести нельзя, но правительство должно отказаться от аннексий и контрибуций и заявить в особой декларации, об этом ведутся переговоры с правитель-

ством, и совету надлежит проявить политическую зрелость, выждать ответа правительства и отложить решение вопроса. От большевиков выступил с большой речью Каменев. Перед аудиторией, настроенной в большинстве оборончески, он говорил без той прямолинейности, какой отличались статьи „Правды". Он не отрицал, что армию надо снабжать продовольствием, снаряжением и что для этого нужны деньги. Но он предлагал взять эти деньги не с народа в виде займа, а с капиталистов, помещиков, с буржуазии, нажившейся во время войны, в виде налогов. Каменев предлагал не выжидать ответа правительства, а указать правительству революционный путь, отвергнув заем. Более непримиримую позицию занял выступивший после Каменева анархист-коммунист Блейхман, но его комическая фигура и комический тон речи вызвали общий добродушный смех. Представители различных партий высказались от имени своих фракций за отсрочку решения вопроса о займе, пока не последует официальное заявление правительства о целях войны. Большинством против 15 голосов совет постановил снять с порядка дня данного собрания вопрос о займе и отложить его на несколько дней.

Так с величайшим трудом исполнительному комитету удалось создать почву для компромисса между правительством и советом рабочих депутатов. Нота Милюкова сорвала этот компромисс. Собрание совета раб. и солд. депутатов по вопросу о займе состоялось уже после того, как прошел острый момент апрельского кризиса. В Народном доме 22 апреля совет большинством против 112 голосов (присутствовало свыше 2.000 чел.) принял предложенную исполнительным комитетом резолюцию о займе свободы. Резолюция старается сочетать интернационалистские мотивы с оборонческими, поддержку правительства с полной независимостью. Она многословна, тяжеловесна и лишена подъема и энтузиазма. „Известия" впервые напечатали коротенькую и бледную статейку в защиту и поддержку не столько займа, сколько резолюции совета о займе. Этим и ограничилась официальная агитация совета раб. и солд. депутатов за заем. Казенной отпиской отделались и партийные органы советского большинства. „Рабочая Газета" напечатала статью Ерманского против займа. „Правда" продолжала кампанию против „займа свободы", которому, по инициативе Зиновьева, дано было имя „займа неволи".

Министр финансов пытался привлечь исполнительный комитет к участию в комитете содействия займу свободы и в совещании по финансовым реформам. Состоялась 26 апреля его беседа с представителями исполнительного комитета. От участия в общем комитете они уклонились, но заявили, что при совете р. д. будет создано особое бюро для распространения в населении резолюции совета о поддержке займа. Однако, такое бюро создано не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Апрельский кризис.

1. Опубликование ноты Милюкова. Ночное заседание исполнительного комитета 19 апреля. Вторичное заседание 20 апреля. Демонстрация петроградского гарнизона. Федор Линде. 20 апреля. Уличное движение. Демонстрация рабочих у Таврического дворца. Настроение в центре и на окраинах. Заседание совета в Морском корпусе. Соединенное заседание временного правительства с исполнительным комитетом и временным комитетом государственой думы. Речи Гучкова, Шингарева, Терещенко, Чхеидзе, Рамишвили, Милюкова, Шульгина и Зурабова. Точка зрения советской делегации. — 2. 21 апреля. Отзывы печати. Отношение к временному правительству и в частности к Милюкову. Вопрос о коалиции в партийных кругах. Фактическая „нейтральность" исполнительного комитета. Ряд организованных правительственных манифестаций. Аггрессивность сторонников временного правительства. Рабочие демонстрации. Кровавые столкновения. Убийства солдат. Демагогия справа. Тревога исполнительного комитета. Новое правительственное разъяснение. Предупредительные меры исполнительного комитета. Приказ по гарнизону. Вмешательство в действия генерала Корнилова. Заседание совета. Доклад и примирительная резолюция Церетели. Выступление большевиков. Совет решает прекратить всякие уличные выступления. Воззвание городской думы. — 3. Последствия апрельских дней. Проект Шульгина о созыве предпарламента. Революция на перепутьи: военная диктатура или власть совета. Путь компромисса

1.

18 апреля, когда половина петроградского населения участвовала в праздновании первого мая, и когда развевались на улицах столицы знамена революции, произошел первый серьезный кризис власти. Картина петроградской жизни за два дня после этого резко изменилась. Не успели отзвучать призывы первомайской солидарности, как воздух огласился выкриками и воплями гражданской войны. Петроград пережил тревожные апрельские дни. И злым гением их явился министр иностранных дел Милюков.

18 апреля Милюков телеграфно поручил российским представителям при союзных державах передать правительствам, при коих они аккредитованы, ноту о внешней политике России (см. приложение 17). Цель Милюкова была очевидна: рассеять всякие подозрения и лжетолкования союзников, которые могли возникнуть в связи с манифестом совета „к народам всего мира" и последовавшим за ним обращением временного правительства от 27 марта. Союзников нужно было заверить, что революция отнюдь не повлекла за собой „ослабления роли России в общей союзной борьбе". Наоборот, „всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого". Нота содержала упоминание о соблюдении обязательств, принятых Россией в отношении союзников, и очень глухо заканчивалась намеком на те „гарантии и санкции", которые в исходе войны должны быть достигнуты для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем.

Этот исторический документ, в противоположность всем прочим актам временного правительства, был написан краткими, ясными словами, отличался сухой деловитостью и большой определенностью. Недвусмысленность его, однако, так резко противоречила господствующему тогда взгляду на задачи нашей внешней политики, что иначе, как вызовом, назвать нельзя было шаг Милюкова. Самый близорукий наблюдатель и тот мог бы предвидеть, что опубликование ноты вызовет раздражение и возмущение руководителей советской политики. Очевидно, это учитывал и Милюков; он только не соразмерил последствий и, конечно, не мог предвидеть, что скромная нота повлечет за собой кризис власти и, в частности, его собственную отставку. Впрочем, близоруким был не один Милюков; согласно правительственной версии, нота после тщательного обсуждения была принята временным правительством единогласно. По сведениям „Новой Жизни“, против нее выступали Керенский, Некрасов и Терещенко. Вероятнее всего, что и протестующие министры не отдавали себе отчета, каким резонансом отзовется по всему Петрограду эта дипломатическая нота Милюкова. То, что произошло вслед за ее опубликованием, было неожиданным и для них. В противном случае, вряд ли временное правительство так легко одобрило бы опасный и ошибочный эксперимент министра иностранных дел.

19 апреля поздно ночью, как только в редакциях газет был получен текст ноты, исполнительный комитет совета собрался на экстренное заседание для того, чтобы обсудить свое к ней отношение. Заседание продолжалось до $3^1/_2$ ч. утра, но никакого постановления принято не было. Решено было утром собраться вновь и продолжать обсуждение вопроса. Приостановить печатание милюковской ноты нельзя было, и утром 20 апреля Петроград прочел в газетах слова о „решительной победе“ и о продолжении войны. Однако, от чтения этих слов еще не волновалась кровь и не кипели страсти. Нота была лишь благодарным материалом для противоправительственной агитации. Тот, кто и ранее сомневался в демократизме временного правительства, теперь получал наглядное и оглушительное доказательство того, как министры игнорируют постановления революционной демократии. Значит, говорили одни, контроль действительно нужен, и контроль неослабный, зоркий; нота и могла проскользнуть потому, что контроль не осуществляется. Суждения других были еще радикальнее: контроль в отношении правительства—уже мера отжившая; правительство обнаружило свою контр-революционность; очередным шагом революционной демократии может быть лишь свержение временного правительства. Такие соблазнительные темы для массовой агитации давала милюковская нота. Возникшее в связи с ней уличное движение, вскрывшее впервые два враждующих стана, связано объективно с этой подготовкой общественного сознания; но непосредственно оно вызвано было случайными моментами, случайными участниками; этим объясняется полная неожиданность движения и для руководящих групп исполнительного комитета.

Утром 20 апреля исполнительный комитет собрался вновь в более расширенном, чем накануне, составе и снова не вынес определенного решения. Остановились на том, чтобы узнать непосредственно от временного

правительства, какие причины побудили разослать милюковскую ноту. Исполнительный комитет решил поэтому предложить временному правительству устроить совместное заседание для обмена мнениями по поводу ноты. Временное правительство охотно пошло навстречу желанию исполнительного комитета, и совместное заседание с участием также и временного комитета государственной думы было назначено на 9 часов вечера в Мариинском дворце.

Пока происходили предварительные переговоры между исполнительным комитетом и временным правительством, уличная жизнь столицы приняла неожиданно зловещее направление. В 3 часа дня к Мариинскому дворцу, где обычно происходили заседания временного правительства, направился Финляндский полк с плакатами явно враждебного характера, требующими отставки Милюкова. За всё время революции это было первое уличное выступление, да еще военное, против временного правительства. Вскоре за Финляндским полком последовали Московский, Павловский, Кексгольмский, флотский экипаж и другие части. Словом, петроградский гарнизон демонстрировал свое недоверие временному правительству. Оружие критики, к которому прибегала до сих пор революционная демократия, как будто уже притупилось... Еще пока не пускалась в ход критика оружием, но в воздухе повеяло грозой...

Инициатором военной манифестации был Федор Федорович Линде. Революция застала этого человека в Финляндском полку, где он отбывал военную службу в качестве рядового солдата. Ученый, математик и философ, Линде в февральские дни отдался весь революции и развил кипучую деятельность среди восставшего гарнизона; очень скоро он стал популярной фигурой в солдатских кругах. Он не принадлежал ни к одной политической партии, плохо разбирался в политических вопросах, но был по натуре революционер и в призывах к восстанию искал выхода для своего бурного темперамента. Отвлеченный мыслитель уживался в нем с бунтарем; умственная работа сочеталась с жаждой революционной активности. Линде был делегирован солдатами в исполнительный комитет. Скоро он почувствовал неудовлетворенность и стал тяготиться будничной общественной деятельностью. Революция теряла для него свой праздничный вид; политика переходила в руки профессионалов. Линде с тоской наблюдал, как угасает революционный пафос, и ждал случая, чтобы воспламениться вновь. Этот случай представился, едва он прочитал вызывающую ноту Милюкова. Не желая делить ни с кем своего влияния на солдатскую массу и не доверив своего плана осторожным политикам из исполнительного комитета, Линде, не привыкший к партийной или организационной дисциплине, отправился в знакомую казарму Финляндского полка и без труда увлек за собой полк на демонстрацию. Солдаты живо откликнулись. Отбивая шаг, они думали, что выполняют волю исполнительного комитета. Запестрели знамена: „Долой Милюкова“, „Милюков в отставку“, „Мир без аннексий и контрибуций“. Демонстрация не ставила себе „оперативных“ заданий. Впоследствии Финляндскому полку приписывали намерение арестовать Милюкова, а в случае нужды и всё временное правительство. Основываясь на официальном заявлении председателя полкового комитета Дорошевского, приходится признать этот слух лишенным всякого основания. Точно также отпадает версия, будто Финляндский полк занял все выходы и входы в Мариинский дворец. Демон-

странты подошли ко дворцу и очень скоро покинули площадь, ни в чем не проявив своей аггрессивности. Любопытно отметить, что полк выступил полностью, с офицерами, с командиром батальона во главе.

Но события имели свою логику и развивались независимо от эпизода с Финляндским полком. Исполнительный комитет на следующий день официально заявил, что совет рабочих и солдатских депутатов не организовывал выступления войсковых частей и что это выступление „является недоразумением, созданным некоторыми неответственными личностями". Федор Линде письмом в редакцию „Новой Жизни" 23 апреля устанавливал непричастность исполнительного комитета к выступлению Финляндского полка и всё приписывал своей частной инициативе. Буржуазная печать, особенно „Речь", упорно навязывала Линде связь с большевиками, превращая весь этот случайно задуманный эпизод чуть ли не в организованный заговор против временного правительства. Такого рода версия не находит никакого подтверждения в историческом материале и воспоминаниях современников. Линде в апрельские дни даже перестал быть членом исполнительного комитета и ни в какой партийной связи с большевиками не состоял. Судьба этого человека оказалось роковой. После того, как выяснилось отрицательное отношение к военной демонстрации со стороны исполнительного комитета, популярность Линде в Финляндском полку быстро сошла на нет. Полковой комитет осудил его поступок и наметил его к обязательной отправке с первой маршевой ротой на фронт. Иногородний отдел, рассылавший комиссаров в армию, считал нужным использовать несомненно одаренного человека и предложил ему отправиться в Особую армию в качестве помощника комиссара. На фронте властная натура Линде столкнулась со стихийным распадом армии. Препятствия способны были только вызвать в нем непреодолимую настойчивость и неустрашимость. Он решил вступить в единоборство со стихией и 24 августа погиб, растерзанный солдатами взбунтовавшегося 444-го полка, отказавшегося пойти на передовые позиции.

Узнав о движении полков к Мариинскому дворцу, исполнительный комитет принял немедленно меры к тому, чтобы убедить их вернуться в казармы. Скобелев, Чернов, Гоц и другие члены комитета отправились к Мариинскому дворцу и своими речами очень скоро внесли успокоение в солдатскую среду. Там же с речью обратился ген. Корнилов, которого солдаты слушали с большим вниманием. Полки повернули обратно, часть солдат пошла в казармы, часть по городу; возбуждение специфически-гарнизонного характера улеглось, но перенеслось на улицу в виде общенародного движения. На каждом углу собирались кучки обывателей, солдат, рабочих, интеллигентов и горячо спорили, ожесточенно жестикулируя и наступая друг на друга. Резко обозначились два стана, две позиции, два настроения: за и против временного правительства. Защита правительства выражалась в лозунгах против большевиков. Местами улица превращалась в клуб с импровизированной трибуной, на которой один оратор сменял другого, соблюдая очередь и подчиняясь уличному председателю. Вечером к зданию государственной думы подходили манифестации рабочих, требовавших отставки временого правительства. С речью к ним обратился Либер, призывавший к самообладанию

и доказывавший нецелесообразность отставки правительства. До поздней ночи кипела улица. На митингах вопрос о правительственном кризисе обсуждался со всех точек зрения. В центре города зрело настроение в пользу временного правительства и накапливалась толпа для сочувственной Милюкову манифестации. Невский проспект бурно выражал свои симпатии Мариинскому дворцу. Котелки, студенты, солдаты, дамские шляпы,—всё это экспансивно строилось в ряды манифестантов и направлялось к тому же месту, где несколько часов до того дефилировал враждебный петроградский гарнизон. Руководили правительственным движением районные комитеты партии народной свободы. Их организованное участие в демонстрациях бесспорно. В 7 час вечера около здания министерства иностранных дел собралась значительная толпа манифестантов с красными знаменами, требовавшая удаления Ленина и выражавшая доверие временному правительству. Толпа, нарастая, прошла к Дворцовой площади. Впереди шел однорукий офицер. По пути к Мариинскому дворцу, при встрече представителей иностранных посольств и офицеров союзных держав, им устраивались шумные овации. Около гостиницы „Астория" произошла встреча двух враждебных демонстраций. Обе манифестации мирно разошлись. В Мариинском дворце еще никого из министров не было. Демонстранты повернули к Исаакиевской площади и у итальянского посольства приветствовали союзников. Вездесущий Скобелев убеждал толпу разойтись. Другой член исполнительного комитета призывал не травить Ленина. Ему не дали говорить, приняв его за большевика. Когда оратор заявил, что он сам против Ленина, толпа устроила ему овацию.

Вскоре новая толпа в 25.000 человек залила площадь перед Мариинским дворцом. Развевались знамена: „Ленина и его компанию обратно в Германию", „доверие временному правительству", „да здравствует временное правительство". В 12 час. ночи в Мариинский дворец приехал Корнилов; толпа устроила ему восторженную встречу. Во дворце в это время происходило соединенное заседание правительства и исполнительного комитета. Милюков не мог выйти к демонстрантам, он как раз в это время делал доклад. Появился министр Некрасов и уверенно заявил, что „кучки людей не могут смутить временное правительство". Уверенность министра импонирует толпе. Под гром аплодисментов и крики: „ура, да здравствует временное правительство!" Некрасов возвращается во дворец. Наконец, появился сам Милюков. Он продолжал на улице защиту своей политической позиции, которую только что вел на заседании правительства во дворце. „Временное правительство и я,—говорил Милюков,—будем всячески защищать то положение, при котором никто не посмеет упрекнуть Россию в измене. Россия никогда не согласится на сепаратный мир". Возглас доверия и взрыв рукоплесканий покрыли слова министра. Толпа долго не расходилась; всё чаще и чаще раздавались настойчивые возгласы: „долой Ленина, арестуйте Ленина".

На окраинах города настроение толпы было иное. Там преобладало отрицательное отношение к временному правительству. Терпеливо, иногда сочувственно слушали речи об отставке правительства, о борьбе за мир. Появление большевиков встречалось без того возмущения, какое царило на Невском пр. Местами большевики даже имели успех. Около 8 час. вечера к Мариинскому дворцу стали подходить манифестации рабочих, боль-

шей частью с Васильевского острова. Преобладали рабочие трубочного завода, Сименс и Гальске, кабельных мастерских, завода Шуккерта и др. На некоторых плакатах были надписи, призывавшие „стать под знамена Циммервальда“. При встрече с правительственными демонстрациями были попытки с обеих сторон уничтожать враждебные плакаты. Однако, открытых столкновений 20 апреля Петроград еще не знал.

Улица оттачивала в спорах и манифестациях свои убеждения и взгляды. В двух местах вечером происходила шлифовка организованного политического мнения: в Морском корпусе с 7 часов заседал совет рабочих и солдатских депутатов; в Мариинском дворце после окончания заседания совета состоялась встреча правительства с исполнительным комитетом и временным комитетом государственной думы.

Заседание совета под председательством Чхеидзе носило экстренный и информационный характер. Чхеидзе доложил историю с опубликованием милюковской ноты, при чем склонен был объяснить всё недоразумением, так как временное правительство не считает свой шаг противоречащим интересам демократии. Чхеидзе закончил речь призывом поддержать исполнительный комитет в требовании отказа от всяких аннексий и контрибуций. Впервые на этом собрании совета ставились вопросы, вокруг которых впоследствии группировались события: о реальной угрозе гражданской войны говорил Чернов; поручик Станкевич формулировал принципы коалиционного правительства; от группы большевиков выступал Федоров и требовал захвата власти советом. Так, в атмосфере первого революционного кризиса неслышно пронеслись тени грядущих дней... Решений никаких принято не было.

В 10 часов вечера под председательством кн. Г. Е. Львова открылось заседание соединенного совещания временного правительства, исполнительного комитета и временного комитета государственной думы. Журналисты не были допущены на это заседание по требованию делегации исполнительного комитета, поддержанному министрами, в частности Гучковым, который, в виду предполагаемого им оглашения военных тайн, настаивал на закрытии дверей. Гучков чувствовал себя больным, и ему было предоставлено первое слово. Сделав краткий обзор положения на фронте, министр перешел к общей характеристике. Речь его звучала пессимизмом; состояние армии, по мнению Гучкова, внушает самые серьезные опасения; „народные массы слишком прямолинейно понимают разговоры о мире“. Гучков говорил серьезно, тоном объективного наблюдателя, быть может, уже имея в виду отказ от министерского портфеля. В заключение он счел нужным заметить, что отнюдь не стремится к каким бы то ни было завоеваниям. „Эта идея в настоящий момент не может привлечь никого“. Последние слова в устах Гучкова прозвучали особенно мрачно. Шингарев остановился на продовольственном вопросе. „Те социальные требования,—говорил министр земледелия,—которые в настоящий момент выдвигаются со стороны крайних элементов, приводят к тому, что надежда на возможность урегулирования продовольственного вопроса становится всё более шаткой и призрачной“. Шингарев однако не отчаивается и предлагает выждать спокойно начала навигации. Первым о ноте Милюкова заговорил Терещенко, назвавший ее перифразом

обращения от 27 марта. Милюков сам выступил лишь после того, как Чхеидзе и Рамишвили предложили правительству обратиться к союзникам с новой нотой, в которой более категорически была бы проведена идея отказа от аннексий и контрибуций. Милюков заявил, что смотрит на свою ноту, как на простую препроводительную бумагу при „обращении временного правительства к гражданам". Цели войны, намерения правительства изложены в том именно обращении, которое удовлетворило полностью демократическое общественное мнение. Дипломатическая увертливость Милюкова была весьма прозрачна; министр далек был от того, чтобы признать соответствие между „политическим актом" и „препроводительной бумагой". Милюков быстро перешел в наступление и укоризненно отзывался об уличных волнениях, которые „весьма неблагоприятно повлияют на отношение к нам союзников". Делегация исполнительного комитета во главе с Церетели отнеслась достаточно снисходительно и лойяльно к временному правительству. Углублять кризис власти не входило в намерения исполнительного комитета. Этим объясняется большая уступчивость его представителей. Улица реагировала гораздо резче и непосредственнее. Когда за степами Мариинского дворца звучали еще слова „в отставку", делегаты совета подчеркивали на заседании, что „уход временного правительства при данных условиях совершенно недопустим". Уклончивость Милюкова восполнил Шульгин. Его устами временный комитет государственной думы изложил взгляд, диаметрально противоположный точке зрения советской демократии. Не „без аннексий и контрибуций", а „война до конца"—на этой позиции должно, по его мнению, стоять правительство. Откровенность Шульгина вызвала откровенность со стороны Зурабова. Если первый поставил точку над своим аннексионизмом, то второй не скрыл своих симпатий к сепаратному миру. „Если союзники не согласны с нами итти в деле открытого отказа от аннексий и контрибуций, то мы из-за них одних воевать не можем". Зурабов не выражал, однако, мнения большинства делегации.

Совещание казалось исчерпанным. Правительство заявило о желании отдельно обсудить свое решение. Наметился выход в виде опубликования новой ноты, разъясняющей вчерашнюю. Члены исполнительного комитета выразили надежду, что будет найден примирительный путь и что единение между правительством и советом не будет потеряно. В 4-ом часу утра заседание было закрыто. Временное правительство удалилось на совещание.

В редакциях газет не сверстывался номер до получения сведений об исходе заседания в Мариинском дворце. Короткая весенняя ночь сменила бурный день 20 апреля.

2.

Газеты, вышедшие утром 21 апреля, были полны описанием и освещением событий. Почти все отнеслись отрицательно к попыткам вызвать призрак гражданской войны. Вопросу о кризисе государственной власти посвящены были редакционные статьи. Выход намечался троякий: или частичное обновление правительства, или коалиционное министерство, или, наконец,

*

переход власти к совету. „Правда“ напечатала резолюцию большевиков, принятую 20 апреля; эта резолюция предлагала взять при поддержке большинства народа всю государственную власть в свои руки, ибо только в этом случае „революционный пролетариат совместно с революционными солдатами в лице советов рабочих и солдатских депутатов создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно-демократическим миром“. О коалиции в условной форме писала „Новая Жизнь“. По мнению газеты, левые элементы временного правительства могли бы быть пополнены элементами примыкающих слева групп. На-ряду с переломом во внешней политике этим была бы сохранена создавшаяся значительная устойчивость положения, необходимая для организации масс и происходящего сейчас лихорадочного обновления всего строя России“. „День“ тоже выступил сторонником коалиции. Газета рекомендует демократии отказаться от „права на безответственность“ и вместо „опыта компромиссного двоевластия, который оказался печальным, решиться на попытку компромиссного единовластия“. Начиная с этого дня „День“ наиболее последовательно и прямолинейно защищал идею коалиции. В коалиционном строе государственной власти газета видела единственный благоприятный исход революции. Социалистическая интернационалистская печать слева, сторонники „твердой власти“ справа — ожесточенно нападали на эту позицию, которую „День“ непоколебимо отстаивал до конца. Вся остальная печать, кроме „Речи“ и „Нового Времени“, ограничивалась осуждением поступка временного правительства, усматривая в нем источник кризиса власти. „Рабочая Газета“ призывала к решительному отпору правительству, называя акт, опубликованный им—„издевательством над стремлениями демократии“. „Дело Народа“ подчеркивало „право трудовых масс нести в захлебывающийся кровью мир, завет братства и любви“. Даже умеренное „Единство“ связывало свои надежды с благоразумием исполнительного комитета и не брало под защиту временное правительство. Бульварная печать признавала ошибку, допущенную министерством иностранных дел. Умерить аннексионизм считала необходимым и „Русская Воля“, предлагавшая публично отказаться от мысли о Константинополе и проливах. Критика временного правительства на столбцах газет, однако, не принимала характера недоверия к власти. Наоборот, печать, кроме „Правды“, настойчиво проводила идею примирения, подыскивала способы безболезненной ликвидации конфликта. Зато Милюков имел поистине дурную прессу. На него общественное мнение демократии указывало, как на инициатора кризиса. Его злой воле приписывалась и нота, и прямолинейное противодействие внешней политике совета. Удаление милюковской занозы, казалось, сразу прекратит воспалительный апрельский процесс. В это слабое место ударила вся социалистическая печать. Недаром „Речь“ негодующе замечает: „все социалистические газеты говорят о вчерашних событиях только для того, чтобы ... сконцентрировать возбуждение народного недовольства против отдельных членов временного правительства“. Чем незлобивее складывалось отношение к правительству в целом, тем ярче выражалось недовольство специально Милюковым. Непосредственная связь Милюкова с нотой, роль его, как поджигателя апрельского конфликта, была так ясна, что незаметным

прошло официальное сообщение временного правительства о том, что оно единодушно отвечает за принятие ноты. И печать и общественное мнение не столько занимались оценкой содержания ноты, как таковой, сколько восстановлением нарушенного гражданского мира и национального единения. Милюкову это нарушение больше всего ставилось в вину. И если решительно осуждалось разрушительное влияние Ленина, то демократия требовала осуждения не менее пагубной политики Милюкова.

В ночь с 20 на 21 апреля вопрос о коалиции ставился и в партийных социалистических центрах. Преобладало мнение о необходимости взять на себя долю ответственности. В противном случае угрожала опасность потерять доверие народа. На тот случай, если переговоры исполнительного комитета с правительством постигнет неудача, партии готовились к образованию коалиционного правительства. Социал-демократы-меньшевики относились к этому вопросу сдержаннее, нежели народники. Последние имели 21 апреля совещание всех трех фракций: эс-эров, трудовиков и народных социалистов, на котором после доклада с.-р. Утгофа принципы коалиции обсуждались весьма подробно. При этом участники совещания приводили разные доводы в пользу ее: и то, что односторонняя социалистическая власть подорвет кредит России со стороны буржуазной Европы, и то, что социалистическая демократия одна, без сотрудничества с кадетами, не в состоянии выполнить задачу управления страной.

Исполнительный комитет вновь собрался 21-го апреля, чтобы установить окончательное свое отношение к ноте. Позиция исполнительного комитета лучше всего сказалась в руководящей статье „Известий". В этой статье проводится та мысль, что совет борется с правительством на почве определенного уклона внешней политики, не стремясь при этом однако к захвату власти в свои руки. Исполнительный комитет в своем подавляющем большинстве не хотел порывать с временным правительством, подобно тому как и правительство не намерено было открыто выступить против совета. Таким образом, почва для соглашения между двумя руководящими центрами общественности была подготовлена. Улица, однако, не укладывала своих настроений в эти примирительные рамки. Она заостряла противоречия и, казалось, гнала конфликт к радикальному его разрешению в виде победы одной из двух враждующих сторон. При этом положение совета было до известной степени неопределенное. Поскольку обозначились два враждебных фланга, ни один из них непосредственно не вдохновлялся советом. Исполнительный комитет не поощрял, разумеется, сторонников правительства, демонстративно подчеркивавших свою безусловную, исключительную приверженность к последнему; равно не разделял он и кампанию противников временного правительства, оглашавших воздух криками: „долой", „в отставку" и т. д. Авторитет исполнительного комитета был всё же так велик, что фактическая „нейтральность" его позиции не отступила перед крайними решениями улицы. С тем бо́льшим успехом удалось ему ликвидировать конфликт и внести успокоение в разгоряченное общественное сознание.

А между тем кипение улицы продолжалось... Во время заседания исполнительного комитета из разных частей города стали доходить тре-

вожные сведения. Было получено сообщение, что с Выборгской стороны и Новой Деревни направляются к центру большие манифестации рабочих, прекративших работу на заводах, с требованием отставки временного правительства. Исполнительный комитет попытался принять меры к тому, чтобы убедить манифестантов вернуться обратно на заводы, или, по крайней мере, предотвратить столкновение между манифестантами и сторонниками временного правительства. Невский по-прежнему был артерией правительственных демонстрациий. В отличие от вчерашнего дня, движение казалось более организованным и нарочитым. Как будто невидимый дирижер выполнял программу уличного возбуждения. Сторонники правительства повели себя гораздо агрессивнее. В воздухе пахло охотой за большевиками или, как тогда говорили, „ленинцами“. По улицам началось усиленное движение грузовиков с вооруженными офицерами, юнкерами, студентами. Автомобили быстро мчались и разбрасывали листовки. Краткие остановки, летучие митинги заканчивались криками: „граждане, приветствуйте временное правительство!“ Публика провожала автомобили возгласами „долой Ленина!“ В институте инженеров путей сообщения был вывешен плакат, приглашавший граждан и рабочих примкнуть к демонстрации кадетов в знак поддержки временного правительства. Быстро разнеслась весть о командировке на Каменноостровский пр. шести вооруженных автомобилей для ареста Ленина. Огромная толпа народа хлынула ко дворцу Кшесинской. Сенсация оказалась вздорной. В демонстрациях правительственных участвовали учащиеся высших школ, гимназисты, чиновники, торговцы, вообще „публика“. Солдаты в массе были на стороне Невского проспекта и настроены весьма враждебно к „ленинцам“. Обращал на себя внимание автомобиль с красным флагом, на котором было написано „Делегаты с фронта“. Сидящие в автомобиле солдаты оглашали воздух криками „да здравствует временное правительство!“ Георгиевские кавалеры тоже призывали к борьбе с „ленинцами“. Местами Невский превращался в сплошной митинг. По удостоверению очевидцев в уличных собраниях участвовало несколько сот тысяч человек. Главный митинг был у Казанского собора, где выступали Аджемов и другие кадетские ораторы; партия народной свободы провела внушительную манифестацию, возглавляемую Винавером и Герасимовым, по Невскому пр. к Мариинскому дворцу. К демонстрантам с речами обратились Гучков и Милюков. Толпа была наэлектризована до предельной степени. Еще вчера уличные прения отличались известной терпимостью. Сегодня достаточно было пустого намека, чтобы заподозрить оппонента в германском шпионаже. То и дело ловили „ленинцев“, арестовывали и отводили в ближайший комиссариат. Самосуды к счастью еще не стали бытовым явлением, хотя попытки линчевания, правда безуспешно, предпринимались некоторыми ретивыми армейцами. В атмосфере такого возбуждения было ясно, что демонстрации, враждебные временному правительству, уже не смогут пройти без эксцессов. 21 апреля в разных частях города произошли столкновения. На Невском была пролита кровь...

Около 4 часов дня по направлению к Адмиралтейству шла большая группа рабочих до 1000 человек с плакатами: „долой временное правительство“, „долой войну“, „да здравствует совет солдатских и рабочих

депутатов“. Не доходя до Екатерининского канала, демонстрация столкнулась с другой, правительственной. Произошла свалка, во время которой офицер рассек голову рабочему. Сторонники временного правительства, а по другой версии рабочие, произвели несколько выстрелов. Знамена рабочих вырывались из рук носивших и уничтожались с неистовым рвением. Вскоре появилась другая, более многочисленная рабочая демонстрация. На углу Садовой стрельба была продолжительнее и ожесточеннее. Убит был солдат, ранено несколько рабочих. Стреляла рабочая милиция,—импровизированная охрана демонстрации, вооруженная винтовками, некий прообраз будущей красной гвардии. На углу Пушкинской и Невского рабочие Русско-Балтийского завода и Ниточной мануфактуры подверглись насилию со стороны правительственных демонстрантов. Знамена были уничтожены толпой. Убийств и ранений не было. Столкновения произошли на Казанской площ., Троицкой пл., Садовой ул. и в некоторых других местах. 21-го установлено было убийство двух солдат и четыре случая ранения. По позднейшим данным, всего было убито трое солдат. Истинное количество раненых трудно установить. Из воззвания прокурора судебной палаты Переверзева видно, что на многие заводы являлись „неизвестные личности“, приглашавшие рабочих выходить на улицу с оружием в руках. Начатое по свежим следам официальное следствие собрало материал, который рисует следующую картину: враждебные правительству демонстрации рабочих шли во главе с красной гвардией. Каждая манифестация имела впереди себя 50-60 рабочих, вооруженных винтовками, револьверами и даже шашками. Стрельба на Невском шла в двух местах — на Казанской и углу Садовой. В последнем случае были два встречных залпа. „Правительственные“ свидетели объясняют это тем, что в суматохе одна рабочая демонстрация стреляла по другой, тоже рабочей. Многие вообще без толку стреляли вверх. По крайней мере несколько пуль попало в окна высших этажей соседних домов. В организации вооруженных демонстраций участвовали рабочие ряда заводов Василеостровского, Выборгского, Полюстровского и других районов. Вооруженные люди шли позаводно. Демонстрации рабочих были предварительно организованы. Манифестации за правительство носили импровизированный характер. Последнее утверждение, однако, противоречит фактическому положению вещей, ибо участие кадетской организации в правительственных манифестациях не подлежит никакому сомнению. Кадеты в первый и, пожалуй, единственный раз решили прибегнуть к тому методу „уличного воздействия“, который сами же решительно осуждали. Показания очевидцев, однако, расходились в существенном: по одной версии инициатива стрельбы принадлежала рабочей милиции; другая приписывает стрельбу по живой цели правительственным манифестантам и солдатам и настаивает на том, что рабочие стреляли в воздух. Во всяком случае, несомненным является факт стрельбы рабочими демонстрациями и аггрессивность, первоначально проявленная сторонниками правительства, выразившаяся главным образом в вырывании знамен.

Убийство солдат вызвало ожесточение среди рассеяных по городу военных. Гибельным последствием этого могла явиться новая вспышка

вражды солдат к рабочим, умело раздуваемая демагогами справа. Кровавые события произвели потрясающее впечатление на исполнительный комитет. Он немедленно послал на Невский пр. и прилегающие к нему улицы своих представителей для того, чтобы предотвратить кровавые столкновения и призвать всех манифестантов спокойно ожидать результатов переговоров между временным правительством и советом. События заставили исполнительный комитет прийти к соглашению и в своей среде. В пятом часу исполнительному комитету был сообщен следующий текст ноты временного правительства, которой разъяснялась нота от 18 апреля: „В виду возникших сомнений по вопросу о толковании ноты министра иностранных дел, сопровождающей передачу союзным правительствам декларации временного правительства о задачах войны (от 27 марта), временное правительство считает нужным разъяснить: 1) Нота министра иностранных дел была предметом тщательного и продолжительного обсуждения временного правительства, причем текст ее принят единогласно. 2) Само собой разумеется, что нота эта, говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта и выражены в следующих словах: „временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах“. 3) Под упоминаемыми в ноте „санкциями и гарантиями“ прочного мира временное правительство подразумевало ограничение вооружений, международные трибуналы и пр. Означенное разъяснение будет передано министром иностранных дел послам союзных держав“.

Опубликованием этого разъяснения, в сущности, исчерпывалась вся деятельность временного правительства в эти дни. Правительство не обнаружило ни стремления, ни способности вмешательством своим примирить враждующие стороны. Инициатива тем самым переходила к исполнительному комитету.

Обсудив текст правительственной ноты, которая в сущности ничего нового не вносила, исполнительный комитет большинством 34-х против 19 голосов решил предложить совету раб. и солд. депутатов признать разъяснение правительства удовлетворительным и считать инцидент исчерпанным. За эту формулировку голосовали трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры и меньшевики-оборонцы. В меньшинстве остались большевики и меньшевики-интернационалисты. Оставалось получить санкцию общего собрания совета, который собирался вечером в Морском корпусе. Между тем исполнительный комитет принял ряд мер предупредительного характера. Прежде всего по всему городу расклеено было воззвание, в котором население призывалось „к спокойствию, порядку и дисциплине“. Солдатам предлагалось „без зова исполнительного комитета в эти тревожные дни не выходить на

улицу с оружием в руках". Каждое распоряжение о выходе воинской части на улицу (кроме обычных нарядов) должно было быть отдано на бланке исполнительного комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше, чем двумя из следующих семи лиц: Чхеидзе, Скобелев, Бинасик, Филипповский, Соколов, Гольдман (Либер), Богданов. Исполнительный комитет, таким образом, присвоил себе исключительное право распоряжения воинской силой, т.-е. совершенно заступил правительственный орган. В частности, игнорировалась власть командующего войсками. Солдатам указывалось, что „только исполнительному комитету принадлежит право располагать ими".

Появление этого распоряжения имело свою любопытную историю. В 3 часа дня Корнилов, получив донесение о движении с окраин вооруженных демонстраций, отдал приказ о вызове на Дворцовую площадь нескольких частей гарнизона. Согласно правительственному сообщению он принял эти меры „в целях обеспечения мирного населения столицы от возможных насилий". Около 4-х часов исполнительный комитет звонил по телефону в штаб, предлагая отменить приказ о вызове войск, в виду того, что это обстоятельство может осложнить создавшееся положение. Корнилов просил прислать делегатов для переговоров. Делегаты были немедленно посланы. Выслушав их заявления о том, что комитет примет все меры для прекращения беспорядков и к успокоению населения, главнокомандующий счел возможным отменить данное приказание и тут же, в присутствии представителей исполнительного комитета, продиктовал начальнику штаба телефонограмму во все части войск гарнизона с приказанием оставаться в казармах. После этого, вопреки состоявшемуся соглашению, появилось вышеприведенное распоряжение исполнительного комитета. Временное правительство вынуждено было 26 апреля официально подтвердить, что „власть главнокомандующего войсками петроградского военного округа остается в полной силе и что право распоряжения войсковыми частями может быть осуществляемо только им". Несомненно, шаг исполнительного комитета направлен был в сторону упразднения независимости главнокомандующего. Хотя формально действия советского органа носили характер „взаимного контакта", и генерал Корнилов обнаружил высшую лойяльность в отношении революционной демократии, но фактически это был „приказ" реальной власти, ослушаться которого было трудно и опасно.

В виду нареканий и лжетолкований, возникших в связи с вмешательством совета в компетенцию командующего войсками, исполнительный комитет счел нужным тоже выступить со специальным разъяснением. В этом сообщении скрашивается аггрессивность совета. Обстоятельства сложились так, что „генерал Корнилов признал меры исполнительного комитета целесообразными и отменил свой приказ о выводе войск на Дворцовую площадь". Что касается посылки комиссаров в штаб округа, то советская версия освещает этот факт в таком виде, будто „еще до событий апрельских дней исполнительный комитет, в согласии с генералом Корниловым, постановил, в целях взаимодействия и контакта, послать своих постоянных комиссаров в штаб командующего петроградским округом". Эти комиссары имели целью „согласовать действия исполнительного комитета и генерала Корнилова в отношении регулирования политической и хозяйственной жизни воинских частей". Какой

бы примирительный тон ни звучал в сообщении исполнительного комитета, во всяком случае воочию вскрылась подлинная сущность взаимоотношений властей, стыдливо прикрытая словесными формулами и резолютивными хитросплетениями. Несмотря на подчинение свое распоряжениям исполнительного комитета, сознание бессилия временного правительства уже не покидало с того времени ген. Корнилова, и состоявшаяся вскоре отставка его находилась в прямой причинной связи с апрельскими событиями. Исполнительный комитет издал распоряжение по гарнизону Петрограда, воспрещающее солдатам появляться на улицах вооруженными. Корнилов присоединился к этому распоряжению. Кроме того, за подписью Чхеидзе, была разослана всем исполнительным комитетам в прилегающих к Петрограду местностях телефонограмма, в которой предлагалось не отправлять в столицу воинских частей и отрядов без письменного приглашения петроградского совета. Далее, исполнительный комитет просил прислать представителей гарнизонных советов „в целях взаимного осведомления относительно текущего момента“. Аналогичного содержания телефонограмма была передана в Москву. Одновременно во все советы, армейские и флотские комитеты была послана радиотелеграмма с изложением фактической стороны конфликта между советом и временным правительством и с предложением воздержаться от самостоятельных выступлений. Таким образом, пока временное правительство находилось в состоянии паралича, исполнительный комитет обнаружил свою активность и жизнеспособность.

В вечернем заседании совета докладчиком выступил Церетели. В резолюции, предложенной им по поводу конфликта, излагалась история ноты 18 апреля. Церетели мотивировал то справедливое толкование, которое встревоженная общественная мысль давала комментарию министерства иностранных дел. „Своим тоном, своими выражениями, своими формулами, взятыми из арсенала ненавистной народу дипломатии старого режима,— гласила резолюция,—нота эта была способна возбудить справедливые опасения, будто временное правительство намерено в области международных отношений сойти с того пункта отказа от захватной политики, на который оно встало 27 марта“. Дополнительное разъяснение временного правительства прекращало однако лжетолкования. „Тот факт, что сделан первый шаг для постановки на международное обсуждение вопроса об отказе от насильственных захватов“— оценивался исполнительным комитетом, как крупное завоевание демократии. Резолюция заканчивалась призывом продолжать борьбу за мир и выражала надежду, что „народы всех воюющих стран сломают сопротивление своих правительств и заставят их вступить в переговоры о мире на почве отказа от аннексий и контрибуций“.

Как и следовало ожидать, противниками резолюции выступили большевики. Каменев указывал на своевременность образования чисто-социалистического правительства и критиковал позицию совета, защищающего временное правительство. Коллонтай от имени центрального комитета российской с.-д. партии предложила резолюцию, в которой признавалось необходимым „тотчас устроить народное голосование по всем районам Петрограда и окрестностей по вопросу об отношении к ноте правительства, о под-

держке политики той или иной партии, о желательности того или иного временного правительства“. Политику большинства совета большевики считали глубоко ошибочной, ибо эта политика, по их мнению, грозила расхождением между волей совета рабочих и солдатских депутатов и волей революционных солдат на фронте, в Петрограде и большинства рабочих. Большевики критиковали успешно тактику компромисса, но сами неохотно переходили к реальным предложениям. Они сами искали путей и средств для своей партийной агитации и для воздействия на советский центр. Этим, в сущности, определялась их политическая роль. Движение, возникшее на фабриках и заводах, принявшее форму полувооруженных демонстраций, не было официально возглавляемо большевиками и питалось, в значительной мере, случайными влияниями. За первые два месяца большевизм окреп, но не настолько, чтобы осознать себя решающей силой.

Прения по докладу Церетели были внезапно прерваны внеочередными заявлениями некоторых членов исполнительного комитета, которые были очевидцами кровавых столкновений на Невском проспекте. Выступавшие по этому поводу ораторы дали волю своему негодованию. Скобелев клеймил стрелявших „изменниками свободы, изменниками народа“; Стеклов не отставал и применял еще более резкие выражения. Единогласно (с участием большевиков) постановлено было: 1) предложить всем гражданам воздержаться в течение двух дней от устройства каких бы то ни было демонстраций и митингов на улицах и площадях; 2) заклеймить всякий призыв к устройству вооруженных демонстраций, как измену делу революции и свободы; 3) предложить всем членам совета немедленно устраивать на фабриках, заводах и казармах собрания, на которых проводить принятые решения. Вооруженный народ становился опасным...

Собрание совета вернулось к докладу Церетели. Резолюция исполнительного комитета о ноте временного правительства была принята подавляющим большинством. Чхеидзе, закрывая собрание, предложил рабочим и солдатам расходиться попарно, демонстрируя согласие, и тем самым содействовать успокоению улицы. По всем направлениям помчались автомобили с депутатами, развозившими весть о достигнутом соглашении между советом и временным правительством. Толпы народа жадно прислушивались к последней новости. Движение достигло к вечеру высшей точки кипения и быстро начало остывать. На Невском появились группы солдат, преимущественно 1-го запасного полка, которые, ссылаясь на постановление совета, предлагали манифестантам расходиться. Солдаты задерживали грузовые автомобили с плакатами и высаживали манифестантов. Последние подчинялись без инцидентов. По всему городу расклеивалось только что принятое обращение совета. Городская дума с своей стороны постановила выпустить успокоительное воззвание к населению; в этом воззвании граждане призывались к „сохранению полного спокойствия, к отказу от самосуда друг над другом, к мирному и организованному участию в политической жизни родины“. Улицы начали понемногу пустеть. Призрак гражданской войны все больше бледнел и, наконец, рассеялся. Политический кризис подходил к концу. В белесоватых сумерках утра неясно вырисовывался новый день...

3.

22 апреля печать и политические партии занялись итогами происшедшего. Прежде всего высказывалось удовлетворение по поводу ликвидации братоубийственной розни. Благоразумие исполнительного комитета сочла нужным приветствовать даже „Речь“, которая все чаще начала подчеркивать свое недовольство политикой социалистической демократии. Заслуживает внимания резолюция центрального комитета большевиков. В ней предписывалось всем членам партии безусловно соблюдать постановление совета, воспрещающее митинги и манифестации; постановление признавалось „совершенно правильным“ и подлежащим выполнению. Мало того, высказывался даже взгляд, что „в такой момент бессмысленна и дика всякая мысль о гражданской войне“... Убийства на Невском и кровавый азарт осуждали все органы печати. В „Новой Жизни“ Горький писал о „светлых крыльях юной нашей свободы, которые обрызганы невинной кровью“. Стрелявшие, кто бы они ни были, аттестовались Горьким, как „злые и глупые люди, отравленные ядами гнилого, старого режима“... В „Русской Воле“ Леонид Андреев патетически выражал свое негодование и призывал к единению. Этим примирительным аккордом заканчивались все статьи всех авторов. Но стоило от общих пожеланий перейти к вопросу о виновниках происшедшего, как сразу вскрывалась огромная трещина в том самом национальном единодушии, которое еще совсем недавно так отличало февральскую революцию. От эпизода стрельбы переходили к более органическому и серьезному явлению—мобилизации контр-революционных сил. Защита временного правительства рассматривалась, как нападение на совет, как переход в наступление против революционной демократии. То, о чем „Правда“ писала до апрельских дней, перепевала теперь почти вся социалистическая печать, отчеканивая лишь отдельные места. „Новая Жизнь“ называла кадетскую партию „главной, если не единственной представительницей и защитницей интересов контр-революционных имущих слоев“. „Дело Народа“ открыто обвиняло партию народной свободы в организации апрельских эксцессов. „Рабочая Газета“ обращала внимание своих читателей на то, что в эти дни на улицах впервые показались зеленые знамена кадетской партии, „показатель начинающегося высвобождения улицы из-под исключительной гегемонии пролетариата“. „Известия“ не преминули упомянуть о вооруженных пулеметами кадетских грузовиках, с которых сбрасывались прокламации партии, о призывах к выступлению со стороны тех, которые сами склонны были обвинять совет в разжигании гражданской войны и анархии в стране. Словом, героями апрельских дней были кадеты. „Речь“, сочувственно цитирующая „Новое Время“, не отрицала активной поддержки кадетами временного правительства, но ловила социалистические партии на половинчатом отношении к захвату (вернее просто взятию) власти и козыряла своей непримиримой борьбой с ленинцами. Обе стороны считали себя победившими, хотя борьба только начиналась...

Объективно апрельский кризис имел весьма существенные последствия. Несомненно произошло первое размежевание общественных сил по линии

советской и буржуазно-демократической политики. Впервые значительные пласты городского мещанства и интеллигенции, тяготевшие до того к рабоче-солдатскому представительству, попробовали отойти и создать самостоятельную социальную опору для временного правительства. Порок двоевластия, который казался глубоко скрытым, хотя давал себя знать чуть ли не с первых февральских дней революции, вынесен был, наконец, на поверхность и породил бурную форму социально-политического конфликта. Сама по себе нота Милюкова была, конечно, поводом для того, чтобы разыгралась вся эта апрельская эпопея. В известной степени правительство оказалось в выигрыше, ибо в результате оно имело реальную возможность убедиться в наличии солидной опоры в населении и, что особенно важно, в военной среде. Не совсем дружелюбное отношение к рабочим со стороны солдат, наблюдавшееся и ранее, еще более обострилось во время апрельских дней. Во всем поведении временного правительства сказывалась готовность итти навстречу исполнительному комитету. Сторонники правительства радели о нем гораздо больше, нежели само правительство. Так, во временном комитете государственной думы В. Шульгин еще 21-го апреля поднял вопрос об образовании совещательного органа, по типу предпарламента, в котором временное правительство могло бы обмениваться мнениями с представителями различных политических течений. По проекту В. Шульгина, в заседаниях такого совещания должны принимать участие временное правительство, исполнительный комитет и представители государственной думы в таком же составе, сколько имеется членов исполнительного комитета. Совещания должны созываться тогда, когда временное правительство признает необходимым выступить с объяснениями по поводу того или иного волнующего страну вопроса. Идея Шульгина продиктована была нежеланием считаться с советом рабочих и солдатских депутатов, как с единственным выразителем общественного мнения, обязательного к тому же для временного правительства. Государственная дума отходила в область политических теней; суррогат совещательного парламента должен был ослабить значение советского центра и закрепить социальные корни временного правительства. В последние дни своего существования правительство прибегло к такому политическому суррогату и образовало предпарламент. Но история не задержалась на этом учреждении даже лишнего мгновения и пошла своим, предуказанным ей путем... Быть может, в апрельские дни, при активности и решительности временного правительства, судьба совещательного парламента или аналогичного органа была бы иная.

Совет вышел из апрельского кризиса ослабленным, несмотря на то, что в эти дни к нему фактически перешла исполнительная власть. Уменьшилась его социальная база и выяснилась, кроме того, полная неподготовленность, в крайнем случае, взять верховную власть в свои руки. „Речь“ и кадетствующая печать прекрасно использовали эту ахиллесову пяту советской политики. Если центр и правые социалистические группы подтрунивали над большевиками, которые убоялись гражданской войны и дальше словесной критики не пошли, то кадеты имели столько же, если не больше, основания применить тот же прием критики в отношении руководящих партий совета.

Апрельские дни положили грань между временным правительством и советом. Эти два органа власти были противопоставлены друг другу. Раньше идеологи правоцентрового большинства совета и радикального крыла правительства прикрывали, смягчали противоречие, а теперь оно стало до того очевидным, до того ощутительным, что превратилось в узаконенный факт, который явился источником новых политических сплетений. С обеих сторон намечались инициаторы разрыва. Кадеты, сторонники Гучкова, офицерство, буржуазия, разнообразные группы городской интеллигенции, цензовая Россия—все это сплачивалось вокруг идеи крепкой, монолитной государственной власти, имея в виду даже не столько данное временное правительство, сколько, вообще орган, назависимый от совета рабочих и солдатских депутатов. Рабочие, солдаты уставшие воевать, циммервальдисты разных оттенков, низы народные, которые ждали от революции социального удовлетворения,—они все научились ненавидеть временное правительство и сделали совет фокусом своих стремлений; даже не столько данный совет, сколько, вообще, орган революционной диктатуры, достаточно могущественный для того, чтобы разрешить немедленно и радикально все вопросы войны, земли, нищеты и свободы. Под влиянием вскрытого противоречия обострилась и постановка политических вопросов. В резолюциях, вынесенных многочисленными рабочими и солдатскими собраниями по поводу апрельского конфликта, настойчиво проводится требование прекращения войны, созыва межсоюзной конференции для выработки условий мира, опубликования тайных договоров и изменения состава правительства путем удаления Милюкова и Гучкова. Некоторые резолюции (их тоже печатали „Известия“) настаивали на ликвидации временного правительства, вооружении всего рабочего населения Петрограда и перехода власти к совету. Усиленно дебатируется и пользуется успехом идея коалиционного правительства, выросшая несомненно из недоверия к временному правительству. На собраниях и в резолюциях начинают господствовать темы классовой розни и ненависти к буржуазии. Среди петроградских солдат популярность приобретает лозунг: „не выводить революционный гарнизон“, прозвучавший особенно внятно после раздражающей ноты Милюкова. Буржуазная печать вызывает возмущение. На заводах и в полках выносят резолюции бойкота ее. В число отверженных газет попадают и право-социалистические („День“, „Единство“, „Воля Народа“). Имя Ленина повторяется без того ожесточения, которым оно, обыкновенно, сопровождалось раньше. Наоборот, все чаще выносятся резолюции сочувствия ему и протеста против буржуазной травли. „Правда“ начинает усиленно читаться. Между определенной частью интеллигенции—литераторов, публицистов, политических деятелей—и рабочей массой вырастает средостение. Появляется два языка, два жаргона, два миропонимания. Революция на распутьи: открывается дорога направо—к военной диктатуре, налево—к диктатуре класса. История вступает в полосу ряда компромиссов, многих попыток избежать этого раздвоения пути. Одним из таких компромиссов была идея коалиционного правительства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Образование коалиционной власти.

1. Состояние власти накануне постановки вопроса о коалиции. Отношение к коалиции правительства, общества и партий. Письмо кн. Львова к Чхеидзе. Бесцентрие временного правительства. Погоня правительства за общественным мнением. — 2. Торжественное заседание государственной думы четырех созывов. Политическая дуэль: Шульгин — Церетели. Совещание делегатов с фронта. — 3. Политическая и хозяйственная обстановка кризиса власти. Красная гвардия. Контр-революция. Продовольственная и транспортная разруха. Внешняя политика временного правительства. Датский миротворец. Стокгольмская конференция и инициативная роль исполнительного комитета. — 4. Отставка Гучкова. Растерянность в правительственных и советских кругах. Правительственное сообщение. Позиция исполнительного комитета. — 5. Переговоры временного правительства с представителями исполнительного комитета и комитета госуд. думы. Вопрос о публично-правовом источнике коалиционной власти. Борьба за места в правительстве. Совещание правительства с командующими армиями. Отношение высшего командования к идее коалиции. Коалиционные условия кадетской партии. — 6. Окончательный состав коалиционного правительства. Декларация новой власти. Первые шаги ее. — 7. Давление на коалиционное правительство с двух сторон: большевики и кадеты. Всероссийская конференция большевиков. Укрепление новой власти. „Анархия“ и ее отражение в общественном мнении. Подготовка наступления армии. В поисках центра. Последние дни фронтового совещания. Крестьянский съезд. Иллюзии власти.

1.

Призрак гражданской войны, принявший реальные очертания в дни апрельского кризиса, рассеялся. Но вопрос о реорганизации власти оставался открытым. И для правительства и для исполнительного комитета было ясно, что при сохранении прежнего состава власти в ближайшее время может снова возникнуть конфликт, аналогичный только что пережитому. Кроме того, политика безответственного „давления“ на правительство ставила совет в ложное положение. Состояние народного хозяйства, в частности, вопрос продовольственный, все мероприятия, связанные с дальнейшим ведением войны, как, например, поддержка займа свободы — все это не могло примириться с половинчатой формулой „постольку — поскольку“. События не ждали, и руководители советской политики должны были стать на путь более определенного отношения к власти. Нужна была последовательность. Эту мысль выразил Авксентьев, который 22 апреля на собрании совета, принявшем резолюцию исполнительного комитета о поддержке займа свободы, вскрыл противоречие. „Раз вы выразили доверие временному правительству, — говорил Авксентьев, — то вы должны всемерно поддержать и заем этого правительства, так как без денег не может обойтись ни одно правительство, даже правительство безответственного Каменева“. Совет, как известно, подавляющим большинством против 22 голосов признал необхо-

димым поддержать заем свободы. Но у всех было отношение к этому вопросу чисто формальное, и в агитационной кампании по поводу займа советские деятели не принимали никакого участия. То же самое произошло и с продовольственным вопросом. Исполнительный комитет, правда, обратился к крестьянам с воззванием, в котором указывалось на то, что „каждый куль хлеба — это сейчас прочный камень в основании здания новой России". Крестьяне призывались к срочному подвозу хлеба к мельницам и пристаням. По всем провинциальным советам разослана была радиотелеграмма с предложением „напрячь все усилия, чтобы успешно организовать подвоз хлеба". Но этим дело исчерпалось. В практических мероприятиях, в будничной, деловой работе совет не участвовал, а между тем ответственность за обострение продовольственных затруднений всей тяжестью падала и на него.

Отказываясь от власти, совет, вместе с тем, болезненно воспринимал всякое умаление власти временного правительства. Один за другим обнаруживались случаи открытого неповиновения временному правительству. Уездный шлиссельбургский комитет постановил начать немедленно социализацию земли; вся печать истолковала это решение, как попытку Шлиссельбурга объявить себя автономной единицей в виде „Шлиссельбургской республики", не признающей над собой суверенитета временного правительства. Для „улажения" этого зловещего инцидента должны были выехать Чхеидзе и Богданов. В самом Петрограде анархисты захватили особняк герцога Лейхтенбергского и дачу Дурново, превратили их в своеобразный форт Шаброль, намереваясь оказать сопротивление узаконенным властям. Комиссар 1-го коломенского подрайона большевик Харитонов, приехавший вместе с Лениным, помогал анархистам, заявил официально о своем неподчинении распоряжениям правительства и открыто признавал власть над собой только исполнительного комитета. Пришлось последнему выделить Гоца в качестве лица, специально уполномоченного ликвидировать именем совета своеволие анархистов. На митинге солдат и части офицеров 436 новоладожского полка была принята резолюция, в которой по адресу временного правительства выражалось негодование, а присяга временному правительству признавалась аннулированной. „Известия" по этому поводу должны были выступить с особым разъяснением, пожурив отечески авторов резолюции. По всей России подымалась волна аграрных эксцессов; кое-где показывались погромные ростки. На местах создалась изрядная путаница, и росло неповиновение власти. Правительственные органы были бессильны без вмешательства совета осуществить компетенцию верховной власти.

Положение создавалось явно ненормальное; а между тем на фронте назревали тревожные события, и угроза нависала над самим Петроградом. 22-го апреля главнокомандующий войсками петроградского военного округа генерал Корнилов обратился с приказом к гарнизону; в этом приказе упоминалось о сосредоточении больших сил противника против северного фронта и, в связи с этим, о предстоящей десантной операции немцев „в непосредственной близости от Петрограда". Переформированным частям петроградского гарнизона приказано было „быть готовыми силой оружия отстаивать

завоеванные гражданские свободы, а в случае движения противника к Петрограду — встретить и разбить его на подступах к столице“... Такого рода приказ обязывал. И те, кто его давали, и те, кто его читали, должны были питать уверенность, что в стране царит единство власти. На самом деле, этой уверенности не было ни у кого, и потому грозные слова глухо прозвучали, не вызвав боевого отголоска. Корнилов был бессилен вывести войска даже на Дворцовую площадь. Тем менее он мог распоряжаться ими на подступах к столице...

Преобразование, или, как тогда говорили, „расширение состава“ правительства, казалось единственным выходом. Эта мысль сразу как-то приобрела широкую популярность. И в среде правительства она встречала сочувствие. Все, кроме Милюкова, отвергавшего необходимость коалиции, и Гучкова, подготавливавшего свой уход, склонны были увеличить число представителей революционной демократии в правительстве, договорившись об условиях их вступления с исполнительным комитетом. Только кадетские министры из солидарности со своим лидером не скрывали отрицательного к этому отношения. Было ясно, что коалиция сможет осуществиться ценой ухода Милюкова. Еще на совещании правительства с исполнительным комитетом 21 апреля Чернов в скрытой форме ставил этот вопрос. Общественное мнение в советских кругах настойчиво требовало удаления Милюкова. И в самом правительстве он был изолирован. Инициатива внутриправительственной политики перешла к тройке: Керенский, Некрасов, Терещенко. Революционный кредит и пафос первого, неопределенный радикализм и гибкость второго, бесцветная лойяльность и обходительность третьего — вот свойства этого союза. Коалиционный кабинет мог быть построен по принципу объединения представителей разных общественных групп, имевших влияние. Но кого представляли Некрасов, отошедший от кадетов и никуда не приставший, или Терещенко — человек вообще чуждый партиям? Связь с Керенским и нужна была для того, чтобы предохранить их от сюрприза быть отрезанными при любом кризисе власти. Ни одна политическая группа не отстаивала их, но и не посягала на них. А так как необходимо было при перемене состава правительства соблюсти персональную преемственность власти, то таким ядром, на котором почила бы эта „преемственность“, и был союз трех.

Чтобы приступить к преобразованию власти, необходимо было прежде всего отказаться от того исторического прецедента, благодаря которому 1-го марта возникло временное правительство. В основу тогда положено было соглашение между временным комитетом государственной думы и исполнительным комитетом совета рабочих депутатов. Прервать деятельность временного правительства и снова обратиться к первоначальным источникам власти было невозможно и опасно: стране угрожала анархия, да и временный комитет государственной думы потерял за это время все свое влияние. Таким образом, из двух источников власти в силе остался только один совет; упразднение временного правительства означало бы переход всей власти в руки совета. Оставался, следовательно, один выход; сохранить непрерывность временного правительства, как института; но так изменить

его состав, чтобы партии и политические организации могли безоговорочно оказывать ему поддержку. Эту мысль и выразил Керенский в письме, которое он одновременно 26 апреля адресовал в петроградский комитет партии социалистов-революционеров, в петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, во фракцию трудовой группы и в исполнительный комитет государственной думы. „Товарищи, — гласило письмо, — в момент, когда решающие события революции застали трудовую демократию неорганизованной и когда цензовая Россия одна взяла на себя организацию власти, я на свой личный риск и страх должен был принять представительство интересов этой демократии в составе временного правительства и выполнять тяжелую и ответственную роль соединительного звена между этими двумя основными силами, которым досталась победа над старым строем. Я исполнил свой долг, черпая энергию в том доверии, которое было мне, после принятого мною решения, подтверждено трудовой демократией и войском в лице совета рабочих и солдатских депутатов. Я делал это дело, быть может, слишком трудное и ответственное для отдельной личности, по мере сил и разумения, прислушиваясь к голосу своей социалистической и революционной совести. В настоящее время я считаю положение коренным образом изменившимся. С одной стороны, общее положение дел в стране всё осложняется. Но, с другой стороны, возрасли и силы организованной трудовой демократии, которой, быть может, нельзя более устраняться от ответственного участия в управлении государством, участия, которое придает рожденной революцией власти новые силы и весь необходимый авторитет для сплочения вокруг нее всех живых сил страны и для преодоления всех преград, препятствующих выходу России на широкую дорогу исторического развития. В этих условиях я считаю, что представители трудовой демократии могут брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранию и формальному уполномочию тех организаций, к которым они принадлежат. Ныне же, в ожидании вашего решения, я буду нести до конца тяжесть фактического исполнения тех обязанностей, которые лежат на мне".

В течение всего апрельского кризиса Керенский был в тени. Ни в уличных выступлениях, ни в заседаниях совета и временного правительства не было заметно его участия. Сознательно ли он отстранился на время острого конфликта, или это произошло случайно—трудно установить. Но за то ему принадлежит главная инициатива реорганизации власти. В этом смысле „апрельские дни" подготовили благодарный материал. Милюков в своей „Истории" приписывает не без основания Керенскому форсирование событий. Из всех министров Керенский острее других чувствовал двусмысленность „безвластного" правительства. В его лице, поскольку он одновременно и представлял и не представлял демократию, сказывалась неопределенность положения, которая становилась опасной, в виду возможного повторения „апрельских дней". Таким образом, вопрос о реорганизации власти был поставлен самим ходом вещей.

Впрочем, о коалиционном правительстве начали говорить чуть ли не на следующий день после уличных манифестаций и столкновений. 22-го апреля в зале заседаний государственной думы состоялось собрание представителей

всех батальонных и полковых комитетов петроградского гарнизона и его окрестностей. Заседание было многолюдное (по 5 представителей от каждого комитета) и достаточно авторитетное. От исполнительного комитета давали объяснения Богданов и Стеклов. Оба поставили своей целью доказать правоту и безгрешность политики совета, выразившейся в примирении с временным правительством. „Таким образом,— резюмировал свой доклад Богданов,— мы возвратились к прежнему положению, и соглашение, заключенное исполнительным комитетом с временным правительством при его возникновении, остается в силе“. Стеклов дополнил доклад Богданова указанием на социальную подкладку, которая лежала в основе только что миновавшего кризиса. Свою речь Стеклов закончил заявлением, что он не сомневается в личной честности членов временного правительства. „Поэтому,— говорил он,— пока временное правительство идет по пути стремлений демократии и под ее контролем, необходимо оказать этому правительству доверие“.

Несмотря на тон официального благополучия, которого придерживались представители исполнительного комитета, выступавшие после них ораторы подчеркивали остроту положения власти, не устраненную ликвидацией апрельского конфликта. Большинство указывало тогда впервые на коалиционное правительство, как на единственный выход. Представители броневого дивизиона и Семеновского полка огласили резолюции своих частей, посвященные коалиционному правительству. Принцип односторонней власти, будь то цензовая или рабочая, не встречал у присутствующих сочувствия. В резолюции, принятой собранием, высказывалось пожелание, „чтобы исполнительный комитет в ближайшем же будущем поставил на обсуждение собраний солдат и рабочих вопрос о необходимости урегулировать отношения между временным правительством и демократией и высказал свое мнение по вопросу об образовании коалиционного министерства“.

Начиная с этого дня в исполнительный комитет стали поступать груды резолюций и телеграмм, предлагающих образование коалиционной власти. Идея несомненно созрела в общественном сознании. Не только советские круги примыкают к ней. Московская дума, например, принимает предложение Астрова и выносит резолюцию о необходимости образовать коалиционное правительство и созвать государственное совещание. Все отдавали себе отчет в том, что пройден этап, когда революция вырабатывала одни только силы внутреннего сцепления, и что наступает время расслоения противоборствующих интересов, когда государственная власть должна особенно укреплять свой авторитет. Эта мысль ярко была выражена в правительственном обращении 26-го апреля, написанном рукой Ф. Ф. Кокошкина (см. приложение 18). „К сожалению, —гласило воззвание,—и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя. В этих условиях при отказе от старых насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств, употреблявшихся для поднятия престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю временного правительства, грозят сделаться неодолимыми“... Прямо и честно, быть может, слишком откровенно временное правительство вскрывало трагедию безвластия и рисовало зловещие по-

следствия, которые могут возникнуть в связи с этим кризисом власти. В поисках выхода и правительство устремляло свои надежды в сторону коалиции. „С особенной настойчивостью“ оно намеревалось „возобновить усилия, направлённые к расширению его состава, путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством“. За два месяца организм правительства успел состариться, и коалиция должна была влить в него струю свежей крови.

Правительство в лице министра-председателя кн. Львова не склонно было затягивать разрешение вопроса о реорганизации власти. Под влиянием будирующей тройки, письма Керенского и роста общественного мнения кн. Львов обратился на следующий день после опубликования воззвания с письмом к Чхеидзе, прося его „довести об указанных предположениях“ до сведения исполнительного комитета и партий, представленных в нем. Одновременно поставлен был в известность об этом письме и Родзянко. Исполнительный комитет не мог долее откладывать и должен был заняться вопросом о коалиционном правительстве.

Исполнительный комитет, в противоположность временному правительству, очень неохотно подходил к идее коалиционной власти. Большевики и интернационалисты определенно относились к ней отрицательно. Правоцентровые группы оставались верны социалистической традиции и тоже высказывались против участия в буржуазном правительстве. Партийные комитеты всё время проваливали у себя вопрос о коалиции. Это настроение, естественно, отражалось на составе исполнительного комитета, в котором партийное влияние становилось всё более господствующим. Нельзя сказать, чтобы идея коалиции была особенно популярна в противоположном партийном лагере. Кадеты и кадетствующие не скрывали своего скептицизма, которым сопровождалась их оценка совместной деятельности двух флангов общественности: советского и либерально-цензового. „Речь“ склонна была признавать положение гораздо более сериозным, чем оно было тогда на самом деле, лишь бы с самого начала вызвать сомнение в спасительности „коалиционного“ средства. „Очень может быть,—писала газета 29-го апреля,—что болезнь нужно лечить гораздо более радикальными средствами, и в этом именно случае было бы пустой тратой времени обращаться к тем лекарствам, которые прописываются для насморка, когда больной в тифе“... Говоря о радикальном средстве, „Речь“ впервые тогда высказывала намек на диктатуру. Во всяком случае, коалиция понималась буржуазными кругами не в материальном смысле, как поворот влево самого содержания политики правительства, а в чисто формальном, как расширение только состава и приобщение новых общественных групп, которые, при сохранении договорной основы 1-го марта, должны будут тем не менее разделить общую ответственность власти.

Временное правительство вряд ли к тому времени имело по этому вопросу определенное мнение. В момент кризиса оно, как единый орган, потеряло непосредственную политическую связь с широкими слоями общества. Советские круги имели свой центр, кадетские — свой. Временное правительство страдало от бесцентрия. За отсутствием представительного собрания, которое

могло бы выражать мнение страны, правительство улавливало капризное общественное настроение и старалось не отставать от него. Правительство было радо случаю, чтобы дать публичную оценку момента, охарактеризовать свою деятельность и выслушать разнообразные о себе отзывы. Такой случай представился: с одной стороны — торжественное собрание членов государственной думы всех созывов по поводу одиннадцатилетней годовщины, с другой — совещание делегатов фронта. Оба эти собрания вместе со всероссийским совещанием советов дают представление о том политическом спектре, которым освещалась общественная жизнь страны в то время.

2.

Торжественное собрание четырех дум в честь одиннадцатилетней годовщины происходило 27 апреля в Таврическом дворце. Первую программную речь произнес председательствующий Родзянко. Уделив значительную часть своего внимания проблеме войны, которая, по мнению оратора, должна быть в центре всех забот, Родзянко перешел к вопросам внутренней жизни и сразу резко подчеркнул критическое состояние власти. „В дни наступившей разрухи, — говорил он, — когда мрачные призраки анархии грозят воплотиться в реальные формы, страна обязана дать полное доверие и добровольно подчиниться велениям единой власти, которую она создала и которой она поэтому должна верить (Пуришкевич с места: „единственной“). В распоряжения власти не может быть активного вмешательства... Временное правительство не может исполнить своей задачи, если не будут ему предоставлены вся сила и мощь государственной власти“... В этих словах прозвучал основной тон всех последующих речей. Три темы служили предметом выступления думцев: п о б е д а, а н а р х и я, в л а с т ь. В разнообразных сочетаниях они занимали каждого оратора. И если некоторые из них меньше останавливались на первой теме, то почти все без исключения затратили огромный запас красноречия и пафоса, чтобы очертить рост анархии и бессилие власти. Лучше всех справился с этой задачей Шульгин. Он сделал эффектный жест в сторону революции, признав, что даже правым и умеренным группам от нее не отречься. „Мы с ней связаны, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность“. Эти слова очень скоро утонули в океане сомнений, которые и составили смысл его речи. Он охарактеризовал распад армии, пропаганду большевиков, бессилие правительства, ядовито бросал намеки на измену, предостерегающе говорил о происках сторонников сепаратного мира, иронически отзывался о контроле над временным правительством, — словом, — в острой, как клинок, речи выразил идеологию той части общества, которая уже давно развенчала революцию, а теперь испытывала смешанное чувство страха и вражды.

Шульгина сменил на трибуне Церетели, речь которого неоднократно прерывалась бурными аплодисментами на хорах для публики и в особенности на местах членов исполнительного комитета совета депутатов. Подобно тому, как Шульгин выразил чаяния и опасения буржуазной России, Цере-

тели не менее ярко осветил позицию революционной демократии. Это была первая дуэль двух классовых антагонистов, встретившихся у политического барьера в дни, когда уже обозначился кризис государственной власти. Церетели обвинял своего противника в том, что он вызывает вражду не только „против Петроградской стороны“, где находилась цитадель большевиков — дворец Кшесинской, но и „против органа, олицетворяющего российскую революцию — против совета рабочих и солдатских депутатов, который стоит за контроль действий временного правительства“; он упрекал Шульгина в отожествлении им союзных демократий с империалистическими кругами Европы и в искажении смысла и целей войны; он отрицал старый лозунг самодержавия „всё для войны“ и устанавливал господство принципа „всё для народа“, который вовсе не преследует цели разгрома воюющих сторон; он изобличал помещичий класс в умышленном незасеве полей, в виду предстоящей земельной реформы, и охарактеризовал классовую близорукость и алчность этой наиболее реакционной группы населения; он с негодованием отверг нападки Шульгина на революцию, благодаря которой армия якобы вступила на путь разложения. „Если бы в рядах армии, — воскликнул Церетели, — действительно началось разложение, если бы при торжестве демократических принципов в области внешней политики армия оказалась менее способной вести войну, чем при старом режиме, когда цели империалистические определялись царизмом в разрез с интересами народа, если бы это оказалось правдой, то надо над всей Россией поставить крест, но это к счастию, неправда“... Увлеченный полемикой и не желая оставлять в руках Шульгина ни одного уцелевшего аргумента, Церетели вынужден был идеализировать временное правительство, главным образом для того, чтоб изолировать Шульгина и его единомышленников, как представителей, такой части цензовой общественности, с которой, не в пример временному правительству, нет общего языка у революционной демократии. Логика толкала Церетели и в сторону другой крайности: он до известной степени оправдывал точку зрения Ленина и признавал неизбежность рабоче-крестьянской диктатуры на тот случай, если „буржуазия, (следуя по стопам Шульгина), окажется неспособной понять обще — государственные задачи“. Дуэль подходила к концу... Хотя поле поединка осталось за Церетели, но удар Шульгина был достаточно метким. Буржуазная печать имела основание утверждать, что все социалисты одним миром мазаны и что большевики последовательнее других развивают основные положения революции и открыто высказывают то, что молчаливо признает оппортунистически-настроенное большинство исполнительного комитета.

Правительство в лице Г. Е. Львова не заняло определенного места в этом социально-политическом состязании. Речь, которую произнес министр-президент, была насквозь пропитана высоким идеализмом, но представляла собой образец словесной мишуры, выдержанной к тому же в идиллических тонах. Ни одним намеком кн. Львов не обмолвился по поводу острого паралича, в котором пребывала государственная власть. В этой речи были ссылки и на то, что „свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера“, и что „душа русского народа оказалась

мировой демократической душой по самой своей природе“, и что „русской душой владеет не гордость, а любовь“ и многое другое. Не было лишь в ней политического содержания и даже скромной попытки вскрыть подлинный смысл, постичь тайный ход революции. Князь Львов фигурировал на совещании дум в качестве отвлеченного символа зачатой и нерожденной власти. Символ не обнаруживал даже намерения воплотиться и стать реальным фактором, действенным рычагом общественной жизни. За временное правительство говорили другие: красноречиво защищал его Винавер, неистово отстаивал его суверенные права Родичев, настойчиво доказывал его приоритет Ефремов, на разные лады повторяли ту же мысль представители других фракций государственной думы—для всех выступавших оно было отвлеченной формулой, которой удобно было пользоваться, чтобы выразить свои политические и социальные интересы. Власть была у всех в представлении, она существовала потенциально; но она отсутствовала в реальном соотношении общественных сил. Эту мысль особенно рельефно подчеркнул Гучков, стоявший тогда уже на пороге к выходу из временного правительства. „Оглянитесь вокруг себя, — говорил военный министр, — загляните в свою собственную совесть и скажите мне, не тяжкая ли скорбь, не смертельная ли тревога, граничащая с отчаянием, охватила всех нас. Почему первые чувства светлой радости сменились этой скорбью и этой тревогой? Ответ на этот вопрос вы найдете в той декларации, с которой временное правительство обратилось к стране... В условиях нашей новой жизни не создалось еще того жизненного центра, который при содействии организованных сил страны мог бы взять на себя творческую работу... В тех условиях двоевластия, даже многовластья, а потому и безвластья, в которые поставлена страна, она жить не может... Только сильная государственная власть, единая в себе и единая с народом, опирающаяся на высокий моральный авторитет и народное доверие, а потому пользующаяся свободно и смело всей санкцией и всеми аттрибутами, присущими самой природе государственной власти, может создать тот могучий жизненный творческий центр, в котором заключается всё спасение страны“. То, о чем так беспомощно молчал Львов, высказал с полной определенностью Гучков. Ирония судьбы неотступно преследовала временное правительство. Программу власти излагал тот именно министр, который не мог уже тогда примириться с безвластьем правительства и первый расстался с иллюзией...

Торжественное собрание четырех дум не принесло никаких политических результатов. Оно выявило настроение буржуазной части общества, уставшей уже от революции и лелеющей мысль о твердой власти. „Известия“ воспользовались случаем, чтобы подчеркнуть „смерть думы навеки“, как органа народного представительства. „Отныне для каждого ясно, — писал советский официоз, — что впредь до созыва учредительного собрания только совету рабочих и солдатских депутатов принадлежит право говорить от лица демократии, от лица народа“. Противоположную позицию заняла „Речь“, которая в речах выступавших думцев услышала предостерегающее „мнение страны“. Из этих двух оценок, несомненно, более к истине была первая: дума потеряла авторитет и заняла эпизодическое место в общественной жизни. При сопоста-

влении ее с советом рабочих и солдатских депутатов удельный вес думы совершенно проигрывал и казался ничтожным. Совещание ничего не дало временному правительству. Сознание бессилия только стало мучительней.

Оригинальную роль сыграло так называемое „совещание делегатов фронта", продолжавшееся с 24-го апреля по 4 мая. Количество посланцев действующей армии, приезжавших в столицу для получения исчерпывающей информации, с каждым днем росло. Делегаты разных участков фронта, многочисленных полков, дивизий и целых армий сменяли друг друга в приемных исполнительного комитета и временного правительства в ожидании аудиенции. Всех ожидавших объединял один и тот же круг вопросов; естественнее было всем сразу выслушать общий ответ, нежели повторять его каждой делегации в отдельности. Это и послужило чисто практическим основанием для возникновения летучей, кратковременной парламентской импровизации, какой, в сущности, и явилось „совещание делегатов фронта". Состав его был преимущественно солдатский, хотя и офицерство было представлено довольно внушительно. Преобладало настроение „фронтовиков", т.-е. враждебное фразерству, сериозно-деловое, исполненное чувства ответственности. Участвовало в совещании до 150 человек. О числе участников можно судить хотя бы по тому, что исключение вопроса о „красной гвардии" из цикла запросов, с которыми обращались к правительству, прошло большинством 75 голосов против 68. Совещание импонировало своей авторитетностью, много слушало, мало говорило, протекало в организованном порядке, имело свой президиум,—словом, внушало уважение. Правительство и исполнительный комитет испытывали чувство ответственности пред ним и подымались на трибуну не для шаблонных приветствий, а чтобы дать исчерпывающие объяснения. С другой стороны, „совещание" представляло собой рупор, которым правительство и совет могли воспользоваться для прокламирования своих идей. Впрочем, не только лица официальной власти проходили пред ним. „Совещание" пожелало услышать и голоса оппозиции; на трибуне скрещивались не раз шпаги большевиков и их противников. „Совещание" в первую очередь интересовалось вопросами военного характера: в каком положении находится дело перевозки военных материалов и предметов продовольствия, как идет работа на заводах, работающих на оборону, разрабатывается ли проект введения всеобщей трудовой повинности. Возникали и вопросы общего характера: как относится совет к займу свободы, как осуществляется контроль совета над деятельностью правительства и т. д. Любопытно, что отвергнуто было предложение поставить в порядок дня вопрос о братанье с немцами на фронте. Для подавляющего большинства вопрос этот был решенный, и недопустимость братанья не вызывала сомнений. Делегация армии привезла с собою резолюцию, порицавшую братанье, которая заканчивалась словами: „Во имя мира мы отрицаем братанье". К этой резолюции присоединились многочисленные воинские части. Отклонено было предложение поставить военному министру вопрос о мерах против дезертиров.

Но не было вообще определенного, заранее выработанного порядка. Жизнь врывалась на трибуну и превращала совещание делегатов фронта

в своеобразный парламент. В прениях, страстных и порою бурных, отразилась полностью та политическая обстановка, в которой разыгрывался правительственный кризис. И можно сказать, что основными моментами, из которых складывался этот кризис, были революционная организация рабочего класса в виде „красной гвардии“, начинающее открыто проявлять себя контр-революционное движение в армии, продовольственная разруха, никого не удовлетворявшая внешняя политика и общая жажда мира.

3.

Идея „красной гвардии“, поддерживаемая большевиками, была их боевым лозунгом в рабочей среде. Исполнительный комитет и „Известия“ относились к этой идее отрицательно. Организация какой-то самостоятельной боевой единицы в виде „красной гвардии“ могла, по мнению газеты, сыграть вредную роль. Несочувственно относились к идее „красной гвардии“ и представители армии. На совещании делегатов фронта некоторые ораторы-солдаты указывали на то, что на страже свободы стоят революционные войска, и создание красной гвардии является выражением недоверия к солдатам. Было бы лучше, по мнению этих делегатов, передать оружие красной гвардии солдатам, так как на фронте в винтовках ощущается острая нужда.

Проект организации был опубликован за подписью некоего Н. Когана и содержал ряд пунктов, предусматривавших внутренний строй (деление на районные дружины, подрайонные отряды, сотни, десятки) и правила дисциплины. Задачи гвардии формулировались следующим образом: „красная гвардия существует для охраны завоеваний революции и борьбы с контр-революционными попытками“. Членами ее могли быть только рабочие, рекомендуемые социалистическими партиями. Таким образом, это был институт чисто-классовый, рассчитанный в основе своей на классовую диктатуру. По замыслу вдохновителей он должен был представлять собой совершенно независимую организацию. Между тем, исполнительный комитет предлагал рабочим дружинам, поскольку они возникали, вливаться в организуемые кадры милиции и, таким образом, подчиниться органам местного самоуправления, избранным на основе всеобщего избирательного права.

Организационной комиссией по сформированию „красной гвардии“ созвано было 28 апреля в городской думе учредительное собрание для принятия устава организации. На собрание явилось около 150 представителей боевых дружин. Собрание носило бурный характер и направлялось инициативной группой большевистского происхождения. Представителю исполнительного комитета Юдину, выступившему энергично против создания „красной гвардии“, не дали закончить речь, и большинством 79 голосов против 74 он был лишен слова. Когда после повторного скандала Юдину всё же дали возможность высказаться, он призывал отказаться от организации классовой боевой единицы. Присутствующие красногвардейцы открыто заявили, что, если исполнительный комитет не изменит своего взгляда, то они будут существовать помимо воли последнего, и так как „представители совета сами

раздавали оружие и патроны, то они ни в коем случае добровольно оружие не вернут“. Часть собрания предлагала принять меры к тому, чтобы номер „Известий“, в котором должна быть напечатана резолюция исполнительного комитета против организации красной гвардии, не появился в свет. Собрание, однако, ограничилось более скромным постановлением и предложило исполнительному комитету „пересмотреть принятое им постановление по поводу нежелательности организации красной гвардии, так как иначе комитету придется столкнуться с необходимостью разоружить вооруженных рабочих“.

Исполнительный комитет вопроса не пересматривал и резолюции не опубликовал. Через два дня в редакционной статье „Известия“ опять подтверждали свой принципиальный взгляд. Несомненно, исполнительный комитет был поставлен перед совершившимся фактом: „красная гвардия“ возникла в виде боевых ячеек на многих фабриках и заводах, не получив благословения на то исполнительного комитета, но и не встретив правительственного сопротивления или резкого отпора со стороны совета. Интересно отметить разноголосицу, которая царила по этому вопросу среди членов исполнительного комитета. Так, Н. Д. Соколов, спрошенный по поводу „красной гвардии“, на „совещании“ 25 апреля заявил следующее: „Исполнительный комитет полагает, что каждый свободный гражданин имеет право носить оружие. Этим правом сможет воспользоваться и целая группа — в данном случае „красная гвардия“. Здесь нет ничего опасного. Никого сам не вооружая, исполнительный комитет не считает необходимым протестовать против самостоятельных вооруженных отрядов рабочих“. Вряд ли исполнительный комитет остановился на такой точке зрения. Скорее всего это была вольная „интерпретация“ Соколова, — прием, которым этот деятель часто опрометчиво пользовался.

Умеренные социалистические и буржуазные круги не без основания видели в красной гвардии очаг будущих революционных выступлений и с недоверием относились к воинской организации рабочего класса. Но самое существование красной гвардии обосновывалось тем недоверием, которое было у руководителей рабочего класса к командующим верхам армии. Для этого недоверия были законные поводы. Призрак контр-революции, быть может, и раздувался несколько в агитационных целях; контр-революционные настроения еще не смели проявить себя открыто, но они всё же были. Они угадывались по отдельным признакам и прорывались иногда в форме, до крайности компрометирующей высшее военное командование.

Один эпизод дал основание к резким выпадам против Гучкова со стороны левого крыла революционной демократии. Он послужил поводом и к страстным дебатам на совещании делегатов фронта. За подписью генерала Скалона была из Двинска разослана 16 апреля следующая телеграмма: „По агентурным сведениям англичан, русские евреи, проживающие в Дании, имели 9 марта секретное совещание в Копенгагене, на котором было решено вернуться в Россию и вести пропаганду в русских войсках против войны с Германией. Все они германофилы“. Телеграмма эта была принята в кругах революционной демократии, как признак военно-погромной агитации, и вызвала осуждение со стороны совещания делегатов фронта.

Одновременно с телеграммой Скалона стал известен в Петрограде приказ ген. Щербачева, в котором командующий румынским фронтом протестовал против самочинного освобождения русскими войсками из Ясской тюрьмы социалиста Раковского, усматривая в этом нарушение прав румынского правительства. В своем приказе Щербачев характеризовал Раковского и его друзей, как „германофилов и провокаторов, работавших на германские деньги“. „Известия“, сопоставляя случай Щербачева с телеграммой Скалона, выступили с обвинением против военного министра Гучкова, который поощрял „при всяком удобном и неудобном случае своих подчиненных генералов, обнаруживающих черносотенно-погромное усердие“. Основанием для такого обвинения послужил, между прочим, последний приказ Гучкова от 26 апреля. В этом приказе Гучков резко выступил против пропаганды в армии идей немедленного мира... „Люди, ненавидящие Россию, — так начинался этот любопытный документ, — и несомненно состоящие на службе наших врагов, проникли в действующую армию с настойчивостью, характеризующей наших противников и, повидимому, выполняя их требования, проповедуют необходимость окончить войну возможно скорее. Одновременно с этим в стране идет усиленный призыв к непослушанию и погромам, причем эти преступные призывы проникают и в армию, стремясь посеять в ней раздоры и вызвать анархию“. Гучков призывал армию не итти навстречу „смутьянам, наемникам наших врагов“, не верить „предателям“, проповедующим „неуважение к власти в лице временного правительства и поставленных им лиц“, и требовал соблюдения правил дисциплины, „поддержания полного порядка, а на боевых позициях действующей армии беспрекословного повиновения боевым распоряжениям начальников“.

Приказ военного министра не называл имен и не указывал лиц, виновных в разложении армии. Но острие его было направлено против революционной демократии, против советской гегемонии. Гучков не выделял большевиков, хотя по духу времени имел полную возможность это сделать. Во-первых, не одни большевики были исключительно повинны в разложении воинской дисциплины, а во-вторых, Гучков сознательно не проводил разницы между разными течениями социалистической идеологии и практики.

Расхождение между Гучковым и революционной демократией углублялось до неизбежного разрыва. Большевики вели против него ожесточенную кампанию. Можно было ожидать, что на совещании фронтовых делегатов он будет встречен бурным протестом. Но руководящие круги революционной демократии, вместе с буржуазией, делили веру в военно-организаторские таланты Гучкова и не решались взять на себя инициативу его отставки. На совещании Гучков выступал два раза; первый раз, накануне своего ухода, он, не упоминая о нем ни одним словом, произнес деловую речь, говорил о состоянии армии, о снабжении и только глухо намекнул на разрушительное влияние в армии комитетов, сметающих авторитет единоличной власти, создающих безответственность и хаос. Вторая речь была ярче и резче. Он обвинял революцию в разложении армии, но эта была речь уже ушедшего министра.

Разложение, разруха, распад — эти слова впервые начинают открыто звучать в политических речах. Им предстоит стать лейтмотивом следующего

периода революции. Но уже и теперь, на исходе первого периода, правительство впервые официально отрекается от усвоенного тона официального благополучия и заставляет народ посмотреть открытыми глазами на действительную картину народного хозяйства. Министр земледелия Шингарев и его товарищ Вostротин на совещании делегатов фронта 25 и 26 апреля откровенно рассказали о положении продовольственного дела и о состоянии, в котором находится деревня.

Картина продовольственного состояния государства внушала тревогу правительству. Призыв к населению продовольственной комиссии исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов и временного комитета государственной думы усилил подвоз хлеба, и первый месяц революции до наступления распутицы дал 70 мил. пудов хлеба. Первые недели апреля дали большое понижение в смысле подвоза хлеба. В силу этого потребность на май пришлось исчислить в самых минимальных размерах. Но для удовлетворения и этих сокращенных нужд имелось всего 37 милл. пудов, что составляло немного больше половины потребности на май. Причиной уменьшившегося подвоза хлеба является, по мнению Востротина, стремление сельского населения не выпускать хлеба из деревни из боязни за будущее.

Усугубляло положение отсутствие на местах продовольственных органов и близость сельско-хозяйственных работ.

Состояние деревни точно также не располагало к спокойствию даже наиболее благодушных членов временного правительства, утешавших себя тем, что аграрные выступления не приняли общего характера, и что есть еще возможность уговорить крестьянство терпеливо выжидать. Временное правительство уклонялось от радикальных мероприятий по земельному вопросу, откладывая всё до учредительного собрания. Пока напор социальных противоречий оказывался слабее авторитета будущего учредительного собрания, воздержание от решительных реформ в области земельных отношений считалось признаком демократизма и народолюбия. Эту систему добросовестно и близоруко выполнял Шингарев, не уступая, впрочем, в этом отношении большинству членов временного правительства. С чувством глубокого удовлетворения заявил министр на „совещании“ делегатов фронта, что „засев крестьянами пустующих земель помещиков может быть произведен на льготных условиях по взаимному соглашению между владельцами земель и арендаторами, при содействии местных земельных комитетов“. Сколько при этом должно было быть наивной веры в свободу договорных отношений, которую революционная власть боялась вспугнуть своим вмешательством... Министерство земледелия не изменяло себе и в случаях открытого возмущения социальной стихии. „Как только до меня дошли сведения об аграрных столкновениях, — разъяснил Шингарев, — мы тотчас же обратились к населению с воззванием, в котором указывали, к каким гибельным последствиям могут привести эти беспорядки. Наше воззвание во многих местах подействовало. Во всяком случае, беспорядки — явление далеко не всеобщее, и огромная масса населения спокойно ждет созыва учредительного собрания, понимая гибельность всякого самоуправства“. В сущности никакой программы у министерства земледелия не было. Секрет управления заключался в том,

что население и само „спокойно подождет“, „поймет“, обуздает свою собственную социальную природу и не допустит до беспорядка. При такой самоорганизации населения вообще не было нужды в государственной власти. Трагедия безвластия временного правительства выражалась не только в том, что какая-то сила извне мешала ему осуществлять властное начало. Оно было изнутри бессильно очертить путь революционного управления. И когда члены государственной думы метали словесные громы и требовали независимости для временного правительства, один из типичнейших кадетских министров заслугой своей считал способность обходиться без власти. Шингарева спрашивали члены совещания делегатов фронта, какие меры правительство принимает для восстановления порядка на местах. „Мы обращаемся к населению только с моральными увещаниями, — отвечал министр, — не прибегая к силе, так как мы считаем, что население само поймет необходимость порядка. При новом строе должны действовать такие меры воздействия“. Делегаты фронта не могли осудить министра, в котором вера в благость народных порывов и близорукость власти выступали на первый план. Наоборот, он вызывал чувства живой симпатии. Но всё же указывали на гниющие во многих местах запасы фуража, на массовые злоупотребления начальствующих лиц, на сопротивление, оказываемое помещиками при засеве пустопорожних земель, на рост анархии в деревнях, на утайку хлеба в крупных экономиях, на продажу земель иностранцам и на многое другое. Шингарев добродушно разводил руками и советовал делегатам „подождать“, пока всё благополучно разрешится. „Поверьте, — говорил он, — не хватает ни времени, ни рабочих рук, ни материала, чтобы всё уладить в такое короткое время“. Причина, на которую указывал Шингарев, была уважительная. Как было не поверить, если сам министр верил.

Наибольшим оптимизмом отличались речи министра путей сообщения Н. В. Некрасова. Он не отрицал разрухи транспорта; напротив, давал полную и, казалось бы, тревожную картину растущего развала железных дорог. Но в речах его звучала и уверенность в том, что правительство может справиться с грозящей катастрофой. На совещании делегатов фронта он охарактеризовал положение транспорта и перевозок. По его сведениям, на юго-западных железных дорогах из 900 паровозов болеют 550. Меры к исправлению паровозов принимаются, но ощущается недостаток в металлах. Многое достигнуто в отношении связи между железнодорожными и водными перевозками; а положение в области доставки продовольственных грузов, по словам Некрасова, значительно улучшилось по сравнению с тем, что было в начале марта. Также успешно протекает разгрузка Владивостокского порта, где скопилось огромное количество товаров, ввезенных союзниками преимущественно для нужд войны. Раньше туда направлялись ежедневно по 24 вагона, теперь число вагонов увеличено до 250. Вообще, сообщение Некрасова дышало оптимизмом и внушало уверенность, что правительство преодолевает все транспортные затруднения. Эта черта нарочитого „оптимизма“ не покидала всё время Некрасова; она не раз доставляла ему успех и вызвала о нем представление, как о министре с неутомимой энергией и неостывающей верой в революцию.

Правительство указывало народу на разруху в стране, на разложение в армии, но оно ничего не говорило о возможности решительного и действительного выхода из положения. Было ясно, что и не может быть такого выхода, покуда продолжается война,— главный источник разрушения и истощения народного хозяйства. Таким образом, вопрос продовольственный, вопрос земельный, вопрос о состоянии промышленности,— все они роковым образом возвращались и упирались в основную и главную проблему революции — проблему войны и внешней политики. Здесь от правительства всё с более возрастающим нетерпением ждали определенной и решительной политики. Ее не было. И раздражение против Милюкова накоплялось всё больше. На совещании делегатов фронта, которое он посетил 28 апреля, он имел из всех министров наименее радушный, скорее враждебный прием.

Не скрывал резкого тона и Милюков: часто его объяснения переходили в реплики раздраженного человека. Вопросы, которые ему задавались, носили вызывающий, обличительный характер. Среди них фигурировали и тайные договоры с союзниками, и отказ от аннексий и контрибуций, и искусственная задержка эмигрантов странами согласия. На совещании был проверен слух, распространившийся в то время, будто Япония собирается ввести войска в Россию для водворения внутреннего порядка. Слух этот был пущен „Русской Волей“—газетой, которая легко пользовалась всяким вымыслом в погоне за сенсацией. Интересно отметить, что великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен поспешил на следующий же день выступить в газетах с опровержением этого слуха. Милюков с своей стороны разъяснил вздорность подобного предположения. Не миновал Милюкова и вопрос о присоединении Дарданелл. На сей раз министр дал уклончивый ответ, заявив, что рано об этом говорить.

Вообще, в эти дни, накануне правительственного кризиса, чувствовалась не только упрямая бездеятельность руководителя внешней политикой России, но и какая-то безнадежность в его выступлении. Милюков не сдавал добровольно своего поста и не бежал с него, как это сделал Гучков. Напротив, он держался за него цепко. Но он не мог и не хотел отстаивать свою позицию в борьбе с демократией. Когда на совещании делегатов фронта затронут был вопрос о коалиционном министерстве, касавшийся прежде всего министерства иностранных дел, он заявил:

„Считаю, что власть должна быть сильной. Если для того, чтобы она была сильной, надо составить коалиционное министерство, составляйте его. Если признано будет возможным удовлетвориться нынешним составом кабинета, пусть будет так. Надо только решить определенно этот вопрос и без замедления, так как менять министерство каждый месяц нельзя“. Этот ответ Милюкова лучше всего передавал его политические настроения. Под видом фатализма и безучастия скрывалось беспокойство за исход правительственного кризиса. Меньше всего покорности можно было ожидать от Милюкова. „Пусть будет так!“— фраза притворного смирения резко противоречила передовицам „Речи“, которые писались или выправлялись его рукой. Кризис временного правительства преломлялся в сознании Милюкова, как кризис его

собственного влияния. Он не мог отвлечься от субъективной оценки и тем самым сразу обнаруживал свою слабость.

Прямым следствием его пассивности было то, что всё более инициатива во внешней русской политике переходила к совету рабочих депутатов, где иностранный отдел начинал играть роль параллельного министерства иностранных дел. Деятельность исполнительного комитета по созыву мирной конференции привлекала к себе внимание правительств и политических партий запада в бо́льшей степени, чем кропотливая, незаметная, нерешительная и неавторитетная политика Милюкова. На совещании делегатов фронта объяснения по вопросам внешней политики давал рядом с Милюковым и Скобелев, и трудно сказать, кто из них больше походил на министра. В общем плане борьбы за мир участие в международной социалистической конференции занимало видное место. Она должна была закончить тот процесс, начальным пунктом которого было воззвание совета „К народам всего мира". Вскоре после этого исторического жеста русской революции западно-европейские социалистические партии поспешили завязать живую связь с петербургским советом. Первыми явились представители шведской социалистической партии Брантинг и Линдгаген; затем прибыли делегации от большинства французской социалистической партии и английской рабочей партии. Одним из последних явился делегат датской социалистической партии Боргбьерг, редактор центрального органа датской соц.-демократии „Социал-демократ". Роль нейтральных социалистов была несомненно миротворческая, и для них позиция русской революционной демократии была благодарной почвой для посреднического вмешательства. Кроме того, они были естественным звеном между двумя враждующими коалициями в пределах разрушенного Интернационала.

23 апреля Боргбьерг передал в заседании исполнительного комитета от имени объединенного комитета трех скандинавских рабочих партий (Дании, Норвегии и Швеции) обращенное ко всем русским социалистическим партиям приглашение на международную социалистическую конференцию. Место и время конференции еще не были определены. Попутно Боргбьерг познакомил членов исполнительного комитета с теми условиями, на которых „большинство" немецкой соц.-демократии представляло себе возможным заключение мира. Условия эти он почерпнул, по его словам, из неоднократных бесед с вождями шейдемановцев. Сообщение его, однако, имело более официозный характер и, несомненно, в этот день в комнате исполнительного комитета был пущен немцами пробный шар мира.

Программа немецкого согласительного мира, в социал-демократическом изложении Боргбьерга, заключала в себе следующие положения: прежде всего германские социал-демократы большинства присоединялись к тем положениям, которые были приняты в 1915 году конференцией скандинавских и голландских соц.-демократов, а именно, к признанию права самоопределения наций, обязательного международного третейского суда и к требованию постепенного разоружения. От себя немецкие социал-демократы склонны были настаивать: 1) на возвращении всех захваченных Германией земель, 2) на предоставлении русской Польше полной свободы выбора — стать ли ей независимой, или присоединиться к России или к Германии, 3) на восста-

новлении независимости Бельгии, 4) на восстановлении независимости Сербии, Черногории и Румынии, 5) на передаче Болгарии болгарских областей Македонии, 6) на предоставлении Сербии свободного выхода к Адриатическому морю. Что касается Эльзас-Лотарингии, то здесь было бы возможно путем полюбовного соглашения исправление лотарингской границы. В заключение датский делегат многозначительно добавил, что „хотя программа эта имеет в первую очередь агитационное значение, но германская социал-демократия достаточно сильна для того, чтобы эта программа стала и реальной программой мира“... Исполнительный комитет отложил обсуждение предложения Боргбьерга и 25 апреля единогласно принял постановление, в силу которого сам взял на себя инициативу по созыву международной социалистической конференции. К участию в ней приглашались все партии и фракции интернационала, готовые стать на почву платформы воззвания совета „К народам всего мира“. Для подготовки конференции и выработки ее программы должна была образоваться при исполнительном комитете особая комиссия. Кроме того, решено было послать специальную делегацию исполнительного комитета в нейтральные и союзные страны „для установления контакта с социалистами этих стран“ и делегацию в Стокгольм для подготовки конференции.

На следующий день постановление исполнительного комитета получило санкцию рабочей секции совета. Скобелев, выступавший докладчиком по вопросу о социалистической конференции, формулировал задачи русской революции в духе чистого циммервальдизма. „Русской революции,—говорил он,—приходится иметь дело с международным капиталом, а с ним можно бороться только объединенными усилиями международного пролетариата. Избавление от ужасной бойни возможно лишь при условии восстановления Интернационала“. Этот уклон в сторону циммервальдизма был неизбежен для исполнительного комитета, поскольку он связывал прекращение войны с влиянием русской революции. Идея международной социалистической конференции не встретила сочувствия среди социалистических партий большинства в странах согласия. Англичане ответили отказом; исполнительный комитет французской партии негодующе отверг попытку Стокгольма притти на помощь Германии в такой момент, когда чашка весов начинает склоняться в пользу ее противников. Бельгийцы, конечно, не составили исключения. Исполнительный комитет петроградского совета мог рассчитывать на поддержку одних только оппозиционных меньшинств западно-европейских социалистических партий, которые, однако, имели незначительное влияние у себя в странах. Таким образом, кампания за созыв международной конференции с малыми шансами на успех приобретала односторонний характер, особенно, в виду подозрительной готовности немецкой социал-демократии принять в ней участие. Продолжая переоценивать свое влияние, исполнительный комитет 24 апреля обратился к английской независимой рабочей партии, британской социалистической партии и итальянской социал-демократической партии с предложением прислать в Петроград своих представителей. Приглашение мотивировалось желанием „совместными усилиями международного рабочего класса положить конец опустошающей мир и отравляющей

душу человечества бойне". Аналогичная телеграмма была послана Бризону и Лонге — представителям оппозиционной части французской социалистической партии. Постановление исполнительного комитета о созыве международной конференции означало ряд усилий на пути к восстановлению Интернационала. Русская революционная демократия взваливала на себя непосильную задачу, как будто у себя в стране она достигла организационного и идейного единства социалистических партий. А между тем положение вещей говорило совершенно о другом.

Большевики на происходившей как раз в то время своей всероссийской конференции вынесли резолюцию, осуждающую созыв стокгольмской конференции. Боргбъерг был назван агентом немецкого империалистического правительства. „Мы предостерегаем рабочих,— гласила резолюция,— „от доверия к конференции, организуемой Боргбьергом, ибо на деле эта конференция якобы социалистов будет комедией, прикрывающей происходящие за ее спиной сделки дипломатов"... Большевики противопоставляли Стокгольму совещание таких рабочих партий, „которые революционно борются в своей стране за переход всей государственной власти в руки пролетариата". Исходя из других предпосылок, однако не менее враждебно, отнеслось к конференции и правое крыло социалистов. „Единство" опорочивало полномочия датского парламентера и называло Стокгольм „ловушкой", в которую заманивают русскую рабочую демократию „Шейдеман и его братия". „Рабочая Газета" соглашалась с решением исполнительного комитета, но и она не могла скрыть своего скептицизма. Буржуазная печать сразу взяла тон крайнего недружелюбия по отношению к советской инициативе в этом вопросе. Таким образом, ко всем многочисленным поводам взаимного неудовольствия присоединился еще один, довольно сериозный.

26 апреля отдел международных сношений исполнительного комитета через петроградское телеграфное агентство (ПТА) сообщил в Англию, Францию, Швейцарию и Швецию постановление исполнительного комитета о созыве международной социалистической конференции — это постановление вызвало тревогу в правящих кругах союзных правительств. Оно оформляло странную двойственность в русской внешней политике и делало положение Милюкова в кабинете невыносимым.

Необходима была развязка. Она надвигалась. Вопрос о смене правительства в обстановке обостряющихся противоречий выходил уже за пределы предварительного обсуждения о коалиции буржуазных и социалистических элементов.

4.

После демонстративного письма Керенского (см. стр. 242) и обращения Львова к Чхеидзе исполнительный комитет не мог уже далее откладывать разрешение вопроса о коалиции. В противоположность низам, где идея участия социалистов в правительстве была довольно популярна, партийные верхи относились к ней отрицательно. Большевики в своей резолюции, которую они приняли на всероссийской партийной конференции, „предостерегали народ

против попыток сосредоточить внимание населения на вопросе о замене в министерстве одного лица другим или одной группы буржуазных политиков другой". „Беспринципной борьбе парламентских клик" резолюция противопоставляла борьбу классов и переход всей власти к советам. Эта точка зрения в то время не была широко распространена, особенно, если иметь в виду солдатскую массу; но большевикам нельзя было отказать в ясности и прямолинейной последовательности.

Меньшевики и право-центровые группы не хотели портить чертежей буржуазной революции, которую по догме полагалось проводить буржуазным политикам. Куда привлекательнее была позиция призывающих к ответу, нежели дающих ответ. Лидеры (Церетели и др.) отдавали себе отчет в серьезности положения и отлично понимали, как легко растрепать весь свой политический авторитет, накопленный с такой ослепительной быстротой, стоит лишь приобщиться в этот неблагоприятный момент к правительственной власти. Да и краткая история предыдущих отношений между временным правительством и советом не располагала к такому решению. К коалиции приводила не линия внутри-общественного сцепления, а, наоборот, обостренный процесс распада. Исполнительный комитет склонен был скорее сделать менее чувствительным контроль над правительством, нежели взять на себя долю формальной ответственности. С другой стороны, рука, протянутая временным правительством, висела в воздухе. Оставить ее без поддержки и не пойти по следам большевиков означало уподобиться буриданову ослу или молчаливо подрубать сук, на котором сидишь. Отношение создавалось чрезвычайно раздвоенное. Естественно, что в заседании 29 апреля после продолжительных прений исполнительный комитет высказался против участия в правительстве большинством всего только одного голоса, 23 против 22 при 8 воздержавшихся. Формально коалиционное правительство было отвергнуто, но вопрос продолжал стоять в порядке дня и не потерял своей остроты.

Положение правительства было затруднительное. Князь Г. Львов в тот же день посетил Милюкова, рассчитывая, очевидно, при его содействии распутать узел власти. Милюков в своей „Истории" рассказывает, какой ответ был им дан: „или последовательно проводить программу твердой власти и, в таком случае, отказаться от идеи коалиционного правительства, пожертвовать А. Ф. Керенским, который уже заявил о своей отставке, и быть готовым на активное противодействие захватам власти со стороны совета,—или же пойти на коалицию, подчиниться ее программе и рисковать дальнейшим ослаблением власти и дальнейшим распадом государства". Львов настроен был в пользу второго решения. Это вытекало из всех предыдущих шагов временного правительства. Чтобы сделать коалицию объективно возможной, Милюков должен был покинуть пост министра иностранных дел. На перемену портфеля (ему предлагали министерство народного просвещения) он не согласился. Участвовать в заседаниях временного правительства, когда будет решаться его личный вопрос, было невозможно. Предупредить собрание и самому подать в отставку он не считал нужным. Этим объясняется поспешный отъезд Милюкова в ставку в тот же день, когда, казалось бы, правительственный кризис требовал неотлучного присутствия всех членов кабинета.

Трещина в составе временного правительства была уже непоправимая. Если Милюков еще питал надежды на сохранение власти, хотя игра была видимо проиграна, то Гучков решил окончательно ускорить свой уход. Вечером 29 апреля он заявил об этом временному правительству, а на следующий день кн. Львов получил от него письмо следующего содержания. „В виду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, а в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота; условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России,— я по совести не могу долее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины, и потому прошу временное правительство освободить меня от этих обязанностей". Это письмо появилось в печати во вторник 2 мая. Одновременно опубликовано было правительственное сообщение, в котором по адресу Гучкова содержался упрек в том, что „он признал для себя возможным единоличным выходом из состава временного правительства сложить с себя ответственность за судьбы России". Временное правительство не считало себя в праве сложить с себя бремя власти и решило остаться на своем посту.

Поспешность, с которой Гучков совершил свой уход, в общем понятна. Дальнейшее пребывание его во временном правительстве было невозможно. С того момента, как возник вопрос о коалиции с социалистическими элементами, отставка Гучкова была предрешена. Для многих советских деятелей имя его стало жупелом. Каменев письмо Гучкова назвал „тоской по розгам и военно-полевым судам". Большевики имели основание ненавидеть Гучкова. Действительно, последнее время он вступил на путь открытой борьбы со всяким влиянием, расшатывающим дисциплину в армии. В частности, он решительно не мог примириться с растущей ролью комитетов, подрывавших, по его мнению, авторитет начальников. Он открыто проповедывал необходимость „единой и твердой власти". Отсутствием такой власти мотивировал Гучков свой уход в беседе с журналистами на следующий день после своей отставки. Об этом же он впоследствии говорил на частном совещании членов государственной думы 4 мая. Иного выхода для себя Гучков не видел. Правительство в целом не способно было порвать связь с советской демократией и утвердить свою власть помимо последней. С другой стороны, Гучков не верил в рецепт спасения, который Милюков предлагал Львову и который мог повлечь за собой гражданскую войну. В этом отношении Гучков был гораздо прозорливее Милюкова. Вряд ли ускорением своего ухода Гучков имел в виду осложнить положение временного правительства и запутать кризис власти. Вторая речь, которую он произнес на фронтовом совещании 30 апреля, уже после письма своего к Львову, говорит о противоположном. Он рассчитывал своим уходом помочь рождению новой власти, которая, быть может, найдет неожиданные средства приостановить распад армии. Подтверждение этому можно найти в речи Гучкова на упомянутом выше частном совещании членов государственной думы. В этой речи он прямо говорил, что те, у кого руки связаны (к таким людям он относил и себя), в праве

*

сказать тем, у кого руки свободны: возьмите руль и управляйте кораблем. Поражение на фронте, провал военной кампании, крушение государственности вставали пред ним грозным призраком. Сомнения, точившие его, граничили с отчаяньем. Он сам говорил, что надеется только на чудо... Но и для чуда отставка его была неизбежным условием. Гучков это сознавал и в этом духе последовательно действовал.

В тот же день, когда Гучков решил подать в отставку, он и Керенский выступали на совещании фронтовых делегатов. Бывший и будущий военные министры говорили об армии и России. Ни одним своим движением Гучков не обнаружил в этот день созревшего уже решения покинуть пост военного министра. Почему Гучков маскировал свой уход, непонятно. Только на следующий день он в пространной и очень яркой речи дал подробную характеристику переживаемой катастрофы и приводил мотивы своего ухода. Наоборот, Керенский, перед которым раскрывалась тогда перспектива переустройства власти, выступил с откровенной речью, полною мрачных предчувствий и зловещих предсказаний. У Керенского бывали немногие минуты ораторского вдохновения, когда речь его освобождалась от цветистых фраз и приобретала характер строгой простоты. Тогда голос его высекал искры, а слова потрясали слушателей; тогда Керенский вырастал, как трибун, и не имел себе равных. Один из таких случаев был 29 апреля на совещании делегатов с фронта. В этой речи своей Керенский пустил крылатое выражение о „взбунтовавшихся рабах“, выражение, которое часто потом друзья революции будут повторять со скорбью, а враги со злорадством. „Я пришел к вам потому,— говорил Керенский,— что силы мои на исходе, потому что я не чувствую в себе прежней смелости, у меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство с увлечением, достойным русского народа“. Когда Керенский недоумевал по поводу того, что народ, привыкший терпеливо сносить самодержавие, теперь отказывался терпеливо ждать созыва учредительного собрания, он отражал лишь наивность той эпохи, заразившую, как прилипчивая болезнь, большинство политических деятелей. Они вытравляли действенное начало, непреодолимость которого и создает силу революции, и после этого удивлялись своей слабости; они строили порядок и власть в государстве на вере в какие-то отвлеченные принципы нравственности и права, чуждые сознанию забитого народа, в то время как социальные интересы возбуждали активность масс, приводили в движение людей и требовали вмешательства со стороны тех, кто призван был управлять страной. Керенский не пожалел красок, чтобы обрисовать трагизм положения; местами речь его подымалась до подлинного пафоса и звучала пророчески. „Остерегайтесь!..— восклицал он.— Есть суд людской, суд истории; бывали не раз случаи, когда люди, которые были сильны и выше нас, падали под предательскими ударами за то, что они шли будто бы против трудового класса. Но все эти убийства всегда были предвестники возвращения старых тиранов и деспотов“... Но весь этот пафос растрачивался попусту, рассыпался как песок, ибо не скреплялся он практическим решением или реальным выходом из положения.

„Мы хлебнули свободы и мы немного охмелели. Но не опьянение нужно нам, а величайшая трезвость и дисциплина“ — вот каким выводом заканчивалась эта речь. Опьяневшему народу правительство подносило прописную истину о пользе трезвости...

Отставка и письмо Гучкова произвели огромное впечатление на исполнительный комитет. Во всей остроте стал кризис безвластного правительства. Об уходе Гучкова не жалели, но перед пустым местом военного министра оробели. К тому же состояние армии внушало серьезные опасения. За Гучковым могли потянуться некоторые главнокомандующие, которые разделяли недовольство Гучкова. Об этом во всяком случае сообщили исполнительному комитету 1-го мая представители генерального штаба, которые посещением своим еще более усугубили тревогу руководителей совета. Исполнительный комитет немедленно приступил к обсуждению создавшегося положения.

1 мая, вечером, состоялось под председательством Чхеидзе заседание исполнительного комитета. На заседание явился Керенский, ознакомивший присутствовавших с создавшимся положением. Картина, которую он нарисовал, вызывала тревогу. Падение боеспособности армии грозило роковыми последствиями. Крупные военачальники, как Брусилов и Гурко, еще до ухода Гучкова возбудили перед временным правительством ходатайство об освобождении их от занимаемых должностей. Паралич армии, очевидно, зашел довольно далеко; внутри страны углубляется процесс дезорганизации местной власти; происходит развал народного хозяйства. Транспорт катится по наклонной плоскости. Нужны меры, и в первую очередь необходимо добиться единства революционной власти. Эта обязанность выпадает на демократию. Она не вправе от нее уклоняться.

После выступления Керенского последовал обмен мнений. Нерешительность противников коалиции, в том числе и Церетели, поколебалась. Большинство высказывалось за пересмотр решения, принятого два дня тому назад. Исполнительный комитет решил, однако, до окончательного голосования дать возможность отдельным фракциям, входившим в его состав, предварительно решить у себя вопрос о коалиционном правительстве. Был объявлен перерыв, во время которого состоялись заседания всех фракций. По возобновлении заседания приступили сразу к простому, а потом к поименному голосованию. Большинством 44 голосов против 19 при 2 воздержавшихся исполнительный комитет в 12 час. ночи постановил принять участие в коалиционном правительстве. В меньшинстве остались большевики и меньшевики-интернационалисты.

После часового перерыва исполнительный комитет приступил к обсуждению условий вступления социалистических партий в состав временного правительства. В основу этих условий положены были следующие начала: 1) активное ведение внешней политики, скорейшее достижение общего мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, в частности, подготовка переговоров с союзниками в целях пересмотра соглашений на основе декларации временного правительства от 27 марта; 2) решительные мероприятия по демократизации армии к усилению военной мощи фронта

для действительной защиты свободы; 3) проведение ряда социально-экономических реформ; сюда входит и борьба с хозяйственной разрухой путем установления контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов; 4) всесторонняя защита труда; 5) аграрная политика, регулирующая землепользование в интересах народного хозяйства, подготовляющая переход земли в руки трудящихся; 6) переустройство финансовой системы на демократических началах в целях переложения финансовых тягот на имущие классы (обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог); 7) укрепление демократического самоуправления, и 8) скорейший созыв учредительного собрания.

Ответственность представители социалистических партий во временном правительстве несут перед органом всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, а до созыва съезда перед петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

Для переговоров с временным правительством избрана была особая комиссия, которая ночью приступила к действиям. В состав комиссии вошли меньшевики: Чхеидзе, Церетели, Скобелев, Богданов, Дан, Войтинский, от с.-р. — Гоц, Авксентьев и Филипповский, от н.-с. — Пешехонов, трудовики: Брамсон, Станкевич; с информационными целями входили: от большевиков — Каменев и Юренев от межрайонной организации. Кандидатами в министры были намечены М. И. Скобелев и В. М. Чернов. Керенский выдвигался на пост военного министра.

Переговоры с временным правительством продолжались на квартире кн. Львова весь день 2 мая с перерывами. Острее всего сталкивались интересы договаривающихся сторон в плоскости первых трех положений исполнительного комитета. Пункт о внешней политике метил в Милюкова и сразу выводил его из строя. Естественно, что Милюкову навязывать „активную внешнюю политику“ в духе совета было бы смешно. Когда он узнал от Керенского о состоявшемся в его отсутствии (Милюков ко 2-му мая вернулся из Москвы) решении предложить ему портфель министра народного просвещения, чаша терпения Милюкова оказалась переполненной; он заявил о своем отказе и покинул заседание временного правительства. В дальнейшем обсуждении советской программы Милюков уже не участвовал. До последней крайности Милюков не расставался с министерской властью. По его собственному признанию, в речи на частном совещании членов государственной думы 4 мая, он ушел „не по собственному желанию, а уступая желанию товарищей по партии“.

Пункт второй, узаконяя процесс реорганизации армии на комитетских началах, подготавливал почву для „декларации прав солдата“, на пороге которой, по свидетельству „Истории“ Милюкова, споткнулся Гучков. Осуществление второго пункта мог взять на себя не кто иной, как Керенский, всё еще самый популярный человек в России, непререкаемый авторитет для солдатских низов, человек, который не устал еще искать соединения между свободой и самообузданием. Принятие этого пункта означало одновременно назначение Керенского военным министром. Третий пункт вызывал сравнительно мало возражений. Социальная сущность тревожила меньше,

нежели политическая видимость. Немногие тогда понимали, что в этом именно месте сходятся противоречия революции, обладающие большой взрывчатой силой. То или иное личное перемещение, малейший изгиб внешней политики будил тревогу, а целая гамма социальных экспериментов оставляла равнодушными представителей буржуазного крыла коалиции.

Временное правительство совещалось в тот же день и с членами временного комитета государственной думы. Последние выдвинули три основных пункта возможного соглашения с социалистическими партиями: 1) единый фронт с союзниками, 2) полное доверие временному правительству в новом составе и 3) полнота власти. Особенно настаивали на этой програме соглашения Родзянко и Шульгин. Члены временного правительства согласились с такой постановкой вопроса. Решено было сопоставить эту програму с програмой исполнительного комитета совета. После этого заседание правительства с советской комиссией возобновилось. Представители исполнительного комитета возражали против указаний на „единство фронта“ и не соглашались дополнять условия требованием „единства власти“. Намерение вести активную оборону, говорили они, предполагает координирование действий с союзниками. В таком случае излишним является специально это оговаривать. Толковать же шире формулу „единство фронта“ члены исполнительного комитета не хотели, ибо это противоречило бы усвоенной политике борьбы за скорейшее заключение мира. Что же касается „единства власти“, то оно и ранее признавалось, хотя бы формально. Подчеркивать сейчас это положение — значит дать повод утверждать, что исполнительный комитет до сих пор оспаривал необходимость такого единства.

Требования временного правительства действительно лишены были конкретного содержания. Договариваться о полноте власти было по меньшей мере наивно. Коалиция и создавалась для того, чтобы вдохнуть силу в ослабевший организм власти. На министров-социалистов возлагались в связи с этим большие надежды. Возражения, выдвинутые временным правительством, носили чисто-словесный характер. Завязать вокруг них спор о власти не представлялось возможным. Вопрос о коалиции предрешен был ходом вещей. Естественно, что центр тяжести переговоров был очень скоро перенесен в область практическую — распределение портфелей. Правительство должно было изготовить декларацию в духе положений исполнительного комитета. Но предварительно возникал вопрос чисто-формальный: кто является публично-правовым источником власти. Об этом, главным образом, говорили на совещании с комитетом государственной думы. Представители временного правительства высказались в том смысле, что юридическая непрерывность временного правительства должна быть соблюдена, независимо от тех или иных личных перемещений или замен. Родзянко и к.-д. Аджемов отстаивали приоритет временного комитета государственной думы и считали, что он должен вновь сыграть свою роль, как это было в недавние февральские дни. Такая точка зрения, помимо доктринерства, грешила еще резким несоответствием политическим условиям. Коалиционная власть ни формально, ни фактически не могла бы выйти из недр думского комитета, который продолжал по инерции занимать едва заметную полоску на политическом го-

ризонте. Временное правительство, как институт, не упразднялось; оно восполнялось только новыми членами и, соответственно этому, видоизменяло свою программу. Однако, во всех совещаниях с временным правительством участвовал думский комитет, и хотя он имел весьма слабое влияние на ход переговоров, но символически представлял буржуазную, или, как тогда говорили, цензовую общественность. Решено было, что назначение новых министров будет исходить от временного правительства и пройдет указом сенату. Временный же комитет государственной думы предварительно утвердит список министров, представленный временным правительством. Таким образом, и участие думского комитета и непрерывность временного правительства будут соблюдены.

К концу заседания 2 мая в кругах, близких к исполнительному комитету, уже обращались примерные списки новых министров. Среди них фигурировали: Скобелев или Колчак в качестве морского министра; Керенский — военный министр; Чернов — министр земледелия; Гвоздев — министр труда, Прокопович — его помощник; Никитин или Малянтович — министр юстиции, Березин (тов. председателя 2-й госуд. думы) — министр почт и телеграфов; Пешехонов — министр снабжения. Терещенко называли в роли министра иностранных дел, а Милюкова думали обезвредить в министерстве народного просвещения. Шингарева прочили в министры финансов. Кн. Львов, Некрасов, Годнев, Коновалов оставались на прежних местах. В думских кругах на образование коалиционного правительства смотрели иначе, чем в исполнительном комитете. Первые склонны были отдать социалистам вновь образующиеся министерства: снабжения, труда и т. д. К этим министерствам социального характера готовы были присоединить морское министерство, с которым, по соображениям политическим, легче было управиться социалисту. Деятели исполнительного комитета считали нужным произвести перераспределение портфелей, а не только простое присоединение новых министерств. За этим формальным спором скрывалась борьба за преобладающее количество мест в правительстве. Исполнительный комитет от скромного воздержания перешел к аггрессивным намерениям и требовал себе семь мест. „Речь“ по этому поводу саркастически замечала: „Если большинство перешло в руки совета рабочих и солдатских депутатов, то ведь тем самым осуществлена программа Ленина о диктатуре пролетариата. А ведь все социалистические партии, кроме ленинской, считают его программу гибельной для революции. Как же совет попал в такую ловушку?“... Исполнительный комитет стремился к большинству, думая таким образом обеспечить осуществление новой программы деятельности правительства. Эта новая программа соответствовала настроениям большинства совета. За нее можно было постоять, ее можно было в общем считать своей. Слабость и бессилие коалиционного правительства будут отныне зависеть от расслоения самого этого советского большинства. Большевики на этот процесс глухо намекали; но ограничивались только намеками и, в общем, не особенно яростно сопротивлялись участию советского центра в правительстве. Рассматривая это, как очередный этап, объективно неизбежный, „Правда“ называла кризис власти очередным „инцидентом“, который будет повторяться

до тех пор, пока вся власть не перейдет к советам. Этот лозунг провозглашался однако в предвидении будущего. Большевиков не покидала надежда, что „каждый день, каждый час будет подтверждать правильность“ такого прогноза.

Продолжая переговоры с временным правительством о составе власти и дойдя в этих переговорах до распределения портфелей, исполнительный комитет должен был заручиться согласием совета на такой шаг. Не приходилось сомневаться, что экстренное собрание совета, созванное 2 мая, пройдет в обычном порядке. После доклада представителя исполнительного комитета выступит, конечно, кто-нибудь из большевиков, затем начнется полемика с большевиками, затем официальные ораторы фракций поддержат точку зрения докладчика, и собрание подавляющим большинством утвердит программу действий исполнительного комитета. Так было и на сей раз. Церетели осветил в своем докладе двойственность позиции временного правительства, которое с одной стороны влекомо буржуазными кругами вправо, в сторону единовластия, с другой — тяготеет к демократии и ждет поддержки слева. Он охарактеризовал глубину общественного и экономического развала страны и требовал от совета доверия исполнительному комитету, который намерен итти на встречу временному правительству, разделить с ним бремя власти и понести долю ответственности.

С критикой коалиционного правительства выступил Зиновьев. Со времени приезда Ленина Зиновьев вел неустанную пропаганду в печати и на собраниях идей диктатуры совета. Энергия не покидала его, наоборот, возрастала по мере увеличения препятствий. Каждое слово, статья, тезис Ленина сейчас же воплощались в ряде агитационных выступлений Зиновьева. Он обладал языком и стилем популяризатора, понимал инстинкты и растущие стремления масс, удачно пользовался примером и аналогией, учитывал ошибки и промахи противника и придавал „Правде“ своими статьями характер боевой, вызывающей газеты. Зиновьев стал очень скоро заметной фигурой в петроградской политической жизни, особенно среди петроградских рабочих. В совете он неоднократно выступал со зловещим напоминанием о скором падении буржуазного Карфагена. Его встречали враждебно, иронизировали над крайностью выводов, но не оставляли без возражений ни одного его довода. Наоборот, с каждым днем возражения эти становились многословнее и подробнее. И теперь по поводу коалиционного правительства Зиновьев повторил свой катехизис политической веры. „Вся власть должна перейти к совету. Мы одним ударом должны решить всё“... К этому удару Ленин с первого дня своего возвращения в Россию готовил большевиков. Нанести удар, т.-е. захватить власть, был призван совет рабочих и солдатских депутатов. Зиновьев неутомимо вбивал в сознание эту идею, но она не встречала еще живого отклика, и когда он закончил свою речь словами: „мы должны сказать — мы правительство!“, своды морского кадетского корпуса огласились веселым смехом присутствующих.

После обычных речей фракционных ораторов, после удачной, как всегда, полемики с большевиками Войтинского и других апологетов советского большинства собрание приняло резолюцию, предложенную исполнительным ко-

митетом, по смыслу которой принцип коалиции был утвержден, и исполнительный комитет получил полномочие вести переговоры по этому поводу с временным правительством. Полномочия были даны тогда, когда переговоры клонились уже к концу...

На следующий день, 3 мая, возобновилась совместная деятельность временного правительства и специальной комиссии исполнительного комитета. С 3-х часов дня предварительно происходило заседание одного только правительства с участием командующих армиями. Обсуждались исключительно военные вопросы в связи с положением на фронте и уходом Гучкова. Присутствовали на заседании верховный главнокомандующий Алексеев, главнокомандующие фронтами — юго-западным Брусилов, западным Гурко, северным Драгомиров и румынским Щербачев. Алексеев сделал подробный доклад о состоянии армии, смысл которого заключался в том, что положение очень тяжелое, но не безнадежное. Армию, по мнению генералов, разъедает пропаганда немедленного мира, братание, неопределенность правительственной политики, анархия в тылу и колебания власти. Лозунги „без аннексий и контрибуций“ должны быть заполнены реальным содержанием и, во всяком случае, не могут подрывать боеспособности армии. Слухи об уходе главных военачальников из солидарности их с Гучковым оказались преувеличенными. Гучков не так уж был популярен среди командного состава. Ему не могли простить автократических приемов управления и резкого вмешательства в компетенцию верховного командования. Замешательство среди военачальников объяснялось общими условиями распада армии. Идея коалиции постольку встречала сочувствие среди генералов, поскольку с ней связывалась надежда оздоровления фронта и оживления военной кампании. Война и победа — всё еще были господствующими целями, для достижения которых хороши были все средства, даже если это были социалистические министры. Уже тогда в ставке созрела, видимо, идея перехода русской армии к наступлению. Дальнейшая неподвижность фронта грозила полным его развалом. Новая власть должна была начать, по мнению генералов, с укрепления дисциплины. Назначение Керенского военным министром, по словам Алексеева, будет встречено армией весьма сочувственно. В глазах высших военачальников Керенский тогда был подходящей фигурой на пост военного министра, с его именем связывались надежды. Однако, Алексеев в беседе с представителями печати просил опровергнуть ту версию, будто кандидатура Керенского выдвинута ставкой. В действительности, ставка отнеслась пассивно к вопросу о составе коалиционного правительства. Во всяком случае, ни личных кандидатур, ни программных требований ставка правительству не предъявляла.

Под впечатлением докладов главнокомандующих временное правительство после краткого перерыва приступило к дальнейшим переговорам о коалиционной власти. В 5 часов дня прибыли представители государственной думы и исполнительного комитета. В течение всего дня происходил обмен мнений по поводу декларации временного правительства, написанной Некрасовым. В общем декларация не вызывала особенных возражений и была составлена в духе советской коалиционной программы. Гораздо более сери-

озные трения вызывал вопрос о распределении мест в правительстве. Приходилось считаться не только с количеством новых министров, но и с политическим значением каждого министерства в отдельности. В связи с этим определялся удельный вес политических партий, представленных в коалиционном правительстве. С уходом Милюкова вопрос об участии кадетов оставался открытым. 3-го мая после заседания центрального комитета партии народной свободы стало известно, что Мануилов и Шингарев, несмотря на уход Милюкова, остаются в составе правительства. Вечером они пришли на заседание временного правительства и приняли участие в его работах. Вскоре явились и официальные делегаты от центрального комитета — Винавер и П. Долгоруков. Они имели поручение выяснить условия, при которых представители партии народной свободы могут участвовать в составе правительства. Эти условия сводились к тому, что членов кабинета от к.-д. должно быть не менее четырех и что в декларацию должны быть внесены поправки, касающиеся внешней политики, единства власти и борьбы с анархией. Отныне министры кадеты подчинялись коалиционному принципу строения власти и считали себя, подобно советским министрам, ответственными перед центральным комитетом своей партии. В основе их деятельности лежал мандат, выработанный центральным комитетом кадетов.

Проект декларации был в 11 час. вечера после прений утвержден. Первая позиция соглашения казалась достигнутой. Кадеты внесли свои поправки, которые должны были смягчить влияние советской программы. Некоторого, весьма слабого успеха они достигли, но, в общем, декларация была задумана и выполнена Некрасовым в обычном для него стиле компромисса с уклоном или с оглядкой в сторону социалистов. Особенно это отразилось на начале и конце ее. Пункт программы о внешней политике официально провозглашал пресловутую формулу „мир без аннексий и контрибуций". „Речь" 5 мая, комментируя в передовой статье проект правительственной декларации, называет этот пункт „бесспорной победой точки зрения совета" и связывает вполне правильно с уходом из правительства Милюкова. Советская программа ввела также в декларацию и тезис о подготовке соглашения с союзниками на основе воззвания 27 марта — положение, которое еще более порывало со старым курсом внешней политики. Начальная статья декларации навела „Речь" на печальные размышления, и редакции оставалось только ограничиться надеждой, „что не понадобится бо́льших потрясений в наших отношениях к союзникам, чтобы доказать приверженцам формулы „без аннексий и контрибуций" ее практическую непригодность".

Конец декларации давал больше удовлетворения буржуазному крылу правительства. В нем говорилось „о возможности осуществлять на деле всю полноту власти", дабы „принять самые энергичные меры против анархических, неправомерных и насильственных действий", дезорганизующих страну. В этих словах слышался намек на твердую власть, о которой одни с тоской, другие с пафосом говорили на совещании четырех государственных дум. Текст, на котором настаивали представители центрального комитета партии народной свободы, был более определенный и содержал упоминание о вре-

менном правительстве, как о „единой“ государственной власти. По смыслу кадетской программы, коалиционная власть должна была вступить на путь эмансипации от советов и тем самым положить предел двоевластию. Как это примирялось с участием в правительстве представителей совета, оставалось неясным. Некрасов сгладил эти острые углы, тщательно вытравив все точки над і. Однако, и в таком виде декларация давала возможность надеяться, что власть найдет некоторую основу для самоутверждения.

Вечером на квартиру кн. Львова, где происходило совещание членов временного правительства и исполнительного комитета, явилась делегация от приехавших в Петроград членов предстоящего крестьянского съезда и приняла участие в заседании. Дело в том, что возникала мысль у некоторых участников совещания подождать с окончательным формированием правительства до открытия крестьянского съезда — организации, могущей своим авторитетом поднять сразу престиж новой власти. Большинство возражало против отсрочки, считая момент очень сериозным и затягивание процесса образования власти опасным. Представители крестьянского съезда согласились с последним взглядом, подчеркнули свою солидарность с новой программой коалиционного правительства и выразили удовлетворение по поводу списка демократических министров, который к концу вечера уже обозначился. Поздно ночью определились окончательно: министерства труда во главе со Скобелевым, земледелия — Черновым, иностранных дел — Терещенко и военно-морское — Керенским. Из этих четырех кандидатур наиболее спорной была кандидатура Чернова. Вопрос о ней разрешился после того, как единогласно была признана необходимость создания особого министерства продовольствия. Представители совета выдвигали на этот пост Пешехонова, одновременно предлагая Шингареву портфель министра финансов. Шингарев, однако, уклонялся от управления финансами. Из прений выяснилось, что многие, особенно кадеты, считали целесообразным сохранить за Шингаревым руководство продовольствием армии и населения, тем более, что в этой области совершена уже громадная работа и было бы крайне вредно в такой момент совершить ломку ведомства. Вопрос этот, однако, остался открытым, но ставился очень остро, а кадетами чуть ли не ультимативно. Много разнообразных сочетаний возникло и вокруг кандидатуры Мануйлова, которого прочили даже в министры финансов; в связи с этим одно время выдвигали Кокошкина в министры народного просвещения. Особенно настойчиво называлась кандидатура Церетели, участие которого высоко ценилось, в качестве скрепляющего начала, буржуазными элементами правительства. Намечено было, однако не окончательно, министерство социального обеспечения и особое ведомство для подготовки созыва учредительного собрания. Во главе этих двух ведомств предполагалось поставить представителей партии народной свободы. Для первого кандидат не был назван, а для второго сошлись на личности Ф. Ф. Кокошкина.

Одновременно заседал исполнительный комитет и в своей среде обсуждал кандидатуру социалистических министров. Чхеидзе и Церетели категорически сняли свои кандидатуры. Впоследствии Церетели под давлением большинства исполнительного комитета вынужден был выставить свою кан-

дидатуру на пост министра почт и телеграфов. Во время обсуждения выяснилось, что бюро крестьянского съезда настаивает на передаче портфеля министра внутренних дел социалисту. На этот пост была выдвинута кандидатура А. В. Пешехонова, который, таким образом, вошел в правительство, правда, по другому министерству, но как ставленник крестьянской демократии.

На рассвете определились контуры коалиционного правительства. Заседания были прерваны до утра. Петроград спокойно ждал конца переговоров. Ни у кого не возникало сомнений, что кризис власти благополучно завершится и соглашение будет достигнуто.

В течение следующего дня шаг за шагом разрешались вопросы об индивидуальных кандидатурах и определялся состав коалиционного правительства. На Керенского было возложено временное пока исполнение обязанностей военного и морского министра с оставлением в должности министра юстиции. Керенский поспешил вступить в управление новым ведомством, наметив своими помощниками полковника Туманова и Якубовича на место Новицкого и Филатьева. Список новых министров считался законченным, хотя в нем фигурировали такие имена, которые в течение одной ночи с 4-го на 5-е мая оспаривались вместе с возглавляемыми министерствами, как, напр., Д. Д. Гримм и Кокошкин — министры по созыву учредительного собрания, кн. Д. И. Шаховской и В. Д. Набоков — министры государственного призрения. Только к утру выяснилось, что министерство по созыву учредительного собрания вообще отпадает, а на место министра государственного призрения назначается кн. Шаховской.

Собрание совета, назначенное на 4 мая, не могло состояться, так как исполнительный комитет еще не мог представить результатов соглашения. Пришлось его снова отложить еще на один день. Нетерпение в советских кругах росло. Даже большевики выражали неудовольствие по поводу замедленного темпа работ согласительной комиссии. Собрание совета носило характер частного митинга. Усиленно распространялась версия, будто кадеты срывают соглашение. Это дало основание некоторым ораторам произносить демагогические речи на тему о том, почему кадеты так упорно тянутся к министерству продовольствия, и какие корыстные цели при этом они преследуют.

Только в ночь на 5-е мая соглашение во всех пунктах было достигнуто. Утром Петроград прочел в газетах список министров в следующем составе:

1) Министр-председатель и министр внутренних дел кн. Г. Е. Львов.
2) Военный и морской министр — А. Ф. Керенский.
3) Министр юстиции — П. Н. Переверзев.
4) Министр иностранных дел — М. И. Терещенко.
5) Министр путей сообщения — Н. В. Некрасов.
6) Министр торговли и промышленности — А. И. Коновалов.
7) Министр народного просвещения — А. А. Мануйлов.
8) Министр финансов — А. И. Шингарев.
9) Министр земледелия — В. М. Чернов.

10) Министр почт и телеграфов—И. Г. Церетели.
11) Министр труда—М. И. Скобелев.
12) Министр продовольствия—А. В. Пешехонов.
13) Министр государственного призрения—кн. Д. И. Шаховской.
14) Обер-прокурор св. синода—В. Н. Львов.
15) Государственный контролер—И. В. Годнев.

Министр-председатель сообщил немедленно состав нового временного правительства временному комитету государственной думы, а последний его санкционировал. Это отвечало предварительному соглашению. Одновременно была опубликована декларация правительства, содержащая в себе новую программу коалиционной власти (см. приложение 19). Совет рабочих и солдатских депутатов с своей стороны одобрил образование нового правительства и утвердил список министров. 5 мая уже происходило деловое заседание временного правительства в новом составе. А. Керенский в тот же день издал приказ по армии и флоту, поражавший своей лаконичностью и строгостью тона. Вот его текст: „Взяв на себя военную власть в государстве, объявляю: 1) отечество в опасности, и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, не взирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу; 2) самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок (15 мая); 3) нарушившие этот приказ будут подвергнуты наказаниям по всей строгости закона“.

„Отечество в опасности“...—Керенский первый произнес слова, которые потом превратились в обычную формулу коалиционной власти. Сказанные еще до поднятия занавеса, они прозвучали зловещим прологом. Обстановка новой власти складывалась поистине тяжелая. Не было в начале мая того пафоса и энтузиазма, какими сопровождалось возникновение временного правительства в начале марта. За три месяца вскрылась бездна революции; всё уже становилась дорога государственной власти, и шире распространялась анархия. Временное правительство, прибегнув к коалиции, искусственно создавало центр своего влияния; но место, на котором закладывалась новая власть, было заражено бессилием. Тревога, которая не покидала новых министров-социалистов, особенно Скобелева и Церетели, имела сериозные основания. Они предвидели, что не совет придаст силу правительству, а наоборот, правительство подорвет своим бессилием совет. С тяжелым предчувствием прощались члены исполнительного комитета со своими революционными друзьями. Будущие министры уже испытывали тяжесть той ответственности, которая сковывала их одной цепью с временным правительством. Мгновенно перемещались роли и способы взаимодействия. Еще вчера можно было сказать: „они“, сегодня положение обязывает говорить и мыслить: „мы“. За этим перемещением скрывалась огромная политическая разница, сдвиг всей правоцентровой части совета с позиции безответственного представительства революции на путь самоограничения, а следовательно, и самоистребления. Прозорливость, инстинкт политических деятелей, а, может быть, просто предчувствие—всё будило тревогу и вызы-

вало опасения. Упоминание о „полноте власти“, которая, вроде ножа с двумя лезвиями, должна будет служить оружием в руках и буржуазной и революционной демократии, т.-е. вводить порядок, спокойствие, дисциплину и повиновение, рисовало картину репрессий, а главное предполагало решимость, волю и уверенность в своих силах. Этих качеств у большинства министров не было. В душе у каждого еще до прикосновения его к власти созрела готовность к компромиссу, и даже сам Керенский, начавший свою деятельность словами сурового приказа, за грань словесных угроз переступить не мог и дальше не пошел.

Коалиция сразу испытывала давление с двух крайних флангов: слева большевики, справа буржуазно-дворянские группы.

5.

Большевики успели к моменту образования нового правительства вырасти в значительную силу. Лучшим показателем их роста может служить всероссийская конференция большевиков, имевшая место в Петрограде с 24 по 29 апреля. На конференции было представлено 80.000 членов партии. (Урал — 600, Петроград — 14.597, Москва — 7.000 чел., Дон — 5.433). Присутствовало 140 делегатов с решающим голосов и 40 с совещательным. Председательствовал почти всё время Свердлов. В порядок дня были включены все злободневные вопросы, в том числе, конечно, отношение к войне, временному правительству и совету рабочих и солдатских депутатов. Кроме перечисленных вопросов, конференция занялась пересмотром программы. Комиссия по пересмотру предложила изменить партийную программу в следующем направлении: 1) оценка империализма в связи с надвигающейся социальной революцией; 2) взгляд на новое государство без постоянной армии, полиции и привилегированного чиновничества; 3) переделка программы-минимум; 4) переделка экономической и школьной частей программы, как устаревших; 5) дополнение программы новыми требованиями, вытекающими из перерождения капиталистического общества, как, напр., национализация синдицированных отраслей производства; 6) дополнительная характеристика течений в социализме. Комиссия предложила работу „по пересмотру“ закончить к съезду партии, который должен быть созван не позже, как через два месяца. Пленум конференции с этим согласился. В центре политических докладов были знаменитые тезисы Ленина, которые теперь должны были подвергнуться критике партии и быть отвергнутыми или стать официальной ее платформой. На конференции не было полного единодушия. Небольшая, но весьма авторитетная группа оппозиции справа во главе с Каменевым, так называемая „группа москвичей“ (Ногин, Рыков, Смидович, Ведерников, Овсянников, Ангарский и др.) отстаивала партийную линию эпохи первой революции 1905 г., т.-е. диктатуру пролетариата и крестьянства, считая ее максимумом достижений, и высказывалась против непосредственного перехода к коммунизму. Каменев был даже допущен в качестве содокладчика наравне с Лениным по вопросу о направлении русской революции. Была представлена и более „левая“ точка

зрения. Она поддерживалась московским областным бюро во главе с Бубновым, Оппоковым (Ломовым) и Сокольниковым и настаивала на принятии советами энергичных мер контроля над буржуазным правительством немедленно, не ожидая „вовлечения широких масс". Большинство конференции скоро склонилось на сторону ленинской позиции. Оппозиция быстро увяла и ограничилась только воздержанием, но не голосовала против. Характерно, что резолюция по „текущему моменту" голосовалась перед самым закрытием конференции и была принята 58 голосами при 8 воздержавшихся. По докладу Каменева никакой резолюции предложено не было. Идейное влияние Ленина сразу оказалось бесспорным.

Полное единодушие конференции было достигнуто по докладу Ленина о войне. Резолюция о войне делится на три части. После общей характеристики империалистических целей, которые преследует в войне буржуазия воюющих стран, резолюция вскрывала иллюзорность миротворческой политики русского правительства, требовала „немедленного опубликования и отмены всех тайных грабительских договоров и немедленного предоставления всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входить в состав какого угодно государства". Вторая часть резолюции посвящена была оценке „революционного оборончества" и требовала непримиримого к нему отношения со стороны интернационального социализма; наконец, третья часть указывала способ ликвидации войны, который она видела „в переходе всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата". Категорически отрицалась притом идея сепаратного мира с Германией. Слухи о сочувствии большевиков сепаратному миру резолюция называла „низкой клеветой". Одним из средств успешного и скорого достижения этой цели являлся, по мнению Ленина, переход власти в России в руки „революционного класса", поддержка западно-европейской революции, которая подкашивает войну, и, в частности, широкое братанье на фронтах — явление, которое нельзя было иначе рассматривать, как „стихийное проявление солидарности угнетенных" элементов современного общества. Резолюция о войне представляла собой стройное целое, проникнутое единством тактического плана, и поражала внутренним соответствием всех ее частей, взаимно обусловливающих друг друга. Творческое влияние Ленина выразилось в этой резолюции в высшей мере.

Никаких разногласий не вызвал также доклад Зиновьева о коалиционном министерстве. Отношение большевиков к этому вопросу выявилось уже до конференции. Коалиционное министерство есть эпизод, переходный этап на пути к власти советов. „Всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну, — гласила резолюция, — независимо от своих добрых желаний, станет соучастником империалистической политики капиталистов". На основании всего этого конференция высказалась „самым решительным образом против посылки советами рабочих и солдатских депутатов своих представителей в коалиционное министерство". Для большевиков, в соответствии с их общим анализом движущих сил русской революции, судьба коалиционного правительства была предрешена. Разрушительный процесс

революции казался им столь молниеносным, что многие назначили срок существования коалиции не более трех недель. Этим объясняется сравнительно слабый интерес, который конференция проявила к вопросу о коалиции. Конференция расценивала события через голову коалиции. В таком настроении, поскольку оно распространялось в массе рабочих и солдат, скрывалась самая большая опасность для временного правительства.

Особенный интерес представлял, естественно, вопрос об отношении к советам. Они были центром политического воспитания масс; они должны были стать в скором времени органами государственной власти; в советах зрело семя рабоче-солдатской диктатуры; словом, на них возлагались все надежды. Докладчиком по этому вопросу выступал Ногин. Он отметил любопытное явление, которое в представлении временного правительства преломлялось, как процесс распада власти на местах, а в оценке большевиков означало рост революции. „В целом ряде провинциальных местностей,— отмечала резолюция конференции,— революция идет вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в советах, самочинного устранения старых властей, создания пролетарской и крестьянской милиции, перехода всех земель в руки крестьянства, введения контроля рабочих над фабриками, введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, обеспечения непонижающегося хода производства, установления надзора рабочих за распределением продовольствия и т. д.“... Такой рост революции знаменовал для большевиков подготовку общественного сознания к переходу власти к советам. Провинция в этом отношении опередила столицы, где сконцентрированы были, по мнению большевиков, наибольшие силы буржуазии и где сопротивление особенно упорное оказывают соглашатели всех оттенков и направлений. Поэтому перед большевиками намечалась двойная задача: поддерживать дезорганизацию буржуазно-либеральной власти на местах и вести систематическую борьбу в столичном совете „за торжество пролетарской линии“. Ленин в одной из реплик подкрепил даже исторической справкой из эпохи французской революции закономерность ускоренного роста революции в провинции по сравнению со столицей. Но все понимали, что развязка должна быть подготовлена в центре. Впоследствии изменившееся настроение в столице видоизменило и взгляд партии на роль центра, как животворящего источника революции. Петроград и Москва шли впереди, провинция отставала, а иногда изменяла... В главном деятельность конференции была исчерпана вышеприведенными решениями. Остается еще прибавить резолюцию по аграрному вопросу, узаконявшую национализацию земель с переходом их в руки крестьянства, организованного в советы. Переход этот резолюция советовала производить немедленно путем организованного захвата крестьянами земель у помещиков. Тактическую и принципиальную программу по земельному вопросу представил на конференции Ленин. При голосовании резолюции никто из участников не возражал; воздержалось 11 человек.

Сравнительно оживленные прения развернулись по докладу Сталина о национальном вопросе. Споры вызвал тезис о „праве нации на самоопределение вплоть до отделения“. Из всех лозунгов, которыми большевики

тогда вооружили против себя общественное мнение, особенно ненавистным было упоминание ими „свободы отделения" угнетенных национальностей. В этом видели прямую угрозу единству русского государства. К тому времени уже обнаружилось стремление к „отделению" со стороны Финляндии, просвечивался слегка украинский сепаратизм. Русская демократия, руководившая советами, взывала к благоразумию нетерпеливых финнов и советовала подождать до учредительного собрания, которое всё разрешит, всё рассудит... В таком же духе складывалась политика и временного правительства. Пассивность государственной власти, нерешительность общественного мнения только развязывали центробежные силы. Большевики и в этом вопросе заняли крайнюю позицию непримиримости. Ленин так формулировал точку зрения своей партии: „Русские социалисты должны добиваться свободы отделения угнетенных наций, социалисты угнетенных наций должны поддерживать свободу соединения, и те и другие итти формально разными (по сути одними и теми же) путями к единой цели: к интернациональной организации пролетариата". С возражениями против принципа отделения выступали на конференции Пятаков и Дзержинский. Первый отражал централизм украинских большевиков, второй продолжал быть в плену старой космополитической идеологии польской социал-демократии (П. С. Д). И в этом вопросе, как и во всех остальных, победила точка зрения Ленина, хотя против резолюции голосовало 16 человек, а 18 воздержалось.

Единственный раз, когда конференция отвергла предложение Ленина, было голосование по поводу участия в международной конференции циммервальдцев, назначенной на 18 мая. Ленин настаивал на выходе из циммервальдского блока, в виду того, что циммервальд во многих странах стал тормозом революции. Он предлагал учавствовать в международной конференции с чисто информационными целями. Конференция с этим не согласилась и стала на путь более умеренного выжидания.

Конференция обнаружила несомненный рост организации большевиков на местах. Влияние их питалось самочинными выступлениями масс, дезорганизовавшими местную власть. Московская окружная организация успешно использовала в целях своего влияния захват земель, широко распространенный по области. В Поволжьи (Саратов, Самара, Казань) большевики имели преобладающее влияние в городских советах. В Самаре возникли контрольно-заводские комиссии, которые приступили к управлению фабриками. Такую же картину представлял собой Центральный промышленный район (Иваново-Вознесенск), Донецкий бассейн и Кавказ. Всюду возникали крепкие авангарды. Партия распространялась вширь и вглубь и спешно приводила себя в состояние боевой готовности. Конференция подвела двухмесячный итог и наметила пути в будущем. В этом отношении она имела огромное значение. Центральный комитет, избранный на конференции первый штаб партии, состоял из 9 человек: Ленин (из 109 гол. получил 104), Зиновьев (101 гол.), Сталин (97), Каменев (95), Милютин (82), Ногин (76), Свердлов (71), Смилга (53), Федоров (18). На фоне коалиционного правительства конференция большевиков прошла зловещей тенью. Они единственные не принимали участия в коалиции и имели смелость считать

себя сильнее тех, кто опирался на большинство советов, политических партий и просто обывателей. Каждый день их существования укреплял большевиков и внушал тревогу противникам. Наоборот, каждый час существования коалиции сопряжен был с разложением ее единства. Об этом большевики неоднократно заявляли, и в последний раз подчеркнул это на конференции Зиновьев.

6.

Печать, буржуазная и социалистическая, замалчивала конференцию. Никто не замечал, или делал вид, что не замечает, как за оградой общественной жизни копошатся фанатизированные большевики. „Правда“ за неимением места уделяла мало строк конференции и едва успевала огрызаться по адресу многочисленной враждебной печати. Но на четвертой странице петитом набирались краткие отчеты о рабочих, иногда военных, еще реже крестьянских собраниях, которые свидетельствовали о растущей популярности партии и ее лозунгах. Это влияние шло параллельно с ростом безначалия в стране. К моменту возникновения коалиционной власти вопрос о так называемой „анархии“ занимал всех. Можно сказать, что эта тема была лейтмотивом всех печатных и устных выступлений. Даже одна из новых газет, „Свободная Россия“—орган народно-социалистической мысли, печатала девизом своего издания: „борьба с анархией“. „Анархия“ побудила кадетов предъявить особые требования о полноте власти при вступлении во временное правительство; „анархии“ посвящена была значительная часть воззвания партии народной свободы, опубликованного 6 мая; об „анархии“ ораторствовал в Петрограде и Москве „матрос“ Баткин, возглавлявший многочисленную и шумную делегацию Черноморского флота. Эта делегация совершала ораторское турне по России и всюду выступала с речами о революционном долге, дисциплине и войне за свободу. Под влиянием такого передвижного представительства складывалось ложное убеждение в необычайной стойкости и незыблемости Черноморского флота, который один не подвергся разрушительному влиянию революции. Черноморцы и матрос Баткин пересыпали свои речи именами Шмидта и „Потемкина“, встречали всюду восторженный прием, имели хорошую прессу и стали вскоре излюбленным сюжетом бульварных публицистов. „Анархия“ дала пищу для выступавших 4 мая на частном совещании членов государственной думы; наконец, речью об „анархии“ открылся в тот же день всероссийский крестьянский съезд.

Многоликая анархия выступала всюду: на фронте ею называли братанье, падение дисциплины и нежелание двигаться с места; в городах она принимала вид неподчинения властям, захвата особняков и пропаганды немедленного мира; в деревнях — захвата земель, помещичьего инвентаря и аграрных междоусобиц. Беспорядок ширился, власть расползалась. И над всем этим повис грозный призрак бесконечной войны, неослабевающей на западе и замирающей на восточном фронте. Война требовала напряжения всех сил правительственных и народных, новых и новых жертв человеческих

и материальных; а революция огромным препятствием лежала на пути и мешала довести ее до конца. Раздражение, которое вызывала революция, легче и удобнее было излить на „анархии". Революция, очищенная от анархии, выступала в виде благообразного патриотического порыва, послушного велениям государственной власти, не запятнанного никакими эксцессами и насилием. Анархию же легко было заподозрить в чем угодно и прежде всего в темных источниках своего вдохновения, которые брали начало в германском генеральном штабе. Немудрено, что для таких людей, как Маклаков и Шульгин, основная проблема коалиционной власти заключалась в водворении порядка, без которого нельзя воевать. Какой угодно порядок, лишь бы он был. „Если социалистическая демократия,—говорил Шульгин на частном совещании членов государственной думы,— берется за руль государственного корабля для того, чтобы спасти Россию, я хотел бы, чтобы она знала, что у нее не два врага, как всегда твердится: один на фронте, а другой в тылу — буржуазия. Я хотел бы, чтобы она знала, что, если действительно они берутся за спасение России, то буржуазия ей удара в спину не нанесет... Я был всегда по воспитанию, по всем своим склонностям, по унаследованным традициям монархистом. Я считаю, что для России республика есть какой-то сон... Но сейчас мы имеем фактически республиканское правительство. И я говорю, что, если это республиканское правительство спасет Россию, я стану республиканцем"... Шульгин под спасением России понимал победу над Германией. Анархия была этому главным препятствием. Пусть в результате победы утвердится социалистическое государство, но—мы", восклицал он от имени буржуазии,—предпочитаем быть париями в России, чем пользоваться какой угодно властью и привилегиями в стране, которая будет находиться в зависимости от Германии". В экстазе от одной мечты о сильной власти Шульгин доходит в конце речи до крайней степени самоотречения. „Если вы можете нам сохранить Россию,—обращается он к социалистам,— и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем"... Маклаков перефразировал ту же мысль о войне и власти, водворяющей порядок, но был более осторожен в своем самоотречении. Частное совещание членов государственной думы было созвано Родзянко под непосредственным впечатлением от ухода Гучкова и Милюкова; правая часть общества не отказывала в доверии и поддержке временному правительству, но ставила условием поддержки — порядок и продолжение войны. Формула „постольку-поскольку" переместилась слева направо. Кадеты, а за ними остальные цензовые группы, усвоили тактику советской демократии. Ранее власть припадала на одно колено, теперь на другое. Желая ослабить еще неопубликованную декларацию временного правительства, в части, касающейся внешней политики, думцы приняли следующую резолюцию: „совещание членов государственной думы обращается к временному правительству в момент его пересоздания с настоятельным напоминанием, что в основу внешней политики в вопросе войны и мира должны быть положены *по прежнему* (курс. наш) начала безусловной и стойкой верности нашим доблестным союзникам, ибо с этой верностью неразрывно связаны и жизненные интересы России и ее честь".

Резолюция членов думы была отражением декларации кадетов, которые, хотя и пожертвовали Милюковым, но считали долгом своим подчеркнуть, что программа их по внешней политике осталась та же. Кадеты вступали в коалицию с оговоркой и оглядкой. Все отрицательные стороны политического компромисса были присущи их позиции в этот момент. Уязвленный и разоруженный Милюков с передовых столбцов „Речи“ подстерегал каждый промах власти, чтобы сделать из него выводы о бессилии правительства. Коалиция была, несомненно, обнажена со стороны обоих флангов.

Тем серьознее становилась опора центра. С момента вступления в правительство министров-социалистов организация центра превращалась в жизненную задачу социалистических партий и руководящих советских учреждений. Съезд фронтовых делегатов, интерес к которому остыл, благодаря правительственному кризису, подходил к концу и был широко использован революционной демократией, как трибуна и как организующее звено. Два дня подряд происходило состязание между Зиновьевым и Церетели. Пред лицом фронтовиков большевизм защищал каждую пядь своей платформы, начиная с анализа свойств русской революции и кончая тактическими лозунгами. Большевики не могли похвастаться успехом. Конечно, большим достижением для Зиновьева было то, что совещание с неослабным интересом следило за всеми изгибами большевистской идеологии. Однако, делегаты разных фронтов и армий подвергли строгому осуждению предложения большевиков о братании, захвате земли, осуществлении социализма и т. д. Не все участники, впрочем, отнеслись враждебно к большевикам. Были и такие речи солдат, которые вскрывали опасность наступления русской армии и пугали, в случае отказа от диктатуры советов, возвратом к старой власти, гнету барщины и палочной дисциплины. Но, в общем, последние дни совещания протекали в атмосфере, которую нельзя было иначе охарактеризовать, как подготовкой к наступательным действиям русской армии. К концу 4 мая на трибуне появилась черноморская делегация; перечислением своих революционных подвигов она подняла настроение до высшей точки. В изображении матроса Баткина черноморский флот представлял собой „одну единую, одну могучую, одну братскую семью“, которая не знает братанья, протестует против сепаратного мира, требует активности фронта и громко заявляет: „чужого мы не хотим, но своего никому никогда не отдадим“. Исходным моментом совещания должна была быть резолюция, обращенная к фронту и стране. В прениях по поводу этой резолюции принял впервые участие большевик-офицер Крыленко („товарищ Абрам“), который, между прочим, в откровенной форме поставил вопрос о сепаратном мире. Речи большевиков не прибавили им успеха: 150 голосами против 27 при 17 воздержавшихся была принята резолюция в духе революционного оборончества, продиктованная руководителями исполнительного комитета. Коалиция совещанием была одобрена. Совещание „потребовало от представителей церкви отказаться от церковных и монастырских богатств и капиталов на нужды родины“ и обратилось с призывом ко всем группам населения. В этих призывах сохранился стиль эпохи, и поэтому мы приводим их полностью: 1) „К товарищам-солдатам тыла. Товарищи! Пополните наши редеющие ряды в окопах и встаньте с нами

плечом к плечу на защиту родины! 2) Товарищи-рабочие! Дружной, сплоченной работой поддержите нас в нашей последней борьбе за всеобщий мир народов. Укрепляя фронт, вы закрепляете свободу! 3) Граждане-капиталисты! Будьте Миниными для своей родины. Откройте свои сокровищницы и спешите нести свои деньги на нужды освобожденной России! 4) К крестьянам. Отцы и братья! Несите свои последние крохи на поддержку слабеющего фронта. Дайте нам хлеба, а нашим лошадям овса и сена. Помните, что будущая Россия—ваша! 5) Товарищи-интеллигенты! Идите к нам и несите свет знания в наши мрачные окопы. Разделите с нами тяжкий путь закрепления свободы и воспитайте в нас граждан для новой России! 6) К русским женщинам. Поддержите мужей и сыновей ваших в исполнении ими их гражданского долга перед родиной. Заменяйте их там, где это по силам вам. Гоните своим презрением всех уклоняющихся в тяжкую годину от служения родине!" Этот замечательный документ может служить лучшей эпитафией над могилой „революционного" оборончества. Керенский, вступив в исполнение обязанностей военного министра, распорядился немедленно распространить это обращение по всей действующей армии. Бесчисленное множество плакатов, воззваний, газетных лент и призывов воспроизводили отдельные места из этого напутствия фронтовиков. Председательствовавший солдат Людвин, закрывая 4 мая совещание, просил делегатов, „когда они вернутся на фронт, соблюдать важнейшее постановление о полном подчинении совету рабочих и солдатских депутатов, если с ними даже кто-нибудь и расходится". О временном правительстве почти не упоминалось. Еще недавно это вызвало бы в некоторых кругах резкое недовольство и тревогу. Теперь коалиция сделала тревогу излишней. Укрепление авторитета совета подымало престиж правительства, и каждый успех совета мог только воодушевить солидарный кабинет министров.

С этой точки зрения совещание делегатов с фронта следует отнести к благоприятному разрешению проблемы, о которой шла речь выше, т.-е. об организации опорного центра в среде революционной демократии. Вторым явлением такого же порядка был всероссийский крестьянский съезд, официально открывший свои действия в момент, когда состав коалиционного правительства был уже утвержден, и соглашение было достигнуто.

Съезд поражал своим многолюдством и был первым торжественным смотром российского народничества. В оперном зале Народного дома собралось на открытии до 2.000 человек. Среди них 561 ч. депутатов, съехавшихся действительно с разных концов России. История русского общественного движения не знала такого свободно избранного представительства от крестьянства. Многие видели в этом съезде прообраз будущего учредительного собрания. От этого еще более выигрывала торжественность съезда. Впервые, казалось, деревня присоединилась к городскому революционному движению и, как соответствовало социальному строю России, подчеркнула свое численное превосходство над городом. Море крестьянских голов, смесь диалектов, акцентов, разнообразие типов, жестов — этот съезд был куда колоритнее, нежели всероссийское совещание советов, в котором военная форма и партийный жаргон скрашивали впечатление. Весь цвет крестьянской интеллигенции,

десятилетием накапливавшийся в деревнях, потянулся на этот съезд. Духовными и политическими вождями его были социалисты-революционеры и, вообще, народники в широком смысле слова. Недаром почетными представителями избраны были Брешко-Брешковская („бабушка русской революции“), Вера Фигнер и Виктор Чернов, действительным председателем — Авксентьев. Первые речи пестрели словами „земля“, „народ“, „воля“ „свобода“; в зале раздавалось пение „вечная память“ — это Чернов говорил о героях „Народной Воли“. Исторический путь „хождения в народ“ кончился. Революция свела лицом к лицу интеллигенцию с народом, и ныне начался новый период русской общественной жизни — самодеятельность народная, его подлинное самоуправление. Интеллигенция не могла отказать себе в удовольствии раньше, чем отойти на служебную роль, излить в потоке торжественных слов свои заслуги перед народом. Это сразу окутало флером идеалистической фразы всю обстановку крестьянского съезда и подорвало его деловое политическое значение. Присутствовавший на съезде французский министр снабжения Альбер Тома, желая, видимо, попасть в тон съезда, пробовал говорить о развитии социализма среди французских крестьян, но не мог долго развивать эту рискованную тему и сразу перешел к той роли, которую крестьяне играют в обороне Франции. Речь француза несколько отрезвила идеологов „раскрепощенной земли“ и приблизила съезд к текущим событиям. К тому же на следующий день появились министры-социалисты, которые не могли упустить такого благодарного случая и пришли заручиться доверием исключительного по своему удельному весу съезда.

Временное правительство в лице Шингарева приветствовало крестьянский съезд и поспешило напомнить о хлебе. Героем, почти легендарным, продолжал еще быть Керенский. Съезд для него был источником народного доверия; испытывая силу этого доверия, он готовился авторитетом своим и влиянием вдохнуть новую жизнь в армию. Шум речей, грандиозность собраний, подлинно-народный состав крестьянского съезда затемнили, заглушили те зловещие симптомы, которыми сопровождалось рождение коалиционной власти. Правительство видело себя в центре воодушевленного народа. Многотысячное собрание отождествлялось с многомиллионной страной. Казалось, что и все крестьяне чувствуют, верят, любят так же, как эти делегаты, опьяненные речами, пением гимнов, торжественными клятвами. Это было источником веры правительства и в свои силы. Внутренняя тревога уступила место надежде, что с помощью народа, опираясь на народ, удастся преодолеть все затруднения и дойти до учредительного собрания. Обновленное в своем составе правительство и сомневалось, и верило. Эта смесь нерешительности и самоуверенности была присуща почти всей революционной демократии. Наедине с собой каждый испытывал тревогу; на собраниях и митингах все верили в чудо.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1 (к стр. 26).

Указ о роспуске Государственной Думы.

На основании статьи 99 основных государственных законов, повелеваем: занятия Государственной Думы и Государственного Совета прервать 26-го февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств.

Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

„Николай".

В Царской Ставке
25 февраля 1917 года.

Скрепил: Председатель Совета Министров князь Николай Голицын.

Приложение № 2 (к стр. 28).

Первая прокламация об организации Совета Рабочих Депутатов.

„Товарищи, настал желанный час! Народ берет власть в свои руки, революция началась, не теряйте ни минуты времени, создайте сегодня же временное революционное правительство.

Только организация может укрепить нашу силу. Прежде всего выбирайте депутатов, пусть они свяжутся между собою, пусть под защитой войска создастся Совет Депутатов.

Крепкие связью, вы присоедините к себе остальных солдат, идите к казармам. Зовите остальных. Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб. Захватывайте все здания, которые могут послужить опорой для вашей борьбы.

Товарищи солдаты и рабочие!

Выбирайте депутатов, связывайтесь между собой в организации для победы над самодержавием!

Организующийся Совет Рабочих Депутатов.

Приложение № 3 (к стр. 36).

Воззвания Временного Комитета Государственной Думы.

I.

Временный Комитет Государственной Думы обращается к жителям Петрограда, а также к солдатам с призывом, во имя общих интересов, щадить государственные и общественные учреждения и приспособления, как-то: телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи, а также правительственные места и учреждения. Равным образом, Комитет Государственной Думы поручает охране граждан заводы и фабрики, как работающие на оборону, так и общего пользования. Необходимо помнить, что порча и уничтожение учреждений и имуществ, не принося никому пользы, причиняют огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужна вода, свет и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равным образом имущества частных лиц. Пролитие крови и разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших эти деяния, и могут принести, кроме того, неисчислимые бедствия всему населению столицы.

Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко.

Приложение № 4 (к стр. 36).

II.

Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием.

Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко.

27 февраля 1917 года.

Приложение № 5 (к стр. 37).

Телеграммы Родзянко командующим фронтами.

I.

Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что, в виду устранения всего состава бывшего Совета Министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы.

Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко.

II.

Временный Комитет членов Госуд. Думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. Так же стойко и мужественно, как доселе, армия и флот должны продолжать дело защиты своей родины.

Временный Комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений.

Пусть и с своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог быстрого и верного окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти.

Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко.

Приложение № 6 (к стр. 40).

Воззвание Совета Рабочих Депутатов.

Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец.

Но солдаты не хотели итти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд правительственных учреждений.

Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России.

Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера, 27-го февраля, в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбы за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда.

Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами.

Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Совет Рабочих Депутатов.

28-е февраля 1917 года.

Приложение № 7 (к стр. 42).

МАНИФЕСТ

Российской Социал-Демократической Рабочей Партии ко всем гражданам России.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революциониной армии создать временное революционное правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности на-

рода, конфискацию монастырских, кабинетских и удельных земель и передачу их народу, введение восьмичасового дня и созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствием населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все полные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением.

Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства подавить всякие противонародные контр-революционные замыслы.

Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам.

Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть созвано под охраной восставшего революционного народа и армии.

Граждане, солдаты, жены и матери, все на борьбу! К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками!

По всей России поднимается красное знамя восстания. По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царство холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам, создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепим нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия.

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под красное знамя революции!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Приложение № 8 (к стр. 44).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Петроград — в руках свободного народа. Решительным ударом старое правительство выбито из своих позиций. Оно дезорганизовано и бессильно. Еще несколько ударов восставшего народа и армии — и старый строй отойдет безвозвратно в вечность.

Но сегодня, пока враг еще окончательно не сломлен, пока он, окруженный ненавистью и презрением, трусливо прячется в своих подземельях, чтобы здесь собрать свои черные рати — сегодня будьте, товарищи, на страже. Уж полнеба охвачено красным заревом восходящей свободы, но солнце еще не взошло, и предстоят еще жестокие схватки между народом и старой властью. И в эти дни будем, товарищи, достойны того святого дела, во имя которого мы подняли знамя восстания. Робкие либеральные политики старались удержать народ от решительных и революционных действий. Пролетариат опрокинул все тонкие дипломатические расчеты либеральных политиков.

И это наша огромная победа. Но нам эту победу надо развивать. Нам нужно, чтобы за дело русской свободы пошли в борьбу все классы и элементы народа, не продавшиеся старому строю и им не развращенные. Нам нужно, чтобы пролетариат, вновь вставший в авангарде революции, был окружен толстой и плотной стеной всенародного сочувствия и содействия. В этом залог победы. Здесь источник силы, превращающей пролетариат во всенародную опору свободы, в надежду освобождающейся страны. Будем же, товарищи, истинным авангардом революционного народа. Будем помнить, что революционный народ действует в страшно ответственный момент, когда страна стонет под игом войны и продовольственной разрухи, когда миллионы наших братьев еще на фронте и всемирное побоище еще продолжается. В этот момент нам нужно дорожить каждым отрядом революции, как бы ни скромна была его роль во всенародном движении. И помня уроки 1905 года будем сплачивать народные массы во имя одной всенародной цели: окончательного разгрома старой власти и образования временного правительства, которое создаст условия для организации новой свободной России.

Товарищи! Революционная стихия растет с каждым днем. Мы должны остаться той непреклонной единой организованной силой, которая сумеет в каждый момент вносить в движение планомерность и сознательность. Совет Рабочих Депутатов должен явиться такой силой. Он будет ею при дружной и энергичной поддержке восставших масс. Опираясь на широкие массы, Совет Рабочих Депутатов тем легче увлечет за собою поток всенародной революции и доведет ее до победного конца.

Но организованными должны быть не только центр, но и массы. Революционные толпы должны превратиться в революционные организации.

В эти дни свободы нужно с лихорадочной поспешностью приступить к образованию ряда рабочих организаций, установить между ними прочную и беспрерывную связь и держать организованные массы в курсе всего течения революционной борьбы.

За немедленную организацию!

Устраивайте рабочие революционные клубы, организуйтесь в районные революционные комитеты, немедленно восстановите все организации, разрушенные старым правительством, организуйте рабочее представительство во всех общественных организациях, способных стать опорным пунктом народного движения, возьмите в свои руки все продовольственные организации на фабриках и заводах и перестраивайте их на основе полного самоуправления!

Оплетите неорганизованные массы густой сетью организационных ячеек, и тогда пролетариат сможет не только свергнуть старый режим, но и завоевать себе возможно более прочное положение при новом строе.

Да здравствует организованный революционный пролетариат!

Да здравствует революционная армия!

Да здравствует революционный народ!

Организационный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Приложение № 9 (к стр. 48).

Отречение Николая II.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новые испытания. Начавшиеся внутри народа народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напряг последние усилия, и уже близок час, когда доблестная армия совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передали наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний, и помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Николай.

Город Псков, 2 марта 1917 года.
15 часов.

Скрепил министр императорского двора Фредерикс.

Приложение № 10 (к стр. 48).

Отказ от власти великого князя Михаила Александровича.

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнения народа.

Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Подписал: Михаил.

Петроград. 3 марта 1917 г.

Приложение № 11 (к стр. 48).

От Временного Правительства.

Временный Комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который дозволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный Комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель Совета Министров и министр внутренних дел Г. Е. Львов.
Министр иностранных дел П. Н. Милюков.
Министр военный и морской А. И. Гучков.
Министр путей сообщения Н. В. Некрасов.
Министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.
Министр просвещения А. А. Мануйлов.
Министр финансов М. И. Терещенко.
Обер-прокурор св. Синода Вл. Львов.
Министр земледелия А. И. Шингарев.
Министр юстиции А. Ф. Керенский.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководиться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной Думы М. Родзянко.
Председатель Совета Министров кн. Львов.
Министры: Милюков, Некрасов, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Вл. Львов, Шингарев, Керенский.

2 марта 1917 г.

Приложение № 11а (к стр. 48).

Радиотелеграмма Временного Правительства.

Всем, всем, всем! 28-го февраля вечером председатель Государственной Думы получил высочайший указ об отстрочке заседаний до апреля. В тот же день утром нижние чины Волынского и Литовского полков вышли на улицу и устроили ряд демонстраций в пользу Государственной Думы. К вечеру того же дня волнение в войсках и населении приняло крайне тревожные размеры.

Члены Государственной Думы, собравшись на частное совещание, поручили совету старейшин немедленно выработать меры для восстановления порядка. Совет старейшин избрал для этой цели, а также для сношений с организациями и лицами, Временный Комитет из 12 членов, которому и передал выпавшую из рук правительства власть.

После продолжительного обсуждения Временный Комитет, во главе с председателем Думы Родзянко, решил принять на себя функции исполнительной власти. В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры. С целью предупреждения полной анархии Временное Правительство взяло на себя восстановление нормальной связи между нижними чинами и офицерами.

В короткий срок, при единодушном настроении всей армии в пользу переворота, Комитету и сгруппировавшемуся вокруг него Петроградскому гарнизону удалось мало-по-малу приостановить уличные эксцессы и восстановить порядок в столице. Ряд общественных зданий, однако же, пострадал от господствовавшей одно время анархии. Количество человеческих жертв, по счастью, оказалось не столь значительно, как можно было опасаться.

Серьезное осложнение создалось подъемом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций. Временному Комитету, однако, удалось вступить в сношения с наиболее влиятельным из них—Советом Рабочих Депутатов, избранным в кратчайшее время петроградскими фабриками и заводами.

Рабочее население Петрограда проявило политическое благоразумие и, поняв опасность, грозившую столице и стране, в ночь на 2-е марта сговорилось с Временным Комитетом Думы как относительно предполагаемого направления реформ и политической деятельности последнего, так и относительно собственной поддержки будущего правительства — в пределах, объявленных им политических намерений.

Вечером 2-го марта после продолжительного обсуждения в тысячной аудитории рабочих, проекты, выработанные обеими сторонами, получили одобрение громадным большинством всех против 15 голосов. Соглашение это обещает окончательно остановить печальные явления на улицах столицы, резко осуждаемые в выпущенном Советом Рабочих Депутатов воззвании.

Из ряда городов получаются сообщения о присоединении их к действиям Временного Комитета Государственной Думы и о создании подобных же временных органов власти. В Царском Селе все войска примкнули к движению.

Попытки послать против столицы воинские части из местностей, близких к Петрограду, кончились полнейшей неудачей, так как посылаемые войска немедленно переходили на сторону Государственной Думы.

Восстановив некоторый порядок и убедившись в прочности достигнутого успеха, Временный Комитет постановил организовать Временное Правительство в составе: председателя Совета Министров и министра внутренних дел князя Львова, военного и морского Гучкова, министра иностранных дел Милюкова, министра торговли и промышленности Коновалова, министра финансов Терещенко, министра юстиции социалистического депутата Керенского, министра земледелия Шингарева, министра путей сообщения Некрасова и обер-прокурора синода Львова.

Послы английский, французский и итальянский признали народное правительство, спасшее страну от тяжелой разрухи и восстановившее веру в боевую способность страны и армии.

В числе задач ближайшей деятельности выпущенное 3-го марта правительственное воззвание упоминает: общую амнистию, свободу собраний, союзов, совести и печати, подготовку к созыву Учредительного Собрания для выработки формы правления и конституции страны, отмену национальных и религиозных ограничений, неудаление из Петрограда перешедших на сторону движения воинских частей, сохранение за нижними чинами, при соблюдении ими строгой воинской дисциплины в строю и во время военных поручений, общих гражданских прав.

Энтузиазм населения по поводу совершающегося дает полную уверенность не только в сохранении, но и в громадном увеличении силы национального сопротивления. К тому же приходят и выпущенные Комитетом Государственной Думы заявления, в которых постоянно упоминается о твердом решении народного представительства и национального правительства сделать все усилия и принести все жертвы для достижения решительной победы над врагом.

3 марта 1917 г.

Приложение № 12 (к стр. 48).

Воззвание Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи и граждане!

Новая власть, создавшаяся из общественно умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного Собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем,

*

что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью,— демократия должна оказать ей свою поддержку.

Товарищи и граждане! Приближается полная победа русского народа над старой властью. Но для победы этой нужны еще громадные усилия, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разъединения и анархии. Нужно немедленно пресекать все бесчинства, грабежи, врывания в частные квартиры, расхищение и порчу всякого рода имущества, бесцельные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархия губят революцию и народную свободу.

Не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную, согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдате его личное и гражданское достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата. С своей стороны, солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию. Ради успеха революционной борьбы, надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом.

Приложение № 13 (к стр. 52).

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и баталионных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на „ты“ воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Приложение № 14 (к стр. 72).

Манифест Временного Правительства

(от Временного Правительства).

Граждане Российского государства!

Свершилось великое! Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы.

Актом 17 октября 1905 г., под давлением пробудившихся народных сил, России обещаны были конституционные свободы. Однако, обещания эти не были исполнены. Выразительница народных надежд, первая Государственная Дума была распущена. Вторую думу постигла та же участь, и бессильное побороть волю народную правительство решилось актом 3-го июня 1907 г. отнять у населения часть предоставленных ему прав на участие в законодательной деятельности. В течение долгих девяти лет у народа отнимались, пядь за пядью, все завоеванные им права. Страна опять вверг-

нута была в пучину произвола и самовластия. Все попытки вразумить власть оказывались тщетными, и великая мировая борьба, в которую родина наша вовлечена была врагом, застала ее в состоянии морального распада власти, необъединенной с народом, безучастной к судьбе родины и погрязшей в позоре порока. Ни геройские усилия армии, изнывавшей под тяжестью жестокой внутренней разрухи, ни призывы народного представительства, объединившегося перед лицом национальной опасности, не были в силах направить бывшего императора и его правительство на путь единения с народом. И когда Россия противозаконными и пагубными действиями ее правителей поставлена была перед величайшими бедствиями, народ сам должен был взять власть свою в руки. Единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, и решимость Государственной Думы создали Временное Правительство, которое и считает своим священным и ответственным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устроения.

Правительство верит, что дух высокого патриотизма, появившийся в борьбе народа со старою властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца.

Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения.

Принимая меры к защите страны от врага внешнего, правительство в то же время почтет первейшею своею обязанностью открыть путь к выражению воли народной относительно образа правления и созовет в возможно кратчайший срок Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, обеспечив участие в выборах и доблестным защитникам родины, проливающим ныне кровь на полях сражений. Учредительное Собрание издаст также основные законы, обеспечивающие стране незыблемые основы права, равенства и свободы.

Сознавая всю тяжесть гнетущего страну бесправия, стесняющего свободный творческий порыв народа в годину тяжких народных потрясений, Временное Правительство сочтет небходимым немедленно, еще до созыва Учредительного Собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины. Правительство озаботится также установлением норм, обеспечивающих всем гражданам равное, на основе всеобщего избирательного права, участие в выборах органов местного самоуправления.

В минуту освобождения народного вся страна с благоговейной признательностью вспоминает тех, кто в борьбе за свои политические и религиозные убеждения пал жертвою мстительной старой власти, и Временное Правительство сочтет радостным долгом вернуть с почетом из мест ссылки и заточения всех страдальцев за благо родины.

Исполняя эти задачи, Временное Правительство одушевлено верою, что оно будет творить этим волю народную, и что весь народ поддержит его

в честном стремлении обеспечить счастие России. В этой вере оно черпает бодрость. Только в дружном всенародном содействии своим усилиям оно видит залог торжества нового порядка.

6 марта 1917 года.

Приложение № 15 (к стр. 74).

Приказ № 2.

5 марта 1917 года.

По войскам Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для точного исполнения, рабочим Петрограда для сведения.

В разъяснение и дополнение приказа № 1 Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Приказ № 1 Совета Рабочих Депутатов предложил всем ротам, батальонам и другим воинским частям избрать соответственные для каждой части комитеты (ротные, батальонные и т. п.), но „приказ“ не установил, чтобы эти комитеты избирали офицеров для каждой части. Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградского гарнизона были организованы и могли через представителей комитетов участвовать в общеполитической жизни страны и, в частности, заявлять Совету Рабочих и Солдатских Депутатов о своих взглядах на необходимость принятия тех или иных мероприятий. Комитеты должны также ведать общественные нужды каждой роты или другой части.

Вопрос же о том, в каких пределах интересы военной организации могут быть совмещены с правом солдат выбирать себе начальников, передан на рассмотрение и разработку специальной комиссии.

Все произведенные до настоящего времени выборы офицеров, утвержденные и поступившие на утверждение военного начальства, должны остаться в силе.

2. До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрешен вполне точно, Совет признает за комитетами отдельных частей право возражений против назначения того или другого офицера. Возражения эти должны быть направляемы в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, откуда они будут представляться в военную комиссию, где наряду с другими общественными организациями, участвуют и представители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. В приказе № 1 установлено значение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как учреждения, руководящего всеми политическими выступлениями петроградских солдат. Этому своему выборному органу солдаты обязаны подчиняться в своей общественной и политической жизни.

Что же касается до военных властей, то солдаты обязаны подчиняться всем их распоряжениям, относящимся до военной службы.

4. Для того, чтобы устранить опасность вооруженной контр-революции, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов выставил требование о неразоружении Петроградского гарнизона, завоевавшего России ее политическую свободу, и Временное Правительство приняло на себя обязательство не допускать такого разоружения, о чем и объявило в своей правительственной декларации.

В согласии с этой декларацией, ротные и батальонные комитеты обязаны наблюдать за тем, чтобы оружие не отбиралось, что и было указано в приказе № 1.

5. Подтверждая требования, изложенные в п.п. 6 и 7 приказа № 1, Исполнительный Комитет отмечает, что некоторые из них уже приводятся в исполнение Временным Правительством.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и Солдатских Депутатов.

С подлинным верно: Председатель военной комиссии Временного Правительства.

Приложение № 16 (к стр. 104).

Манифест Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к народам всего мира.

Товарищи-пролетарии и трудящиеся всех стран!

Мы, русские рабочие и солдаты, объединенные в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, шлем вам наш пламенный привет и возвещаем о великом событии. Российская демократия повергла в прах вековой деспотизм царя и вступает в вашу семью полноправным членом и грозной силой в борьбе за наше общее освобождение. Наша победа есть великая победа всемирной свободы и демократии. Нет больше главного устоя мировой реакции и „жандарма Европы“. Да будет тяжким гранитом земля на его могиле! Да здравствует свобода, да здравствует международная солидарность пролетариата и его борьба за окончательную победу!

Наше дело еще не завершено: еще не рассеялись тени старого порядка, и немало врагов собирает силы против русской революции. Но все же огромны наши завоевания. Народы России выразят свою волю в Учредительном Собрании, которое будет созвано в ближайший срок на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. И уже сейчас можно с уверенностью предсказать, что в России восторжествует демократическая республика. Русский народ обладает полной политической свободой. Он может ныне сказать свое властное слово во внутреннем самоопределении страны и во внешней ее политике. И обращаясь ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне, мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран.

Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире.

В сознании своей революционной силы, российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов и призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям. И мы обращаемся к нашим братьям-пролетариям австро-германской коалиции и, прежде всего, к германскому пролетариату.

С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из вас видели в этом оправдание той поддержки, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания: демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне.

Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего самодержавного порядка подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, — и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы.

Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руку через горы братских трупов, через реки невинной крови и слез, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры, — мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства. В нем залог наших грядущих побед и полного освобождения человечества.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Приложение № 17 (к стр. 228).

Нота министра иностранных дел П. Н. Милюкова правительствам союзных держав, 18 апреля 1917 г. адресованная на имя российских представителей при союзных державах.

27 марта с. г. временное правительство опубликовало обращение к гражданам, в котором содержится изложение взглядов правительства свободной России на задачи настоящей войны. Министр иностранных дел поручает мне сообщить вам означенный документ и высказать при этом следующие замечания. Враги наши в последнее время старались внести раздор в междусоюзные отношения, распространяя вздорные сообщения, будто Россия готова заключить сепаратный мир с срединными монархиями. Текст прилагаемого документа лучше всего опровергает подобные измышления. Вы усмотрите из него, что высказанные Временным Правительством общие

положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран, и которые нашли себе особенно яркое выражение со стороны нашего нового союзника, великой заатлантической республики, в выступлениях ее президента. Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т. п. Но Россия освобожденная может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии, заявления Временного Правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче — отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное Правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира, и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии мира найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем.

Приложение № 18 (к стр. 243).

От Временного Правительства.

Когда, после падения низвергнутого могучим порывом народной воли старого порядка, Временное Правительство приняло в свои руки власть, члены правительства ясно сознавали, как неизмеримо трудна стоящая перед ними задача и как тяжело падающее на них бремя ответственности за судьбы России. Тем не менее, они не поколебались взять на свои плечи это бремя в твердой уверенности, что единодушная поддержка народа даст им силы и возможность исполнить свой долг до конца.

Уверенность эта подкрепилась последовавшим тогда в стране полным единодушием в понимании ближайших задач освободившейся России. Созыв в возможно кратчайший срок Учредительного Собрания для окончательного

определения государственного строя России, немедленное проведение в жизнь начал гражданской свободы и равенства, введение демократического местного самоуправления, распространение всех прав гражданина на чинов в армии с сохранением воинского порядка и дисциплины в строю, продолжение борьбы за родину в тесном единении с нашими союзниками—таковы те основные начала, за которые высказалась тогда народная воля.

На этой программе образовалось Временное Правительство, объединившее в своей среде представителей различных партий и единодушно признанное страною. Оно приняло на себя обязательство осуществлять указанные выше требования народной воли, скрепило это обязательство присягою своих членов.

Несмотря на краткость истекшего с тех пор времени, народ уже имеет возможность судить о том, как выполняло и как будет выполнять свои обязательства Временное Правительство.

В течение своего пребывания у власти на ряду с напряженной деятельностью, посвященной текущим неотложным нуждам государственной жизни: обороне страны от внешнего врага, ослаблению продовольственного кризиса, улучшению транспорта, изысканию необходимых для государства финансовых средств—оно уже осуществило ряд реформ, перестраивающих государственную жизнь России на началах свободы и права. Провозглашена амнистия. Отменена смертная казнь. Установлено национальное и вероисповедное равенство. Узаконена свобода собраний и союзов. Начата коренная реорганизация местного управления и самоуправления на самых широких демократических началах.

Из необходимых для этих целей законоположений изданы уже постановления о выборах в городские думы и о милиции. Выработаны и будут изданы в самом непродолжительном времени постановления о волостном земстве, о реформе губернских и уездных земств, о местных правительственных органах, местном суде и об административной юстиции.

Установлен план работ по составлению положения о выборах в Учредительное Собрание на началах всеобщего, без различия пола, прямого, равного и тайного голосования, и для выработки этого положения образуется особое совещание, которое приступит к работе немедленно после того, как приглашаемые в его состав представители главнейших политических партий и групп будут намечены соответствующими организациями.

В отношении устройства армии и правового положения осуществляются демократические реформы, далеко опережающие всё, что сделано в этом направлении в наиболее свободных странах мира.

Прилагая все старания для восстановления внутренней организации армии, не могшей не испытать потрясений при переходе к новому государственному порядку, правительство в то же время неуклонно проводит в жизнь признание за чинами армии всей полноты гражданских и политических прав, неустанно работает над преобразованием воинского управления и воинской дисциплины на началах, соответствующих духу свободного демократического строя.

Озабочиваясь обеспечением продовольствия армии и страны, правительство объявило хлеб урожая прошлых годов и текущего года государственною

собственностью и установило государственный порядок распределения хлебных запасов для подготовки к Учредительному Собранию проекта справедливого и согласного с интересами народа решения великого земельного вопроса, образовав главный земельный комитет, с участием в нем представителей главнейших политических организаций и партий, и местные земельные комитеты.

Отношения правительства к национальным вопросам нашло себе ясное и определенное выражение в его актах, идущих на встречу культурному самоопределению национальностей России, в восстановлении автономии Финляндии, в признании за Польшей права на объединение и государственную независимость.

В основу своей внешней политики Временное Правительство положило отказ от посягательства на свободу других народов и от насильственного захвата их территорий, и борьбу в тесном единении с передовыми демократиями для достижения прочного мира, основанного на самоопределении народа.

Но говоря об осуществленных и осуществляемых им задачах, Временное Правительство не может скрыть от населения тех затруднений и препятствий, которые оно встречает в своей деятельности. Оно не считает также возможным умалчивать о том, что в последнее время эти затруднения растут и вызывают тревожные опасения за будущее.

Призванное к жизни великим народным движением, Временное Правительство признает себя исполнителем и охранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор, как Временное Правительство стоит у власти, оно ни разу не отступало от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды.

К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя. В этих условиях, при отказе от старых насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств, употреблявшихся для поднятия престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Временного Правительства грозят сделаться неодолимыми.

Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев, по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения, грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создают благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой стороны—для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга.

Временное Правительство считает своим долгом прямо и определенно заявить, что такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте.

Перед Россиею встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободы. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо

известный истории,— путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма. Этот путь не должен быть путем русского народа.

Во имя сохранения и укрепления добытой кровью и жертвами лучших сынов родины свободы, Временное Правительство призывает всех и каждого к укреплению осуществляющей и охраняющей свободу власти. Пусть все, кому дорога свобода России, поддержат государственную власть повиновением и содействием, примером и убеждением, личным участием в общих трудах и жертвах и призывом к тому же.

Правительство, с своей стороны, с особенной настойчивостью возобновит усилия, направленные к расширению его состава, путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством.

Граждане России! Судьба родины в ваших руках. Без вас правительство бессильно. С вами оно смело и решительно поведет страну к ее великому будущему. Помните, что нельзя сохранить свободу без власти, и что при новом строе власть создается и сохраняется вами самими, вашей внутренней дисциплиной и вашим свободным повиновением. Сплотившись вокруг созданной вами власти и обеспечив ей возможность осуществлять на деле признанную вами за нею полноту прав, вы дадите ей силу и мощь преодолеть все трудности и опасности, стоящие на пути страны, и донести свободу России в целости и неприкосновенности до того великого дня, когда сам народ, в лице избранного им Учредительного Собрания, станет у кормила государственного управления.

(Опубликовано 26 апреля 1917 г.).

Приложение № 19 (к стр. 270).

Декларация Временного Правительства («коалиционного») 5 мая 1917 г.

Преобразованное и усиленное новыми представителями революционной демократии, Временное Правительство заявляет, что оно будет с полной решительностью проводить в жизнь идеал свободы, равенства и братства, под знаменем которых создалась великая российская революция. Временное Правительство объединено в особенности нижеследующими основными чертами в предстоящей ему деятельности:

1. Во внешней политике Временное Правительство, отвергая, в согласии со всем народом, всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своею целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий,— мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов. В твердой уверенности,

что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное Правительство предпринимает подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации Временного Правительства 27 марта.

2. В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий, но и отодвинуло бы и сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное Правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее, как в оборонительных, так и наступательных действиях, будут являться главнейшей задачей Временного Правительства.

3. Временное Правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегнет и к организации производства.

4. Мероприятия по всесторонней защите труда получат дальнейшее энергичное развитие.

5. Предоставляя Учредительному Собранию решать вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное Правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения.

6. Стремясь к последовательному переустройству финансовой системы на демократических началах, Временное Правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверх-прибыли, поимущественный налог и т. п.).

7. Работы по введению и укреплению демократических органов самоуправления будут продолжены со всей возможной настойчивостью и спешностью.

8. Равным образом Временное Правительство приложит все усилия к скорейшему созыву Учредительного Собрания в Петрограде.

Ставя своей целью решительное проведение в жизнь вышеуказанной программы, Временное Правительство категорически заявляет, что его плодотворная работа возможна лишь при условии полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа и возможности осуществлять на деле всю полноту власти, столь необходимой для закрепления завоеваний революции и дальнейшего их развития.

Обращаясь ко всем гражданам с решительным и настойчивым призывом к сохранению единства власти, осуществляемой Временным Правительством, последнее заявляет, что для спасения родины оно примет самые энергичные меры против всяких контр-революционных попыток, как и против

анархических, неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контр-революции. Временное Правительство верит, что на этом пути оно встретит решительную поддержку всех, кому дорога свобода России.

Министр-председатель и министр внутренних дел кн. Г. Е. Львов.
Военный и морской министр А. Ф. Керенский.
Министр юстиции П. Н. Переверзев.
Министр иностранных дел М. И. Терещенко.
Министр путей сообщения Н. В. Некрасов.
Министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.
Министр народного просвещения А. А. Мануйлов.
Министр финансов А. И. Шингарев.
Министр земледелия В. М. Чернов.
Министр почт и телеграфов И. Г. Церетели.
Министр труда М. И. Скобелев.
Министр продовольствия А. В. Пешехонов.
Обер-прокурор св. Синода В. Н. Львов.
Государственный контролер И. В. Годнев.

Указатель личных имен.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

БЫЛОЕ

